

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

**THE BELARUSIAN
ARCHEOGRAPHICAL
YEAR-BOOK**

Founded in 2000

Volume 18

Minsk
2017

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 18

Мінск
2017

УДК 930.25(476)(058)

У васьмнацатым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадэкалогіі, тэксталогіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэднявэкавай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, крэдазнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДІДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДМУШКА, Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА,
В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР, Д. У. КАРАЎ, У. К. КОРШУК,
В. А. КОСМАЧ, В. І. КУРАШ, М. В. ЛАРЫН (Расія), І. Б. МАЦЯШ (Украіна),
В. Л. НАСЕВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН, В. Д. СЕЛЯМЕНЕЎ,
М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках

© БелНДІДАС, 2017

АРТКУЛЫ**М. Ф. Шумейка,***ведущий научный сотрудник**Белорусского научно-исследовательского института**документоведения и архивного дела,**кандидат исторических наук;*

e-mail: jesti@inbox.ru

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ**О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 ГОДА В БЕЛАРУСИ**

Автор намеренно расширил тему статьи, не ограничивая объект ее исследования лишь археографическими изданиями. В ней предполагается рассмотреть и носившие оперативный характер публикации документов, появившиеся в 1917 г. в газетах, официальных и других изданиях и ставшие впоследствии одним из важнейших источников в деле подготовки археографических публикаций. При этом автор никоим образом не разделяет позиции отдельных историков археографии, допускающих включение оперативных публикаций в объект исследования археографии [2, с. 293; 19, с. 8].

Для того, чтобы обозреть значительный корпус опубликованных за 100 лет исторических источников, освещающих революционные события 1917 г. в Беларуси, следует бросить хотя бы самый беглый взгляд на оценки этих событий, неоднократно менявшиеся в силу политических, идеологических и иных обстоятельств. Это поможет понять и сопровождавшую их археографическую базу, создававшуюся под сильнейшим влиянием формировавшейся историографической традиции, на которую в свою очередь оказывала давление господствовавшая в стране коммунистическая идеология.

1927 год стал первым значительным юбилеем, широко отмечавшимся в Союзе ССР, включая и БССР. В рамках подготовки к нему наряду с реализацией широкой социальной программы (объявление амнистии, охватившей даже политических заключенных; учреждение для студентов специальной «юбилейной» стипендии, наград для участников революции и гражданской войны) закладывались и историографические оценки Февраля—Октября 1917 года.

Еще за год до юбилея, в ноябре 1926 г., была учреждена под руководством председателя Президиума ЦИК Союза ССР М. И. Калинина Центральная праздничная комиссия по подготовке и проведению юбилея революции 1917 года [48]. Аналогичная Комиссия по подготовке и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции в БССР была создана 18 января 1927 г. при Президиуме ЦИК БССР [30, л. 1]. Ее возглавил председатель Президиума ЦИК БССР А. Г. Червяков. В состав комиссии вошли 2-й секретарь ЦК КП(б)Б Н. М. Голодед, заведующий Истпартом ЦК КП(б)Б С. Х. Агурский, председатель СНК БССР И. А. Адамович, заведующий отделом пропаганды ЦК КП(б)Б М. П. Абрамчук, президент Инбелкульта В. М. Игнатовский, представитель КПЗБ при ЦК КП(б)Б А. С. Славинский, заведующий польским сектором

Инбелкульта С. Л. Гельтман, секретарь Минского окружкома КП(б)Б М. А. Акулик, участник революционных событий 1917 г. в Минске А. М. Криницкий (Бампи) и др.

Созданию комиссии предшествовала деятельность учрежденной осенью 1926 г. при белорусском Истпарте Комиссии по издательской деятельности к проведению 10-летия Октябрьской революции. На состоявшемся 16 сентября 1926 г. первом заседании истпартовской комиссии была намечена широкая программа по изданию научных работ, документов и материалов об октябрьских событиях 1917 года в Беларуси. Она включала 13 наименований книг и брошюр на белорусском, русском, польском и еврейском языках, предназначавшихся для самого разнообразного круга читателей, включая детей и молодежь [39, л. 26].

Что же касается основных идеологических посылов в части оценки революционных событий 1917 года, то они исходили от Центральной, московской комиссии. В подготовленном ею воззвании нашли отражение многие, ставшие впоследствии каноническими, положения. В последних, в частности, был зафиксирован тезис о руководящей роли партии, которая «в феврале 1917 года возглавляла рабочих и солдат, штурмовавших вместе с ними царские чертоги» [47, л. 56]. Получало также официальное наименование «Великая Октябрьская социалистическая революция» то, что ранее именовалось «октябрьским переворотом». Пройденный Советской Россией за 10 лет путь расценивался в воззвании как «прорыв из царства угнетения к новой жизни».

Важно отметить также, что одновременно запускается механизм «забывания» февральских событий: 12 марта, отмечавшийся как День низвержения самодержавия и бывший выходным, вскоре теряет свой статус и значение*. В изданном в 1938 г. «Кратком курсе истории ВКП(б)» Февральская революция получает название «буржуазно-демократической», которое сохраняется до сих пор.

1930-е гг. ознаменовались «сталинизацией» мифа о революции. Письмо «вождя» в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931 г.) способствовало упрочению культа самого Сталина, который все больше становился «Лениным сегодня».

Объективности ради отметим, что в изданном в 1935 г. первом томе «Истории Гражданской войны в СССР» роль большевистской партии и ее лидеров в начальном периоде революции представлена довольно скромно:

«Партию большевиков Февральская революция застала организационно ослабленной. Многие организации были разгромлены. Виднейшие работники находились в ссылке, на каторге, в эмиграции. *Ленин томился в Швейцарии*

* Правда, о Февральской революции продолжали вспоминать даже после Великой Отечественной войны. Подтверждением тому может служить принятое Секретариатом ЦК КПБ 28 февраля 1957 г. постановление «О 40-летию Февральской буржуазно-демократической революции» [34, л. 5].

[выделено мною. — *М. Ш.*]. Сталин сидел далеко в Сибири, в Туруханской ссылке Енисейского края. Туда же был сослан и Свердлов» [15, с. 60].

Заметим, что в этой, ставшей на несколько десятилетий «настойной» книге по изучению истории 1917 года, были сформулированы и тезисы о роли и месте национальных движений в революционных событиях, которые сегодня, в 100-летний юбилей «Великой Российской революции» представляются особенно важными для историографии постсоветских республик:

«Война с явно наметившимся поражением русской армии породила сильные сепаратистские стремления в среде буржуазных националистических групп. Центробежные силы стали брать верх. Усилилась деятельность буржуазных сепаратистов в среде поляков, финнов, украинцев, выработавших националистическую программу действий. Оживление национально-освободительного движения наблюдалось и среди литовцев, закавказских национальностей и др. [Под «другими» можно подразумевать и белорусов. — *М. Ш.*» [15, с. 47—48].

20-летний юбилей революции проходил не только в условиях достигнутого своего пика «Большого террора», но и на фоне усиливающегося русоцентризма в идеологии и обращения к истории как пропагандистскому ресурсу. 1917 год представлялся началом не нового мира, а нового этапа великой русской истории и истории народов СССР, что было закреплено в опубликованном в 1937 г. под редакцией А. В. Шестакова учебнике истории, а также в подготовленных накануне юбилея Институтом Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) тезисах «20 лет Великой Октябрьской социалистической революции в СССР» [55]. Любопытно в этой связи отметить, что если в изданном в 1935 г. первом томе «Истории Гражданской войны в СССР» было еще возможным употребление в названии одного из его подразделов словосочетания «Царская Россия — тюрьма народов» [15, с. 40], то в дальнейшем подобного рода выражения не приветствовались. Такой вывод можно сделать из предпринимавшихся в 1935—1936 гг. и оказавшихся неудачными попыток Архивного управления БССР подготовить сборник документов «Беларусь — колония царской России» [43].

Подготовка к юбилейным торжествам в БССР началась летом 1937 г. и велась вплоть до второй половины октября этого года, перемежаясь с кампаниями по «ликвидации последствий вредительства» и приближавшимися первыми выборами в Верховный Совет БССР. 4 июля 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б на своем заседании приняло постановление «О подготовке к празднованию 20-й годовщины Великой пролетарской революции» [32, л. 7]. Своего рода дополнением к постановлению стали принятые на этом же заседании решения «Об издании сборника КП(б)Б в документах и материалах»*, «О главной редакции и издании «Истории Гражданской войны в БССР», а также особо актуальное в усло-

* Сборник «КП(б)Б в документах и материалах (в помощь пропагандисту) (1905—1937 гг.)» не был издан. Его смакетированный машинописный экземпляр хранится в НАРБ [42].

виях «Большого террора» постановление «Об отмене наименований, связанных с присвоением имен лиц, выявленных как врагов народа» [32, л. 9, 8, 11].

30-летие революции отмечалось достаточно скромно, учитывая только что закончившуюся страшную войну. Тем не менее партийный орган республики на своем заседании 2 сентября 1947 г. принял постановление «О плане мероприятий по подготовке и проведению 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» [33, л. 15—20]. Его своеобразным идеологическим стержнем стал тезис о том, что «Партийные организации КП(б)Б должны особенно разъяснить трудящимся Белоруссии, что только в результате Великой Октябрьской социалистической революции белорусский народ впервые за свою многовековую историю при братской помощи своего старшего брата и защитника — русского народа, получил государственность, что только в условиях Советской власти белорусский народ смог ликвидировать свою экономическую, политическую и культурную отсталость и добился выдающихся успехов в построении социалистической экономики и культуры» [33, л. 16].

В утвержденном ЦК КП(б)Б плане мероприятий просматривается присутствие «историографического» аспекта. В частности, Президиуму АН БССР были даны поручения подготовить и провести 12—20 ноября 1947 г. юбилейную сессию с обсуждением на ней докладов о достижениях белорусской науки за 30 лет; Институту истории — обеспечить завершение работы по написанию очерков советского периода истории Беларуси; Управлению по делам искусств при Совете Министров БССР — осуществить в предпраздничные и праздничные дни постановки в Театре оперы и балета опер «Алесья» и «Кастусь Калиновский», в драмтеатрах — спектаклей «Кремлевские куранты», «Константин Заслонов», «Вся власть Советам!». Особым пунктом плана Госиздату БССР поручалось обеспечить выход в свет к началу ноября 1947 г. второго, переработанного издания книги научного сотрудника Института истории АН БССР Н. В. Каменской «Образование Белорусской ССР»*.

С наступлением после смерти И. Сталина «оттепели» предпринимаются попытки демифологизации революции. В 1956 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья заместителя его главного редактора Э. Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте—апреле 1917 г.», в которой автор обращал внимание на имевшие место колебания в рядах большевиков в ходе

* Первое издание книги Н. В. Каменской (на белорусском языке), в основе которого лежала кандидатская диссертация автора, защищенная в 1945 г. под руководством М. Т. Иовчука, увидело свет в 1946 г. и вызвало довольно критическую оценку (подр. об этом см. рукописный экземпляр заметки В. И. Пичеты в связи с этой книгой Н. В. Каменской, хранящийся в его личном архивном фонде [5, л. 1]). В описи она значится как «Рецензия на кн. Н. В. Каменской «Утварэнне Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі» (Мн., 1946)», однако, на наш взгляд, сам характер заметки и ее объем не дают основания считать ее рецензией).

тех событий, а также сотрудничество местных партийных ячеек с меньшевиками и эсерами.

11 марта 1957 г. Секретариат ЦК КПСС принял постановление «О журнале «Вопросы истории», в котором подвергались критике положения статьи Бурджалова. В постановлении отмечалось, что автор «под видом критики культа личности старался выпягивать роль Зиновьева в 1917 году, ... пытался доказывать, что партия до возвращения Ленина в Россию занимала по существу полуменьшевицкие позиции и что в партии были сильны «объединительные» тенденции в отношении меньшевиков» [1, с. 692].

40-летний юбилей революции по времени совпал с рядом важных политических событий, происходивших как внутри СССР, так и в мире (разгром в июне 1957 г. «антипартийной» группы, отставка с поста министра обороны СССР Г. К. Жукова, Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве летом 1957 г., венгерские события, запуск 4 октября 1957 г. искусственного спутника Земли), что нашло отражение в тезисах «К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957 гг.)», опубликованных от имени Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС и ИМЭЛ.

Полувековой юбилей революции проходил в условиях демонстрации возросшей технической мощи СССР. В ознаменование 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1967 г. был учрежден орден Октябрьской революции. В числе первых этим орденом «за выдающиеся заслуги трудящихся ... в революционном движении, в Великой Октябрьской социалистической революции и большой вклад в создание и упрочение первого в мире социалистического многонационального государства ...» были награждены РСФСР и Украинская ССР [20, с. 48].

В 1970-е гг. Великую Октябрьскую социалистическую революцию как главное событие советской истории начинает постепенно вытеснять Великая Отечественная война, что во многом связано с нахождением у власти в СССР поколения ветеранов войны. Тем не менее 60-летие революции было торжественно отмечено в 1977 г., тем более что оно по времени совпало с принятием новой Конституции Союза ССР, объявлявшей о построении «развитого социализма».

Историки внесли свой вклад в этот юбилей, значительно пополнив историографию Октября 1917 г. [подр. об этом см. 26]. В 1977 г. в БССР было издано несколько монографий по данной теме [7; 17; 46]. Наряду с традиционным освещением революционных событий, в соответствии с которым главную роль в них должна была играть большевистская партия, предпринимаются попытки обращения к деятельности белорусских национальных организаций с целью выяснения их роли в этих событиях. Здесь особо следует выделить работы Н. С. Сташкевича, в которых автор показывал истоки и развитие белорусского национально-освободительного движения [51—53].

В условиях наступившей в СССР так называемой «перестройки» появляются исследования, основанные на ранее малоизвестных источниках. Их авторы пытаются по-новому взглянуть на февральско-октябрьские события 1917 года в Беларуси и на Западном фронте [13].

«С развалом СССР, — пишет современный российский историк, — миф о революции* потерял официальный статус. Пришедший к власти политический класс постарался наполнить его негативными коннотациями, представив как событие, нарушившее нормальное развитие России. С середины 1990-х гг. место центрального исторического мифа заняла Великая Отечественная война, а политика памяти оказалась направленной на вытеснение образа 1917 года из массового исторического сознания, замену его патриотическими и государственническими символами. Все меньше людей называли революцию важнейшим событием отечественной истории. Заметное оживление наблюдается лишь в наши дни, в преддверии 100-летнего юбилея. Очевидно, что споры вокруг революции и борьба за ее интерпретацию только усилятся. К сожалению, доминирует не научный взгляд, а различные политические оценки, как правило, конспирологического характера» [55].

Мы имеем дело со своеобразным парадоксом, суть которого заключается в следующем. На сегодняшний день Республика Беларусь как суверенное государство является единственной из постсоветских республик, где день 7 ноября продолжает отмечаться как государственный праздник, в то время как в России придуман «День народного единения», отмечающийся на государственном уровне 4 ноября, но при этом неоднозначно воспринимающийся российской общественностью.

«Революционные трансформации 1917 года», усугубившие раскол общества и повлекшие огромные потери населения (именно так трактуются события 1917 года в современной России) [21], по прошествии века вызывают и будут вызывать интерес не только у исследователей. С учетом этого обстоятельства представляется важным проследить, как формировалась наиболее доступная часть источниковой базы — публикации документов, предпринимавшиеся начиная с самих событий и продолжающиеся до настоящего времени.

Разумеется, помимо историографической традиции, о которой шла речь выше, историк археографии не может не учитывать и политико-идеологический аспект, господствовавший в советские времена и распространявшийся на всю выходившую в стране научную продукцию, включая и документальные издания о революционных событиях 1917 года.

«... мы вынуждены констатировать, — отмечает современный российский историк и археограф, — что полноценной научной истории революции у нас до сих пор нет. Причины — основные — лежат на поверхности, они всем

* Именно так — «Мифы революции» — была названа выставка, организованная ГАРФ к 90-летию 1917 года (подр. об этом см.: [27]).

хорошо известны. Идеологический диктат и жесткий контроль партийно-государственной власти в СССР. Сборники архивных документов должны были подтверждать официальную точку зрения» [6, с. 282].

Ранее на эти же обстоятельства обращали внимание и белорусские историки и общественные деятели, жившие за пределами Советской Беларуси.

Так, оценивая выходящую в БССР книжную продукцию (имея в виду, разумеется, и документальные издания), В. У. Ластовский в письме к Е. А. Ляцкому от 3 августа 1925 г. отмечал: «Бо-ж нельга лічыць духлівай* справай кнігу беларускаю, якую друкуюць у Савецкай Беларусі. Там у тых кнігах першае мейсце займае савецкая агітацыя, а пасля ўжо ўсё іншае» [24, с. 38].

Ограниченность, а то и вовсе закрытость доступа до хранившихся в государственных архивах СССР фондов органов и организаций БНР отмечалась и составителями изданного в Лондоне под редакцией бывшего руководителя коллорационистской «Беларускай цэнтральнай рады» Р. Островского сборника документов «За дзяржаўную незалежнасць Беларусі»: «Найбольшыя крыніцы дакумантаў, за ўспомненыя часы, знаходзяцца ў межах Савецкай Расеі. Аднак, савецкі ўрад, змагаючыся з беларускім нацыянальна-вызвольным рухам, не дапушчае да карыстання з іх дасяледчыкам вольнага сьвету і звычайным падсавецкім грамадзянам. Гэтыя дакуманты знаходзяцца ў забароненых фондах архіваў і скарыстоўваюцца ўрадам Савецкай Расеі для змаганьня з беларускім адраджэнскім рухам. Гэтымі матар'яламі ілюструецца антыбеларуская савецкая пагромная літаратура. . .» [8, с. 5].

Завершая краткий историографический обзор, укажем на целесообразность обращения в рамках его и к такому важному источнику, как рецензии на выходящие в республике сборники документов революционной тематики. Правда, их авторы в большинстве своем акцентировали внимание на полноте корпуса вводимых в научный оборот источников с учетом существовавшей на время издания сборников историографической традиции, отмечали «идеологическую выдержанность» отобранных к публикации документов и материалов [11]. Что же касается других аспектов, как-то: выбор основного текста источников и его передача, археографическое оформление подготавливаемых к публикации документов, состав научно-справочного аппарата и другое, то они редко затрагивались в рецензиях, готовившихся историками, работавшими в привилегированной сфере, именуемой «история партии», в которую с немалым трудом проникали общие законы и методы исследования и публикации источников. Возможно, они и не догадывались о существовании таких специальных исторических дисциплин, как «археография» и «источниковедение»**. Исключе-

* Так в тексте. Очевидная ошибка публикатора письма; нужно «духовай».

** Здесь нельзя не согласиться с мнением автора предисловия к работе А. Колубовича, хотя оно и касается больше проблем историографии, однако которое можно спроецировать и на археографию и источниковедение: «Панаваньне чужых ідэалігічных шаблёнаў праз доўгія гады стрымвала разьвіццё беларускае гістарычнае навукі. У паваньня

чением здесь может служить статья сотрудника ЦГАОР БССР К. Ф. Плахотниковой, участвовавшей в выявлении хранившихся в архиве документов для готовившихся в республике археографических изданий историко-революционной тематики [44].

Как уже отмечалось в начале настоящей статьи, первые публикации документов о революционных событиях 1917 года в Беларуси и на Западном фронте, носившие оперативный характер, предпринимались по мере создания этих документов в различных периодических изданиях — газетах местных органов Временного правительства, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фронтовых и армейских комитетов, политических партий и др.

«В белорусских газетах, — отмечает Л. В. Аржаева, — в первые дни социалистической революции были опубликованы телеграмма Петроградского Военно-революционного комитета о свержении буржуазного Временного правительства и победе революции в Петрограде, приказ № 1 Минского Совета от 25 октября о переходе власти в Минске в руки Совета, исторические материалы II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и другие важнейшие документы» [2, с. 293].

Автор подчеркивает особую роль в деле публикации документов в первые годы после Октября, которую сыграли периодические издания, и это верное наблюдение: ведь во многом благодаря газетам, а также листовкам общество первой четверти XX в. получило возможность знакомиться с интересовавшей его оперативной информацией, а современное научное сообщество — с текстами документов того времени, оригиналы которых по известным причинам не сохранились*. В копеечных брошюрах Минского издательства «Звезда» оперативно печатались «Постановления областного и фронтового совещания Западного фронта 1—3 сентября 1917 года», «Протоколы 1-й Северо-Западной областной конференции РСДРП(б)», состоявшейся в Минске 15—18 сентября 1917 г., и другие документы, ставшие впоследствии объектом уже археографических публикаций.

Однако не только в периодических изданиях большевистского толка, о чем шла речь выше, но и в национально ориентированных газетах публиковались документы и материалы о революционных событиях 1917 года в Беларуси. Так, в органе Белорусского национального комитета — «Вольнай Беларусі» — были напечатаны протоколы проходившего 8—10 июля 1917 г. в Минске съезда белорусских национальных организаций, в «Беларускай Радзе» — печатном органе Центральной войсковой белорусской рады — близкий к

гады вольнымі ад савецкай мэгадалёгіі былі, бадай, толькі эміграцыйныя беларускія гісторыкі» [16, с. 5].

* По данным современных российских археографов, более половины декретов СНК РСФСР, принятых в 1917—1924 гг., т. е. во время председательства в нем В. И. Ленина, не сохранились в оригиналах.

стенографической записи отчет о работе Всебелорусского съезда (декабрь 1917 г.), сделанный его участником, капитаном Е. Ярушевичем и др.

К числу же первых «книжных» публикаций документов и материалов о революционных событиях в Беларуси (хотя и в форме приложения, не претендующего на научный тип издания), следует, на наш взгляд, отнести книгу белорусского историка и общественного деятеля Ф. Ф. Турука (1889—1960) о белорусском национальном и революционном движении [56]. Ее автор-составитель в 1918—1919 гг. работал в Белнацкоме, Наркомпросе РСФСР (возглавлял белорусский отдел), участвовал в Белорусском научно-культурном обществе в Москве, был одним из «отцов-основателей» открывшегося осенью 1921 г. в Минске БГУ. С 1923 г. он жил и работал в Москве, отойдя от занятий белорусской историографией [9].

«Приводимые, в виде приложения, в хронологическом порядке образцы белорусской нелегальной литературы и важнейшие документы, — писал он в предисловии к книге, — отмечающие *sine ira et studio* главнейшие моменты белорусского движения, заимствованы, по преимуществу, из личных архивов тех же лиц [имелись в виду А. Л. Бурбис, О. Л. Дыло и сам Ф. Ф. Турук. — *М. Ш.*]» [56, с. 4].

Целевое назначение книги, включая и ее документальное приложение — сохранить для истории важнейшие акты белорусского движения и познакомить с ними широкие круги читателей. Из включенных Туруком девяти документов, датированных 1917 годом (прил. № 9—17), лишь первый — воззание Белорусского национального комитета, выбранного съездом белорусских общественных деятелей 25—27 марта 1917 г., — имеет «легенду» (составитель в примечании к заголовку документа ссылался на его публикацию в газете «Вольная Беларусь», 1917, № 2, с. 2). Что касается остальных восьми — уставов Центральной рады белорусских организаций, белорусских национальных культурно-просветительских кружков в войсках, принятых на первой сессии рады в Минске 5—6 августа 1917 г.; грамот к белорусскому народу, деклараций, принятых Центральной войсковой белорусской радой, Великой белорусской радой, Белорусским областным комитетом при Всероссийском Совете крестьянских депутатов в октябре—ноябре 1917 г.; постановлений 1-го Всебелорусского съезда и его Совета (декабрь 1917 г.) и телеграммы председателя СНК Западной области по поводу его роспуска, — то они публиковались без легенд. Роль предисловия и примечаний к ним играли 5-й и 6-й разделы очерка, названные автором-составителем соответственно: «Февральская революция и белорусское движение» и «Октябрьская революция в России и 1-й Всебелорусский съезд» [56, с. 29—37, 37—41].

Заметим, что этот неполный десяток сведенных составителем воедино документов на многие годы станет едва ли не единственным доступным для исследователей корпусом источников, дававших хотя бы минимальное представление об участии белорусских национальных организаций в революцион-

ных событиях 1917 года. Оригиналы этих, равно как и других аналогичных документов, находившиеся в архивах органов и организаций БНР, вплоть до конца 1980-х гг. будут пребывать на секретном хранении в Партийном архиве Института истории партии при ЦК КПБ и ЦГАОР БССР; с объединением их в 1995 г. они составят единый комплекс в НАРБ [57, с. 100; 58, с. 23].

Нельзя не отметить значительной роли в деле публикации документов о событиях 1917 года в Беларуси, которую сыграли испарты — комиссии по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции, начавшие создаваться с 1920 г. [29, с. 37—56]. На страницах «Известий» Гомельского, Витебского губкомов РКП(б) регулярно помещались небольшие подборки документов, хроники революционных событий, готовившиеся соответствующими испартами. С 1924 г. к работе приступил формально существовавший с июня 1921 г. на правах отдела ЦБ КП(б)Б Минский испарт, с деятельностью которого связана подготовка одного из первых в республике изданий, включавших в своей второй части собрание документов о революционных событиях 1917 года в Беларуси и на Западном фронте [18].

«Выданьнем гэтага зборніку, — отмечалось в предисловии к нему, — гістпарт зусім ня меў на увазе даць поўную гісторыю Кастрычнікавай рэвалюцыі на Беларусі. Такой задачы зараз выканаць нельга, асабліва у нас, на Беларусі, дзе пасля ўсіх эвакуацый ды акупацый былі знішчаны амаль усе архівы, дзякуючы чаму мы нават ня маем поўных камплектаў тых газет, што выдаваліся ў той час. Наша мэта была толькі ў тым, каб сабраць патрэбныя матэрыялы для будучага гісторыка. У гэтым зборніку мы надрукавалі цэлы шэраг апісанняў тых таварышоў, што прымалі асабісты удзел у барацьбе за Савецкую ўладу ў нашай краіне на працягу двух год з 1917 г. да 1919 г. Усе гэтыя апісанні маюць характар асабістых успамінаў. Да гэтых успамінаў мы дадаем цэлы шэраг дакумантаў аб кожнай эпасе асобна, якія пацвярджаюць усё, сказанае аўтарамі.

І хаця гэтыя дакуманты ды апісанні зьяўляюцца толькі сырым матэрыялам для будучай гісторыі, усё-ткі ад гэтага зборніку можна атрымаць яснае ўяўленне аб тых падзеях, што адбыліся ў эпоху, якая асьвятляецца ў даным зборніку» [18, с. IV].

Подчеркивая, что большинство документов, включенных в сборник, ранее уже публиковались в журналах «Пролетарская революция» (органе Испарта при ЦК РКП(б); «Вперед» (органе ЦБ КП(б)Б, выходившем в 1922 г.); «Известиях Гомельского губкома»; еженедельнике «Звезда», выходившем в 1917—1920 гг. в Смоленске; сборнике «Красная Бель» (издание Витебского губкома РКП(б); брошюре «Подготовка к Октябрю», изданной в 1918 г. в Смоленске, автор предисловия отмечал, что «на белоруской мове ўсе гэтыя матэрыялы друкуюцца ўпершыню».

Занявшим 150 страниц второй части сборника документам, сгруппированным в 9 разделов, составитель (а им был руководитель Испарта С. Х. Агурский) предпослал двухстраничные «Глумачэньні да дакумантаў», в которых

пояснил структуру приложения. Так, в первый его раздел вошли наиболее важные, по мнению составителя, протоколы заседаний Минского Совета, его Устав, обращения и др.; во второй — документы, освещавшие историю возникновения Минской социал-демократической организации; в третий — секретные сводки о «беспорядках» в армии; в четвертый — документы об октябрьских днях в Минске и на Западном фронте; в пятый — протоколы большевистской фракции в Облискомзапе; в шестой — документы о деятельности Совнаркома Западной области; в седьмой — резолюции крестьянских съездов в поддержку Октябрьской революции; в восьмой — декреты о роспуске Земского союза, Минской городской думы, Белорусской рады и др.; в девятый — документы о борьбе против немецкой оккупации и провозглашении БССР и ЛитБел.

В «Тлумачэньнях» ни слова не говорилось о приемах передачи текстов публикуемых документов. Заголовки к разделам носили явно выраженный публицистический характер, например: «7. Сяляне за бальшавікоў; 8. Барацьба з контр-рэвалюцыяй». Что касается легенд, то они имелись лишь к отдельным документам. Завершавший издание именной указатель был глухим и относился как к документальной, так и мемуарно-аналитической частям книги.

Нет нужды говорить о том, что в документальной части издания не нашлось места для документов небольшевистского происхождения; вместо них публиковалась статья И. Славина «3 гісторыі контр-рэвалюцыі на Беларусі», представлявшая собой уцелевший фрагмент рукописи брошюры, написанной автором летом 1918 г.*

Оценивая «Кастрычнік на Беларусі», следует, на наш взгляд, учитывать не только политические и идеологические условия, в которых он готовился, но также и не слишком высокий профессиональный уровень составителя как археографа и, вероятно, имевшую место спешку. На последнее обстоятельство указывает протокол заседания Президиума ЦИК БССР от 22 сентября 1927 г., на котором после рассмотрения отчета о работе Республиканской юбилейной комиссии было признано, что она «яўна спазьняецца» [30, л. 37]. Буквально за месяц до юбилейных торжеств, 3 октября 1927 г., Республиканская комиссия на своем очередном заседании рассмотрела вопрос «Аб распаўсюджанні кнігі «Кастрычнік на Беларусі» и поручила двум своим членам в трехдневный срок разработать план по ее распространению, что также может служить подтверждением нашего предположения [30, л. 158].

* Эта статья И. Славина на русском языке была опубликована в журнале «Пролетарская революция» (1923. № 6/7. С. 190—195). Автор представлял собой более чем одиозную личность. Работая в БГУ, он активно занимался травлей его ректора, историка-слависта В. И. Пичеты; уехав в 1929 г. в Петроград, он и там продолжил привычное для себя дело, переключившись теперь уже на филолога И. И. Замотина, профессора БГУ, избранного в январе 1929 г. членом-кор. АН СССР (подр. об этом см.: [28;50]).

Подготовка в 1937 г. Институтом истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б сборника «КП(б)Б в материалах и документах (В помощь пропагандисту)», хотя и совпавшая с 20-летним юбилеем революционных событий 1917 года, велась, тем не менее, в рамках реализации «Замечаний по поводу конспекта учебника по истории СССР», подписанных Сталиным, Ждановым и Кировым 8 августа 1934 г. Во всяком случае, об этом идет речь в предисловии к сборнику: «Идея навстречу преподаванию истории ВКП(б) и пропагандисту сети партийного просвещения в деле реализации указаний тт. Сталина, Жданова и Кирова, Институт истории партии при ЦК КП(б)Б выпускает настоящий сборник материалов и документов по истории КП(б)Б, которые должны послужить вспомогательным материалом при изучении истории ВКП(б), ознакомить пропагандиста хотя бы с основными моментами истории большевистских организаций в Белоруссии и показать, как КП(б)Б боролась за проведение генеральной линии нашей партии в условиях БССР» [42, д. 149, л. 2].

Сборник включал документы, хронологически охватывавшие период от образования первых социал-демократических комитетов на территории Беларуси (1904 г.) до 1935—1937 гг. Документы и материалы о событиях 1917 года были сконцентрированы в его 6-й главе, названной «Организации большевиков в Белоруссии в период подготовки и проведения Октябрьской революции (апрель 1917 — 1918 г.)» [42, д. 150, л. 1—204]. Им, как и в предыдущих и последующих главах, предпосылалась справка, носившая характер общесторического предисловия.

Учебный тип издания, к тому же предназначавшегося для системы партийного просвещения, исключал возможность включения в него оригинальных документов. Закрытие в 1938 г. самого института, чему предшествовали репрессии против его руководителей и сотрудников, среди которых были и составители сборника, сделали последний достоянием лишь архива.

Однако до этого историко-партийный институт принял самое активное участие в развернувшейся в республике в конце 1920 — начале 1930-х гг. кампании по борьбе с «национал-демократизмом». Действенным оружием в ней служили публикации документов. Так, в 1931 г. Белгосиздат выпустил массовым тиражом подготовленную сотрудником Института истории партии А. И. Зюзьковым книгу под названием в духе того времени «Крыўавы шлях беларускай нацэмакратыі». В приложении к книге были помещены три десятка хранившихся в архиве института документов, призванных, как говорилось в предисловии, неопровержимо доказать «ролю беларускага нацыяналізму, як фактычнага прыслужніка расійскага або польскага вялікадзяржаўнага шовінізму» [22, с. 3]. Приложение открывалось грамотой к белорусскому народу, подписанной 27 октября 1917 г. Великой белорусской радой, Временной центральной белорусской войсковой радой, БСГ, Белорусской народной партией социа-

листов (в 1921 г. ее опубликовал в качестве приложения к своей книге, о которой шла речь выше, Ф. Ф. Турук [см. 56, с. 95—96]).

Год спустя, во время проходившей в 1932 г. в Москве встречи активных участников революционных событий в Беларуси, приуроченной к 15-летию Октября, В. Г. Кнорин и И. Я. Алибегов внесли предложение по аналогии с Истпартом ЦК РКП(б), еще в 1920-е гг. выпустившим газеты «Искра», «Вперед», «Правда», переиздать их белорусские аналоги — газеты «Звезда», «Молот» и «Буревестник» за 1917 год. Предложение было позитивно воспринято в Минске, и подготовку сборника поручили Институту истории партии при ЦК КП(б). Редактором пригласили являвшегося в 1917 г. одним из редакторов этих периодических изданий В. В. Фомина, работавшего в 1930-е гг. заместителем наркома водного транспорта СССР.

К весне 1933 г. сотрудниками института А. И. Зюзьковым и Н. В. Левковой, опиравшимися на разработанную ИМЭЛ соответствующую инструкцию*, был подготовлен проект сборника. Он представлял собой полный текст газет, которым предпосылалось написанное Фоминым введение; примечания и указатели были подготовлены составителями.

Однако при окончательном просмотре набранного уже в гранках текста «Звезды» выяснилось, что необходима его дополнительная обработка, а также изъятие ряда материалов, публиковавшихся в газете (речь шла о выступлениях Л. Троцкого, Л. Каменева, Г. Зиновьева, приветствиях в их адрес и т. п.). В связи с этими обстоятельствами директор Института С. В. Поссе обратился в бюро ЦК КП(б)Б с докладной запиской, в которой писал: «Учитывая, что значительная часть материала представляет интерес лишь для небольшого круга работников, имеющих возможность работать над этим материалом в архиве, я считал бы нецелесообразным выпуск газеты «Звезда» в 1935 г.» [31, л. 60].

Рассмотрев записку, бюро ЦК КП(б)Б на своем заседании 14 мая 1935 г. приняло решение: «1. Личьць немэтазгодным перавыданне газет «Звезда», «Молот», «Буревестнік» за 1917 год; 2. Прапанаваць Інстытуту гісторыі партыі выключыць з выдавецкага плана работы за 1935 год перавыданне ўказаных газет» [31, л. 7]. В соответствии с ним сборник был исключен из издательского плана института на 1935 г., сделавшись, как и готовившееся предыдущее издание, достоянием архива [40, л. 224].

Хранящийся в НАРБ экземпляр сборника, включая и его первый выпуск семнадцати номеров «Звезды» (с грифом Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б, выходными данными: Партийное издательство. Минск, 1934, штампами Главлита БССР), представляет собой важный источник как в источниковедческом, так и в археографическом аспектах. Дело в том, что в набранном тексте раскрываются фамилии авторов статей, корреспонденций, подписанных псевдонимами, криптонимами или вообще не имевших

* Ротаторный экземпляр «Инструкции по подготовке к печати переиздаваемых органов большевистской печати» хранится в НАРБ [40, л. 20—21].

таковых. Показателен в этом отношении текст опубликованного в 7-м номере «Звезды» отчета о проходившем 30 июля 1917 г. в Минске 2-м крестьянском съезде, подписанного: «Т-ва». Редактор раскрыл этот псевдоним, заключив фамилию в квадратные скобки и сделав карандашом приписку: «(Терентьева). Хотя хорошо бы у нее самой проверить. Помнится, что этот отчет принадлежит ей. В. Фомина. б/лх.33» [41, л. 207].

С археографической точки зрения сборник был подготовлен достаточно хорошо, и не только для своего времени. В нем после воспроизведения текста каждой газеты давались примечания; имевшиеся купюры восстанавливались составителями по другим изданиям с заключением этого текста в квадратные скобки и указанием в текстуральных примечаниях на источник.

Еще одним археографическим объектом, так и не дошедшим до читателя, стал сборник документов «КП(б)Б в протоколах. 1917 год. I, II и III конференции РСДРП(б) Северо-Западной области и фронта», машинописный и корректурный экземпляры которого также хранятся в НАРБ [37, л. 1—107; 38, л. 1—98]. В двухстраничном предисловии к сборнику (на белорусском языке), подписанном Институту истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б 3 июля 1934 г., излагались его структура и основные принципы археографической подготовки.

«Пры аднаўленні тэкста дакументаў, — отмечалось в нем, — мы выходзілі з правіла — не ўносіць ніякіх змен ў арыгіналы. Адступленні ад гэтага правіла намі дапускаліся толькі ў крайніх выпадках: пры яўных памылках друку, пропусках, няўзгодненасцях і т. д. Яўныя памылкі друку выпраўляліся без агаворак. Усе астатнія выпраўленні выдзелены ў квадратныя дужкі» [38, л. 7].

Составители дифференцировали заголовки публикуемых документов на собственные и редакционные; отмечали, что тексты передаются на языке оригинала, а научно-справочный аппарат (предисловие и примечания) — на белорусском.

Как это ни покажется парадоксальным, но именно готовившиеся Институту истории партии в довоенный период документальные сборники (включая и оставшиеся неизданными), по своему археографическому уровню выгодно отличались от тех, которые будет издавать это же учреждение в 1950—1980 гг. На это же обстоятельство, правда, в сравнении с «центрархивовской» археографической продукцией, обращает внимание и современный российский историк археографии, который пишет: «Как это ни покажется парадоксальным сегодня, деятельность Института В. И. Ленина и Истпарта была в общем более плодотворной, чем Центрархива. И дело не только в более благоприятных условиях существования (включая издательские возможности). Археографическая политика историко-партийных центров оказалась более продуманной и систематичной. Основной упор при этом делался на публикации «по происхождению», а не «по теме» [54, с. 42—43].

Помимо историко-партийного института работу по изданию документов призваны были вести и архивные учреждения республики. На это их нацеливало архивное руководство ЦАУ СССР, обращая при этом особое внимание на документальное освещение истории Октябрьской революции, учитывая ее приближавшееся 20-летие. Так, в редакционной статье журнала «Архивное дело» — периодического издания ЦАУ СССР и ЦАУ РСФСР — после констатации факта слабой разработки документов по истории «Великой пролетарской октябрьской революции» говорилось: «В связи с двадцатилетием Октябрьской социалистической революции и центральные и местные государственные архивы должны немедленно развернуть работу и выработать конкретные планы своих работ к этому важнейшему юбилею» [45, с. 13—14].

Архивы должны были активно включиться в работу «исторического фронта» с тем, чтобы принять участие в деле создания объективной истории, насыщенной конкретным фактическим материалом, на котором будет воспитываться подрастающее поколение. «Знание истории нашей Великой революции, — говорилось в статье, — будет вооружать его [т. е. подрастающее поколение. — *М. Ш.]* любовью и гордостью к своей стране, где впервые рабочий класс, свергнув власть капитала, построил первое в истории человечества социалистическое общество» [45, с. 15].

Однако, несмотря на неоднократно предпринимаемые архивистами Беларуси попытки реализовать эти призывы и декларации, никаких существенных документальных публикаций в это время так и не появилось. Остались неизданными подготовленные руководителем ЦАУ БССР А. Р. Иодко вместе с П. Е. Васькевичем, А. П. Финаевым-Дубицким и другими «Дзённік падзей 1917 года на Беларусі і на Заходнім фронце» (объемом 27 печ. листов), тематические подборки документов «Менская буржуазія ў 1917 г.» (объемом 4 печ. листа), «Магілёўскі Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў і Стаўка» (4,5 печ. листа) и др. [35, л. 18—21; 36, л. 114—115]. Причиной тому, на наш взгляд, стали обстоятельства, связанные с репрессиями в отношении корпуса руководителей и наиболее квалифицированных сотрудников архивных органов и учреждений республики. В 1935 г. по политическим мотивам А. Р. Иодко был уволен с должности руководителя ЦАУ БССР и переведен на работу рядовым сотрудником ЦАОР БССР. В августе 1937 г. его арестовали и в январе следующего года расстреляли; в 1938 г. был арестован и расстрелян директор ЦАОР П. Е. Васькевич, под началом которого работал Иодко [3, с. 84, 101—103; 60, с. 30—42]. Двумя годами ранее по причинам бытового характера вынужден был покинуть Беларусь И. Н. Шабатин, один из наиболее сведущих в археографии специалистов, занимавший должность «ученого архивоведа» в ЦАУ БССР.

Археографическая несостоятельность архивных учреждений БССР в довоенный период была настолько очевидной, что на нее вынуждено было обратить внимание общесоюзное архивное руководство. В частности, в одном из номеров журнала «Архивное дело» отмечалось: «Здесь [речь шла о Белорус-

ской и Карело-Финской ССР. — *М. Ш.]* на протяжении ряда лет архивы не вели почти никакой научной работы. . . Архивы же не сделали ничего для того, чтобы подготовить свои материалы для нужд исторического исследования. Научные работники часто были не заинтересованы в подготовке документальных сборников» [25, с. 13].

Очередной всплеск публикаций документов о событиях 1917 года в Беларуси связан с приближавшимся их 40-летием. Свообразной археографической прелюдией к изданному в юбилейном 1957 г. двухтомнику «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии» стал завершающий 4-й том серийного издания «Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах», начатого еще до войны [14]. Он являлся, по словам его составителей, «первой попыткой более или менее полной публикации документов по вопросам подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР».

Отдавая дань признательности своим предшественникам, составители данного сборника (а ими были сотрудники академического Института истории и республиканского Архивного управления) вместе с тем обращали внимание на то обстоятельство, что ранее выпущенные издания носили характер публикации отдельных видов документов, помещаемых в форме приложений к аналитическому тексту (как, напр., «Кастрычнік на Беларусі», книги Ф. Ф. Турука, А. И. Зюзькова и др.), не были систематизированы и обработаны в археографическом отношении.

Целью более чем 600 документов сборника, сгруппированных в 6 разделов и охватывавших период с марта 1917 г. по март 1919 г., являлось «с наибольшей полнотой показать руководящую роль Коммунистической партии в подготовке и проведении социалистической революции, в осуществлении первых социалистических преобразований, в борьбе против внешней и внутренней контрреволюции, в практическом осуществлении национальной политики Коммунистической партии, ярким проявлением которой было создание БССР» [14, с. 3].

Как и довоенных археографов, готовивших аналогичные документальные издания, составителей настоящего сборника занимала прежде всего «идеологическая выдержанность» отбираемых для него источников. Вследствие плохой сохранности документов большевистских организаций и Советов за 1917—1919 гг. составителям пришлось широко привлекать материалы периодической печати, разумеется, в первую очередь, большевистской.

«В тех случаях, — отмечали они, — когда совершенно не было возможности осветить события и факты по материалам большевистских партийных и советских органов, использованы некоторые, представляющие известную ценность материалы информационного характера из других источников (газетных материалов и документов, исходящих от Временного правительства и его местных органов, от военных организаций)» [14, с. 3].

Следуя историографической традиции, составители ограничились источниками, связанными своим происхождением лишь с восточной (т. е. неоккупированной кайзеровскими войсками) частью Беларуси, пребывавшими в общесоюзных, республиканских и областных государственных архивохранилищах (ЦГАОР СССР, ЦГВИА СССР, ЦГАКА, ЦГАОР БССР, ЦГИА БССР, госархивы Витебской, Гомельской и Минской обл.), а также в Партархиве ЦК КПБ. Широко привлекалась, как выше уже отмечалось, периодическая печать большевистского толка.

Археографическая обработка включенных в том документов проводилась в соответствии с утвержденными в 1945 г. «Основными правилами публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР». В числе элементов научно-справочного аппарата сборника, помимо носившего преимущественно общеисторический характер краткого предисловия, фигурировали текстуальные примечания и примечания по содержанию (они в духе существовавших на то время нормативно-методических документов названы составителями соответственно «подстрочными» и «реальными») и предметно-географический указатель.

В 1957 г. увидел свет огромный по объему (1517 документов) сборник в двух томах «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии», упоминавшийся выше. В отличие от предыдущего, вышедшего под грифами Института истории АН БССР и Архивного управления БССР, этот был дополнен еще и грифом Института истории партии при ЦК КПБ, что позволяло надеяться увидеть в нем документы, извлеченные из фондов Партархива. Такие надежды подкреплялись принятым за год до издания двухтомника, 31 марта 1956 г., совместным постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств БССР»*. В нем Институт истории партии при ЦК КПБ обязывался создать при существовавшем в его структуре Партархиве читальный зал, совместно с архивными и академическими учреждениями разработать перспективный план подготовки и издания сборников документов, обратив при этом особое внимание на публикацию документов советского периода и т. п.

К сожалению, наши надежды не оправдались: в сборнике нет ни одного документа из фонда Истпарта — основного места средоточия источников по истории революционных событий 1917 г. в Беларуси и на Западном фронте, не говоря уже о документах из продолжавших оставаться на секретном хранении «бэнэровских» фондов.

Вместе с тем в сборнике широко использованы центральные и местные периодические издания: «Правда», «Звезда», «Молот», «Буревестнику», «Солдатская Правда», «Фронт» и др. Непременным атрибутом каждого тома явля-

* Постановление с сокращениями опубликовано: [4, с. 100—103].

лись открывавшие их статьи В. И. Ленина, решения ЦК РСДРП(б) и другие аналогичные документы.

Подробный анализ данного издания содержится в нашей монографии о белорусской археографии, к которой мы и отсылаем читателей [59, с. 327—328].

Изданием этого двухтомника как бы закрывалась проблема введения в научный оборот источниковой базы по истории событий 1917 года в Беларуси: публикуемые в 1960—первой половине 1980-х гг. документы и материалы этой тематики, в большинстве своем в «малых формах», носили, как правило, «уточняющий», частный характер, никоим образом не отклоняясь от официальной историографической традиции.

С началом гласности, «перестройки», реальным снятием запретов на ранее находившиеся в спецхранах многие архивные фонды ситуация изменилась. Историки, а вместе с ними и археографы обратились к ранее недоступным им документам белорусских национальных организаций и групп, действовавших в 1917 г. В большинстве своем их публикация в массовых периодических изданиях (включая появившийся «самиздат») носила торопливый, порой дилетантский характер. Вместе с тем и параллельно с ними предпринимаются попытки научной реконструкции с последующей публикацией ряда важнейших документов, например, 1 Всебелорусского съезда (декабрь 1917 г.). Большая заслуга в этом принадлежала историку-архивисту и археографу В. В. Скалабану (1946—2011), планировавшему по аналогии с российскими археографами, издавшими в 1997 г. сборник «Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов», подготовить специальный сборник документов и материалов о Первом Всебелорусском съезде [подр. об этом см. 49]. К сожалению, преждевременная смерть помешала ему реализовать этот замысел.

Ряд носивших дипломатический характер документов 1917 года был опубликован в первом томе серийного издания, подготовленного внешнеполитическим ведомством Республики Беларусь совместно с БГУ и БелНИИДАД [10, с. 16—18, 28—29, 37—38 и др.].

Сравнительной характеристике взаимодействия политических сил Беларуси и Украины, взаимоотношениям между белорусскими и украинскими общественно-политическими организациями в 1917—1918 гг. и определению их роли в ходе реализации национально-демократической модели государственности посвящена претендующая на документальный сборник книга А. Н. Куксы, вышедшая в издательстве БНТУ в 2012 г. [23]. Главной заслугой ее автора (составителя?) является выявление и публикация хранящихся в НИАБ (фонды минских губернской продовольственной комиссии, казенной палаты, городской думы и др.) и НАРБ (фонды Рады Народных министров БНР, Минского губернского продовольственного комитета и др.) документов и материалов, в том числе и о событиях 1917 года в Беларуси и на Западном фронте. Они

составляют значительный сегмент в блоке документов 1917 года (другую его часть представляют документы из украинских архивов).

К сожалению, за исключением самих текстов публикуемых документов, других каких-либо признаков археографической публикации в этом издании нет; данная книга являет собой один из примеров нежелательного «симбиоза» научного исследования и документальной публикации. Тем не менее, повторимся, автором (составителем?) обследован значительный массив документов и обращено внимание на те из них, которые, по его мнению, представляются наиболее значимыми, и уже одно это придает позитивное значение данной «сырой» работе.

Подводя итоги, отметим, что продолжающаяся в течение века работа по публикации документов и материалов о революционных событиях 1917 года в Беларуси носила крайне политизированный характер. Несмотря на значительный корпус источников, опубликованный в различных формах, он не являет собой совокупности, опираясь на которую можно вести речь о создании объективной истории событий вековой давности. Следовало бы, на наш взгляд, используя нынешний юбилей, объединить усилия историков, архивистов, археографов с тем, чтобы попытаться создать документальное издание о революционных событиях 1917 года в Беларуси, издание, в котором были бы представлены документы и материалы всех существовавших тогда политических партий и объединений, участвовавших в революционном процессе 1917 года и порой совершенно по-разному представлявших себе будущее Беларуси.

Источники и литература

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. 1922—1991/1952—1958 / отв. сост.: В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков. — М.: РОССПЭН, 2010. — 1279 с.
2. Аржаева, Л. В. Публикация исторических источников в БССР // Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР: Материалы научной конференции архивистов и историков, посвященной 50-летию архивного строительства в СССР. — Минск: Вышэйшая школа, 1971. — С. 293—305.
3. Архівісты Беларусі: Біябібліяграфічны даведнік. — Мінск: БелНДДАС, 2006. — 254 с.
4. Архивное дело в БССР (1918—1968). Сб. законодательных и руководящих документов. — Минск: Польшья, 1972. — 142 с.
5. Архив РАН. — Ф. 1548 (В. И. Пичета). — Оп. 1. — Д. 405.
6. Афиани, В. Ю. История революций 1917 года в публикаторской деятельности Архива Российской Академии наук // Археографический ежегодник за 2007—2008 гг. — М.: Наука, 2012. — С. 281—287.
7. Гневко, В. Г. Под знаменем революции: Борьба трудящихся Белоруссии за установление Советской власти. — Минск, 1977.
8. За дзяржаўную незалежнасць Беларусі (For national independence of Byelorussia): Дакуманты і матэрыялы, сабраныя і падрыхтаваныя для публікацыі І. Касяком, прагледжаныя і апрабаваныя для друку камісіяй Беларускай Цэнтральнай Рады пад кіраўніцтвам праф. Р. Астроўскага. — Лендан: Выданьне Беларускай Цэнтральнай Рады, 1960.

9. Захаркевич, С. А. Федор Федорович Туруж: Основоположник белорусистики // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919—1941). — Минск: БГУ, 2017. — С. 108—113.
10. Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дакументаў і матэрыялаў. — Т. 1 (1917—1922 гг.). — Мінск, 1997.
11. Івашын, У., Скапцоў, С. Рэц. на зб. дак. «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии» ў двух тамах // Камуніст Беларусі. — 1958. — № 3. — С. 79—85.
12. Игнатенко, И. М. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917—1918 гг.). — Минск, 1962.
13. Игнатенко, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. — Минск, 1986.
14. Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР: Документы и материалы по истории Белоруссии. — Минск, 1954. — Т. IV.
15. История Гражданской войны в СССР. Т. 1: Подготовка Великой пролетарской революции (от начала войны до начала октября 1917 г.). — М.: ОГИЗ «ИГВ», 1935.
16. Калубовіч, А. Крокі гісторыі: Дасьледаваньні, артыкулы, успаміны. — Беласток; Вільня; Менск, 1993. — 286 с.
17. Каменская, Н. В., Селиванов, П. А. Великий Октябрь в Белоруссии. — Минск, 1977.
18. Кастрычнік на Беларусі. Зб. артыкулаў і дакументаў (матэрыялы да гісторыі Кастрычнікавай рэвалюцыі на Беларусі) / Улажыў С. Агурскі. Вып. першы. — Менск, 1927.
19. Козлов, В. П. Теоретические основы археографии с позиций современности // Теоретические основы археографии с позиций современности. Материалы дискуссии. — М., 2003. — С. 5—38.
20. Колесников, Г. А., Рожков, А. М. Ордена и медали СССР. Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Воениздат, 1983.
21. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 1561-р от 15 августа 2015 г. // Режим доступа: government.ru/media/files/AR59E5. — Дата доступа: 20.04.2016.
22. Зюзькоў, А. Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі. — Мінск, 1931.
23. Кукса, А. Н. На пути к самоопределению народов Беларуси и Украины в 1917—1918 гг. — Минск: БНГУ, 2012. — 342 с.
24. Ляцкий Евгений: Материалы к биографии / Подготовка текстов и публикация С. И. Михальченко. — Брянск: Издат-во БГПУ, 2000.
25. Марков, С. К итогам научной работы архивных органов в 1940 г. // Архивное дело. — 1941. — № 1(57). — С. 8—19.
26. Минц, И. И., Наумов, В. П. Изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. — М.: Наука, 1982. — С. 87—111.
27. Мироненко, С. В. О выставке Государственного архива Российской Федерации «Мифы революции» // Археографический ежегодник за 2007—2008 гг. — М.: Наука, 2012. — С. 274—280.
28. Мірончык, Д. Аб «откровениях» тав. І. Славіна // Звезда. — 1929. — 23 лют.
29. Михноч, В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919—1941 гг.). — Минск: Наука и техника, 1985. — 286 с.
30. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 3537.
31. Там же. — Д. 7737.

32. Там же. — Д. 11007.
33. Там же. — Оп. 61. — Д. 449.
34. Там же. — Оп. 94. — Д. 196.
35. Там же. — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 2848.
36. Там же. — Ф. 31 (Министерство экономики). — Оп. 1. — Д. 572.
37. Там же. — Ф. 60. — Оп. 2. — Д. 7.
38. Там же. — Д. 8.
39. Там же. — Оп. 1. — Д. 22.
40. Там же. — Д. 173.
41. Там же. — Оп. 2. — Д. 42.
42. Там же. — Д. 149—152.
43. Там же. — Ф. 249. — Оп. 1. — Д. 669.
44. Плахотникова, К. Ф. Принципы и методы издания документов о Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии // Вопросы археографии в БССР (материалы Научной конференции архивных учреждений республики). — Минск: Наука и техника, 1980. — С. 153—158.
45. Пора поднять работу по изданию исторических документов на высшую ступень // Архивное дело. — 1936. — № 1(38). — С. 11—15.
46. Почанин, С. З. Историей обреченные. — Минск, 1977.
47. РГАНИ. — Ф. 3. — Оп. 22. — Д. 214.
48. Рольф, М. Советские массовые праздники. — М., 2009.
49. Скалабан, В. У. Дакументальная спадчына Усебеларускага з'езда 1917 года: праблемы збору, захавання і выдання // Архівы і справядства. — 2000. — № 1(7). — С. 14—21.
50. Славин, И. Пора решительно покончить с примиренчеством на идеологическом фронте // Рабочий. — 1929. — 9 февр.
51. Сташкевич, Н. С. На защите идей Октября: Из истории идейно-политической борьбы в Белоруссии в годы гражданской войны (1919—1920 гг.). — Минск, 1978.
52. Сташкевич, Н. С. На пути к истине: Из истории национально-освободительного движения в Белоруссии. 1917 год. — Минск, 1983.
53. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: Крах антисоветского движения в Белоруссии, 1917—1925 гг. — Минск, 1985.
54. Степанский, А. Д. Археография отечественной истории XX века: Учебное пособие. — М.: РГГУ, 2004. — 210 с.
55. Тихонов, В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Режим доступа: www.rupublichistory.ru/publication/2017/03/19. — Дата доступа: 30.03.2017.
56. Турук, Ф. Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционно-го движения белоруссов. С приложением образцов белорусской нелегальной литературы, важнейших документов белорусских политических партий и национальных организаций и этнографической карты белорусского племени, составленной акад. Е. Ф. Карским. — М.: Госиздат, 1921 (Репринт. переизд.: Минск, 1994)
57. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: краткий справочник в 2-х частях. — Ч. 1. — Минск: НАРБ, 1997. — 104 с.
58. Фонды Национального архива Республики Беларусь: краткий справочник. — Минск: Нац. б-ка Беларуси, 2012. — 229 с.

59. Шумейко, М. Ф. У штурвала архивной отрасли [биограммы руководителей Государственной архивной службы Беларуси за 90 лет ее существования] // Архівы і справядства. — 2012. — № 3. — С. 30—42.
60. Шумейко, М. Ф. Белорусская археография в XIX—XX вв.: (проблемы теории, истории, методики). — Минск: БелНИИДАД. — 496 с.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 18.05.2017

С. В. Кулинок,
заведующий отделом информации и использования документов
Белорусского государственного архива
научно-технической документации,
кандидат исторических наук;
e-mail: svkulinok@tut.by

**ПАРТИЗАНСКИЙ ФОНД НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА...
ФОНД БЕЛОРУССКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ:
ФОРМИРОВАНИЕ, СОСТАВ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ**
(к 75-летию БШПД)

В сентябре этого года исполняется 75 лет со дня основания Белорусского штаба партизанского движения — основного руководящего военно-партийного органа партизанского движения. В Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) хранится фонд № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения), который включает в себя более 11 тыс. единиц хранения и в настоящее время является одним из самых актуальных и востребованных для исследователей, занимающихся изучением военной истории.

Анализируя историографию создания и деятельности БШПД, укажем на ее фрагментарность. До сих пор не написано серьезного фундаментального исследования, посвященного изучению всесторонней деятельности БШПД в годы Великой Отечественной войны. Среди опубликованных работ, в первую очередь, выделим воспоминания руководителей партизанского движения и сотрудников БШПД П. Пономаренко, П. Калинина, А. Прохорова, А. Брюханова и др. [5; 14; 56—58]. В 2000-е гг. вышел ряд общих публикаций по истории БШПД [13; 17; 29], а также несколько исследований, посвященных узким направлениям деятельности БШПД [19; 20; 55]. Документы фонда активно использовались при подготовке и издании сборников документов по истории партизанского движения и оккупационного периода [1—4; 6; 7; 10].

Осознавая ценность и значимость партизанских документов для истории, еще в марте 1944 г. заместитель начальника БШПД И. Ганенко разослал во все партизанские соединения БССР сообщение, в котором указывал: «В целях накопления для истории документов, отражающих развитие партизанского движения Белоруссии, тщательно собирайте их. По возможности отправляйте в штаб или храните на месте. Закладывайте указанные материалы в надежно укрытые места для последующего изъятия по освобождению районов от оккупантов» [34, д. 357, л. 163].

Первые документы будущего фонда БШПД начали формироваться летом 1943 г. 19 июля 1943 г. на имя директора Партийного архива ЦК КП(б)Б Ф. Попова было направлено сообщение от начальника секретного отдела БШПД М. Королева, в котором отмечалось: «По указанию ЦК КП(б)Б посылаем Вам дела партизанских бригад и отрядов, доставленные через опергруппу Калининского фронта из тыла врага для архивного хранения» [33, л. 1]. Всего за

1943 г. было осуществлено 17 передач документов. Особые условия хранения касались разведывательных документов, которые начали поступать в декабре 1943 г. В сопроводительном письме из БШПД от 11 декабря 1943 г. указывалось: «Препровождая Вам для архивного хранения литерные дела разведывательного отдела БШПД в количестве пяти пачек, согласно прилагаемой описи, прошу Вас хранить их совершенно отдельно от всех материалов нескрытыми пачками до особого нашего указания. Не исключена возможность их потребности в штабе» [33, л. 57—58]. Работа по передаче партизанских документов на хранение активно продолжалась и в 1944 г. и была связана с деятельностью группы по ликвидации дел БШПД.

К сентябрю 1944 г. основная работа по расформированию партизанских бригад и отрядов была закончена. За период с июля по сентябрь 1944 г. было расформировано 148 партизанских бригад, объединявших 741 отряд и 69 самостоятельных действующих отрядов с общим количеством 143 600 партизан [18, с. 169]. 2 октября 1944 г. была подписана директива Генерального штаба Красной Армии о расформировании БШПД к 15 числа текущего месяца, однако еще не была проанализирована и полностью собрана оперативная и разведывательная документация, представляющая большую практическую и историческую ценность, не было выписано порядка 50 тыс. извещений семьям погибших и пропавших без вести партизан. В связи с этим, новой директивой Генерального штаба Красной Армии № Орг/6/11550 от 15 ноября 1944 г. для ликвидации дел БШПД было разрешено с 15 ноября до особого распоряжения содержать группу численностью 20 военнослужащих и 10 человек вольнонаемных, а 14 ноября 1944 г. был издан приказ начальника БШПД «О расформировании БШПД и создании группы по ликвидации дел БШПД» (группа действовала до 1 октября 1948 г. — С. К.) [48, д. 6, л. 338]. Уже к 1 января 1946 г. вся отчетность о боевом и численном составе партизанских формирований Беларуси была составлена и сдана. К 1 августа этого же года окончательно были подготовлены отчеты всех отделов штаба, выведены окончательные цифры итогов боевой деятельности партизан и работы штаба по обеспечению их деятельности [37, д. 138, л. 1—93].

Большая работа была проделана группой по ликвидации дел БШПД по обработке и приведению в порядок именных списков личного состава и других учетных документов, разработаны и составлены учетно-статистические сведения по партизанским кадрам.

На момент объединения Партархива Института истории партии при ЦК КПБ и Белгосархива и образования НАРБ (1995 г.) в фонде насчитывалось 23 описи и 10 619 дел. В 2004 г. было начато усовершенствование описей фонда, поскольку заголовки дел не соответствовали содержанию документов, крайние даты и количество листов в делах также требовали уточнения. В результате проведенной работы фонд № 1450 состоит из 24 описей и 11 108 дел [33, л. 63].

Партизанские материалы имеются как в подлинниках, так и в копиях. Встречаются черновики и оригиналы в нескольких экземплярах, а также машинописные и рукописные тексты, которые создавались перьевой ручкой и карандашом. Последствия партизанской жизни отразились на внешнем виде некоторых документов — многочисленные следы грязи, пребывания в воде, тексты размыты и плохо читаемы. Архивные дела неравноценны по количеству отложившихся в них материалов. Укажем на то, что весь корпус документов поддается различным видам классификации (видовой, хронологической, тематической, по месту создания и др.), что позволяет выделять группы документов в зависимости от целей и задач дальнейших исследований.

В соответствии с принятой в источниковедении классификацией источники фонда № 1450 можно отнести в основном к документальным — материалам делопроизводства и статистическим материалам. Согласимся с мнением белорусского историка Е. Я. Павловой о том, что «большая часть находящихся на хранении в НАРБ источников, с точки зрения кодировки и форм фиксации информации является письменной и так или иначе связанной с делопроизводством» [54, с. 108]. Для более полного и качественного анализа состава документов фонда выделим следующие группы документов: организационно-распорядительная документация (распоряжения, предписания, указания, директивы, приказы, протоколы, решения, циркуляры); планово-отчетная документация (планы, отчеты, доклады, рапорты, сводки, документы итогового характера); справочно-информационная документация (переписка различных органов, справки, пропуска, обзоры); финансовая документация; судебно-следственная документация (протоколы допросов, следственные дела, приговоры) и документы кадрового характера (списки личного состава партизанских формирований и различных диверсионных групп, автобиографии, списки партизан, принявших присягу, опросные листы, протоколы бесед с прибывшими партизанами, различные справки, выдаваемые партизанам).

Среди важнейших организационно-распорядительных документов отметим приказы Народного комиссара обороны И. Сталина № 00189 «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г. [37, д. 34, л. 1—3], начальника ЦШПД П. Пономаренко от 14 июля 1943 г. № 0042 «О рельсовой войне на коммуникациях врага» [38, д. 12, л. 1—15], а также приказы начальников БШПД за 1942—1946 гг. [36, д. 1316, л. 1—92; 48, д. 2, 4—12, 14—18]. Историк М. Шумейко указывает на то, что основной информационный массив партизанских документов «относится к 1943—1944 гг., когда партизанское движение приобрело массовый характер и потребовало документационного обеспечения управления этим движением» [63, с. 60]. В связи с этим отдельно отметим приказы начальника штаба П. Калининна за октябрь—декабрь 1942 г., то есть в самые первые месяцы после образования штаба. Основным вопросом в этот период времени был кадровый. Со 2 октября по 31 декабря 1942 г. было издано 80 приказов за подписью начальника БШПД, из них 48 (60%) — по личному составу.

Кадровые назначения за этот период касались более 220 человек [36, д. 1316, л. 6—80]. Кроме приказов по личному составу, выделим следующие приказы: «О формировании прифронтового филиала школы подготовки партизанских кадров» от 14 октября 1942 г. [36, д. 1316, л. 9], «По снабжению личного состава» от 27 октября 1942 г. [36, д. 1316, л. 26], приказы по развитию партизанского движения в различных областях Беларуси, в том числе в западных регионах [36, д. 1316, л. 39—42, 60—61, 68, 73; 36, д. 1245, л. 17—18]. Изучение этих документов позволяет определить основные направления деятельности БШПД в самом начале его существования.

Среди других важных организационно-распорядительных документов отметим рекомендации ЦШПД по организации и совершенствованию разведывательной деятельности партизанских формирований от 1 июля 1943 г. [35, д. 1, л. 29—32], задачи БШПД по ведению разведки партизанскими формированиями от 14 сентября 1943 г. [35, д. 15, л. 215], положения о структурных подразделениях белорусского штаба и штатные расписания БШПД за различные периоды времени [35, д. 26, 27, 460; 36, д. 149; 45, д. 15]. Организационно-распорядительные документы партизанских соединений в основном представлены приказами и указаниями командиров по вопросам боевой, диверсионной и разведывательной деятельности, а также по личному составу и хозяйственной деятельности [38, д. 17, 204, 216, 251, 253, 259]. Основной массив данной документации представлен в описи № 4 «Документы по истории возникновения, организации, боевой и диверсионной деятельности партизанских формирований» фонда № 1450.

Среди планово-отчетной документации в первую очередь обозначим «План развития партизанского движения и действий партизанских отрядов зимой 1942—1943 гг. по Белорусской ССР» и «План мероприятий по дальнейшему развитию и активизации партизанского движения на летний период 1943 г.» [37, д. 38, л. 8—135]. Эти планы являются основополагающими документами по истории партизанского движения на территории Беларуси. Их появление ознаменовало собой зарождение планово-отчетной документации в делопроизводстве БШПД, которое в последующем совершенствовалось и развивалось. Укажем также на то, что планирование партизанской борьбы осуществлялось не только на общереспубликанском уровне, но и на региональном. Например, в августе 1943 г. начальник БШПД П. Калинин подписал «План оперативно-организационных мероприятий по дальнейшему развитию партизанского движения и активизации боевых действий в восточных регионах Могилевской и Гомельской областей БССР» [35, д. 8, л. 69—71]. Выделим также планы проведения региональных и общереспубликанских боевых операций «Техника», «Опитер», «Концерт», «Западня» (минирование и разрушение объектов в тылу противника), планы ЦШПД по осуществлению «рельсовой войны» на белорусском направлении и срыву перевозок противника по основным водным путям БССР [38, д. 1—3].

Широкое использование системы планирования в партизанском движении способствовало и появлению разнообразной отчетной документации. Основные виды отчетной документации включают материалы партизанских соединений (нижнее звено) и их руководящих органов (верхнее звено) и итоговые документы. Массив отчетных материалов первой группы представлен протоколами заседаний руководства штаба и отчетами командования по боевой, диверсионной и разведывательной деятельности, агентурными и разведывательными сводками, оперативными донесениями и шифротелеграммами [25; 44, д. 1—6; 51, д. 1—152].

Среди разнообразного корпуса отчетной документации руководящих органов необходимо в первую очередь выделить оперативные сводки Северо-Западной группы ЦК КП(б)Б [37, д. 20, л. 1—70] (всего за период с июля по октябрь 1942 г. составлено 16 сводок. — *С. К.*), разведывательные [37, д. 20, л. 71—108; 35, д. 4, л. 1—608; 36, д. 7, л. 1—437] (с октября 1942 г. по июль 1944 г. подготовлено 158 сводок. — *С. К.*) и оперативные сводки БШПД [36, д. 956, л. 1—230; д. 957, л. 1—212; д. 958, л. 1—238; д. 959, л. 1—257; д. 960, л. 1—248; д. 961, л. 1—167; д. 962, л. 1—163] (с октября 1942 г. по июль 1944 г. было составлено 115 сводок. — *С. К.*). Важное место среди отчетных материалов занимают итоговые документы, подготовленные соответствующими отделами БШПД:

оперативным отделом: «Итоги борьбы партизанских отрядов Белоруссии с немецкими захватчиками в 1943 г. Тома 1—2» [37, д. 118—119]; «Партизанское движение в Белоруссии в 1944 г. и общие итоги борьбы с немецкими захватчиками за годы Отечественной войны (по материалам оперативного отдела)» [37, д. 120]; «Сборник описаний боевых действий партизан Белоруссии» [37, д. 121];

разведывательным отделом: четыре тома итогового «Отчета о разведывательной работе белорусских партизан за годы Великой Отечественной войны» [37, д. 113—117];

отделом кадров: отчеты отдела кадров БШПД за 1942—1946 гг. [45, д. 1—3];

отделом материально-технического обеспечения: отчеты отдела по вооружению, боеприпасам, минно-подрывной технике, вещевому имуществу, медикаментам и продовольствию за 1942—1944 гг. [35, д. 194, 207, 209, 293, 553, 835].

Судебно-следственная документация фонда БШПД, которая до настоящего времени является малоизученной, представлена делами на изменников, предателей и антисоветский элемент. Она включает в себя протоколы допросов, очных ставок, постановлений на арест и приговоров. Укажем на то, что это не только дела в отношении шпионов, предателей и изменников, но также и в отношении партизан, которые совершили какие-либо проступки (трусость, измена, халатность, мародерство). Отдельно можно отметить «Материалы на

антисоветский элемент по г. Минску» в 3 томах [50, д. 1—3], «Материалы следствия по делу Мапошина-Фролова Валентина Ивановича, преподавателя немецкой разведшколы в г. Борисове» [50, д. 150, л. 1—60], а также «Доклады о работе Особых отделов» [36, д. 60, 62, 65]. Изучение и анализ этих источников позволили автору перейти к изучению такой темы, как «Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и лжепартизанских соединений на территории Беларуси в годы войны».

Важнейшее место в корпусе документов фонда играет кадровая документация. Можно выделить некоторые наиболее массовые группы этих источников:

списки личного состава партизанских бригад и отрядов, действовавших на территории БССР [39, д. 1—478];

иные списки: партизан и их семей, вывезенных из тыла; списки партизан, вышедших из тыла и направленных в Советскую Армию, партийно-советскую работу и к месту жительства [39, д. 479—483]; списки радистов, находившихся в тылу врага и работающих в БШПД, и списки работников спецшколы и групп, направленных в тыл врага [39, д. 484]; списки иностранцев, находившихся в партизанах в Белорусской ССР [39, д. 485] и другие;

документы, на основании которых выданы партизанские справки и справки связанных [39, д. 487—509];

постановления парторганов и комиссии по делам бывших партизан и подпольщиков при Президиуме Верховного Совета БССР о признании граждан участниками партизанского движения Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (справки, заявления, личные листки по учету партизанских кадров, характеристики, рапорты) [39, д. 532—548, 551а—639, 640а—968];

личные листки по учету партизанских кадров на рядовой, сержантский [41, д. 1—514] и командный состав [42, д. 1—295];

личные дела сотрудников БШПД и копии личных дел генералов и партизан — Героев Советского Союза [43, д. 1—1299];

списки погибших, пропавших без вести и дезертиров [40, д. 1—404].

Большую работу по изучению этого корпуса документов провела белорусский историк Е. Павлова, подготовившая и защитившая диссертацию по теме «Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.)» [53]. Также отметим наличие в составе фонда наградных документов, которые представлены в описи № 15 «Документы групп награждения отдела кадров» [47, д. 1—928], и значительного объема иллюстративных источников, которые представлены картами дислокации партизанских формирований, радиостанций, аэродромов, схемами наступательных операций Красной Армии, картами расположения немецких воинских формирований, схемами и планами городов Беларуси и укреплений противника [35, д. 16—17; 52, д. 1—367]. Финансовая документация представлена документами по начислению пенсий, пособий и зарплат партизанам, бухгалтерски-

ми документами кассово-мемориального порядка, денежными аттестатами, ведомостями, командировочными предписаниями, нарядами, картотекой личных счетов [46, д. 1—438; 49, д. 1—11].

Фонд № 1450 НАРБ на сегодняшний день является одним из самых востребованных для исследователей, занимающихся изучением истории Великой Отечественной войны. Документальные источники фонда БШПД привлекались не только при изучении партизанской борьбы на территории БССР [11, 15, 21, 30, 31], но и при исследовании социально-экономического положения на оккупированной территории [9, 22, 23], военной и гражданской коллаборации [12, 28, 61], оккупационного режима [16, 59, 60, 62], истории повседневности [8, 27]. Практически любое научное исследование, посвященное истории Великой Отечественной войны, содержит ссылки на документы фонда. Отдельно отметим источниковедческие работы историков, связанные с документами фонда. Это уже вышеназванные работы Е. Павловой, исследования [26] и диссертация [24] автора данной статьи, посвященные изучению разведывательных документов партизан, а также исследование А. Лукашова [32], которое посвящено изучению картографических материалов белорусских партизан.

Подводя итог, отметим следующее:

фонд БШПД НАРБ является одним из крупнейших по истории партизанской борьбы на территории постсоветского пространства. Он включает в себя более 11 тыс. ед. хр.;

видовое разнообразие документов, их репрезентативность и информативность позволяют всесторонне изучать различные вопросы партизанской борьбы на территории БССР. Кроме того, привлечение документов фонда и их ввод в научный оборот позволят значительно расширить возможности по изучению практически всех аспектов истории Великой Отечественной войны на территории Беларуси;

фонд № 1450 включает в себя документы как партизанских соединений (отрядов, групп, бригад), так и их руководящих органов (ЦШПД, БШПД, представительство), что позволяет проследить их иерархичности, соотносить и сравнивать фактологические и количественные данные, более глубоко проводить источниковедческие исследования;

фонд БШПД является очень востребованным для исследователей, он активно изучается и используется как отечественными, так и зарубежными пользователями. Значительная работа проведена по изучению отдельных групп документов (по личному составу, разведывательных, картографических материалов). Это позволило провести их квалифицированный источниковедческий анализ, выявить места их хранения, определить степень репрезентативности и достоверности.

Литература и источники

1. Авиация — партизанам: 1941—1944: документы и воспоминания / сост.: Г. Д. Князько, В. Д. Селеменов. — Минск: НАРБ, 2005. — 368 с.

2. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня — август 1941): Документы и материалы / Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Федеральное архивное агентство России, Государственный архив Российской Федерации, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны и др. — Минск: НАРБ, 2006. — 455 с.
3. Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР, 1941—1945 гг.: справочник / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Федеральное архивное агентство России, Российский государственный архив социально-политической истории; сост.: В. Д. Селеменов, В. В. Скалабан, В. Н. Шепелев. — Минск: НАРБ, 2008. — 214 с.
4. Беларусь непокоренная: Воспоминания, документы, хроника партизанского движения и подпольной борьбы 1941—1944 / Министерство обороны Республики Беларусь, Военно-научное управление Вооруженных сил Республики Беларусь, Министерство обороны Российской Федерации, Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации; авт.-сост.: В. В. Абагуров [и др.]. — Минск: БЕЛТА, 2005. — 391 с.
5. Брюханов, А. И. В штабе партизанского движения / А. И. Брюханов. — Минск: Беларусь, 1980. — 256 с.
6. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Документы и материалы. В 3 т. / [Институт истории партии при ЦК КПБ — филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории Академии наук БССР]. — Минск: Беларусь, 1967—1982. — Т. 1: Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 — ноябрь 1942) / сост.: Р. Р. Крючок и др. — 1967. — 743 с.; Т. 2. Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны (ноябрь 1942 — декабрь 1943). Кн. I (ноябрь 1942 — июль 1943). — Минск: Беларусь, 1973. — 680 с.; Кн. II (июль—декабрь 1943). — Минск: Беларусь. — 814 с.; Т. 3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии на завершающем этапе (январь—июль 1944) / [сост.: З. И. Белуга, Г. Н. Шевела, К. Н. Гоцман и др.]. — Минск: Беларусь, 1982. — 792 с.
7. Гомельщина партизанская: документы и материалы. Вып. 2. Развитие: июль 1942 г. — август 1943 г. / сост.: В. Д. Селеменов [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. — Минск: НАРБ, 2015. — 424 с.
8. Гребень, Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941—1944 гг.): монография / Е. А. Гребень. — Минск: БГАТУ, 2016. — 496 с.
9. Гребень, Е. А. Привлечение нацистской Германией граждан Беларуси на принудительные работы (1941—1944 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: 31.03.2005 / Гребень Евгений Александрович; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2005. — 19 с.
10. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь: Аннот. справ. / Бел. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела, Нац. арх. Респ. Беларусь; [авт.-сост.: С. В. Жумарь и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 1998. — 253 с.
11. Доморад, К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941—1944 гг. / К. И. Доморад; под ред. И. М. Игнатенко. — Минск: Навука і тэхніка, 1995. — 256 с.

12. Зверев, Ю. В. «Русские» формирования вермахта и войск СС на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зверев Юрий Владимирович; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2002. — 19 с.
13. Иоффе, Э. Г. Белорусский штаб партизанского движения / Э. Г. Иоффе. — Минск: РИВШ, 2009. — 51 с.
14. Калинин, П. З. Партизанская республика / П. З. Калинин. — 3-е изд. — Минск: Беларусь, 1973. — 367 с.
15. Киселев, В. К. Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944 / В. К. Киселев. — Минск: Издательство БГУ, 1980. — 128 с.
16. Козак, К. И. Германский оккупационный режим на территории Беларуси 1941—1944: Историография и источники / К. И. Козак. — Минск: БГУ, 2006. — 267 с.
17. Козел, Д. А. Белорусский штаб партизанского движения: создание, начало деятельности (сентябрь — ноябрь 1942 г.) / Д. А. Козел // Вести Института современных знаний. — 2008. — № 4. — С. 20—24.
18. Козел, Д. А. Группа по ликвидации дел Белорусского штаба партизанского движения и значение ее деятельности для исследователей истории партизанского движения / Д. А. Козел // Беларусь і Германія: Гісторыя і сучаснасць: зб. навуц. арт.: у 2 т. / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Інстытут гісторыі НАН Беларусі; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. — Вып. 10. — Т. 1. — Мінск: МДЛУ, 2012. — С. 169—173.
19. Козел, Д. А. Деятельность Белорусского штаба партизанского движения по организации авиаперевозок и доставке боевых грузов в партизанские формирования Беларуси (октябрь 1942 г. — май 1943 г.) / Д. А. Козел // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навуц. канф., Мінск, 11 крас. 2014 г. Вып 13: у 2 т. Т. 2 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: МДЛУ, 2015. — С. 40—46.
20. Козел, Д. А., Саевич, Т. Н. Медико-санитарная служба Белорусского штаба партизанского движения и ее деятельность по организации медицинской помощи партизанам Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Военная медицина. — 2009. — № 4. — С. 144—152.
21. Крыварот, А. А. Узасмадзянне беларускіх і расійскіх партызанскіх фарміраванняў у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941—1944 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навуц: 07.00.02 / Крыварот Анатолий Аляксеевіч. — Мінск, 2010.
22. Кривашэй, Д. А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі ў перыяд германскай акупацыі (чэрвень 1941 г. — ліпень 1944 г.) / Д. А. Кривашэй. — Мінск: Беларус. навука, 2009. — 198 с.
23. Кузьменко, В. И. Советская интеллигенция в партизанском движении в Белоруссии 1941—1944 гг. / В. И. Кузьменко; под ред. А. Ф. Юденкова. — Минск: Наука и техника, 1991. — 116 с.
24. Кулинок, С. В. Документальные источники Белорусского штаба партизанского движения по разведывательной деятельности партизан: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / С. В. Кулинок. — Минск, 2016. — 143 с.
25. Кулинок, С. В. О разведывательной деятельности партизанских соединений: агентурные и разведывательные сводки, докладные записки, отчеты, справки / С. В. Кулинок // Вестник архивиста. — 2015. — № 4. — С. 113—123.

26. Кулинок, С. В. Разведывательные документы Белорусского штаба партизанского движения: виды, структура, информативность (по материалам фонда № 1450 Национального архива Республики Беларусь) / С. В. Кулинок // Архивы и делопроизводство. — 2013. — № 4. — С. 131—138.
27. К'яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту. Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941—1944 гг.) / Бернгард К'яры. 2-е выд., папраўленае. — Мінск, 2008. — 389 с.
28. Літвін, А. М. Акупацыя Беларусі (1941—1944): Пытанні супраціву і калабарацыі / А. М. Літвін. — Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. — 287 с.
29. Літвін, А. М. Беларускі партызанскі... / А. М. Літвін // Беларускі гістарычны часопіс. — 2007. — № 9. — С. 3—10.
30. Літвін, А. М. Стварэнне і баявая дзейнасць партызанскіх фарміраванняў на тэрыторыі Беларусі / А. М. Літвін // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства / Нацыянальная акадэмія навуц Беларусі, Інстытут гісторыі; А. М. Літвін [і інш.]; навуц. рэд.: Я. С. Паўлаў, А. М. Літвін. — Мінск: Беларус. навука, 1999. — С. 90—122.
31. Литвин, А. Руководство боевой деятельностью партизанских сил Белоруссии и их оперативное использование в интересах фронта / А. Литвин // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941—1944 годах: Материалы Международной науч.-практ. конф. (Минск, 25—26 июня 2009 г.) / редкол.: М. В. Мясникович [и др.]. — Минск: Беларус. навука, 2009. — С. 72—90.
32. Лукашоў, А. А. Картаграфічныя матэрыялы партызан і падпольшчыкаў Беларусі (1941—1944 гг.) як гістарычная крыніца вывучэння Вялікай Айчыннай вайны: дыс. ... канд. гіст. навуц: 07.00.09 / А. А. Лукашоў. — Мінск, 2014. — 172 с.
33. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Дело фонда № 1450 (3500). Т. 1. — С. 1—64.
34. Там же. — Ф. 1406. — Оп. 1.
35. Там же. — Ф. 1450. — Оп. 1.
36. Там же. — Оп. 2.
37. Там же. — Оп. 3.
38. Там же. — Оп. 4.
39. Там же. — Оп. 5.
40. Там же. — Оп. 6.
41. Там же. — Оп. 7.
42. Там же. — Оп. 8.
43. Там же. — Оп. 9.
44. Там же. — Оп. 11а.
45. Там же. — Оп. 12.
46. Там же. — Оп. 13.
47. Там же. — Оп. 15.
48. Там же. — Оп. 17.
49. Там же. — Оп. 18.
50. Там же. — Оп. 21.
51. Там же. — Оп. 23.
52. Там же. — Оп. 24.
53. Павлова, Е. Я. Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.): Источники и метод анализа: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / Е. Я. Павлова. — Минск, 2003. — 121 с.

54. Павлова, Е. Я. О месте и особенностях партизанских документов в комплексе источников по истории партизанского движения / Е. Я. Павлова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: зб. Вып. 6. — 2011. — С. 103—119.
55. Павлова, Е. Я. Подготовка партизанских кадров в Белоруссии / Е. Я. Павлова // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941—1944 годах: Материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 25—26 июня 2009) / редкол.: М. В. Мясникович [и др.]. — Минск: Беларус. навука, 2009. — С. 260—268.
56. Пономаренко, П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941—1944 / П. К. Пономаренко. — М.: Наука, 1986. — 438 с.
57. Пономаренко, П. К. Централизация руководства партизанским движением / П. К. Пономаренко // Партия во главе народной борьбы в тылу врага (1941—1944 гг.). — М.: Мысль, 1976. — С. 191—215.
58. Прохоров, А. А. Мероприятия партийных органов по материально-техническому обеспечению партизан и подпольщиков // Партия во главе народной борьбы в тылу врага (1941—1944 гг.). — М.: Мысль, 1976. — С. 268—280.
59. Романько, О. В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941—1945 / О. В. Романько. — М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013. — 479 с.
60. Романько, О. В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941—1945 гг. / О. В. Романько. — М.: Вече, 2008. — 428 с.
61. Сервачинский, И. Ю. Коллаборационизм на оккупированной территории Беларуси (июль 1941 — август 1944 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Игорь Юрьевич Сервачинский. — Минск: БГУ, 1999. — 16 с.
62. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. — Мінск: Беларусь, 1993. — 236 с.
63. Шумейко, М. Ф. Делопроектирование в партизанских отрядах Беларуси в годы Великой Отечественной войны / М. Ф. Шумейко // Архивы и делопроектирование. — 2005. — № 2. — С. 60—66.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 14.05.2017

А. А. Савіч,
дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
дактарант Інстытута гісторыі НАН Беларусі;
e-mail: uleks@tut.by

МІКРАГІСТАРЫЧНЫЯ АСПЕКТЫ ГІСТАРЫЯГРАФІІ ГІСТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ 1921—1939 ГГ.

(на прыкладзе ліста У. А. Палуяна да М. С. Арэхва ад 28 чэрвеня 1962 г.)

Адзін з найбольш аўтарытэтных айчынных гісторыкаў, прызнаных і паважаных спецыялістаў па гісторыі Заходняй Беларусі 1921—1939 гг., Уладзімір Аляксандравіч Палуян па справядлівасці мае пачэсны навуковы статус бліскачага знаўцы гісторыі Беларускай сялянска-работніцкай Грамады (БСРГ). Гэтае сцверджанне будзе і надалей заставацца непахісным, нягледзячы на тое, што яго навуковая спадчына, у тым ліку і знакамітая манаграфія па гісторыі Грамады, у апошнія гады атрымлівае часам крытычна-скептычныя водгукі. Прынцып гістарызму патрабуе суадносіць адпаведныя навуковыя дасягненні, а таксама недахопы, з шырокім колам разнастайных акалічнасцей, у якіх адбываўся працэс навукова-гістарычнай рэканструкцыі і інтэрпрэтацыі адпаведных гістарычных падзей. Задачами ж сучаснай гістарыяграфіі заходнебеларускай гісторыі відавочна з'яўляецца карэктнае ўдакладненне раней атрыманых вынікаў, якое не будзе імкненнем абрынуць аўтарытэты, а забяспечыць вызначэнне і асэнсаванне шырокага кола гістарыяграфічных паказчыкаў, якія абумовілі канкрэтны навуковы вынік.

Для больш глыбокага і адэкватнага асэнсавання гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі другой паловы 1950—1960-х гг., як і іншых пытанняў гісторыі гістарычнай навукі, вялікае значэнне маюць мікрагістарычныя аспекты, якія могуць быць зафіксаваны ў разнастайных эга-дакументальных крыніцах. Вядома, што, акрамя мемуараў, рэцэнзій, адозваў і іншых відаў крыніц асабістага паходжання, у мікрагісторыі вялікае значэнне мае эпістальная спадчына. У нашым выпадку аўтарамі ліставання выступаюць гісторыкі, аб'яднаныя навукова-прафесійнай цікавасцю да гісторыі Заходняй Беларусі ў складзе міжваеннай Польшчы, — Уладзімір Аляксандравіч Палуян і Мікалай Сямёнавіч Арэхва, якія былі на той час аднымі з самых актыўных даследчыкаў заходнебеларускай гісторыі.

М. Арэхва ў пачатку 1960-х гг. — паважаная ў дзяржаўна-партыйных колах БССР асоба, адзін з кіраўнікоў КПЗБ, аўтарытэты знаўца гісторыі Заходняй Беларусі, меў вопыт навукова-арганізацыйнай працы ў першай палове 1930-х гг., удзельнік Вялікай Айчыннай вайны, галоўны кадравік польскіх спецслужбаў у пасляваенны час. Пасля рэабілітацыі КПЗБ на XX з'ездзе КПСС стаў старшым навуковым супрацоўнікам Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ (ПП), паступова замацаваўшы за сабой статус самага аўтарытэтнага спецыяліс-

та гісторыі КПЗБ і гісторыі Заходняй Беларусі ў цэлым. Цяжка знайсці дысертацыі ці кнігі таго часу ў БССР па гэтай тэматыцы, якія б абмінулі скрупулёзнага і патрабавальнага рэцэнзента — М. Арэхву. Ён карыстаўся вялікім аўтарытэтам і павагай сярод ветэранаў КПЗБ, праводзіў на працягу 1950—1980-х гг. вялікую арганізацыйна-каардынацыйную і асабістую навуковую працу ў рэчышчы заходнебеларускай гісторыі [1; 2; 3].

У параўнанні з ім У. Палуян — малады таленавіты вучоны, супрацоўнік Інстытута гісторыі АН БССР, у 1951 г. з адзнакай скончыў Беларускае педінстытут, а ў 1954 г. і аспірантуру пры ім, пад навуковым кіраўніцтвам І. Краўчанкі ажыццяўляў навуковае даследаванне гісторыі Заходняй Беларусі, у першую чаргу БСРГ, да якой у тагачасным беларускім грамадстве і ў навуковых колах захоўвалася падазронае стаўленне. У навуковым плане У. Палуян шчыльна супрацоўнічаў з Ц. Гарбуновым, яшчэ адным партыйна-навуковым аўтарытэтам, які не быў прыхільнікам паглыблення гістарыяграфіі БСРГ. З'яўляючыся аўтарам раздзела па гісторыі Заходняй Беларусі ў абагульняльных выданнях па гісторыі Беларусі 1958 г. і 1961 г. [4; 5], якія былі значным крокам наперад у параўнанні з публікацыямі другой паловы 1930-х — першай паловы 1950-х гг., у тым ліку і яго самога, Ц. Гарбуноў лічыў, што пра Грамаду «всё ўжо ім напісана, нечогэ ўжо пісаць», пры гэтым не грэбаваў магчымасцю скарыстацца фактаграфічнымі напрацоўкамі У. Палуяна, карыстаючыся славай чалавека, які «мог кого ўгодна «зарезаць» [6]. У такіх умовах маладому даследчыку У. Палуяну было няпроста рэалізаваць свой навуковы патэнцыял, апублікаваць вынікі сваіх даследаванняў, атрымаць навуковую ступень кандыдата гістарычных навук і як вынік — палепшыць свой навуковы і сацыяльны статус, а таксама матэрыяльнае становішча.

Вяўлены ў фондзе 1440 «Інстытут гісторыі партыі пры ЦК КПБ» Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (далей — НАРБ) ліст У. Палуяна ад 28 чэрвеня 1962 г. да М. Арэхвы на васьмі старонках фармату А4, аздоблены рэмаркамі М. Арэхвы, з'яўляецца змястоўнай крыніцай па гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі мікрагістарычнай скіраванасці [1, арк. 112—115]. Дакумент істотным чынам раскрывае «кухню» ўзаемадчыннення паміж гісторыкамі, якія вывучалі Заходнюю Беларусь міжваеннага часу, выяўляе матывацыю ўзаемадчыннасці і ўчынкаў, з аднаго боку — насяражанаць У. Палуяна і неадназначнаць яго сітуацыі, з другога — перакананасць маладога гісторыка ў праваце сваёй справы, высокую ступень матывацыі і прафесійнай адказнасці, навуковую смеласць, якая падмацоўвалася грунтоўным валоданнем прадмета даследавання. Ліст напісаны адразу пасля выхаду ў друк знакамітай на той час сумеснай манаграфіі У. Палуяна і І. Палуяна [7], у якім аўтар прыводзіць аргументы ў сваю абарону перад абвінавачваннем М. Арэхвы за «паспешлівасць» у напісанні і выданні кнігі.

Ад значнай долі крытыкі творчасці У. Палуяна і І. Палуяна не абмінула тое, што У. Палуян разам з М. Арэхвам супрацоўнічалі ў складзе навуковага

калектыву па падрыхтоўцы першага тома зборніка дакументаў «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР» [8]. Для аўтара ліста сітуацыя ўскладнялася тым, што ён рыхтаваўся да абароны кандыдацкай дысертацыі па гісторыі БСРГ, напэўна, атрымліваючы перасяражлівыя словы і парады ў сувязі з вастрынёй тэмы свайго дысертацыйнага даследавання. І хоць кандыдацкую ступень У. Палуян атрымаў у 1963 г., у лісце ў роспачы паведамляў М. Арэхву аб суб'ектыўных цяжкасцях на шляху да абароны.

Упершыню выяўленае і дакументальна пацверджанае крытычнае стаўленне і заўвагі М. Арэхвы да У. Палуяна і І. Палуяна былі выказаны ім сумесна з П. Пышкіным (старшы навуковы супрацоўнік ГПІ, кандыдат гістарычных навук) 27 лістапада 1958 г. у трынаццацістаронкавай машынапіснай рэцэнзії на сумесны артыкул «Компартия Западной Белоруссии и революционное движение в Западной Белоруссии в 1930—1939 гг.». Агульную негатыўную танальнасць рэцэнзії красамоўна ілюструе першая фраза: «Авторы рецензируемой статьи глубоко не изучили материал и допустили при изложении вопросов серьезные ошибки». Пры тым, што рэцэнзенты па многіх фактаграфічных паказчыках крытыкавалі справядліва, іх канчатковая выснова гучала як прысуд: «... статья ... не может быть опубликована. Она нуждается в коренной переработке» [1, арк. 1—13].

Дзеля справядлівасці адзначым, што прынышповасць М. Арэхвы тлумачылася яго імкненнем забяспечыць высокі навуковы ўзровень публікацый па гісторыі КПЗБ. «Я точно также поступаю и ко всем научным работам, которые попадают в наш институт на рецензию по этой теме: поддерживаю, но делаю критические замечания и добиваюсь, чтобы автор исправил, доработал рукопись», — распавядаў М. Арэхва ветэрану-аднапартыйцу В. Ласковічу, даючы тлумачэнне свайго крытычнага стаўлення да значнай «дозы вымысла» ў яго творах [9, арк. 86].

Але прычыну адмоўнага водгукі можна разглядаць, верагодна, і ў тым, што М. Арэхва, атрымаўшы ў партыйна-навуковых колах статус галоўнага спецыяліста па гісторыі КПЗБ [6], хацеў і надалей заставацца першым і галоўным, меў відавочны намер напісаць гісторыю КПЗБ пры сваім кіруючым актыўным удзеле, у яго былі падставы для хвалявання з-за ўзнікшай канкурэнцыі з боку маладых вучоных. Верагодна, гэта падштурхнула ў 1960 г. М. Арэхву да афіцыйнага замацавання пад яго кіраўніцтвам абагульняльнага даследавання па гісторыі КПЗБ у ГПІ, бо І. Палуян і У. Палуян сваім шасцідзесяцідзевяцістаронкавым машынапісным артыкулам стварылі працу па КПЗБ з відавочнымі атрыбутамі абагульняльнай манаграфіі.

Нягледзячы на перашкоды, артыкул І. Палуяна і У. Палуяна без КПЗБ у назве быў у 1962 г. апублікаваны ажно ў маскоўскім зборніку [10], за год да гэтага яны падрыхтавалі сваю згаданую сумесную манаграфію. Яе рукапіс у хуткім часе лёг на стол М. Арэхвы для кампетэнтнага рэцэнзавання. Як і ў папья-

рэдні раз, М. Арэхва 16 жніўня 1961 г. быў грунтоўны ў сваёй дваццацічатырох-старонкавай рэцэнзіі. У сваім відавочна не надта добразычлівым імкненні да аб'ектыўнасці ён у чарговы раз рэзка прайшоўся па тэксце, дзеля справядлівасці адзначым, выяўляючы фактаграфічныя, стылістычныя і канцэптуальныя недахопы рукапісу, садзейнічаючы павышэнню навуковага ўзроўню будучай публікацыі. Аднак многія заўвагі сёння можна трактаваць як прыдзіркі, у прыватнасці, вітаючы ўключэнне ў геаграфічныя межы прадмета даследавання Вільні і Віленскага краю, неабгрунтавана сцвярджаючы, што гэта «коренная тэрыторыя Литвы», М. Арэхва абавязваў гісторыкаў паказваць літоўскі нацыянальна-вызваленчы рух: «Без этого в работе будет изъян и литовские товарищи будут в законной претензии, что авторы как бы «анексировали» их коренную территорию вместе с их исторической столицей Вильнюсом, включив ее в общее понятие Западной Белоруссии» [1, арк. 86].

Відавочна, што заўвагі і рэкамендацыі можна было б хутка выправіць, у гэтым сааўтары былі зацікаўлены, і кнігу можна было б накіраваць у друк. Тым больш што рэцэнзент палічыў, па-першае, магчымым выданне кнігі пасля дапрацоўкі з улікам выказаных ім заўваг, звяртаючы ўвагу на тое, што «работа Полуянов» уяўляе сабой больш шырокае абагульненне вопыту развіцця рэвалюцыйнага і нацыянальна-вызваленчага руху ў параўнанні з усімі папярэднімі публікацыямі. Аднак гэтая акалічнасць, напэўна, з-за адсутнасці ў яго самога буйных публікацый больш за ўсё і непакоіла М. Арэхву. Таму ён, па-другое, патрабаваў выдання кнігі толькі пасля выхаду падрыхтаванага да друку першага тома названага вышэй зборніка дакументаў, якія «былі широко использованы авторами для написания своей работы» [1, арк. 107].

Аднак І. Палуян і У. Палуян сумесна кнігу ў першай палове 1962 г. надрукавалі да выхаду згаданага зборніка і, напэўна, хваляваліся адносна магчымай рэакцыі М. Арэхвы. Асабліва яна турбавала У. Палуяна, які рыхтаваўся да абароны кандыдацкай дысертацыі, і абвастрэнне адносін з «галоўным гісторыкам КПЗБ» не было яму на руку. Як паказваюць дакументы, гісторыкі нездарма былі занепакоены. Адпаведныя намеры скрупулёзны М. Арэхва, які практыкаваў вестці запісы адносна хваляваўшых яго пытанняў, напэўна выказваў у прыватных ці нават афіцыйных размовах з калегамі.

Таму ў трыюзе адносна ўзнікшай сітуацыі У. Палуян з гонарам і падкрэслена паважліва звярнуўся да М. Арэхвы з неабходнымі тлумачэннямі. Як бы апраўдваючыся за сябе і стрыечнага брата, У. Палуян даводзіў, што яны і так затрымалі выхад сваёй кнігі, каб зборнік не выйшаў раней, нават атрымалі штраф ад выдавецтва. Пры гэтым У. Палуян наўпрост і намёкам гаварыў пра суб'ектыўныя цяжкасці яго асабістай навуковай працы над грамадоўскай тэматыкай, намёкам пацвярджаючы вышэйадзначаныя своеасаблівыя адносіны з Ц. Гарбуновым: «А работа эта ни в коем случае не является результатом скоропалительного наскока. Я работаю над этой темой в общей сложности вот уже 10 лет. Вы, должно быть, также знаете (я об этом Вам говорил) как писалась

глава о Западной Белоруссии во втором томе истории БССР и кто фигурирует ее автором. Несмотря на это вот уже 4 года мою диссертацию о Громаде в Академии не пускают в печать, а кто не пускает Вам нетрудно догадаться» [1, арк. 112].

Як сведчыць чарнавік адказу М. Арэхвы ад 2 ліпеня 1962 г. на публікуемы ліст, У. Палуян змог палепшыць яго стаўленне да сябе [1, арк. 116—117]. Аднак адносіны М. Арэхвы да ўчынка «непаслухмяных» маладых гісторыкаў і кнігі былі рашуча крытычнымі. Сведчаннем гэтага з'яўляецца рэмарка М. Арэхвы ад 20 ліпеня 1962 г. пад назвай «МОИ ЗАМЕЧАНИЯ на книгу Полуянов». У ёй аўтар змясціў агучаныя вышэй заўвагі і паўтарыў асноўныя прэтэнзіі адносна таго, што кніга выйшла раней, чым зборнік, а аўтары, якія занадта шмат на сябе ўзялі, не ўлічылі цалкам заўвагі М. Арэхвы [1, арк. 109—111].

Цяжка выявіць сапраўднае навуковае і эмацыянальнае стаўленне М. Арэхвы да акрэсленай сітуацыі, але шчыры ліст У. Палуяна і значнасць навуковай працы маладых гісторыкаў яго змякчылі. Ва ўсялякім выпадку, у наступным годзе адбылася паспяхова абарона кандыдацкай дысертацыі У. Палуяна, а пасля выхаду ў 1967 г. манаграфіі па Грамадзе М. Арэхва быў адным з актыўных аўтараў станоўча-прывітальных і ўзнёслых рэцэнзій кнігі У. Палуяна пра БСРГ [1, арк. 188—132].

Ліст У. Палуяна напісаны чарніламі ад рукі па-руску, друкуецца без істотных выпраўленняў пунктуацыі, стылістыкі і граматыкі, рэмаркі і падкрэслванні ад рукі М. Арэхвы — шарыкавай ручкай.

Ліст У. А. Палуяна да М. С. Арэхвы ад 28 чэрвеня 1962 г.

Здравствуйте, Николай Семенович!*

Я давно собирался поговорить с Вами по поводу некоторых Ваших замечаний, высказанных в рецензии на рукопись нашей книги, которая, как я узнал, недавно вышла из печати. Я думал, что книга выйдет где-то в августе, и откладывал этот разговор до того времени**. Однако получилось несколько иначе. Теперь поскольку я в отпуске и нахожусь далеко от Минска, то остается написать письмо.

Прежде всего я хочу искренне поблагодарить Вас за замечания, высказанные в рецензии*** и за общую положительную оценку нашей книги. Эти замечания помогли нам устранить или исправить ряд недостатков и улучшить содержание книги, а положительная оценка работы способствовала ее выходу в свет.

* У правым верхнім куце аркуша рукой М. Арэхвы зроблена прыпіска аб даце атрымання ліста: «Пол. 2/VIII62» і яго подпіс.

** Тут і далей падкрэслена М. Арэхвам.

*** Размова ідзе пра папярэднюю рэцэнзію сумеснай манаграфіі І. В. Палуяна і У. А. Палуяна, якая была напісана М. С. Арэхвам 16 жніўня 1961 г.

Николай Семенович, меня беспокоят некоторые Ваши замечания и упреки, высказанные в мой адрес в той рецензии. Вы писали, что поскольку в книге использованы материалы сборника, то она может быть издана лишь после выхода в свет этого сборника*. Могу сказать Вам, что мы сделали все, чтобы книга вышла как можно позже. Так, мы сдали книгу для направления на рецензирование на год позже, чем сборник. И только возникшие потом осложнения со сборником, которых никто из нас не мог предвидеть, затянули его поступление в набор и выход в свет. Но даже и в этом случае книга была сдана в набор только 2 января 1962 г., т. е. значительно позже сборника. Более того, еще в первой корректуре мы задержали книгу на полтора месяца, за что получили штраф от типографии. В результате книга появилась лишь в середине 1962 г., а должна была выйти согласно договору во второй половине 1961 г.

Дальше тянуть с ней уже нельзя было, так как немедленно книга была бы выброшена из плана издания. А Вы сами прекрасно знаете, что значит снять книгу с плана издания да еще для младшего научного сотрудника, не имеющего, так сказать, ни веса, ни влияния среди чинов. Это означало бы на деле похоронить работу. Поэтому снимать книгу с издания мы не могли. Ведь это была для нас единственная возможность опубликовать свою работу. А работа эта ни в коем случае не является результатом скоропалительного наскока. Я работаю над этой темой в общей сложности вот уже 10 лет. Вы, должно быть, также знаете (я об этом Вам говорил) как писалась глава о Западной Белоруссии во втором томе истории БССР и кто фигурирует ее автором. Несмотря на это вот уже 4 года мою диссертацию о Громаде в Академии не пускают в печать, а кто не пускает, Вам нетрудно догадаться. Но тем не менее я не навязывался в Белгосиздат со своей книгой. Они сами предложили мне такую тему. Пришлось согласиться. Громаду же они не захотели взять как более узкий вопрос, а может и по другим соображениям.

Теперь об использовании самих документов. Вы писали в рецензии о том, что из 18 дел 60 фонда Партархива, материалы которых использованы в нашей книге, я смотрел только одно, а остальные документы взяты мной со сборника. Могу Вас заверить, что здесь дело обстоит иначе. Во-первых, количество сносок и соответственно фактов со сноской на Партархив сейчас вдвое сокращено. Остались лишь немногие. Во-вторых, я смотрел не одно из 18 использованных дел, а больше половины. Об этом можно судить уже потому, что значительная часть сносок на Партархив включает такие дела и листы, которых в сборнике вообще нет и не было. Я потом могу Вам показать эти материалы. Над материалами 60 фонда Партархива я работал в общей сложности больше месяца, и уж, конечно, не одно дело просмотрел и не один факт обнаружил за это время. Но

* Маецца на ўвазе зборнік дакументаў і матэрыялаў «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы»: сб.: в 2 т. Т. I. (1921—1929 гг.). — Минск: Госиздат БССР, 1962. — 620 с.

Вы сделали такой вывод потому, что я по некоторым соображениям не заполнял листы использования. Подробнее об этом я скажу Вам потом. Сейчас только скажу еще, что в читальном зале Партархива в моем личном деле как посетителя архива должны храниться мои требования на дела и отметки о просмотре дел, по которым можно убедиться, что я просмотрел десятки дел 60 фонда.

Николай Семенович, мне хочется напомнить также, что составителям сборников разрешается правилами издания использовать частично материалы подготавливаемых ими сборников. Многие так и делают, считая это нормальным явлением. Ведь это не списывание чужих работ и мыслей. Что же тут плохого, если я использовал какую-то часть документов сборника? Как Вам известно, за исключением написания введения и примечаний, почти вся остальная работа над сборником носит преимущественно технический характер*. По нашей неопытности в этом деле мы потратили уйму времени. И хотя, очевидно, несколько меньше работал над ним, чем Вы, тем не менее истратил времени столько, что за этот срок выявил бы для монографии во много раз больше документов, чем я использовал со сборника. После этого не грешно кое-что и со сборника взять. Тем более, что другие составители могли также и вполне законно пользоваться всеми материалами сборника. Сборник от этого хуже не станет. К тому же об использовании некоторых документов сборника нами специально оговорено во введении к книге.

Что касается документов из других архивов, то могу Вам сказать, что я почти полгода работал в архивах Вильнюса, столько же в Бресте, месяц в Гродно, делая фронтальный просмотр материалов архивов в том числе в 1958—1959 годах и для сборника. Немало времени работал в архивах Вильно, Бреста, Гродно, Молодечно и в Партархиве Иван Полуян. Выявленные нами лично документы составляют львиную долю, основу книги. Они, конечно, нередко совпадают с материалами сборника. Иначе и быть не может — раз документы взяты в одном и том же архиве**.

Теперь несколько слов по поводу Вашего замечания, почему в книге нет развернутой оценки работ, вышедших по этому вопросу раньше. Редакция не пошла на то, чтобы включить в книгу историографический обзор из-за объема книги и ее полупопулярного характера. Поэтому пришлось ограничиться самым минимальным***.

Николай Семенович, я, конечно, не знаю, будет ли время у Вас написать рецензию или краткий отклик в какой-нибудь журнал или газету, возьметесь ли Вы за это, но для меня очень важно Ваше мнение, Ваша оценка книги. Не скрою, что меня тревожит характер этой оценки, поскольку рецензии бывают не только положительные, но и отрицательные. Вам, конечно, прекрасно

* На палях рукой М. Арэхвы пастаўлены пыгальнік.

** Рэмарка М. Арэхвы: «Возможно. Но вклад в сборник небольшой».

*** На палях рэмарка М. Арэхвы: «Дело не только в этом. Авторы недооценили значения некоторых работ после 1956 г.».

известно, что каждый автор хочет видеть положительную оценку своей работы, и я, очевидно, не составляю исключение. Это становится еще более понятным, если учесть, что осенью мне предстоит и так уже безмерно затянувшаяся защита диссертации. И то, какими будут отзывы на книгу имеет для меня сейчас особенно важное значение.

Я хорошо понимаю, что дело и воля рецензента решать, какую он напишет рецензию, автор же остается на положении подсудимого, которого можно казнить и можно помиловать. Только в связи с этим мне хотелось сделать одно маленькое замечание. Рецензия близкая по содержанию к первой Вашей рецензии, сыгравшей в свое время положительную роль, сейчас, повидимому, не подошла бы к печати, если давать книге положительную оценку. И не только потому, что мы учли Ваши замечания и на сколько позволяли материалы исправить отмеченные недостатки, но и по другим соображениям. Если рецензию в таком духе, где положительное отмечено лишь вскользь и занимает совершенно незначительную часть всей рецензии, а остальное все — недостатки, поместить в газету или журнал, то современный научный мир со своим особым подходом к рецензиям, воспримет ее как отрицательную оценку книги пусть даже в рецензии и будет дано общее положительное заключение*. А это в свою очередь определит и общественное мнение. И совсем иначе воспринимают те рецензии, в которых изложение положительных сторон преобладает, где дано обоснование положительного и уже потом говорится об отрицательном.

Встает вопрос, а что в нашей книге положительного? Как отмечено во введении, основная цель книги состоит в том, чтобы показать развитие массового революционного, т. е. рабочего и крестьянского, и национально-освободительного движения в Западной Белоруссии. Первое, что требуется для такой работы — это рассмотреть социально-экономические условия революционного движения. И вот, если подходить объективно, то, на мой взгляд, никто не станет утверждать, что первая глава об экономическом положении края не дает ничего нового. Наоборот, начиная от различных фактов и кончая большим количеством сводных цифр, почти все в ней ново, все взято из основательных источников или представляет результат собственного подсчета (количество предприятий и рабочих в сравнении с дореволюционным, избыточная рабочая сила в деревне и безработица в городе, классовая дифференциация крестьянства, земельное владение, аграрная реформа, экономический кризис 1929—1933 гг., налоговый гнет и положение трудящихся, сведения о состоянии народного образования и т. д.). В главе имеется и ряд новых выводов.

В следующих главах как забастовочное движение рабочих, так и аграрные и антиналоговые выступления крестьян на всех этапах борьбы, партизанское движение в 1921—1925 гг., общедемократическая борьба за национальное

* Рукой М. Арэхвы на палях: «Рецензия должна быть такая, на какую книга заслуживает».

освобождение, политическая борьба рабочего класса и крестьянства против фашистской диктатуры за создание рабоче-крестьянского правительства и воссоединение с БССР, борьба против соглашательских партий и белорусских буржуазных националистов, изменение форм и методов борьбы в зависимости от условий времени и многие другие вопросы впервые в исторической литературе так широко и конкретно на фактах показаны. А Громада, а Змаганне и ТБШ. Ведь по существу никто еще не давал такого развернутого анализа не только деятельности и организационного развития, но и социального характера этих организаций*, их программ, их методов борьбы. Не менее важное значение имеют и многочисленные выводы, сделанные в книге. Сюда относится характеристика политической сущности партизанского движения 1921—1925 годов, вывод о наличии в программе Громады наряду с революционно-демократическими отдельными социалистическими требованиями, определение Громады и Змаганя как революционно-демократических организаций беднейшего и среднего крестьянства и городской бедноты, обоснование революционной демократии в этот период в Западной Белоруссии как союзника пролетариата в борьбе за демократию и социализм, вывод о создании в Западной Белоруссии во второй половине 1926 года союза рабочего класса и крестьянства, руководимого Коммунистической партией, о том, что Громада становилась органом этого союза, органом революционной борьбы масс.

Затем такой вопрос, как степень активности движения, его подъема, оживления и спады. В исторической литературе пока еще не было определенно сказано какой степени достигло массовое движение в тот или иной период. По этому вопросу существует еще немалая путаница. Так Лочмель, Горбунов, а затем и Царюк представляли движение как сплошной подъем, достигший высшей точки где-то во второй половине 30-х годов. Не случайно и теперь еще в брошюре Глинской говорится, что в 1926—1928 годах были созданы предпосылки для подъема революционного движения, а самого подъема выходит и не было. В нашей же книге ясно показано, что подъем рабочего движения в Западной Белоруссии был в 1923 году, подъем революционного и национально-освободительного движения во второй половине 1926 года с назреванием революционной ситуации в конце 1926 — начале 1927 годов, подъем забастовочного движения рабочих в 1928 году, оживление рабочего и крестьянского движения в 1929—1931 гг., подъем рабочего и крестьянского движения с появлением отдельных элементов революционной ситуации в 1932—1933 годах, подъем рабочего движения в 1936—1937 годах. В книге показано, что революционное движение в Западной Белоруссии было слабее в 1921—1922 гг., в 1925 г., в 1927—1929 гг., в 1934—1935 (особенно крестьянское), а также в 1938—1939 гг.**

* Падкрэслена М. Арэхвам.

** На палях рэмарка М. Арэхвы: «Эти высказывания интересны, но небесспорны».

И все это не голословно, а показано на большом фактическом материале с немалым количеством сводных цифр и обобщающих данных. В книге раскрыты также причины подъемов и спадов, успехов и неудач движения.

Руководящая роль КПЗБ показана в той мере, какой это необходимо для такой темы. Здесь уместно будет сказать, что мы сознательно не рассматривали широко вопросов внутривнутрипартийной жизни КПЗБ и развития самой партии, зная, что Вы, И. П. Ховратович и товарищи из университета работаете над написанием очерков истории КПЗБ. Так что изданию очерков наша книга никак не может помешать*.

О недостатках книги я не буду говорить. Со стороны они лучше видны. Я знаю только, что без недостатков книг не бывает.

Таким образом, если подходить объективно и справедливо к оценке нашей книги, то нельзя обойти указанные выше и другие положительные стороны и достоинства книги. А что неполно освещены те или иные вопросы, то еще Кузьма Прутков (так у тэксце. — А. С.) говорил: нельзя объять необъятное, тем более в книге на 12 печатных листов**.

На этом писать оканчиваю. Извините за беспокойство и за длинное письмо.

С глубоким уважением
28 июня 1962 года.

В. Полуян

Літаратура і крыніцы

1. НАРБ. — Ф. 1440. — Воп. 3. — Спр. 1100.
2. НАРБ. — Ф. 1440. — Воп. 3. — Спр. 1103.
3. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921—1939 гады): гістарыяграфія праблемы: манаграфія / А. А. Савіч; навук. рэд. А. А. Каваленя; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. — Брэст: БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2012. — 288 с.
4. Гісторыя Беларускай ССР / АН БССР, 1-г гісторый. У двух тамах. Т. II. Пад рэд. М. С. Краўчанкі. — Мінск: Выд-ва АН БССР, 1958. — 605 с.
5. История Белорусской ССР. В двух томах. 2-е, доп. изд. Том II. Под общей ред. Л. С. Абецдарского, Т. С. Горбунова, Н. В. Каменской, Н. С. Кравченко, К. И. Шабунни. — Минск: Изд-во АН БССР, 1961. — 702 с.
6. Запіс гутаркі ад 21 красавіка 2016 г. з доктарам гістарычных навук, прафесарам І. Палуянам, жыхаром г. Мінска, стрыечным братам і навуковым папяречнікам У. Палуяна // Асабісты архіў А. А. Савіча.
7. Полуян, В. А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920—1939 гг. / В. А. Полуян, И. В. Полуян. — Минск: Госиздат, 1962. — 222 с.

* На палях рэмарка М. Арэхвы: «Разве только поэтому? Этот вопрос авторы не исследовали».

** На гэтым абзацы, па тэксце У. Палуяна, М. Арэхва напісаў: «Так надо было и не браться за необъятное. Т. е. за 1920—1939 гг. А коль взялись так давайте. Я же в рецензии писал, что тема обязывает авторов». Подпіс М. Арэхвы.

8. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы: сб.: в 2 т. Т. I. (1921—1929 гг.). — Минск: Госиздат БССР, 1962. — 620 с.
9. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. — Ф. 500. — Воп. 1. — Спр. 79.
10. Полуян, В. Революционное движение в Западной Белоруссии в 1930—1939 гг. / В. Полуян, И. Полуян // Из истории польского рабочего движения: [сб. ст. к 20-летию Пол. рабочей партии, 1942—1962 / под ред. А. Я. Манусевича и И. А. Хренова]. — М.: Соцэкгиз, 1962. — С. 410—458.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 06.03.2017

А. А. Савинов,
юрисконсульт, стажер младшего научного сотрудника
отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
e-mail: savinovrecord@mail.ru

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

История российского парламентаризма — одно из активно развивающихся в последние десятилетия направлений истории России. При этом важнейшим источником для исследования деятельности Государственной думы Российской империи служат документы Российского государственного исторического архива (РГИА). Обширностью документального фонда Государственной думы мы обязаны служащим ее канцелярии. Однако эта деятельность изучена намного меньше, чем, собственно, законотворчество и иные стороны работы российского парламента. В целях восполнения этого пробела посвятим данную статью вопросам организации делопроизводства.

Сложность делопроизводства, бюрократический характер переписки, раздутая отчетность, чиновничество, формализм — таковы черты общих систем документирования в этот период. Если же говорить в целом о постановке делопроизводства, то бюрократическое начало характеризует и его постановку в государственных учреждениях царской России. Вот почему в делопроизводстве государственных учреждений в основном продолжали действовать нормы, установленные Генеральным Регламентом [2, с. 141—160], Учреждениями для управления губерниями 1775 г. [18, с. 229—304] и Учреждением министерств 1811 г. [10, с. 686—719].

Однако развитие капиталистических отношений требовало более гибких форм документирования, их большей оперативности. Это обусловило появление новых черт процесса документирования и документационного обслуживания учреждений.

Радикальные изменения в технике — появление механического транспорта — способствовали новой организации почтового дела, ускорению связи. Новые средства связи — телеграф, телефон — привели к новым способам документирования, созданию новых видов документов — телеграмм и телефонограмм. Телеграф отвечал потребности быстрой передачи текста документов, и телеграммы получили широкое применение. С изобретением телефона связано появление телефонограмм — запись информации, переданной по телефону.

Возникают такие способы документирования, как стенографическая запись, фотография, звукозапись, которые вызвали к жизни не только новый метод фиксации информации, но и новый вид документов — стенограммы, фотодокументы, фонограммы.

Происходят существенные изменения в способе изготовления документов. К документам, создаваемым ручным способом, прибавилась машинописная документация. Изобретение пишущих машин, множительных аппаратов (гектографов, шапирографа, ротатора) решало проблему размножения документов. В этих целях стали использовать литографии и типографии. Так, циркуляры стали изготавливаться чаще всего типографским способом, что значительно упростило переписку. Появляются типографским способом воспроизведенные документы с элементами трафаретных текстов (унифицированные отдельные фразы или части текста для документов, содержащих идентичную и постоянно повторяющуюся информацию). Пишущие машины позволили по-новому решить многие вопросы документирования: упразднилась должность переписчиков, улучшился внешний вид документа, облегчилось его прочтение.

Вместе с тем следует отметить, каково же было само оформление документов тех лет, в первую очередь организационно-распорядительных, которое не претерпело каких-либо тотальных изменений с начала XIX в.

К этому времени сложился определенный состав реквизитов, использовавшийся при составлении и оформлении документов: заглавие (название разновидности документа), текст (содержание), адресат, дата отправления, дата получения, подпись, скрепа, номер входящий, печать, резолюция. В то же время каждая разновидность документа имела свои особые правила составления и оформления, закрепленные в законах и строившиеся на основании принципа «иерархии властей и мест».

Реквизит «Заглавие» указывался не на всех документах. Чаще всего заглавие писалось на документах, адресовавшихся из низших инстанций в высшие, таких, как рапорт, доношение, объяснение, прошение, жалоба, донос и т. п. Название этих документов обычно включалось в обозначение автора, например: «Старшего столоначальника второго городского отделения хозяйственного департамента, коллежского советника Николая Васильева сына ... прошение». В сношениях разных инстанций, а также высших с низшими реквизит «Заглавие» указывался реже (за исключением указов и иногда предписаний). В этих случаях разновидность документов определялась в зависимости от положения корреспондентов на иерархической лестнице и связанной с этим иерархией документов. Без заглавия обычно писались отношения, предписания, представления.

Реквизит «Текст» делился на три части: «приступ», «изложение обстоятельств», «заклучение». В «приступе», или введении, излагалась причина (основание) создания документа: «имея надобность ...», «вследствие ходатайства», «ввиду неоднократных заявлений ...» и т. д. «Изложение обстоятельств» давалось в повествовательной форме с соблюдением логической связи и последовательности. В заключении излагалась сама просьба, давалось распоряжение или предписание, высказывалось мнение.

Тексты просительских документов часто писались по пунктам. В первом пункте указывалась причина составления документа, в последующих — суть дела. В конце документа писалась просьба. Исключение составляли прошения и жалобы, подаваемые на имя императора. В них тексты на пункты не делились.

Стиль текстов документов начала XX в. был достаточно тяжелым, «канцелярским». Документы изобиловали большим количеством лишних выражений, таких, как «долгом поставляю уведомить», «честь имею покорнейше просить» и т. п.

Реквизит «Подпись» располагался внизу, после реквизита «Текст». Право подписи служебных документов имели начальствующие лица. В присутственных местах документы подписывались председателем и одним из членов присутствия, а документы, отправившиеся в Сенат — всеми членами присутствия. В состав подписи всегда входили фамилия или имя и фамилия, чин, и в некоторых случаях — титул и должность подписавшего лица. На документах, посланных из высших учреждений в низшие, также оформлявших сношения между равными инстанциями, в состав подписи входило только обозначение чина, титула и фамилии. Например: «Действительный статский советник граф . . .». Если документ отправлялся в вышестоящую инстанцию, то в состав подписи входило название должности, чина и фамилии: «Гродненский гражданский губернатор действительный статский советник . . .».

Журналы заседаний присутствия, протоколы (постановления, определения, решения), мнения, приговоры подписывались всеми членами присутствия с указанием чинов и занимаемых должностей. В некоторых случаях подписи ставились под каждой статьёй.

На просительских документах подпись разбивалась на несколько частей, которые ставились под каждым пунктом прошения, жалобы или отзыва: «К сему прошению кандидат юридических наук — Андрей Тимофеев, сын П. руку приложил». На прошениях и жалобах, подававшихся на имя императора, полная подпись ставилась в конце документа.

На всех документах подпись ставилась вплотную к тексту, а во многих случаях начиналась в строку, сразу за текстом. Подобные правила должны были предохранять документ от возможных дописок.

Реквизит «Скрепка» ставился на документах после подписи. Скрепка свидетельствовала о правильности составления и оформления документа в соответствии с требованиями закона. Скрепляли документы лица их составлявшие или докладывавшие — чаще всего секретари, директора. На некоторых документах ставилось две скрепы (например, столоначальника и делопроизводителя), иногда писалась формула «скрепил». Скрепка была обязательным реквизитом для документов, отправлявшихся в высшие инстанции.

Для реквизитов «Дата отправления» и «Регистрационный номер» в начале XX в. обычно отводились ограничительные отрезки, которые включались в

состав бланковых надписей и соответственно располагались в верхнем левом углу документа. В официальных письмах регистрационный исходящий номер и дата отправления указывались внизу, под реквизитом «Адресат». На документах, при составлении которых не использовались бланки (указы, выписки из протоколов и журналов), исходящий номер указывался на левом поле первого листа документа, а дата — в строке или в конце документа.

Реквизиты «Регистрационный входящий номер» и «Дата поступления» ставились на документах без определенного порядка (на верхнем, левом, нижнем поле), но чаще — в верхней части документа справа.

Большое значение в исполнительном делопроизводстве придавалось оформлению реквизита «Адресат». В сношениях равных присутственных мест и низших с высшими адресат начинался с предлога «в», например: «В Виленское губернское правление», «В палату гражданского суда».

Если документ адресовался конкретному должностному лицу, стоявшему выше в иерархической лестнице, то перед обозначением должности и фамилии указывался его титул, например: «Его превосходительству господину директору хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, тайному советнику . . .». В сношениях равных чинов и старших с младшими титул опускался, например: «Господину Могилевскому губернатору . . .».

В официальных письмах адресат указывался внизу на левом поле оборотной стороны документа, например: «Его Высочородию Ф. Семеновичу Яневичу, Господину Правящему должности Гродненского Гражданского Губернатора и Кавалеру».

Для написания разных документов определялся разный вид бумаги. Так, для внутренней документации учреждений и переписки использовалась простая бумага. Просительская документация должна была создаваться на гербовой бумаге. Гербовая бумага служила для пополнения государственной казны, ибо за нее необходимо было платить большие по тем временам деньги — от 15 коп. до 10 руб. серебром [6, с. 120—123].

Во всех четырех Думах действовал специально созданный аппарат, занимающийся делопроизводством. В Манифесте от 6 августа 1905 г. говорилось о создании законосовещательной Государственной думы [9, с. 637—638]. В «Учреждении Государственной думы» от 6 августа 1905 г. говорилось: «Для производства дел по Государственной думе состоит при ней Канцелярия» [1, с. 642]. Им определялась структура самой Думы, ее руководства и канцелярии.

Канцелярия создавалась как постоянно действующий орган. Управление возлагалось на секретаря Государственной думы. Секретарь и его товарищ (заместитель) избирались Думой, как и ее Председатель, из числа ее членов на пять лет. Манифест устанавливал четкий порядок управления. В специальном приложении к статье 32 Манифеста содержались правила и порядок назначения чиновников в канцелярию, увольнения и прохождения ими службы. Этим же

приложением подчеркивалось и отличие службы в канцелярии от государственной службы в других учреждениях. И сегодня во многих парламентах мира — Испания, Англия — служащие парламентских администраций имеют особый статус.

На службу в канцелярию принимал лично секретарь Государственной думы. Но при этом требовалось предварительное согласие Государственного секретаря. Без такого согласия ни один из служащих не мог поступить в канцелярию. Увольнял со службы также секретарь Государственной думы.

Из кого же формировали штат канцелярии? Подбор осуществлялся, прежде всего, по сословному принципу. Табелем о рангах, введенном Петром I в 1722 г., предусматривалось право поступления на «государеву службу» преимущественно дворянам [17, с. 486—495]. На службе в канцелярии не могли состоять лица, не допускавшие к выборам в Государственную думу на основании статьи 7 Положения о выборах в Думу, а именно: подвергшиеся суду за преступные деяния, даже если они уже отбыли наказание; отрешенные судебным приговором от должности (в течение трех лет со времени отрешения); «подвергшиеся несостоятельности»; «лишенные духовного сана или звания за пороки, или же исключенные из среды обществ и дворянских собраний». Не могли также служить в канцелярии несовершеннолетние, обучающиеся в учебных заведениях, иностранные подданные. Существовали определенные ограничения и для женщин. Прекрасная половина человечества допускалась лишь к письмоводству и счетоводству.

Лица, поступавшие на службу в канцелярию, приносили присягу на верность службе. На них распространялись и некоторые «табу». Служащим канцелярии запрещалось, например, участие «в учреждении всяких торгово-промышленных предприятий и кредитных установлений или в управлении ими».

Служащим канцелярии воспрещалось разглашать сведения, которые стали известны им по службе, если эти сведения не подлежали оглашению. За нарушение служебных обязанностей они несли такую же ответственность, как и должностные лица, находящиеся на действительной гражданской службе.

В канцелярии Государственной думы работали делопроизводители, их помощники, казначей, присяжные, стенографы, писцы. Канцелярия не только осуществляла весь документооборот, но так же, как и современный российский госаппарат, обеспечивала работу заседаний Общего Собрания Государственной думы — прообраза пленарных заседаний нынешней Думы, составляла отчеты по их проведению. В соответствии с Манифестом в Думе было не менее четырех и не более восьми отделов.

Для исполнения распоряжений Думы и поддержания порядка в ней существовала должность пристава. Пристав и его помощники назначались председателем Государственной думы. Кроме наблюдения за порядком, они вели подсчет голосов при голосовании на общих собраниях и в комиссиях,

выдавали билеты на посещение Думы и регистрировали отсутствовавших на заседании.

Характерно, что к аппарату Думы относилась не только ее канцелярия. По закону от 20 февраля 1906 г. аппарат состоял из Общего Собрания и канцелярии, а также отделов и комиссий. Таким образом, в аппарат входили не только служащие, но и депутаты.

Штат и правила прохождения службы в III Государственной думе были утверждены императором 1 июля 1908 г. [7, с. 414—415]. Но когда в процессе деятельности Думы объем работы канцелярии увеличился, ее штат был дополнен Высочайшим утверждением от 23 марта 1911 г. [8, с. 217].

Канцелярия состояла из трех отделов: отдела Общего Собрания, отделов и комиссий, составление сметы по содержанию канцелярии и сведения общей сметы по Думе. Отдел Общего Собрания издавал сборники материалов, отчетов Думы и «Справочный листок». Он занимался также делами «личного положения» членов Думы, канцелярии и должностных лиц, состоявших при Думе.

Функции финансового отдела в бюджетной и финансовой комиссиях, в комиссии по исполнению росписи доходов и расходов напоминали чем-то круг обязанностей современной Счетной палаты. К законодательному отделу относились дела в комиссиях, специально избиравшихся для разработки определенных законопроектов.

Во главе отделов стояли начальники. На начальника отдела Общего Собрания и отделов общих дел возлагалось заведование делами, имевшими общее значение при канцелярии и «других установлений, состоящих при Думе».

Затраты на содержание канцелярии составили: в 1908 г. — 550 тыс. руб. Немалую их часть составляли расходы на приобретение книг для библиотеки Думы — 12 тыс. руб. в каждом году.

В штате канцелярии состояло тогда 226 служащих, в том числе: 3 начальника отделов, 15 старших делопроизводителей 7-го класса, 17 — восьмого класса, один экспедитор с четырьмя помощниками, архивариус, старший стенограф, казначей, бухгалтер и его помощник, 7 старших и 11 младших журналистов, 9 вольнонаемных писцов высшего оклада и 77 низшего, 26 стенографов.

Постепенно расширялась сфера работы в канцелярии и для женщин. Они допускаются уже и в качестве стенографов, и на работу в библиотеку для выдачи книг. Однако только в качестве вольнонаемных.

Одной из форм делопроизводственной документации Государственной думы были стенографические отчеты. Каждое заседание Государственной думы стенографировалось [11—16]. В стенографических отчетах регистрировались дата, день недели и время заседания (открытия и закрытия) Думы. Заседание начинал председатель. С докладами и в прениях выступали докладчики от комиссий Думы, министры. Так, например, на 23-м заседании I Государственной думы выступали министр юстиции Щегловитов и министр внутренних дел П. А. Столыпин [12]. Выступления депутатов дословно фиксировались в стено-

грамме, указывались фамилия выступавшего и место, откуда он был избран, или его должность, если это был министр. Все заседание вел председатель Думы, что отражено в стенографических отчетах. Председатель мог прервать заседание и объявить перерыв на определенное время. Судя по стенографическим отчетам, голосование могло быть тайным и открытым, путем вставания депутатов [4]. В опубликованных стенограммах II Государственной думы появилось обозначение повестки дня [3—5]. Стенографические отчеты Государственной думы являются не только источником по изучению истории делопроизводства, но и ценным историческим источником для изучения деятельности Государственной думы Российской империи.

Таким образом, можно говорить о том, что делопроизводство Российской империи было вполне регламентировано и имело определенную законодательную основу, однако, несмотря на технические достижения конца XIX — начала XX в., которые ускорили процесс передачи информации, в том числе и документационной, делопроизводство так и осталось закостенелым, с языковыми излишествами в текстах документов. Особенно это касается высших государственных органов управления, в том числе и Государственной думы. Высшие иерархии не считали обоснованным уменьшение влияния в текстах документов «иерархии властей и мест», которая затрудняла понимание, а следовательно, скорость прочтения и исполнения документа.

Литература и источники

1. Высочайше утвержденное Учреждение Государственной думы. Августа 6 [1905 г.]// Полное собрание законов Российской империи. — 3-е собрание: В 33 т. — Т. XXV. — Отделение I. — СПб., 1907. — № 26661. — С. 642.
2. Генеральный Регламент или устав, по которому Государственные коллегии, також и всех оных принадлежащих к ним Канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина подданнейшие поступать имеют. Февраля 28 [1720]// Полное собрание законов Российской империи — 1-е собрание: В 45 т. — Т. VI. — Отделение I. — СПб., 1830. — № 3534. — С. 141—160.
3. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. — Т. 2. Заседания 31—53 (с 1 мая по 2 июня). — СПб., 1907. — Режим доступа: <http://on-island.net/History/Dumall/Dumallindex.htm>. — Дата доступа: 02.02.2013.
4. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. — Т. 1. Заседания 1—30 (с 20 февраля по 30 апреля). — СПб., 1907. — Режим доступа: <http://on-island.net/History/Dumall/Dumallindex.htm>. — Дата доступа: 02.02.2013.
5. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. — Т. 2. Заседания 31—53 (с 1 мая по 2 июня). — СПб., 1907. — Режим доступа: <http://on-island.net/History/Dumall/Dumallindex.htm>. — Дата доступа: 02.02.2013.
6. Давыдова, Э. Н. История и организация делопроизводства в Беларуси / Э. Н. Давыдова, А. Е. Рыбаков. — Минск: ТетраСистемс, 1999. — 215 с.
7. Об изменении и дополнении Учреждения Государственной думы и установлении штата Канцелярии Государственной думы и состоящих при Государственной думе должностных лиц. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом

- и Государственной думой закон. Июля 1 [1908 г.]// Полное собрание законов Российской империи. — 3-е собрание: В 33 т. — Т. XXVIII. — Отделение I. — СПб., 1911. — № 30594. — С. 414—415.
8. Об изменении штата Канцелярии Государственной думы и состоящих при Государственной думе должностных лиц. Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой закон. Июля 1 [1908 г.]// Полное собрание законов Российской империи. — 3-е собрание: В 33 т. — Т. XXXI. — Отделение I. — СПб., 1914. — № 34948. — С. 217.
  9. Об учреждении Государственной думы. Манифест. Августа 6 [1905 г.]// Полное собрание законов Российской империи. — 3-е собрание: В 33 т. — Т. XXV. — Отделение I. — СПб., 1907. — № 26656. — С. 637—638.
  10. Общее учреждение Министерств. Июня 25 [1811]// Полное собрание законов Российской империи. — 1-е собрание: В 45 т. — Т. XXXI. — Отделение I. — СПб., 1830. — № 24686. — С. 686—719.
  11. Стенограмма второго заседания Первой Государственной думы. Заседание второе. 29 апреля 1906 г. — Режим доступа: www.agitclub.ru/vybory/duma100/zased2.htm. — Дата доступа: 20.12.2012.
  12. Стенограмма двадцать третьего заседания Первой Государственной думы. Заседание двадцать третье. 8 июня 1906 г. — Режим доступа: www.agitclub.ru/vybory/duma100/zased23.htm. — Дата доступа: 10.01.2013.
  13. Стенограмма двадцать четвертого заседания Первой Государственной думы. Заседание двадцать четвертое. 9 июня 1906 г. — Режим доступа: www.agitclub.ru/vybory/duma100/zased24.htm. — Дата доступа: 10.01.2013.
  14. Стенограмма первого заседания Первой Государственной думы. Заседание первое. 27 апреля 1906 г. — Режим доступа: www.agitclub.ru/vybory/duma100/zased1.htm. — Дата доступа: 20.12.2012.
  15. Стенограмма пятого заседания Первой Государственной думы. Заседание пятое. 5 мая 1906 г. — Режим доступа: www.agitclub.ru/vybory/duma100/zased5.htm. — Дата доступа: 22.12.2012.
  16. Стенограмма тридцать первого заседания Первой Государственной думы. Заседание тридцать первое. 22 июня 1906 г. — Режим доступа: www.agitclub.ru/vybory/duma100/zased31.htm. — Дата доступа: 15.01.2013.
  17. Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины, и которые в одном классе, та имеют по старшинствам времени вступления в чин между собою однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был. Генваря 24 [1722]// Полное собрание законов Российской империи. — 1-е собрание: В 45 т. — Т. VI. — Отделение I. — СПб.: Государственная типография, 1830. — № 3890. — С. 486—495.
  18. Учреждения для управления губерний Всероссийския империи. Ноября 7 [1775]// Полное собрание законов Российской империи — 1-е собрание: В 45 т. — Т. XX. — Отделение I. — СПб., 1830. — № 14392. — С. 229—304.

Артикул поступил в редакцию 04.09.2017

А. В. Бурачонок,

дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і наваейшага часу БДУ,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: burumag@gmail.com

«АГЛЯДЫ ГУБЕРНЯЎ» ЯК КРЫНІЦЫ ДЛЯ Вывучэння ПРАМЫСЛОВАГА РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У КАНЦЫ XIX — ПАЧАТКУ XX ст.

У канцы XIX — пачатку XX ст. у структуры народнай гаспадаркі Беларусі больш трывалыя пазіцыі пачынае займаць прамысловае прадпрыемальніцтва. У гэты час адбываецца імклівы ў параўнанні з папярэднімі дзесяцігоддзямі рост колькасці механізаваных прадпрыемстваў, пранікненне ў гаспадарку беларускіх губерняў асацыяраванага, у тым ліку і замежнага капіталу, а таксама манапалізацыя і канцэнтрацыя вытворчасці. У дзелавым асяроддзі Беларусі пачынаюць з'яўляцца прамыслоўцы, імёны якіх становяцца ўсё больш вядомымі не толькі ў беларускіх, але і ў суседніх губернях.

Варта адзначыць, што на сённяшні дзень падрыхтавана дастаткова вялікая колькасць навуковых прац, у якіх закранаюцца асобныя аспекты прамысловага развіцця беларускіх губерняў у канцы XIX — пачатку XX ст. Аднак, нягледзячы на гэта, вывучэнне прамысловага прадпрыемальніцтва на тэрыторыі Беларусі ў названы перыяд працягваецца. І для дасягнення большай аб'ектыўнасці ў даследаванні адзначанай праблемы важна прааналізаваць шырокае кола гістарычных крыніц. Як правіла, асабліва ўвага пры вывучэнні прамысловасці, як і любой іншай галіны эканомікі, надаецца аналізу статыстычных матэрыялаў. Аднак не заўжды даследчыкі эканамічнай гісторыі Беларусі пры падрыхтоўцы сваіх прац звяртаюцца да перыядычных выданняў губернскіх статыстычных камітэтаў — «Аглядаў губерняў», якія даюць абагульненую тэкставую інфармацыю па розных сферах сацыяльна-эканамічнага жыцця беларускіх губерняў і частую змяшчаюць унікальныя па сваім характары звесткі.

«Агляды» пяці беларускіх губерняў выдаваліся з 1870 г. да 1913 г. Некаторыя з іх адразу выходзілі пад такой назвай, як, напрыклад, «Агляд Віленскай губерні» і «Агляд Магілёўскай губерні». Статыстычныя матэрыялы па Віцебскай, Гродзенскай і Мінскай губернях першапачаткова друкаваліся пад назвамі «Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника [...] губернии за [...] год» і «Приложение к всеподданнейшему отчету [...] губернатора за [...] год» [33, с. 121—133, 167—173, 348—359]. Варта адзначыць, што ў архіўных і бібліятэчных сховішчах Рэспублікі Беларусь захоўваюцца выданні «Аглядаў» пяці беларускіх губерняў далёка не за ўсе гады. Яшчэ ў 1984 г. З. В. Шыбека ў артыкуле, які прысвечаны разглядаемым статыстычным публікацыям, звярнуў увагу на дадзеную праблему [39, с. 114]. Аднак да гэтага часу з папяровымі асобнікамі «Аглядаў Віленскай губерні» за 1870—1877 гг. можна знаёміцца толькі ў Дзяржаўнай публічнай гістарычнай бібліятэцы Расіі ў Маскве (ДПГБ). Выданні за 1878—1882 і 1888, 1891, 1894, 1896, 1898, 1906 і 1907 гг., акрамя

названага кнігасховішча, маюцца ў Нацыянальнай бібліятэцы Украіны ў Кіеве (НБУ). Разам з тым, з «Аглядамі Віленскай губерні» за 1870—1911 гг. можна знаёміцца на сайце ДПГБ, дзе ў адкрытым доступе змешчаны аблічбаваны варыянт названых выданняў. Апублікаваныя статыстычныя матэрыялы па Віцебскай губерні за 1870—1877 гг. можна знайсці выключна ў Расійскім дзяржаўным гістарычным архіве (г. Санкт-Пецярбург), за 1878—1880 гг. — толькі ў НБУ і г. д. У дадатак, неабходна адзначыць, што за некаторыя гады дадзеныя зборнікі статыстычных матэрыялаў не выдаваліся. Па Віленскай губерні не выяўлены выданні за 1904 і 1913 гг., па Віцебскай губерні — за 1911—1913 гг. [33, с. 121—133]. У сувязі з гэтым крыніцазнаўчая база ў межах дадзенага даследавання абмежавана выключна выданнямі, якія выходзілі пад назвай «Обзор [...] губернии за [...] год» і захоўваюцца ў сховішчах Беларусі, або знаходзяцца ў адкрытым доступе ў глабальнай сетцы інтэрнэт.

Пераходзячы да аналізу «Аглядаў губерняў», варта адзначыць, што звесткі аб прамысловым развіцці пэўнай губерні, як правіла, змешчаны ў раздзеле «Прамысловасць заводская і фабрычная». Аднак такая фармулёўка назвы характэрна не для ўсіх выданняў. Так, напрыклад, у «Аглядах Гродзенскай губерні» раздзел мае назву — «Прамысловасць фабрычная і заводская» [14, с. 5], у «Аглядах Віцебскай губерні» з 1895 г. ён называецца «Фабрычна-заводская прамысловасць» [11, с. 10], у «Аглядах Магілёўскай губерні» з 1900 г. дадзены раздзел пасля аб'яднання з раздзелам «Гандаль» атрымаў назву «Прамысловасць і гандаль» [28, с. 14]. У дадатак да гэтага, пэўныя выданні «Аглядаў губерняў» утрымліваюць у сабе раздзел «Промыслы гарадскога і сельскага насельніцтва», у якім прыведзены звесткі аб хатніх і адыходных промыслах сельскіх жыхароў, а таксама аб відах і памерах рамеснай і саматужнай вытворчасці ў гарадской мясцовасці. Пры гэтым, варта адзначыць, што ў адрозненне ад раздзела «Прамысловасць фабрычная і заводская», раздзел «Промыслы гарадскога і сельскага насельніцтва» прысутнічае не ва ўсіх прааналізаваных выданнях. Так, у «Аглядах Магілёўскай губерні» ён адсутнічае ўвогуле, у «Аглядах Віцебскай губерні» раздзел з'яўляецца толькі з 1887 г. [9, с. 8], у «Аглядах Гродзенскай губерні» — з 1894 г. [15, с. 21—26]. Па гэтай прычыне, у першую чаргу, варта больш падрабязна спыніцца на аналізе раздзела, прысвечанага развіццю фабрычна-заводскай вытворчасці.

У пачатку названага раздзела, як правіла, прыведзены звесткі аб колькасці фабрык і заводаў у губерні за пэўны год, занятых на іх працоўных і аб'ёме вытворчасці ў грашовым выражэнні. У дадатак да гэтага, у выданнях амаль за ўсе гады (па Магілёўскай і Мінскай губернях — ва ўсіх выяўленых «Аглядах губерняў», па Віленскай — да 1895 г. уключна, па Віцебскай — да 1900 г., па Гродзенскай — да 1906 г.) адлюстравана дынаміка росту або скарачэння паказчыкаў па трох названых пазіцыях у параўнанні з папярэднімі годам. У некаторых выданнях такая дынаміка не абмяжоўваецца выключна адным годам. Напрыклад, у «Аглядах Віленскай губерні», пачынаючы з 1897 г., прыведзены

звесткі аб развіцці фабрычна-заводскай вытворчасці ў губерні за апошнія 10 гадоў [7, с. 21], што, безумоўна, кампенсуе адсутнасць вышэйадзначанага параўнання з папярэднім годам.

Аналізуючы прыведзеную інфармацыю аб агульным развіцці прамысловасці па губернях, варта звярнуць увагу на дзве акалічнасці. Па-першае, у раздзеле «Прамысловасць фабрычная і заводская» змешчаны даныя не выключна па механізаваных прадпрыемствах, за якімі ў айчыннай гістарыяграфіі трывала замацавалася назва «фабрыкі і заводы». Гэта абумоўлена тым, што, паводле заканадаўства Расійскай імперыі, да «фабрычна-заводскіх» адносіліся ўстановы, на якіх вырабляўся тэўны від прадукцыі [38, с. 1191]. Напрыклад, прадпрыемствы, якія спецыялізаваліся на вытворчасці «фабрычнай прадукцыі», — паперы, тыгунёвых вырабаў, сукна і інш., — мелі назву «фабрыкі», а тая, што спецыялізаваліся на вырабе «заводскай прадукцыі», — спірту, запалак, шкла і інш., — называліся «заводамі». У пэўных «Аглядах губерняў» нават паасобку разглядаюцца гэтыя два віды вытворчасці, напрыклад, у выданнях па Гродзенскай губерні за 1894—1906 гг. [15, с. 26—27; 18, с. 18] і па Віцебскай губерні за 1883 г. [8, с. 4—5]. Па-другое, варта звярнуць увагу на супастаўнасць даных аб прамысловым развіцці розных губерняў. Справа ў тым, што крыніцы, з якіх губернскае статыстычнае камітэта на тэрыторыі Беларусі атрымлівалі звесткі, не заўжды былі аднастайнымі. Так, напрыклад, у выданні «Агляд Магілёўскай губерні» за 1900 г. адзначаецца, што даныя аб прамысловым развіцці атрыманы непасрэдна ад гаспадароў фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў [28, с. 14], у той час як інфармацыя па Мінскай губерні за гэты ж год была прадстаўлена фабрычным інспектарам [24, с. 10]. Пры гэтым варта звярнуць увагу, што ў статыстычны камітэт былі дастаўлены звесткі аб 395 фабрыках і заводах, на якіх працавалі 8884 чалавекі [24, с. 10], нягледзячы на той факт, што пад наглядам фабрычнай інспекцыі ў Мінскай губерні ў 1900 г. знаходзіліся 202 прадпрыемствы з 7380 рабочымі [34, с. 4]. Зразумела, што ў такім выпадку метады збору і апрацоўкі звестак маглі адрознівацца, таму існуе верагоднасць, што канчатковыя паказчыкі па развіцці прамысловасці ў розных губернях могуць быць не заўжды супастаўнымі.

Варта адзначыць, што пытанні адносна супастаўнасці даных узнікаюць і пры аналізе выданняў па адной губерні. Напрыклад, у «Аглядзе Гродзенскай губерні» за 1887 г. адзначаецца, што ў выданнях за папярэднія гады прыводзіліся звесткі аб прамысловых прадпрыемствах з параўнальна высокім аб'ёмам вытворчасці. У сувязі з гэтым пэўныя фабрыкі і заводы, якія спецыялізаваліся пераважна на перапрацоўцы сельскагаспадарчай сыравіны, у выданнях «Аглядаў Гродзенскай губерні» да 1887 г. не ўлічваліся [14, с. 5]. Яшчэ адной прычынай, якая магла ўплываць на разыходжанні паказчыкаў у «Аглядах» адной губерні за розныя гады, з'яўлялася складанасць у зборы дакладных даных адносна аб'ёму вытворчасці ў грашовым выражэнні. Сведчанні аб гэтым можна знайсці ў «Аглядзе Віцебскай губерні» за 1899 г. [12, с. 18]. Гэтыя хібнасці неаб-

ходна таксама ўлічваць пры адлюстраванні дынамікі змен у прамысловым развіцці пэўнай губерні за адпаведны адрэзак часу.

Не заўжды звесткі, якія змешчаны ў «Аглядах губерняў», суадносяцца з данымі іншых выданняў. У якасці прыкладу варта прывесці вядомую працу, — «Опыт описания Могилевской губернии», — якая была складзена па праграме і пад рэдакцыяй старшыні Магілёўскага губернскага статыстычнага камітэта А. С. Дэмбавецкага. У другім томе дадзенага выдання адзначаецца, што ў Магілёўскай губерні ў 1881 г. налічвалася 1029 фабрык і заводаў з агульным аб'ёмам вытворчасці 1 760 123 руб. [31, с. 202]. Разам з тым, у «Аглядзе Магілёўскай губерні» за 1881 г. прыведзены звесткі аб 336 фабрычна-заводскіх установах, на якіх было выраблена прадукцыі на суму 3 140 726 руб. [25, с. 5]. Такім чынам, нягледзячы на той факт, што абодва выданні былі падрыхтаваны мясцовым статыстычным камітэтам, інфармацыя аб прамысловым развіцці ў іх істотна адрозніваецца. Разам з тым, калі супаставіць даныя «Аглядаў губерняў» з данымі, якія змешчаны ў іншым выданні губерnskіх статыстычных камітэтаў — «Памятных книжках», — то відавочна, што яны цалкам супадаюць.

Вяртаючыся да агульнай характарыстыкі раздзела, які прысвечаны развіццю фабрычна-заводскай вытворчасці, варта адзначыць, што звесткі аб колькасці прадпрыемстваў, сумарным кошыце вырабленай прадукцыі і занятых на фабрыках і заводах працоўных, а таксама даныя аб размеркаванні названых паказчыкаў па асноўных галінах прамысловасці прысутнічаюць у «Аглядах» усіх беларускіх губерняў. Разам з тым, у выданнях па пэўных губернях утрымліваецца і іншая інфармацыя, якая ўяўляе цікавасць і карысць для даследчыкаў прамысловага развіцця Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст.

Для разумення працэсаў, якія адбываліся ў прамысловай вытворчасці на тэрыторыі Беларусі, істотнае значэнне маюць звесткі не толькі аб аб'ёме вырабленай прадукцыі, але і аб прыбытках гаспадароў фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў. Фрагментарна дадзеная інфармацыя змешчана ў «Аглядах» пэўных беларускіх губерняў. У якасці дадаткаў яна прысутнічае ў «Аглядах Магілёўскай губерні» з 1889 г. і «Аглядах Віцебскай губерні» з 1899 г. Даныя аб абаротах і прыбытках гаспадароў прамысловых прадпрыемстваў Мінскай губерні можна знайсці ў адпаведным выданні толькі за 1894 г. [23, с. 26]. У «Аглядах Віленскай губерні» і «Аглядах Гродзенскай губерні» звесткі такога характару не выяўлены. Іх адсутнасць у пэўных выданнях можна было б патлумачыць тым, што ў Расійскай імперыі на працягу амаль усяго XIX ст. яны з'яўляліся камерцыйнай тайнай. Аднак з увядзеннем дадатковых падаткаў у выглядзе раскладнага і акцызнага збораў [32, с. 10] інфармацыя аб прыбытках прамыслоўцаў стала адкрытай для больш шырокага кола грамадства, і адлюстраванне яе ў «Аглядах губерняў» было б лагічным.

У раздзеле, прысвечаным развіццю фабрычна-заводскай вытворчасці, змяшчаюцца звесткі не толькі аб прамысловых прадпрыемствах, але і аб іх гаспадарках. Так, у выданнях па шэрагу губерняў прыведзены прозвішчы ўладаль-

нікаў найбольш буйных і вядомых фабрык і заводаў, сярод якіх: князь Ф. Паскевіч, уладальнік Добрушскай папяровай фабрыкі, якая на працягу разглядаемага перыяду займала лідзіруючыя пазіцыі па аб'ёме вытворчасці ў Магілёўскай губерні [26, с. 4]; купец І. Шэрэшэўскі, уладальнік тыгунёвай фабрыкі ў г. Гродна — аднаго з найбольш вядомых тагачасных прамысловых прадпрыемстваў Беларусі [17, с. 28]; князь П. Вітгенштэйн, уладальнік чыгуналіцейнага і жалезаплавільнага завода ў м. Налібокі Ашмянскага павета [1, с. 4] і інш. Зачастую звесткі аб уладальніку пэўнай фабрычна-заводскай установы абмяжоўваюцца месцазнаходжаннем прадпрыемства і сумарным коштам вырабленай на ім прадукцыі за справаздачны год. Аднак у некаторых выданнях дзейнасць асобных прадпрыемстваў паказана больш шырока. Менавіта так падаецца інфармацыя аб суконнай фабрыцы памешчыка А. Скірмунта ў м. Парэчча Пінскага павета ў «Аглядзе Мінскай губерні» за 1887 г. Разам з адлюстраваннем традыцыйных звестак аб прадпрыемстве прыведзена інфармацыя аб экспанаванні прадукцыі фабрыкі на міжнародных прамысловых выставах, а таксама паказаны правы сацыяльнай палітыкі фабрыканта ў дачыненні да працоўных — забеспячэнне іх жыллём, аказанне медыцынскай дапамогі, ажыццяўленне ашчадна-пазыковых аперацый [22, с. 17] і інш.

Прыклады дзейнасці канкрэтных прадпрыемстваў, прыведзеныя ў некаторых выданнях «Аглядаў губерняў», дазваляюць вызначыць, акрамя ўсяго іншага, да якога саслоўя належалі гаспадары буйнейшых фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў. Праўда, гэтых даных не дастаткова, каб паказаць саслоўны склад прамысловых прадпрыемстваў цалкам на ўсёй тэрыторыі Беларусі. Выявіць, да якіх саслоўяў адносіліся гаспадары фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў, магчыма пры выкарыстанні даных агульнарасійскіх статыстычных даведнікаў, такіх як «Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским» [37], «Список фабрик и заводов Европейской России» [35], «Список фабрик и заводов Российской Империи» [36] і інш. Аднак інфармацыйныя магчымасці названых даведнікаў, у адрозненне ад «Аглядаў губерняў», не дазваляюць вызначыць і этнічнае паходжанне гаспадароў фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў, якое разам з саслоўнай прыналежнасцю з'яўляецца важнай складаючай сацыяльнага партрэта тагачаснага прадпрыемальніка. Варта адзначыць, што далёка не ва ўсіх выданнях «Аглядаў губерняў» утрымліваюцца звесткі такога роду. Тым не менш, неабходна звярнуць увагу на выяўленыя факты. Так, у «Аглядах Магілёўскай губерні» адзначаецца, што пераважная большасць фабрык і заводаў у гарадах і мястэчках належала яўрэям. Яны ж выступалі арандатарамі вінакурных заводаў. Уладальнікі астатніх прадпрыемстваў, якія характарызуюцца па іншай, канфесійнай прыкмеце, з'яўляліся хрысціянамі [27, с. 13; 29, с. 17]. Падзел прамыслоўцаў на яўрэяў і хрысціян характэрны і для «Аглядаў Гродзенскай губерні». У выданні за 1894 г. адлюстравана дынаміка колькасці хрысціянскіх і іудзейскіх прадпрыемстваў, а таксама працэнтныя суадносіны фабрыкантаў адзначаных

канфесій за 1874—1894 гг. [15, с. 35]. У «Аглядзе Гродзенскай губерні» за 1897 г. адзначаецца, што пераважная большасць прамыслоўцаў з'яўляліся яўрэямі і немцамі. У гэтым жа выданні прыведзена інфармацыя аб тым, што сярод уладальнікаў фабрычна-заводскіх устаноў была невялікая колькасць палякаў. Пры гэтым, беларусы сярод гаспадароў прамысловых устаноў увогуле не называюцца, улічваючы, што адсутнасць рускіх сярод прамыслоўцаў губерні абазначана. Можна скласці ўражанне, што складальнікі разглядаемага выдання не выдзялялі беларусаў у якасці асобнай этнічнай групы. Але гэтаму супярэчыць той факт, што пры стратыфікацыі працоўных па названай прыкмеце беларусы ўзгадваюцца [17, с. 31—32]. Падзел уладальнікаў фабрычна-заводскіх устаноў на хрысціян і яўрэяў характэрны і для «Аглядаў Віленскай губерні», дзе магчыма сустрэць дакладныя звесткі аб колькасці прадпрыемстваў, якія належалі прадстаўнікам абедзвюх канфесійных груп [5, с. 8].

У дадатак да гэтага, у некаторых выданнях «Аглядаў губерняў» сустракаецца інфармацыя адносна ступені адукаванасці ўладальнікаў фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў або іх кіраўнікоў. Так, у выданнях па Віленскай, Віцебскай і Магілёўскай губернях адзначаецца, што мясцовыя прамыслоўцы пераважна не мелі спецыяльнай тэхнічнай адукацыі [3, с. 4; 10, с. 15; 26, с. 4]. Аднак гэта не з'яўляецца сведчаннем таго, што адукаваных людзей у прамысловай вытворчасці беларускіх губерняў не было. Варта ўзгадаць А. Стульгінскага, дырэктара Добрушскай папяровай фабрыкі, які атрымаў вышэйшую адукацыю на хімічным аддзяленні Тэхналагічнага інстытута ў Санкт-Пецярбургу. Акрамя таго, звесткі аб кіраўніках фабрычна-заводскіх устаноў Віленскай губерні, якія мелі адукацыю, прыводзяцца ў адпаведным «Аглядзе» за 1889 г. У выданні сцвярджаецца, што вышэйшую адукацыю мелі 15 чалавек, сярэдняю — таксама 15, а астатнія кіраўнікі атрымалі пачатковую і хатнюю адукацыю [5, с. 4]. Цікава, што ў «Аглядах Віленскай губерні» за наступныя гады адзначаецца, што ў большасці сваёй людзі, якія кіравалі фабрыкамі і заводамі, не мелі не толькі спецыяльнай тэхнічнай, але і нават сярэдняй адукацыі [7, с. 22].

У «Аглядах губерняў» сустракаецца інфармацыя, што датычыцца не толькі гаспадароў фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў, але і рабочых, якія былі заняты ў прамысловай сферы беларускіх губерняў. Вышэй адзначалася, што ва ўсіх прааналізаваных выданнях «Аглядаў губерняў» прысутнічае інфармацыя аб колькасці фабрычна-заводскіх працоўных. Разам з тым, у пэўных выданнях прыведзена стратыфікацыя рабочых па палавой і ўзроставай прыкметах. Так, у выданнях «Аглядаў Магілёўскай губерні» з 1908 г. паказана, колькі было занята ў фабрычна-заводскай вытворчасці малалетніх (да 15 гадоў), падлеткаў (15—17 гадоў) і дарослых (старэйшыя за 17 гадоў) [29, с. 18]. У «Аглядах Гродзенскай губерні» ўсе рабочыя былі падзелены на дарослых і малалетніх, а ўнутры кожнай з дзвюх сацыяльных груп праводзілася стратыфікацыя па палавой прыкмеце [14, с. 6]. У асобных выданнях «Аглядаў Віленскай губерні», акрамя працэнтных суадносінаў дарослых і малалетніх працоўных, а таксама адноснага

паказчыку колькасці жанчын і дзяўчат у пэўных галінах вытворчасці [4, с. 5—6], адлюстраваны этна-канфесійны склад работнікаў фабрык і заводаў. Так, напрыклад, у «Аглядзе Віленскай губерні» за 1897 г. адзначаецца, што сярод працоўных сустракаліся іудзеі і мусульмане, але большасць складалі хрысціяне, сярод якіх пераважалі беларусы, палякі і немцы [7, с. 32—33].

Уяўляецца, што ў «Аглядах губерняў» значная ўвага рабочым фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў надавалася з прычыны прыняцця ў канцы XIX — пачатку XX ст. шэрагу заканадаўчых актаў, якія рэгламентавалі ўмовы працы дзяцей і жанчын, працягласць працоўнага дня, вырашэнне працоўных спрэчак і інш. Таму ў пэўных выданнях, акрамя ўжо названых звестак, сустракаецца інфармацыя аб колькасці прадпрыемстваў, якія знаходзіліся пад наглядом фабрычнай інспекцыі, і рэгулярнасці іх наведвання, аб умовах працы і колькасці няшчасных выпадкаў у пэўнай вытворчасці, аб скаргах з боку прадпрыемальнікаў і працоўных, аб шляхах вырашэння канфліктаў на фабрычна-заводскіх установах [4, с. 6—71; 6, с. 30—32; 28, с. 17] і інш.

«Агляд» пяці беларускіх губерняў утрымліваюць значны аб'ём і іншая карыснай інфармацыі, напрыклад, звесткі аб ролі чыгуначнага і рачнога транспарту ў развіцці прамысловай сферы беларускіх губерняў [6, с. 25; 19, с. 9; 21, с. 3—4; 27, с. 11], асноўных кірунках збыту фабрычна-заводскай прадукцыі [5, с. 9—10; 15, с. 29; 27, с. 11; 30, с. 21] і інш. Пры гэтым вялікую цікавасць уяўляюць меркаванні складальнікаў разглядаемых выданняў аб стане прамысловасці ў пэўнай губерні. Па-большасці, яны сыходзяцца на думцы, што губернская прамысловасць была на нізкім узроўні развіцця. Асноўнымі прычынамі гэтага, па меркаванні складальнікаў, былі адсутнасць прадпрыемлівасці і значных капіталаў у мясцовых прамыслоўцаў [2, с. 2; 10, с. 15; 27, с. 11]. Варта адзначыць, што ў шэрагу выданняў з года ў год высновы не змяняліся, нягледзячы на станоўчую дынаміку [9, с. 8; 13, с. 8], якая назіралася ў прамысловай сферы пэўнай губерні, у выніку чаго сяродні аб'ём вытворчасці на адно прадпрыемства набліжаўся да сярэдняга паказчыка па Расійскай імперыі [5, с. 10].

Такім чынам, «Агляды губерняў» з'яўляюцца важнымі крыніцамі пры вывучэнні развіцця прамысловасці на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст. Інфармацыйны патэнцыял дадзеных выданняў дазваляе прасачыць дынаміку колькасці прамысловых прадпрыемстваў у беларускіх губернях і занятых на іх працоўных, а таксама аб'ёму вытворчасці ў грашовым выражэнні. Аднак варта ўлічваць, што прыведзеныя даныя не заўжды могуць быць супастаўнымі не толькі па розных губернях, але і нават у межах адной губерні. Акрамя таго, звесткі, якія прыведзены ў некаторых выданнях «Аглядаў» пяці беларускіх губерняў, даюць магчымасць атрымаць уяўленне аб пэўных аспектах сацыяльнага партрэта тагачасных прадпрыемальнікаў і працоўных, аб найбольш развітых галінах прамысловасці і ўзорных прадпрыемствах у тым ці іншым рэгіёне, аб шляхах зносін і асноўных кірунках збыту прадукцыі і інш. Пры гэтым, варта разумець, што для ўсебаковага вывучэння развіцця прамы-

ловасці на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст. неабходна выкарыстоўваць матэрыялы «Аглядаў губерняў» у сукупнасці з данымі іншых крыніц.

Крыніцы і літаратура

1. Обзор Виленской губернии за 1881 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, [б. г.]. — [4], 32, [40] с.
2. Обзор Виленской губернии за 1883 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — [Б. м.], [б. г.]. — [3], 20, [39] с.
3. Обзор Виленской губернии за 1885 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Вильна: Губернская типография, 1886. — [4], 29, [36] с.
4. Обзор Виленской губернии за 1886 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Вильна: Губернская типография, 1887. — [4], 34, [38] с.
5. Обзор Виленской губернии за 1889 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Вильна: Губернская типография, 1890. — [4], 53, [39] с.
6. Обзор Виленской губернии за 1894 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Вильна: Губернская типография, 1895. — [4], 88, [38] с.
7. Обзор Виленской губернии за 1897 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Вильна: Губернская типография, 1898. — [4], 98, [40] с.
8. Обзор Витебской губернии за 1883 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — [Витебск] Витебская губернская типография, [б. г.]. — 42, [41] с.
9. Обзор Витебской губернии за 1887 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Витебск: Витебская губернская типография, 1888. — [2], 86, [39] с.
10. Обзор Витебской губернии за 1894 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Витебск: Губернская типография, 1895. — [2], 1—50, VII, 51—131, [39] с.
11. Обзор Витебской губернии за 1895 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Витебск: Губернская типолитография, 1896. — [3], 112, [67], VI, [15] с.
12. Обзор Витебской губернии за 1899 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Витебск: Губернская типолитография, 1900. — [3], 105, [78] с.
13. Обзор Витебской губернии за 1901 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Витебск: Губернская типолитография, 1902. — [3], 81, [80] с.
14. Обзор Гродненской губернии за 1887 год: (Приложение к всеподданнейшему отчету). — [Б. м.], [б. г.]. — [3], 44, [54] с.
15. Обзор Гродненской губернии за 1894 год: (Приложение к всеподданнейшему отчету гродненского губернатора). — Гродна: Губернская типография, 1895. — 4, 161, [67] с.
16. Обзор Гродненской губернии за 1896 год: (Приложение к всеподданнейшему отчету гродненского губернатора). — Гродна: Губернская типография, 1897. — 7, 172, [69] с.
17. Обзор Гродненской губернии за 1897 год. — Гродна: Губернская типография, 1898. — 7, [1], 184, [69] с.
18. Обзор Гродненской губернии за 1906 год. — Гродна: Губернская типография, 1907. — [4], 123, [116] с.
19. Обзор Минской губернии за 1881 год: (Приложение к всеподданнейшему отчету минского губернатора). — Минск: Губернская типография, 1882. — [3], 41, [84] с.
20. Обзор Минской губернии за 1882 год: (Приложение к всеподданнейшему отчету минского губернатора). — Минск: Губернская типография, 1883. — [3], 33, [84] с.
21. Обзор Минской губернии за 1883 год: (Приложение к всеподданнейшему отчету минского губернатора). — Минск: Губернская типография, 1884. — [3], 31, [80] с.

22. Обзор Минской губернии за 1887 год: (Приложение к всеподданнейшему отчету минского губернатора). — Минск: Губернская типография, 1888. — [2], 45, [60] с.
23. Обзор Минской губернии за 1894 год: (Приложение к всеподданнейшему отчету минского губернатора). — Минск: Губернская типография, 1895. — [2], 60, [40] с.
24. Обзор Минской губернии за 1900 год. — Минск: Губернская типография, 1901. — [2], 37, [40] с.
25. Обзор Могилевской губернии за 1881 год: Приложение к всеподданнейшему отчету моголевского губернатора. — [Б. м.], [б. г.]. — [3], 34, [44] с.
26. Обзор Могилевской губернии за 1882 год: Приложение к всеподданнейшему отчету моголевского губернатора. — [Б. м.], [б. г.]. — [3], 29, [44] с.
27. Обзор Могилевской губернии за 1883 год: Приложение к всеподданнейшему отчету моголевского губернатора. — [Б. м.], [б. г.]. — [3], 44, [44] с.
28. Обзор Могилевской губернии за 1900 год / Издание губернского статистического комитета. — Могилев: Типография губернского правления, 1901. — [6], 104, [192] с.
29. Обзор Могилевской губернии за 1908 год: Приложение к всеподданнейшему отчету. — Могилев: Губернская типография, 1909. — VI, 111, [84], 8, [47] с.
30. Обзор Могилевской губернии за 1911 год / Издание Могилевского губернского статистического комитета. — Могилев: Губернская типография, 1912. — VI, 115, [132] с.
31. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / сост. и под ред. А. С. Дембовецкого. — Могилев на Днепре, 1882—1884. — Кн. 2. — 1884. — [6], 1000, [2] с., [10] л. ил., карт.
32. Правила об обложении торговых и промышленных предприятий дополнительным сбором (процентным и раскладочным), 15 января 1885 г., № 2664 // ПСЗРИ. Собрание 3-е: в 33 т. — СПб., 1887. — Т. 5. — С. 10—12.
33. Раздорский, А. И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи / А. И. Раздорский. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. — 913 с.
34. Свод отчетов фабричных инспекторов за вторую половину 1900 года / Отдел промышленности Министерства финансов. — СПб.: Тип. В. Ф. Киришаума, 1902. — VIII, 97 с.
35. Список фабрик и заводов Европейской России / под ред. В. Е. Варзара. — СПб., 1903. — [4], 838, [1] с.
36. Список фабрик и заводов Российской Империи / под ред. В. Е. Варзара — СПб., 1912. — 720 с.
37. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: материалы для фабрично-заводской статистики / под ред. П. А. Орлова. — СПб.: Тип. Братьев Пантелеевых, 1881. — X, 754 с.
38. Устав о промышленности // Свод законов Российской империи / под ред. и с примечан. И. Д. Мордухай-Болтовского. В 16 т. — СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. — Т. 11. — С. 1191—1321.
39. Шибeko, З. В. «Обзоры» губерний как вид публикации статистических материалов по истории Белоруссии (1875—1914 гг.) / З. В. Шибeko // История книги, источниковедение и библиотечное дело (сборник научных статей). — Минск: ЦНБ АН БССР, 1984. — С. 108—116.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 06.05.2017

Д. Ч. Матвейчык,
загадчык аддзела публікацыі дакументаў
Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: macviej@mail.ru

ДЗЕЙНАСЦЬ АЛЯКСАНДРА МІЛАВІДАВА ЯК ДАСЛЕДЧЫКА ПАЎСТААННЯ 1863—1864 ГГ.

У XIX ст. адбывалася паступовае назапашванне навуковага даробку па гісторыі Беларусі. Сярод шматлікіх тэм, да якіх звярнуліся айчыннымі і замежнымі гісторыкі, было і паўстанне 1863—1864 гг. Гэта падзея, якая была яшчэ свежай у памяці шматлікіх асоб і мела непасрэдны ўплыў на палітычную сітуацыю на беларускіх землях апошняй трэці XIX ст., выклікала цікавасць у даследчыкаў з самымі рознымі палітычнымі поглядамі. Сярод іх неабходна асобна вылучыць прадстаўнікоў такога кірунку, як заходнерусізм. Ён пачаў афармляцца яшчэ задоўга да паўстання, але менавіта ў другой палове XIX — пачатку XX ст. атрымаў сваё найбольшае развіццё. Адным з яго прадстаўнікоў з'яўляўся гісторык, архівіст, археограф і бібліяграф Аляксандр Мілавідаў.

Біяграфічныя звесткі пра гэтага заходнерусіскага дзеяча, што маюцца на сённяшні дзень у літаратуры, не вылучаюцца сваім багаццем. Адзіны вядомы на цяперашні час біяграфічны нарыс пра яго быў апублікаваны толькі ў 2014 г. і існуе толькі ў Інтэрнэт-версіі [29]. Падсумоўваючы ўсё вядомае, можна сказаць, што Мілавідаў нарадзіўся 6 жніўня 1864 г. у сям'і святара Івана ў сяле Іван-Возера Вянёўскага павета Тульскай губерні, скончыў Тульскую духоўную семінарыю і Маскоўскую духоўную акадэмію, служыў народным настаўнікам. У 1890 г. накіраваны на службу выкладчыкам лацінскай і грэчаскай моў у Пінскае духоўнае вучылішча. У 1894 г. атрымаў прызначэнне на пасаду выкладчыка Літоўскай духоўнай семінарыі ў г. Вільні. Тут пражыў да 1915 г., калі ў сувязі з наступленнем германскіх войскаў і заняццем імі Вільні ў верасні, быў вымушаны паккінуць горад і перабрацца ў Петраград. На працягу віленскага перыяду жыцця ён паспеў пабыць сябрам Камісіі па ўладкаванні і кіраванні Віленскай публічнай бібліятэкі (з 1901 г.), з 1902 г. — захавальнікам Музея старажытнасцей пры ёй, а ў апошнія гады займаў пасаду загадчыка Мураўёўскага музея. Апрача гэтага, з'яўляўся сябрам Віленскага праваслаўнага Свята-Духаўскага брацтва (у 1912—1913 гг. выконваў абавязкі рэдактара яго «Весніка»), Імператарскага таварыства гісторыі і старажытнасцей расійскіх і Рускага бібліяграфічнага таварыства (абодва — пры Маскоўскім універсітэце), а таксама Таварыства прыхільнікаў рускай гістарычнай асветы ў памяць імператара Аляксандра III (у 1903—1915 гг. яго сакратар) і Паўночна-Заходняга аддзела Рускага Геаграфічнага таварыства (з 1910 г.); меў чын стацкага радцы. Пасля 1917 г. працаваў у г. Ленінградзе ў разнастайных архіўных установах, выпусціў некалькі публікацый. У 1931 г. выйшаў на пенсію, а 18 снежня 1935 г. памёр [з с. 381; 4; 9; 10; 11; 29].

Менавіта віленскі перыяд яго жыцця вылучаецца вялікай зацікаўленасцю гісторыяй Беларусі і Літвы («Заходняй Русі» ці «Заходняй Расіі» ў яго тэрміналогіі), і варта адзначыць, што Мілавідаў у гэтым накірунку з'яўляўся актыўным даследчыкам і публіцыстам — яго аўтарству належыць больш за сто манаграфічных прац і асобных артыкулаў у такіх выданнях, як «Віленскі календар», «Літоўскія епархіяльныя ведамасці», «Руская старына» і шматлікіх іншых [26, с. 52]. Шмат якія з іх затым былі выдадзены асобнымі адбіткамі. Каля двух дзясяткаў з іх так ці інакш прысвечаны даследаванню паўстання 1863—1864 г. альбо сітуацыі, якая склалася пасля яго. Аднак тут жа неабходна заўважыць, што гістарычны даследаванні Мілавідаў сумяшчаў з палітычнай прапагандай — прыніжэннем усяго «польскага» і каталіцкага, што мелася ў Беларусі і Літве ў мінуўшчыне і ў сучасны для яго перыяд, і праслаўленнем усяго «рускага» і праваслаўнага. Увогуле, ва ўсіх сваіх творах ужыванне тэрмінаў «паляк» і «польскі» ён дапускаў амаль выключна з крыўкай. Мілавідаў не толькі з'яўляўся прадстаўніком заходнерусізму, але і належаў да, так бы мовіць, яго клерыкальнай плыні, прадстаўнікі якой былі шчыльна звязаны з Рускай Праваслаўнай Царквой (мелі духоўнае паходжанне, вучыліся і выкладалі ў духоўных навучальных установах, уваходзілі ў склад праваслаўных арганізацый і да т. п.) і вылучаліся асаблівай нецярпліваасцю ў адносінах да неправаслаўных канфесій. Гэта вельмі адбівалася на ўжыванай ім тэрміналогіі і на інтэрпрэтацыі звестак з гістарычных крыніц. Адпаведна, аб'ектыўнасць у падачы Мілавідавым матэрыялу проста адсутнічае, і фактычна ён ніколі да яе не імкнецца (хоць і заўважае пра гэта).

Апрача сказанага вышэй, Мілавідаў прыбыў у беларуска-літоўскі край у вельмі спецыфічны час. З пачатку 1890-х гг. прадстаўнікамі вышэйшай адміністрацыі ў Вільні пачынае раскручвацца культ былога віленскага генерал-губернатара Міхаіла Мураўёва — аднаго з найбольш актыўных удзельнікаў падаўлення паўстання 1863 г. У 1890 г. некалькімі праваслаўнымі віленчукамі быў распачаты збор подпісаў пад прашэннем да ўлад аб устаноўцы помніка М. Мураўёву ў Вільні. У 1891 г. віленскі генерал-губернатар Іван Каханаў падаў адпаведны даклад міністру ўнутраных спраў Пятру Дурнаву, атрымаў дазвол і абвясціў збор грошай. У выніку ў 1897 г. помнік быў закладзены і ў 1898 г. скончаны. Мілавідаў не толькі ўспрыняў гэтую прапагандысцкую лінію, але і сам стаў актыўным праслаўляльнікам Мураўёва. Адзін з першых яго артыкулаў у Вільні прысвечаны менавіта абгрунтаванню неабходнасці і асвятленню працэсу падрыхтоўкі пабудовы помніка і напісаны ў адпаведных хвалебных тонах [16].

У развіццё прапагандысцкай лініі расійскія чыноўнікі ў Вільні выступілі з ініцыятывай адкрыцця асобнага музея імя М. Мураўёва. Памочнік папярочыцеля Віленскай навучальнай акругі Аляксей Бялецкі ў сакавіку 1898 г. падаў запіску віленскаму генерал-губернатару Віталію Троцкаму аб неабходнасці стварэння такога музея. У выніку ён быў урачыста адкрыты 17 красавіка 1901 г. і займаў

першапачаткова частку чыгальнай залы Віленскай публічнай бібліятэкі. Мілавідаў пачаў супрацоўнічаць з музеем яшчэ на этапе яго арганізацыі, будучы прыцягнутым да разбору архіўных спраў, перададзеных з Віленскага губернскага праўлення і некаторых павятовых паліцэйскіх упраўленняў. Пра патрэбу такой установы ён сам пісаў: «*Неабходнасць у такім музеі адчулася ў той пары, як у свядомасці рускіх людзей дзяржаўны подзвіг М. М. Мураўёва з'явіўся ва ўсёй велічы*» [18, с. 131].

Характэрнай рысай дзейнасці Мілавідава з'яўляецца самае шырокае выкарыстанне архіўных дакументаў. З імі ён пачаў знаёміцца з самага пачатку свайго знаходжання ў Вільні, аднак іх інтэрпрэтацыя заўжды заставалася выключна тэндэнцыйнай і аднабаковай.

Першыя яго публікацыі тычыліся яшчэ не самога паўстання, а палітыкі Мураўёва падчас і пасля яго задушэння. Спачатку ён звярнуўся да змен, якія ўводзіліся ў канфесійнае жыццё ў Беларусі і Літве, чаму прысвечаны адразу тры публікацыі, што з'явіліся ў 1899—1900 гг. [7; 13; 17]. Увогуле, у артыкулах і манаграфіях Мілавідава існуе выразны прапагандысцкі падзел на чорнае і белае, дабро і зло. Для Мілавідава ўсялякі ўціск на каталіцкую царкву (закрыццё касцёлаў і кляштароў, перавод каталікоў у праваслаўе, накладанне штрафаў на ксяндзоў і да т. п.) і любячы захаванне да ўкаранення праваслаўя — адназначнае дабро. Пры гэтым станоўчае ў дзейнасці праваслаўнай царквы на беларуска-літоўскіх землях ён знаходзіць выключна пасля прыбыцця ў Вільню Мураўёва ў 1863 г. Сітуацыя, якая існавала да гэтага, апісваецца ім у негатывным святле — амаль як поўны матэрыяльны і духоўны заняпад.

Царкоўная тэматыка прысутнічае практычна ва ўсіх публікацыях Мілавідава, прысвечаных паўстанню альбо сітуацыі пасля яго. Напрыклад, адной з першых яго спроб у археаграфічнай дзейнасці была падрыхтоўка і публікацыя некалькіх запісак Мураўёву ад мінскага архіепіскапа Антонія Зубко за 1864 г. [28]. З археаграфічнага пункту гледжання дакументы падрыхтаваны на дастаткова высокім для свайго часу ўзроўні. Яны забяспечаны прадмовай, дзе выкладзены мэты публікацыі, а таксама суправаджаюцца некалькімі каментарамі і тэкстамі іншых дакументаў, якія дапамагаюць лепш зразумець іх сэнс.

Паступовае назапашванне архіўнага матэрыялу вяло да расшырэння тэматыкі публікацый Мілавідава. У 1901—1902 гг. ён звярнуўся да асвятлення яшчэ адной лініі палітыкі М. Мураўёва — сялянскага пытання [19; 23]. Карціна, намаляваная ім на гэтую тэму, ідэнтычная той, што тычылася праваслаўнага духавенства, — поўны заняпад сялян да 1863 г. праз усялякі ўціск і прыгнёт памешчыка-паляка і іх росквіт у выніку ўведзеных Мураўёвым змяненняў. Напрыклад, у пачатку сваіх публікацый ён піша: «*Мемуары і афіцыйныя нататкі 30-х і 50-х гадоў* [XIX ст. — Д. М.] яркімі фарбамі малююць нам бяспраўнае становішча заходнерускага сялянства, пазбаўленага правоў не толькі ўласнасці, але і асобы. Прага да насывы была адной з характэрных рыс польскага памешчыка, на развіццё якой несумненна аказвала ўплыў спрадвечная сувязь яго з самым

карысталообным з народаў — яўрэямі, а таксама галоўная ідэя і мара, якая ахоплівала ўсё жыццё паяка і патрабавала грашовых сродкаў; — мара аб палітычнай свабодзе, аб «абдуванні айчызны» [19, с. 308—309]. Заканчвае ж Мілавідаў наступнымі словамі: «Бачна, што як ні цёмны быў гэты народ, але і яго кранулі адразу іматлікія дабрадзействы, якія выліліся на яго, як з рогу дастатку, і ён інстынктыўна адчуў, што над ім загараецца светлы заранак, расшыраецца далягляд, і новая магутная хваля, падхатіўшы яго, імкліва панесла да старадаўняга рускага рэчышча яго гістарычнага жыцця» [23, с. 250]. Тэа ж самыя думкі былі паўтораны Мілавідавым крыху пазней — у 1911 г. у брашуры, прысвечанай 50-годдзю скасавання прыгоннага права (шматлікія сказы і абзацы перапісаны даслоўна) [15].

У 1903 г. Мілавідаў перайшоў да апісання непасрэдна падзей паўстання і ў часопісе «Руская старына» апублікаваў артыкул, у якім уздымаў пытанне пра стаўленне сялян да расійскага ўлад у пачатковы перыяд паўстання. Ён прыходзіў да высновы, што на тэрыторыях, дзе асноўная маса сялян была каталікамі, «адданаць ураду пачынае праўляцца толькі ў траўні, чэрвені і ліпені, а першапачаткова мы бачым альбо нейтралітэт, альбо проста здраду» [14, с. 343]. У якасці пацвярджэння сваёй пазіцыі ён прыводзіў апісанне падзей у г. Драгічыне Бельскага павета ў пачатку выступлення, дзе чыноўнікі расійскай цывільнай адміністрацыі і праваслаўныя святары пайшлі на супрацоўніцтва з паўстанцамі ў справе забеспячэння грамадскага парадку ў занятым паўстанцкім атрадам горадзе [14, с. 345—348]. Аднак і гэты артыкул заканчваецца хвалебным пасажам у адрас М. Мураўёва.

У 1904—1905 гг. Мілавідаў звярнуўся да стану адукацыйнай сістэмы на беларуска-літоўскіх землях. Спачатку ў асобнай брашурцы ён закрануў змяненні, уведзеныя ў сярэдніх навучальных установах (гімназіях, вучылішчах, прыватных пансіёнах) [24]. Прычым схема пабудовы логікі заставалася такой жа, як і ў ранейшых публікацыях, — заняпад і паланізацыя да 1863 г. і актыўнае развіццё пасля прыбыцця Мураўёва. Як станоўчыя захады разглядаюцца закрыццё гімназій і землямерна-таксатарскіх вучылішчаў у некаторых гарадах, выключэнне вучняў і звальненне настаўнікаў-каталікоў і да т. п. Мілавідаў аргументуе неабходнасць усіх падобных рэпрэсій менавіта актыўным удзелам навучэнцаў і выкладчыкаў у распаўсюджванні паўстання, аднак у якасці пацвярджэння сваіх довадаў ён ужывае выключна лічбы, узятыя з крыніц расійскай адміністрацыі, і не спрабуе правесці ўласныя падлікі, што, безумоўна, зніжае вартасць падобных аргументаў. Крыху пазней тэкст, змешчаны ў брашурцы, увайшоў у іншую працу Мілавідава [12], склаўшы яе першы раздзел. Другі, больш аб'ёмны раздзел прысвечаны асвятленню працэсу стварэння і дзейнасці ніжэйшых і сярэдніх навучальных устаноў — народных школ, прыходскіх вучылішчаў, настаўніцкіх семінарыяў і інстытутаў. Заканчваецца артыкул традыцыйнай хвалебнай одай у адрас Мураўёва, якая займае цэлую старонку і напоўнена пасажамі нахвала наступнага: «Калі ў выдадзеных пры ім [Мураўёвым. — Д. М.] пад-

ручніках па гісторыі і географіі вызначалася старажытная тэрыторыя заходне-рускага племені, высьвятлялася гісторыя яго старажытнага засялення, культурны ўплыў народа на Літву, пакуты яго пад ярмом Польшчы, высьвятляліся даўнасць і правы царквы праваслаўнай параўнальна з рымска-каталіцкай, і ўсё гэта грунтавалася на гістарычных неабвержных фактах і дакументальных дадзеных, то гэта была не прапаганда, а навука, чыстыя веды» [12, с. 100].

У некалькі наступных гадоў тэматыкай паўстання 1863—1864 гг. Мілавідаў займаўся не так актыўна. Тут неабходна толькі згадаць яго брашуру, выдадзеную ў 1910 г. і прысвечаную палітыцы Мураўёва адносна каталіцкага духавенства [22]. Яна з'яўлялася зборам афіцыйных актаў распарадчага характару і згадак у карэспандэнцыі на адпаведную тэматыку. Крыху пазней Мілавідаў яшчэ раз звярнуўся да публікацыі дакументаў па канфесійным пытанні і зрабіў аналагічную выбарку з карэспандэнцыі Мураўёва на тэму змяненняў у дзейнасці праваслаўнай царквы ў Беларусі і Літве [8].

Перыяд пярэадня і пачатку Першай сусветнай вайны з'яўляўся найбольш плённым для Мілавідава як для даследчыка паўстання, чаму спрыяў 50-гадовы юбілей падзеі. У 1913 г., калі ён ужо займаў пасаду дырэктара Мураўёўскага музея, выйшлі два яго значныя артыкулы. Першы быў выпушчаны ў некалькіх нумарах газеты «Веснік Віленскага Праваслаўнага Свята-Духаўскага брацтва» (затым выдадзены асобным адбіткам) і прысвечаны дзейнасці Мураўёва па будаўніцтве праваслаўных цэркваў у Беларусі і Літве [25]. У значнай ступені ён паўтараў ужо раней выкладзенае Мілавідавым, але быў дапоўнены некаторымі ілюстрацыямі і пералікам усіх цэркваў і капліц, пабудаваных наноў, перабудаваных, узноўленых і адрамантаваных паводле ініцыятывы Мураўёва.

У другім артыкуле даследуюцца ваенныя дзеянні ва Усходняй Польшчы — на памежжы Гродзенскай губерні і Каралеўства Польскага — ад самага пачатку паўстання да бітвы каля мястэчка Сямятычы Бельскага павета Гродзенскай губерні 25—26 студзеня (6—7 лютага) 1863 г. [20]. Навуковая каштоўнасць публікацыі з'яўляецца больш высокай за некаторыя яго папярэднія працы, бо асноўнымі крыніцамі для напісання стала вялікая колькасць архіўных матэрыялаў з розных дзяржаўных устаноў Вільні, дапоўненых некаторымі мемуарамі. Аднак і тут Мілавідаву не ўдалося пазбегнуць некаторых факталагічных недакладнасцей. На гэта ўказаў адзін з яго сучаснікаў, які назіраў перамышчэнне расійскіх войскаў на ўласныя вочы, — адстаўны генерал Людвіг Драк [5]. Таксама бачна, што крыніцавая база засталася няпоўнай. Напрыклад, успаміны ўдзельніка падзей камандзіра паўстанцкага атрада Рамана Рагінскага, што выйшлі на сем гадоў раней у тым жа часопісе «Гістарычны веснік» [6], у якім публікаваўся артыкул Мілавідава, выкарыстаны не былі.

Аднак значна большай увагі заслугуе іншы праект Мілавідава апошняга перыяду яго знаходжання ў Вільні. У тым жа 1913 г. у шостае кнізе выдання «Віленскі часопіс» выйшаў першы, а ў 1915 г. — другі том яго археаграфічнай

працы «Архіўныя матэрыялы Мураўёўскага музея, якія адносяцца да польскага паўстання 1863—1864 гт. у межах Паўночна-Заходняга краю» [1; 2]. Падрыхтавана выданне вельмі грунтоўна, што робіць яго сапраўды ўнікальным для свайго часу. У ім апублікавана 668 дакументаў (387 у першым і 281 — у другім тамах), якія паходзілі з багатых архіўных фондаў музея. Кожны том забяспечаны аб'ёмнай (асабліва першы — 56 старонак) прадмовай, дзе выкладзены мэты выдання і паддзены невялікі гістарыяграфічна-крыніцзнаўчы агляд, а таксама геаграфічным і асабовым паказальнікамі. Кожнаму дакументу дадзены якасны загаловак і спасылка з яго архіўнымі каардынатамі. І ў цэлым, ступень археаграфічнай апрацоўкі варта ацаніць як высокую.

Гэтае выданне Мілавідаў бачыў працягам больш ранняга, падрыхтаванага вышэйзгаданым А. Бялецкім зборніка, які выйшаў у 1906 г. і змяшчаў 235 дакументаў, што адлюстроўвалі падзеі 1861 г. — т. зв. «маніфестацыйнага руху» [27]. Таму Мілавідаў храналагічна пачынае свой зборнік з падзеі 1862 г. Значэнне свайго працы ён бачыў не столькі ў навуковым, колькі ў палітычным кантэксце. Адной з пабудак публікацыі дакументаў ён называе «з'яўленне <...> у Расіі і за мяжой на польскай мове шматлікіх выданняў, якія тэндэнцыйна асвятляюць падзеі, што мелі месца 50 гадоў таму. Супрацьпаставіць свавольным меркаванням аўтараў такіх твораў — аб'ектыўны дакумент, як падставу гістарычнай праўды, мы лічым цалкам своечасовым» [1, с. XXX]. Для падобных заяў Мілавідаў меў рэальныя падставы. Напрыклад, у тым жа годзе ў Вільні ў двух тамах выйшлі грунтоўна падрыхтаваныя ўспаміны аднаго з кіраўнікоў паўстанцаў — старшыні Аддзела кіравання правінцыямі Літвы Якуба Гейштара [30]. Хаця, безумоўна, вінавацячы апанентаў у тэндэнцыйнасці, сам Мілавідаў не застаецца на навукова-аб'ектыўных пазіцыях. Усе яго ацэнкі цалкам аднабоковыя і даюцца выключна з пункту гледжання расійскай дзяржаўнай адміністрацыі.

Асобна варта звярнуць увагу на прадмову да другога тома. У якасці асобнай яе часткі Мілавідавым быў складзены падрабязны пералік 260 баявых сутыкненняў паўстанцаў з расійскімі войскамі на тэрыторыі Віленскага генерал-губернатарства і Аўгустоўскай губерні з указаннем дат, месцаў, удзельнікаў (вайсковых адзінак расійскіх войскаў і паўстанцкіх атрадаў), колькасці загінутых і параненых [2, с. XX—L]. Ён складзены выключна на падставе дакументальных матэрыялаў, таму Мілавідаў акрэсліваў яго так: «Відавочна, гэтая колькасць дакладная» [2, с. L], аднак дапускаў «пропуск якой-небудзь сутычкі ў дакументах» [2, с. XX—L]. Для лепшай распаўсюджанасці пералік быў выдадзены асобным адбіткам [21].

У планах было таксама выданне трэцяга тома зборніка, аднак акупацыя Вільні германскімі войскамі, а затым рэвалюцыйныя падзеі ўласна ў Расійскай імперыі і абвясчэнне незалежнасці ўсімі народамі яе заходняй часткі не далі магчымасці скончыць праект. Рукапіс трэцяга тома захоўваецца на сённяшні дзень у фондзе Мураўёўскага музея ў зборах Літоўскага дзяржаўнага гістарыч-

нага архіва ў Вільні [31]. Гэта быў апошні праект Мілавідава па даследаванні паўстання. Больш да гэтай тэмы ён ужо не вяртаўся.

Такім чынам, А. Мілавідавым была праведзена значная праца па выяўленні і ўвядзенні ў навуковы ўжытак дакументальных крыніц па гісторыі паўстання 1863—1864 гт. Тым не менш, у цэлым яго даследчыцкая спадчына застаецца супярэчлівай. Некаторыя яго кнігі, асабліва зборнікі і падборкі дакументаў, не страцілі і ў нашы дні свайго навуковай каштоўнасці. Аднак яе моцна зніжае тэндэнцыйнасць і аднабокасць падбору і інтэрпрэтацыі крыніц, што заўжды вызначалася заходнерусіскай палітычна-навуковай пазіцыяй. Таму шэраг яго прац на сённяшні дзень выклікае цікавасць выключна як гістарыяграфічныя помнікі. Выкарыстанне ж іх у якасці гістарыяграфічнай крыніцы магчыма толькі пры максімальна глыбокім і прафесійным крытычным аналізе.

Крыніцы і літаратура

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г.: с двумя хромофотографическими снимками и шестью цинкографическими факсимиле в тексте / сост. А. И. Миловидов. — Вильно: Губернская типография, 1913. — [2], LXVI, 464 с. (Виленский временник. — Кн. 6).
2. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года: с девятью цинкографиями в тексте / [предис. А. Миловидова]. — Вильно: Губернская типография, 1915. — [2], LXII, 466 с. (Виленский временник. — Кн. 6).
3. Виленский календарь на 1903 год. — Вильна: Типография Св.-Духов. Братства, 1902. — 386 с.
4. «Вильну до ее оккупации в 1915 г. можно было назвать городом архивов, библиотек и музеев» (Записки старшего архивиста I отделения II секции ЕГАФ РСФСР А. И. Миловидова в Наркомпрос РСФСР) / подг. М. Ф. Шумейко // Археографический ежегодник: 2009—2010 годы / [отв. ред. С. О. Шмидт]; Археограф. комис. РАН; Фед. архив. агентство. — Москва: Наука, 2012. — С. 461—471.
5. Драке, Л. Л. По поводу статьи А. Миловидова «Первые скорбные страницы летописи польского восстания 1863 г. в пределах Северо-Западного края» // Исторический вестник. — 1913. — Т. 134. — № 10. — С. 415—416.
6. Из воспоминаний повстанца (Р. Рогинский) // Исторический вестник. — 1906. — Т. 105. — С. 422—452.
7. Из переписки гр. М. Н. Муравьева об улучшении материального быта православного духовенства / сообщил А. И. Миловидов. — Вильна: Типография Св.-Духовского Братства, 1899. — 20 с.
8. Из переписки М. Н. Муравьева относительно религиозных и церковно-обрядовых вопросов северо-западного края (1863—1864 гг.) / Публ. А. И. Миловидова // Русский Архив. — 1914. — № 12. — С. 546—565.
9. Караў, Д. Мілавідаў Аляксандр Іванавіч // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 5. — Мінск: БелЭН, 1999. — С. 141; тое ж у: Беларуская энциклапедыя: У 18 т. Т. 10. — Мінск: БелЭН, 2000. — С. 366—367.

10. Мiлавiдаў Аляксандр Іванавiч // Вялікае Княства Лiтоўскае: Энцыклапедыя. Т. 3. Дадаток. — Мiнск: БелЭН, 2010. — С. 349—350.
11. Миловидов Александр Иванович // Новый энциклопедический словарь. — Т. 26 / Издание Акционерного общества «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон»; под общ. ред. акад. К. К. Арсеньева. — Петроград: Типография «Акц. О-ва Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», 1915. — Стб. 530.
12. Миловидов, А. И. Деятельность графа М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863—1865). По архивным материалам // Журнал Министерства народного просвещения. — Год 70. — 1905. — Т. 360. — Отд. 3. — С. 30—100.
13. Миловидов, А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. — Харьков: Типография Губернского правления, 1900. — 92 с.
14. Миловидов, А. И. Из истории польского восстания 1863 года // Русская старина. — Год 34. — 1903. — Т. 115. — С. 341—348.
15. Миловидов, А. И. К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края / Издание Виленского Св.-Духовского Братства. — Вильна: Типография «Русский Почин», 1911. — 55 с.
16. Миловидов, А. И. Как создавался памятник графу М. Н. Муравьеву в г. Вильне (По официальным данным) // Русская старина. — 1898. — № 12. — С. 691—698.
17. Миловидов, А. И. Меры, принятые графом М. Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латинско-польской пропаганды в Северо-Западном крае. (Оттиск из «Виленского календаря»). — Вильно: Типография Вил. Прав. Св.-Духовского братства, 1900. — 35 с. (*Адбiтак з: Виленский календарь на 1900 год.* — Вильна: Типогр. Вилен. Св.-Духов. Братства, 1899. — С. 223—225).
18. [Миловидов, А. И.]. Муравьевский музей в Вильне // Виленский календарь на 1902 год. — Вильна: Типография Св.-Духов. Братства, 1901. — С. 131—157.
19. Миловидов, А. И. Освобождение крестьян Северо-Западного края и поземельное устройство их при графе М. Н. Муравьеве // Виленский календарь на 1902 год. — Вильна: Типография Св.-Духов. Братства, 1901. — С. 308—361.
20. Миловидов, А. И. Первые скорбные страницы летописи польского восстания 1863 г. в пределах Северо-Западного края (По архивным материалам) // Исторический вестник. — Год 34. — 1913. — Т. 132. — С. 557—569.
21. Миловидов, А. И. Перечень боевых столкновений русских войск с польскими повстанцами в кампанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края, с указанием времени, места боев, численности и командного состава русских и повстанческих отрядов, равно и потерь с обеих сторон. — Вильна: Губ. Типогр., 1915. — 38 с. (*Адбiтак з: Виленский временник.* — 1915. — Кн. 6).
22. Миловидов, А. И. Распоряжения и переписка графа М. Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае. — Вильна: Типогр. «Русский Почин», 1910. — 48 с.
23. Миловидов, А. И. Устройство общественного быта крестьян Северо-западного края при графе М. Н. Муравьеве // Виленский календарь на 1903 год. — Вильна: Типография Св.-Духов. Братства, 1902. — С. 218—250.
24. Миловидов, А. И. Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 г. и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам). — Вильно: Русский почин, 1904. — 40 с.

25. Миловидов, А. И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М. Н. Муравьеве (по архивным материалам) // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. — 1913. — № 1. — С. 10—12; № 2. — С. 31—34; № 3. — С. 57—59; № 5. — С. 101—104; № 7—8. — С. 151—153. (*Адбiтак з: Вильна: Вилен. Православн. Св.-Духов. Братство, 1913.* — 51 с.).
26. Русская интеллигенция: автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова: аннотированный указатель. Т. 2 / под ред. В. А. Мыслякова; Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом). — Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербургская издательская фирма, 2010. — 768 с.
27. Сборник документов Музея графа М. Н. Муравьева. Т. 1 / составил А. Белешкий; издание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. — Вильна: Типография «Русский Почин», 1906. — LXXXIX+233 с.
28. Три докладные записки бывш. архиепископа Минского Антония Зубко гр. М. Н. Муравьеву (1864 г.) / [сообщил А. Миловидов]. — Вильна: Типография Св.-Дух. Братства, 1901. — 50 с. (*Адбiтак з: Литовские Епарх. Ведомости.*)
29. Хотеев, А. С. Мировая война и судьба человека: поворотное событие в жизни архивиста А. И. Миловидова // Электронный ресурс. Режим доступа: http://history-mda.ru/publ/mirovaya-voyna-i-sudba-cheloveka-povorotnoe-sobyitie-v-zhizni-arithivista-a-i-milovidova_4107.html; дата доступа: 14.03.2017.
30. Gieysztor, J. Pamiętniki z lat 1857—1865. — Т. 1—2. — Wilno: Biblioteka Pamiętników; nakł. Tow. Udz. «Kurjer Litewski», 1913.
31. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (Лiтоўскi дзяржаўны гістарычны архiў). — F. 439 (Архiў Музея графа М. Н. Мураўёва). — Ар. 1. — В. 213. Архiўныя матэрыялы Мураўёўскага музея, якія адносяцца да польскага паўстання 1863 г. у межах Паўночна-Заходняга краю. Частка III. Рукапіс. 1915 г. — 740 арк.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 26.04.2017

Е. В. Серак,
заместитель декана, доцент кафедры философии и политологии
Белорусского государственного медицинского университета,
кандидат исторических наук;
e-mail: alens@tut.by

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ССЫЛКИ В СИБИРЬ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1863—1864 гг. — УРОЖЕНЦЕВ БЕЛАРУСИ

В отечественной историографии до настоящего времени основное внимание сосредоточено в большей степени на вопросах резонанса восстания 1863—1864 гг. в контексте политической истории Беларуси. Вместе с тем, механизмы осуществления судебно-следственных мероприятий в отношении участников восстания 1863—1864 гг., применение ссылки в Сибирь как вида наказания, факторы, обусловившие адаптацию к новым реалиям и интеграцию ссыльных уроженцев Беларуси в сибирский социум, а также их социальная роль в освоении региона не получили должного освещения. В связи с этим анализ источников дает возможность исследовать обозначенные проблемные аспекты ссылки в Сибирь уроженцев Беларуси. Процесс пребывания в Сибири ссыльных участников восстания 1863—1864 гг. возможно представить в хронологической последовательности, выделив в исторических источниках три основных проблемы: аспекты государственно-правового регулирования осуждения повстанцев и функционирование системы этапирования в Сибирь, управление обустройством в местах ссылки и специфика профессиональной, просветительской и культурной деятельности.

Основу исследования составляют архивные комплексы документов и рукописные собрания из фондов Национального исторического архива Беларуси (НИАБ), Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно), Литовского государственного исторического архива (ЛГИА), Главного архива древних актов в г. Варшаве (Польша). Источниковая база исследования, учитывая особенности предмета, отличается неоднородностью. В работе используются исторические источники четырех типов: законодательные и нормативные акты, материалы делопроизводства, источники личного происхождения (дневники, воспоминания, письма), фотодокументы. Указанные группы источников образованы комплексом как архивных материалов, так и опубликованных документов.

Законодательные и нормативные акты, которые определили общие правила осуждения участников восстания 1863—1864 гг., регулировали деятельность должностных лиц, осуществлявших препровождение к месту отбывания наказания, вносили изменения в положение ссыльных, восстанавливали права и решали возвращение на прежнее место жительства, содержатся в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ). Интересующие нас документы находятся во втором собрании ПСЗРИ, охватывающем период с 12 декабря

1825 г. по 28 февраля 1881 г., а также в третьем собрании, включающем период с 1 марта 1881 г. до конца 1913 г. [28; 29].

Функционирование судебно-следственного аппарата определялось подзаконными актами — циркулярами и инструкциями Министерства внутренних дел, регулировалось циркулярными предписаниями губернаторов [31—37]. Специфика судопроизводства по делам участников восстания 1863—1864 гг. была связана с введением военного положения на территории Беларуси. В результате, взятые в плен повстанцы подлежали военному суду на основании военно-уголовного устава 1859 г. [38].

Вопросы, связанные с исполнением наказаний, сопряженных со ссылкой, регламентировал изданный в 1857 г. «Устав о ссыльных» (уточнения и изменения вносились на основании циркуляров МВД) [39]. По вопросам препровождения арестантов еще в 1822 г. был учрежден «Устав об этапах в сибирских губерниях». Этот кодекс предусматривал порядок препровождения в места ссылки [4, с. 180—240]. Наряду с базовыми статьями «Устава о ссыльных» именно кодекс был взят за основу этапирования и размещения ссыльных участников восстания 1863—1864 гг.

Несмотря на сложившуюся систему правил проведения репрессивных мер, оказалось, что они невыполнимы, столь масштабный характер имела ссылка. В этой связи возникла необходимость в выработке местными властями правовых документов, значительная их часть опубликована в специальных сборниках [1—3; 5; 30].

Особенно ценными для раскрытия данной темы необходимо признать материалы делопроизводства, которые отложились в составе архивных фондов судебно-следственного аппарата, губернских правлений и канцелярий. Эти фонды представляют собой наибольший комплекс документов по истории ссылки участников восстания 1863—1864 гг. из Беларуси. Все источники этой группы в свою очередь можно разделить на шесть подгрупп по их функциональному назначению. К первой группе относится распорядительная документация, в которую входят указы, циркуляры, предписания, инструкции [7; 10; 13—16]. Документы представляют собой письменные директивы, которые высылались учреждениям для обязательного исполнения и были предназначены для долговременного действия на всей территории белорусско-литовских губерний. Циркуляры и предписания могли носить частный характер, принимались на короткий срок, затрагивали узкие вопросы, имели территориальное ограничение, предписывались для выполнения конкретной административной структурой [19; 48; 51]. Инструкции в свою очередь позволяют проследить механизм управления, порядок и способы исполнения распоряжений и циркуляров [7; 13; 50]. Содержание инструкций носит характер подробных и продуманных шагов для реализации поставленных задач.

Служебная переписка разных ведомств и инстанций относится ко второй группе документации и представляет собой инструмент их взаимодейст-

Она широко представлена в составе архивных фондов «Временного военного губернатора Минской губернии и командующего войсками», «Канцелярии Витебского гражданского губернатора», «Канцелярии Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора» Национального исторического архива Беларуси и Литовского государственного исторического архива [6; 8; 20; 24]. Текущая переписка включает рапорты, письма, телеграммы, с их помощью осуществлялся обмен сведениями как внутри одной структуры, так и с другими ведомствами. Подобные документальные материалы позволяют раскрыть такие аспекты, как особенности в проведении арестов, изменение правового статуса задержанных в ходе следствия, обеспечение надзора по месту проживания.

В третью группу входят следственные дела участников восстания 1863—1864 гг. и содержат наиболее информативный материал. Они состоят из нескольких типов документов: протоколы допросов, обысков, очных ставок, выписки из показаний, обвинительные заключения, клятвенные обещания. Эти материалы находятся в составе отдельных архивных фондов следственных комиссий, учрежденных по делам о восстании 1863—1864 гг. Следственные дела предоставляют возможность установить первичные биографические данные, такие, как возраст, образование, вероисповедание, семейное положение и социальный статус, имущественное состояние, место происхождения, находящегося под следствием, условия содержания и меру наказания, определить форму и степень участия в восстании. Внимания заслуживают протоколы допроса, которые помогают уточнить порядок действий следственной комиссии в процедуре установления наказания. Часть этого материала включена в археографические сборники, посвященные событиям восстания 1863—1864 гг. в Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской губерниях [26; 27].

Четвертую группу образует отчетная документация, значительную часть которой составляют алфавитные и именные списки [9; 11; 12; 17; 21; 23; 49; 55]. Среди подобных источников следует назвать «Алфавит лиц, дела которых решались в штабе войск Виленского военного округа», «Список лиц, освобожденных на основании Высочайшего повеления 13/17 мая 1871 г. от надзора полиции с дозволением им жить повсеместно за исключением столиц и столичных губерний, уроженцам же Царства Польского и Западных губерний за исключением и сих губерний», «Именной список уроженцев Северо-Западных губерний империи, возвращенных из ссылки на основании высочайшего повеления от 17 мая 1867 г. для возвращения на постоянное жительство в Царство Польское» [52; 53]. Характерной особенностью данной группы источников является представление их по установленной форме — в таблицах в виде сводок. Документы позволяют установить место отбывания наказания, проследить, получил ли ссыльный помилование в результате амнистий и откуда возвращен из ссылки, где избрал место жительства после окончания срока наказания.

Пятая группа представлена контрольной документацией, а именно, докладными записками, подготовленными по результатам аудита работы следственных комиссий, обследования условий содержания подследственных в тюрьмах, приютах и больницах, санитарного состояния мест заключения, организации свиданий с арестованными, установления причин побегов из этапных домов в момент пересылки. Этот вид источника находится в фондах канцелярии могилевского, витебского, гродненского губернаторов [18; 22].

К шестой группе относятся прошения и письма, осужденных в ссылку и их родственников к министру внутренних дел, губернатору, исправнику. Этот вид источника несколько отличается от всех предыдущих, поскольку создается не сотрудниками государственных учреждений, а частным лицом. Переписка помогает представить взаимоотношения ссыльных с близким окружением. Из них узнаем о причинах невозвращения на прежнее место жительства, о желании вступить в брак, об оказании или невозможности оказания материальной помощи родственниками [6, л. 3—3об.; 20, л. 99—100; 24, л. 78—78об.].

Широко используются в разработке темы материалы мемуарного и эпистолярного характера. Свидетельства этой группы источников связаны своим происхождением с непосредственными персоналиями ссыльных участников восстания 1863—1864 гг. Эта группа отличается наибольшей эмоциональностью, в первую очередь авторы обращают внимание на реализацию репрессивной политики российскими властями, начиная с момента ареста, следствия, вынесения приговора и последующего препровождения в Сибирь до размещения в местах отбывания наказания. В мемуарах затрагивается тема личного опыта службы ссыльных участников восстания в различных государственных ведомствах Сибири, а также выступает дополнительным источником в решении вопроса о профессиональной адаптации в ссылке.

Особое место среди корреспонденции сосланных участников восстания 1863—1864 гг. занимают 85 писем Ф. Зенковича, написанные за время его семнадцатилетней каторги в Уsole и пребывания на поселении в Иркутске. Существенную ценность представляют письма Ф. Зенковича как свидетельство организации жизни повстанцев уже во время этапирования их в Сибирь, в дальнейшем в ссылке. В них запечатлена активность ссыльных, а также контакты и сотрудничество с представителями местной администрации и купеческой среды. С одной стороны, его письма представляют собой хронику жизни ссыльного, а с другой, являются свидетельствами судебных ссыльных уроженцев Беларуси в Сибири [47].

Значительное место в мемуарах занимает информация о самых разных формах культурно-просветительской деятельности: об организации ссыльными уроков иностранных языков, музыки, рисования и танца, о поступлении на службу помощниками в коммерческих делах, домашними учителями. Однозначно в этих источниках представлены сведения о деятельности ссыльных в рамках своего сообщества, о создании в Сибири школ-приютов для детей-сирот

ссыльных повстанцев, о занятиях по самообразованию, проблемах повседневности. Мемуаристы приводят множество примеров доброжелательного участия местных жителей в жизни ссыльных, что способствовало успешной адаптации ссыльных в непривычной социо- и этнокультурной среде, в непростых климатических и бытовых условиях [45—46; 59—64].

Комплекс опубликованных источников дополняют архивные материалы из фондов ЛГИА, которые располагают эпистолярным наследием повстанцев. Часть его сохранилась в канцеляриях полицейских органов, в фондах департамента полиции, жандармских управлений, так как переводы писем с польского языка, как правило, оставляли в делах органов надзора. В фонде Виленского общества любителей наук нами выявлено «Собрание писем известных лиц к Витольду Оскерко». Эта переписка включает письма А. Одынца, П. Яшиной, Е. Коновалова и др., письма датируются 1865, 1868, 1882 гг. [56]. Мемуарная литература представлена в фондах архива дневниками Медарта и Павлины Кончи, а также воспоминаниями Теодоры Мончунской, дочери Т. Нарбута [57—58]. Интересным комплексом документов, представляющим хронику жизни ссыльных в Сибири, отражающим разные судьбы людей, является переписка Ф. Мурашко, А. Прушинского, Я. Качковского, С. Радовичевой с семьей, родными и друзьями [40—43]. Благодаря письмам Л. Бальцера, который после окончания срока каторги остался работать в ресторане Иркутска, а позднее стал владельцем двух лавок, возможно узнать, в каких условиях и на каких основаниях осуществлялась предпринимательская деятельность ссыльных, заключались торговые сделки, фамилии лиц, занимавшихся куплей, а также продажей в г. Иркутске [44].

Важным источником являются фотографии, отражающие на примере одежды, повстанческой атрибутики и вооружения черты материальной культуры 60-х гг. XIX в., а также передающие особенности сословного и социального характера. В делах фонда «Архив музея графа М. Н. Муравьева» сохранилось около 600 фотографий участников восстания 1863 г. и представителей российской администрации периода 60-х гг. XIX — начала XX в. В числе повстанцев, чьи снимки находятся в этом сборе, Б. Семирадский, П. Дыбовский, Б. Свенторжецкий и др. [54].

Таким образом, комплексный характер исследования обеспечивается привлечением четырех типов источников, которые сгруппированы по следующим критериям: происхождение, функциональная роль документа, видовые особенности. Значительное количество среди проанализированных документов составляют законодательные акты, а также материалы делопроизводства губернских канцелярий и судебно-следственных органов, которые отложились в соответствующих фондах НИАБ, а также в исторических архивах Гродно, Вильноса, Варшавы и Тюмени. Они позволяют охарактеризовать репрессивную политику на территории белорусско-литовских губерний, проанализировать порядок функционирования специально созданных судебно-следственных институ-

тов, их деятельность по организации размещения, содержания и этапирования осужденных в ссылку. Нарративные источники позволяют исследовать взаимодействие ссыльных с сибирским обществом, особенности религиозной жизни, а также вопросы быта и профессиональной занятости.

Источники и литература

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию в пределах Северо-Западного края: В 2 ч. // Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 г. по май 1863 г.: Виленский временник / сост. А. И. Миловидов. — Вильна: Губернская типография, 1913. — Книга VI. — Ч. 1. — 464 с.
2. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию в пределах Северо-Западного края: В 2 ч. // Переписка по политическим делам гражданского управления с 10 января 1863 г. по 7 января 1864 г.: Виленский временник / сост. А. И. Миловидов. — Вильна: Губернская типография, 1913. — Книга VI. — Ч. 2. — 466 с.
3. Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг.: сб. документов / АН СССР, Ин-т славяноведения; редкол.: В. Дьяков (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1965. — 586 с.
4. Государственные преступления в России в XIX веке: Сборник из политических процессов и других материалов, относящихся к истории революционных и оппозиционных движений в России: В 3 т. / под ред. В. Базилевского (В. Богучарского) 1825—1876. — Штутгарт, 1903—1905. — 351 с.
5. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі (1772—1903 гг.): У 2 т. / пад рэд. Н. М. Нікольскага. — Мінск: Выд-ва АН БССР, 1940. — Т. 2. — 938 с.
6. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 296. — Оп. 1. — Д. 19—21.
7. Там же. — Ф. 694. — Оп. 1. — Д. 767.
8. Там же. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 31249, 31263, 31299, 31307, 31316.
9. Там же. — Д. 31252, 31255.
10. Там же. — Д. 31339.
11. Там же. — Ф. 1521. — Оп. 1. — Д. 6.
12. Там же. — Ф. 1524. — Оп. 1. — Д. 1.
13. Там же. — Ф. 1525. — Оп. 1. — Д. 2.
14. Там же. — Ф. 2001. — Оп. 2. — Д. 19, 22.
15. Там же. — Ф. 2601. — Оп. 1. — Д. 2.
16. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). — Ф. 1. — Оп. 34. — Д. 170, 172, 823.
17. Там же. — Д. 176, 249, 1243.
18. Там же. — Д. 667, 1527.
19. Там же. — Д. 1429, 1509.
20. Там же. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 1, 24, 31.
21. Там же. — Д. 21.
22. Там же. — Д. 32, 43.
23. Там же. — Ф. 37. — Оп. 1. — Д. 635, 645, 660, 663, 665.
24. Там же. — Ф. 1712. — Оп. 1. — Д. 2—4.
25. Там же. — Ф. 1713. — Оп. 1. — Д. 1.

26. Паўстанне 1863—1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: Дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі / склад. Дз. Ч. Матвейчык; рэдкал.: У. І. Адамушка [і інш.]. — Мінск: А. М. Вараксін, 2014. — 544 с.
27. Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863—1864 гг. / под ред. Д. В. Карева. — Брест: Академия, 2006. — 404 с.
28. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. — Собрание второе: В 55 т. — СПб.: Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830—1884. — 55 т.
29. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. — Собрание третье: В 33 т. — СПб.: Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1881—1913. — Т. 3. — 1886. — 998 с.
30. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. (Восстание 1863 года. Материалы и документы) / АН СССР, Ин-т славяноведения; редкол.: В. Дьяков (отв. ред.) [и др.]. — М.: Наука, 1964. — 707 с.
31. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях. 1863—1864 / сост. Н. Цылов. — Вильна: Тип. А. К. Киркора и бр. Роммов, 1866. — 383 с.
32. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1862, 1863 и 1864 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. — СПб., 1873. — 728 с.
33. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1865 и 1866 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. — СПб., 1873. — 598 с.
34. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1867 и 1868 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. — СПб., 1874. — 670 с.
35. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1870—1871 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. — СПб., 1872. — 335 с.
36. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1872—1873 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. — СПб., 1874. — 571 с.
37. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1874 г. / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. — СПб., 1875. — 567 с.
38. Свод военных постановлений: В 12 т. — СПб.: Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1859. — Т. 12: Устав Военно Уголовный. — 76 с.
39. Свод законов Российской империи: В 15 т. — СПб.: Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1857—1868. — Т. 14: Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею и о ссыльных. — 1857. — 909 с.
40. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). — Sygn. 277. — Wspomnienia Franciszka Muraszki, weterana powstania styczniowego.
41. Biblioteka Narodowa w Warszawie (Bibl. Narodowa). — Rkps. II 5977. — Prószyński, A. Listy.
42. Bibl. Narodowa. — Rkps. II 8816. — Kaczkowski, J. — Pamiętnik.
43. Bibl. Narodowa. — Rkps. 13579. — Rodowiczowa S. z Rymkiewiczów. — Wspomnienia dotyczące okresu. 1865—1878.
44. Bibl. Narodowa. — Rkps. III 2973. — Balcer, L. Listy z Syberii.

45. Brus, A. Dzieciństwo na zesłaniu w Tomsku. Ze wspomnień Jadwigi Ostromeckiej (druga połowa XIX wieku) / A. Brus // Polacy w nauce i kulturze Tomcka oraz Syberii Zachodniej: praca zbiorowa / red.: A. Kuczyńskiego, M. Marczyka. — Wrocław, 2008. — S. 169—180.
46. Caban, W. Z Orenburga do Paryża. Bronisław Zaleski 1820—1880 / W. Caban. — Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2006. — 248 s.
47. Jędrzychowska, B. Wszystkim obcy i cudzy. Feliks Zienkiewicz i jego listy z Siberii 1864—1881 / B. Jędrzychowska. — Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2005. — 444 s.
48. Lietuvosvalstybėsistorijosarchyvas (LVIA). — F. 378. — Ap. 154. — B. 1124, 1370.
49. Там же. — B. 1762.
50. Там же. — B. 1697, 1900, 1902.
51. Там же. — Ap. 157. — B. 427.
52. Там же. — Ap. 158. — B. 421.
53. Там же. — Ap. 162. — B. 194.
54. Там же. — F. 439. — Ap. 1. — B. 153—178.
55. Там же. — B. 183—184, 192—193.
56. Там же. — F. 1135. — Ap. 20. — B. 515.
57. Там же. — Ap. 4. — B. 375, 389.
58. Там же. — Ap. 18. — B. 3, 8.
59. Minejko, Z. Z tajgi pod akropol. Wspomnienia z lat 1848—1866 / Z. Minejko. — Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1971. — 548 s.
60. Niebelski, E. Listy Melchiora Wańkowicza do Henryka Wiercieńskiego w sprawie pamiętek po ojcu Melchiorze — zesłańcu z 1863 roku / E. Niebelski // Wrocławskie studia wschodnie: praca zbiorowa / Uniwersytet Wrocławski. — Wrocław, 2006. — Rocznik 10. — S. 243—249.
61. Niebelski, E. Wiosna i jesień trwa tu krótko. Księża zesłańcy 1863 roku w syberyjskiej Tunce / E. Niebelski. — Lublin: Wydawnictwo KUL, 2013. — 220 s.
62. Ostromecka, J. Pamiętnik z lat 1862—1911 / J. Ostromecka; oprac. A. Brus. — Warszawa: DiG, 2004. — 350 s.
63. Pawłowicz, E. Wspomnienia. Nowogródek. Więzienie — wygnanie / E. Pawłowicz. — Lwów, 1887. — 422 s.
64. Zielonka, K. Wspomnienia z powstania 1863 roku i życia na wygnaniu w Syberii / K. Zielonka. — Lwów: Macierz Polska, 1913. — 190 s.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 06.09.2017

В. В. Урублеўскі,

галоўны архівіст аддзела публікацый дакументаў

Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі,

кандыдат гістарычных навук;

e-mail: slepovton@mail.ru

ПАРУШЭННЕ ПАРАДКУ ПАХАВАННЯ ПАМЕРЛЫХ ЯК ПРАЯВА АСАБІСТЫХ УЗАЕМААДНОСІН І МЯСЦОВЫХ ТРАДЫЦЫЙ У БЕЛАРУСКАЙ ВЁСЦЫ АПОШНЯЙ ТРЭЦІ XIX ст.

Выключная роля Свяцейшага Правячага Сінода ва ўпраўленні Рускай праваслаўнай царквой у синадальны перыяд гісторыі Расійскай імперыі (1721—1917) наклала выразны адбітак на царкоўна-адміністрацыйнае становішча ўсіх падведамасных мітраполій і епархій. Свецкі парадак прызначэння ў члены Сінода, з’ява старшынства ў ім у якасці обер-пракурора грамадзянскай асобы, дзейнасць ад імя імператара сведчаць аб вялікім уплыве дзяржаўніцкага апарату на жыллё царквы, у прыватнасці на рэгламентацыю і кантраляванне пытанняў духоўнай адукацыі і душпастырства.

Удзел у таямніцах прадстаўнікоў дамінуючай праваслаўнай канфесіі набываў цалкам прагматычны падтэкст і не столькі сведчыў пра веру, колькі пра сістэмны абавязак трымацца царкоўных нормаў як крытэрыю, што вызначаў добрасумленнага грамадзяніна.

Адхіленне ад нормы прыводзіла да судовай адказнасці як прадстаўнікоў духавенства, так і міран. Знешні падзел паміж зонамі кампетэнтнасці дзвюх судовых інстанцый — свецкай і царкоўнай — заключаўся ў рознай спецыфіцы прыярэптэтных пытанняў. Увага свецкіх судовых устаноў апырэры звярталася да спраў грамадзянскага і крымінальнага характару, а царкоўных устаноў — да духоўнага. Так, справы аб блюзнэрстве, святатацтве, несанкцыянаваных міжканфесійных пераходах, абразях у адрас свяшчэннаслужцеляў, выказваннях супраць праваслаўнай веры часцей разглядаліся менавіта грамадзянскімі судамі ўсіх узроўняў. Царкоўныя суды пры духоўных кансісторыях вырашалі пытанні, звязаныя з памылкамі ў ажыццяўленні набажэнскага чыну, нязначнымі канфліктамі паміж клірам і паствай, амаральнымі паводзінамі духавенства.

Матэрыялы фондаў свецкіх судовых устаноў часоў Расійскай імперыі дазваляюць назіраць мясцовыя з’явы, звязаныя з парушэннем норм, усталяваных царкоўнымі канонамі і замацаваных дзяржаўным заканадаўствам. Варта адзначыць, што нягледзячы на ​​немалую актуальнасць тэмы, як з прычыны захаванасці вялікага пласта неабходных крыніц, так і з прычыны важнасці аналізу спецыфікі карціны штодзённасці, яна дагэтуль не атрымала належнага асвятлення ў гістарыяграфіі (магчыма прыгадаць толькі агульны агляд праблемы, зроблены ў публікацыі В. Гарбачовай [1]).

Судовыя справы — адны з самых інфармацыйна насычаных дакументальных комплексаў інфармацыі, якія фіксуюць падзеі асабістага, грамадскага, а часам і гаспадарчага жыцця. Яны складаліся з абвінаваўчага акта, створанага на

падставе заявы істаца, пратаколаў допыту і агляду, справаводнай перапіскі, пастановы суда. У канцы XIX — пачатку XX ст. на абшарах Мінскай губерні дзейнічалі тры тыпы судовых устаноў — валасныя і гарадскія для нязначных маёмасных іскаў (не больш за 100 руб.), міравыя суды павятовага ўзроўню (не больш за 1000 руб.) і акружныя суды губернскага парадку (больш за 1000 руб.), якія вырашалі справы са значнымі маёмаснымі іскамі, а таксама справы крымінальнага характару (забойствы, пабоі, крадзеж, ілжэсведчанне, распуста, нанясенне абраз, блюзнэрства і г. д.) [2, с. 43—57].

Крыніцазнаўчую базу для даследавання прадстаўляюць матэрыялы акружнага і павятовых судаў Мінскай губерні XIX — пачатку XX ст., якія захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (далей — НГАБ).

Сутнасць парушэнняў зводзілася да адсутнасці святара на пахаванні памерлага. Адпаведна, прычына завядзення справы палягала ў адсутнасці чыну царкоўнага адпявання чалавека, памерлага не па сваёй прамой волі, г. зн. не самагубцы. Пры гэтым відавочна, што падчас вядзення следства найбольшая ўвага суддзяў і прысяжных засядацеляў непасрэдна звернута на факт правапарушэння. Матывы да яго здзяйснення, якія могуць выступаць доказами віны або, наадварот, апраўдваць учынак, успрымаюцца ў другую чаргу, часта маюць няўцягнуты характар.

Можна вылучыць некалькі груп прычын згаданага парушэння (без уліку канфесійнага фактару): 1) непаразуменні на глебе няпростых асабістых узаемаадносін паміж святаром і прыхаджанамі; 2) непаразуменні на глебе невыканання адным або абодвума бакамі неабходных рэлігійных ці судовых патрабаванняў; 3) непаразуменні з прычыны ігнаравання святаром умоў, у якіх апынуўся сваяк памерлага; 4) адсутнасць святароў на месцы свайго пражывання кароткачасова або на працягу доўгага перыяду; 5) няведанне патрэбы выклікаць святара як абавязковай умовы пахавання; 6) непаразуменні з аплатай святару за правядзенне чыну адпявання.

У сукупнасці будуць разгледжаны не толькі інцыдэнты, звязаныя з жылцём праваслаўнай канфесіі, але і аналагічныя выпадкі ў асяроддзі каталіцкага насельніцтва Мінскай губерні.

Непаразуменні на глебе няпростых асабістых узаемаадносін паміж святаром і прыхаджанамі. У дадзеным плане пераважаюць крыўды прыхаджан на святароў, выкліканыя негатывным досведам асабістых дачыненняў. Так, селянін мястэчка Ляхавічы Ляхавіцкай воласці Слуцкага павета Франц Коктыш у 1869 г. адмовіўся выклікаць праваслаўнага святара на пахаванне шасцігадовай дачкі 3-за нежадання чарговы раз чуць у свой адрас кліпае слова «*нехрысць*» за колішнюю прыналежнасць да каталіцтва (падобны прэцэдэнт здарыўся з ім на пахаванні жонкі) [7]. Слуцкі дваранін і жыхар ваколіцы Смолічы Заастрэвецкай воласці Слуцкага павета Адам Лебель у 1893 г. не запрасіў на пахаванне жонкі Марыі клецкага ксяндза Яна Юрэвіча з прычыны крыўды, якую меў на яго яшчэ з часу пахавання бацькі [19, арк. 8—10]. Селянін вёскі Вяцера Докшыцкай

воласці Барысаўскага павета Іван Шавель у 1913 г. хоць і заплаціў дыякану Васілю Прорвічу за мяркуемае пахаванне шасцімесячнага сына 50 капеек, але не пажадаў чакаць, пакуль пройдзе тры дні з моманту смерці немаўляці, і пахаваў яго сам на Дамашоўскіх могілках. На следстве Шавель патлумачыў свой учынак спякотным надвор'ем, калі ў выніку хуткага раскладання цела магла пачацца хвароба. Нежаданне докшыцкага святара Мікалая Пляшчынскага пайсці насустрач і пахаваць раней за тры дні ён расцаніў як помсту з-за сваёй адмовы везці яго лес на лесапілку памешчыка Гярловіча [37, арк. 8адв.]. Самавольным можна назваць учынак селяніна мястэчка Ляхавічы Сцяпана Гіпайлы, які ў 1870 г. пагрэбаваў распараджэннем ляхавіцкага святара пакінуць цела памерлага дзядзькі Івана Гіпайлы непахаваным для агляду паліцыяй, і пахаваў яго сам [11].

Непаразуменні на глебе невыканання адным з бакоў неабходных рэлігійных ці судовых паправаў. Ігнараванне звычайнага парадку дзеянняў, прынятых у выпадку смерці блізкага чалавека, прычынай чаго была адсутнасць патрэбных ведаў, нярэдка прыводзіла да правапарушэнняў.

Факт нечаканай смерці ў выніку няшчаснага выпадку, паводле заканадаўства Расійскай імперыі, мусіў быць засведчаны станавым прыставам і ім жа кваліфікаваны. Толькі пасля гэтага магло быць праведзена адпяванне. Аднак дадзенае ўсталяванне нярэдка парушалася. Так, селянін вёскі Косье Свіслацкай воласці Бабруйскага павета Акім Багдановіч у верасні 1901 г., не чакаючы судава-медыцынскай экспертызы з прычыны смерці ад падзення бярвяна васьмігадовай дачкі Аляксандры, самастойна пахаваў яе на мясцовых могілках [27]. Пробашч Каменьскага касцёла Ян Зарака-Заракоўскі ў 1904 г. не пажадаў хаваць без *«паведамлення ад паліцыі»* аб негвалтоўнай смерці нечакана памерлага селяніна вёскі Баравікі Івянецкай воласці Мінскага павета Крыштафа Кашалевіча. У выніку сын нябожчыка Іпаліт самавольна пахаваў бацьку на Старынскіх могілках [29, арк. 2адв.]. Селянін вёскі Бобрык Камаровіцкай воласці Мазырскага павета Аляксандр Сялюк або не ведаў, або баяўся выклікаць прыстава для судава-медыцынскай экспертызы смерці паўтарамесячнай дачкі Марыі, таму і пахаваў яе сам у пачатку сакавіка 1898 г. [24]. Анісім Якуш, селянін вёскі Пяскі Крукавіцкай воласці Рэчыцкага павета, не пажадаўшы выклікаць прыстава паводле просьбы святара Якімавіцкай царквы, пахаваў у сакавіку 1907 г. раптоўна памерлую ў лесе жонку Кацярыну самастойна [30, арк. 17—18].

У некаторых выпадках святары самі дазвалялі сялянам без свайго непасрэднага ўдзелу хаваць памерлага, лічачы магчымым адпечць нябожчыка пазней. Прынамсі, такой практыкі трымаўся не названы па імені слухач ксяндз у 1867 г., калі дазволіў сялянам аддаленай вёскі Замосце Грэскай воласці Слуцкага павета самастойна пахаваць жонку свайго аднавяскоўца Марцэліа Ходзьку [8]. Фёдар Шыгайла, селянін вёскі Усакіна Дальжанскай воласці Ігуменскага

павета, пахаваў летам 1910 г. шасцігадовую дачку Юстыну быццам бы з дазволу святара Урбановіча [32].

Непаразуменні з прычыны ігнаравання святаром умоў, у якіх апынуўся сваяк памерлага. Нярэдка парушэнні парадку пахавання вынікалі з аб'ектыўнай або суб'ектыўнай немагчымасці выканаць паправаў святара. Тут аб'ектыўнасць варта разумець як складанасць у ажыццяўленні неабходнай нормы, акрэсленую з розных пазіцый, а суб'ектыўнасць — з пазіцыі непасрэдна самога парушальніка. Пры гэтым суб'ектыўнасць можа лічыцца самапраўданнем у дачыненні парушэння. Аднак пры даследаванні матывацыі падсуднага немагчыма выразна вызначыць праўдзівасць яго паказанняў, таму застаецца месца для некаторай умоўнасці.

Найбольш папулярнай у названым шэрагу прычынай пахавання без адпявання з'яўляецца пагроза эпідэміі інфекцыйнай хваробы ад раскладання цела, якая не дазваляла пакідаць яго непахаваным на працягу трох дзён, асабліва ў спякотны перыяд года. Для сялян, якія не мелі магчымасці пакінуць цела памерлага ў спецыяльнай халоднай капліцы на могілках, а мусілі трымаць яго ў цёплай хаце, праблема набывала сваю вострыню нават у зімовы перыяд. Так, Нікадзім Бурак, селянін вёскі Старыя Валасевічы Валасевіцкай воласці Барысаўскага павета, у снежні месяцы 1893 г. прызнаў нявартым адкладаць пахаванне шасцімесячнай дачкі з прычыны моцнага трупнага паху [20, арк. 13адв.]. Так жа разважыў Іван Марачка-Кур'яновіч, селянін вёскі Ляўкі Жыцінскай воласці Бабруйскага павета, які самастойна пахаваў сваю дзевяцімесячную ўнучку ў лістападзе 1901 г. [26].

Праямі рэдкай матывацыі з'яўляюцца наступныя выпадкі. Сямён Мішук, селянін вёскі Тонава Рубяжэвіцкай воласці Мінскага павета, у красавіку 1908 г. самастойна пахаваў двухгадовага сына Пятра. Абгрунтаваў ён гэта боязню смерці двух другіх хворых дзяцей [31]. У кастрычніку 1896 г. святар Міхаіл Садоўскі адмовіўся пахаваць памерлую Настассю Крыцкую, сялянку сяла Свяды Валасевіцкай воласці Барысаўскага павета, у нядзелю і перанёс пахаванне на панядзелак. Аднак браты апошняй Якім і Іларыён Пшонкі з прычыны моцнага трупнага паху аслухаліся святара [23]. Асабліва прыхільнасць святара Іаана Кургана, настаўцеля Зачысцкай царквы Барысаўскага павета, да дакладнага выканання норм паўплывала на завядзенне судовых спраў супраць братаў Івана і Грыгорыя Чарнухаў, якія ў летні перыяд 1893 г. вымушаны былі пахаваць сваіх дзяцей без яго ўдзелу, баючыся магчымасці згубнай эпідэміі [17; 18].

Яшчэ адна істотная праблема, якая паўставала пры неабходнасці адпечць сваяка, вынікае з прычыны далёкай адлегласці асобных паселішчаў ад прыхадскай царквы ці парафіяльнага касцёла. Матэвуш Бубенчык, селянін вёскі Гарадзішча Мядзведзіцкай воласці Слуцкага павета, пахаваў у чэрвені 1870 г. свайго брата Адама без удзелу ксяндза, бо да яго *«прышлося б ехаць 10 вёрст, а час быў працоўны»* [10]. Прычынай, якая перашкодзіла выкліку ксяндза, у справе аб

пахаванні аднавяскоўцамі адстаўнога унгар-афіцэра Казіміра Валіцкага, жыхара вёскі Друцкаўшчына Сноўскай воласці Навагрудскага павета, у красавіку 1869 г. называецца аддаленасць Дараўскага касцёла [39].

Зафіксаваны і іншыя прычыны парушэнняў устойлівага парадку пахаванняў. Антон Пляскацэвіч, селянін вёскі Цыгань Мядзведзіцкай воласці Слуцкага павета, у чэрвені 1871 г. самавольна пахаваў бацьку Восіпа, бо не меў магчымасці знайсці кабылу, каб прывезці святара з Крывошына. Прычынай гэтаму было тое, што ўсе коні былі заняты на направе дарог [12]. Моцныя снежаньскія маразы 1894 г. не дазволілі тром сялянам вёскі Пружынішча Чэрнінскай воласці Бабруйскага павета дабрацца да сяла Дуброва (за 12 вёрст), каб выклікаць на пахаванне святара [22]. Рыгор Шалятуноў (Шалюта), селянін вёскі Прудок Слабада-Скрыгалаўскай воласці Мазырскага павета, у 1869 г. разам з родзічамі спа-сылаўся на кепскую дарогу пры абвінавачанні ў самавольстве [5]. Ігуменскія мяшчане браты Людвіг і Станіслаў Ярашэвічы не адважыліся пераадолець 28 вёрстаў па веснавых дарогах у красавіку 1870 г., каб запрасіць у Смілавічы на пахаванне бацькі ксяндза [4]. Іван Грыневіч, селянін вёскі Малая Ужанка Гарадзейскай воласці Навагрудскага павета, самавольна пахаваў сына ў 1898 г. з-за адсутнасці часу чакаць святара ў сувязі з ад'ездам на працу па найме [25].

Адсутнасць святароў на месцы свайго пражывання кароткачасова або на працягу доўгага перыяду. Найбольш пашыранай падставай для адмовы ад выканання царкоўных правілаў у адносінах да пахавання сваякоў з'яўляецца адсутнасць святара на месцы свайго служэння. Кароткачасовая адсутнасць звязана з выкананнем святарамі сваіх абавязкаў у іншых частках прыходу або выездам за яго межы для вырашэння асабістых пытанняў. У роўнай меры з'ява тычылася і каталікоў [3; 6; 9], і праваслаўных [33; 38].

У прыходах з фармальна пераведзеным у праваслаўе каталіцкім насельніцтвам намінальныя праваслаўныя, якія апынуліся ў аддаленні ад каталіцкай пастырскай апекі, нягледзячы на немагчымасць запрасіць сваіх ксяндзоў, не запрашалі і праваслаўных святароў. У дачыненні да гэтай справы варта прыгадаць доўгатэрміновую адсутнасць кліру Мядзведзіцкага касцёла Слуцкага павета ў перыяд пасля падаўлення паўстання 1863—1864 гг. Былыя парафіяне касцёла мелі права звяртацца па выкананне трэб да праваслаўных святароў, але на справе ўпарта адмаўляліся ад гэтага. Так, Магдаліна Трыбухоўская, аднадворка з фальварка Ганцавічы Мядзведзіцкай воласці Слуцкага павета, разам з чатырма памочнікамі пахавала ў жніўні 1871 г. свайго мужа без удзелу праваслаўнага святара [13]. Роўна тое ж самае ажыццявілі ў снежні 1869 г. Мікалай Дойніч, селянін мястэчка Мядзведзічы, і Адам Пішча, селянін вёскі Смаленкі Мядзведзіцкай воласці, у дачыненні да бацькі і дачкі адпаведна [14; 15].

Няведанне патрэбы выклікаць святара як абавязковай умовы пахавання. У шэрагу рэгіёнаў Мінскай губерні акрэсленага перыяду практыкавалася пахаванне памерлых дзяцей без удзелу святара, што выклікала значную колькасць скаргаў і нараканняў духавенства. Захар Заяц і Васіль Бяляк, сяляне вёскі Вусакіна

Далжанскай воласці Ігуменскага павета, летам 1910 г. паведамлілі Мінскаму акружнаму суду, што проста не маюць уяўлення аб правільным парадку пахавання памерлых дзяцей [32].

Непаразуменні з аплатай святару за правядзенне чыну адпявання. Як і кожная трэба, чын адпявання ў большасці выпадкаў суправаджаўся грашовым узнагароджаннем святару. Пры разглядзе дадзенага пытання асноўным праблемным момантам варта прызнаць беднасць, якая магла мець месца ў рэчаіснасці, а магла быць толькі выказана фігурантамі адпаведных судовых спраў як прычына парушэння, на самой справе такой не будучы [16; 35]. Беднасць сялян, а разам з ёй і боязь хваробы маглі стаць прычынамі для адмовы святара ажыццяўляць адпяванне [36].

Пахаванне з удзелам святара магло не адбыцца таксама з-за меркавання вернікаў, што за магчымую для іх суму або бясплатна святар не будзе праводзіць чын. Так, Якаў Бандзіч, селянін вёскі Астрэйкі Ляхавіцкай воласці Слуцкага павета, у 1894 г. прыпісаў айцу Васілю Шамяцілу, настацелю Падлескай царквы, словы: «*Не даці 75 копеек, то хавай як ведаеш*». Айцец Васіль з такімі сведчаннямі не пагадзіўся [21, арк. 28—28адв.]. Мінскі мешчанін Ян Біруля ў кастрычніку 1904 г. таемна пахаваў памерлую сялянку Фіёну Конскую на Старажоўскіх могілках, не жадаючы плаціць за яе адпяванне сваім коштам [28].

У асобных выпадках паказанні сялян па дадзеным пытанні былі прызнаны следствам рэчаіснымі. Так, па справе Фядоры Жажукі і яе сына Міхаіла, сялян вёскі Вежыцы Бярозавіцкай воласці Мазырскага павета, аб пахаванні без святара іх мужа і бацькі ў кастрычніку 1911 г. следства высветліла, што факт патрабавання святаром Гаўрыілам Сеўбам 15 рублёў за правядзенне чыну меў месца [34].

Парушэнні парадку пахавання памерлых, зафіксаваныя на падставе прагледжаных судовых спраў павятовых і акружнага судоў, дэманструюць часцей не столькі святарскія памылкі і адступленні прыхаджан ад нормы, колькі ўвесь комплекс складаных міжасабовых адносін, звязаных не толькі з сацыяльнымі, але і з камунікатывымі супярэчаннямі і культурнымі адрозненнямі фігурантаў.

Глыбіннымі прычынамі ўзбуджэння спраў аб няправільным пахаванні варта лічыць не столькі сакральныя перакананні, колькі прыхільнасць да традыцый, звычайную асабовую неразвітасць і іншыя асаблівасці ментальнасці.

Крыніцы і літаратура

1. Горбачева, О. В. Материалы судопроизводства как источник по истории повседневности белорусской деревни XIX в. / О. В. Горбачева // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX — начале XXI в.: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 19—20 мая 2010 г.). — Минск: БГУ, 2011. — С. 164—173.
2. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793—1917) / сост. Т. Е. Леонтьева. — Минск: БелНИИДАД, 2006. — 392 с.
3. НГАБ. — Ф. 160. — Воп. 1. — Спр. 548. — Справа па абвінавачанні 31-гадовага Яна-Юліяна Канстанціновіча, двараніна ваколіцы Весялова Ігуменскага павета, у пахаванні

- на Ігуменскіх каталіцкіх могілках бацькі Тэадора Канстанціновіча, памерлага 07.12.1858. 1858—1860 гг.
4. Там жа. — Спр. 1193. — Справа па абвінавачанні ігуменскіх мяшчан 38-гадовага Людвіга Ярашэвіча, цяляра і жыхара маёнтка Антональ Барысаўскага павета, і 31-гадовага Станіслава Ярашэвіча, цяляра і жыхара мястэчка Смілавічы Ігуменскага павета, у пахаванні без выканання рэлігійных абрадаў бацькі Феліцыяна Ярашэвіча, памерлага 03.04.1870. 1870—1871 гг.
  5. Там жа — Ф. 163. — Воп. 1. — Спр. 2764. — Справа па абвінавачанні 40-гадовага Грыгорыя Трафімава Шалютунова (Шалюты) і яго родзічаў 45-гадовага Васіля Мікалаева Пашкоўскага (Кавалёва), 40-гадовага Венядзікта Мікалаева Пашкоўскага (Кавалёва), сялян вёскі Прудок Слабада-Скрыгалаўскай воласці Мазырскага павета, у пахаванні памерлай 6-гадовай дачкі Прасі без святара ў 1869. 1869—1870 гг.
  6. Там жа. — Ф. 171. — Воп. 1. — Спр. 3988. — Справа па абвінавачанні 61-гадовага Марціна Пятрова Грышука, селяніна вёскі Пярэжрэсце Ляхавіцкай воласці Слуцкага павета, служачага батраком у маёнтку Нача памешчыка Чарноцкага, у пахаванні памерлай у снежні 1868 жонкі-каталічкі Серафімы без удзелу ксяндза па прычыне яго адсутнасці. 1868—1869 гг.
  7. Там жа. — Спр. 4262. — Справа па абвінавачанні 55-гадовага Франца Казімірава Коктыша, селяніна мястэчка Ляхавічы Слуцкага павета, у пахаванні без святара 6-гадовай дачкі Тэрэзіі, памерлай 02.11.1869. 1869—1870 гг.
  8. Там жа. — Спр. 4278. — Справа па абвінавачанні 34-гадовага Іосіфа Мікалаева Ходзькі з аднавяскоўцамі 35-гадовым Лявонам Восіпавым Тарасевічам, 50-гадовым Фёдарам Аляксеевым Волатам, 55-гадовым Пятром Сцяпанавым Ходзькам, 29-гадовым Сцяпанам Дзям'янавым Капялюшом, 45-гадовым Марцінам Міхайлавым Пацкевічам, сялян вёскі Замосце Грэскай воласці Слуцкага павета, у пахаванні сваёй жонкі Марцэлі Ходзька без святара 23.12.1867 (узрост абвінавачаных прыведзены на момант лістапада 1870). 1867—1881 гг.
  9. Там жа. — Спр. 4282. — Справа па абвінавачанні 45-гадовага Івана Лявонава Морачкі (Мурачкі), селяніна вёскі Пярэжрэсце Ляхавіцкай воласці Слуцкага павета, у пахаванні без святара жонкі Саламеі, памерлай 01.12.1869. 1869—1870 гг.
  10. Там жа. — Спр. 4325. — Справа па абвінавачанні 35-гадовага Матэвуша Юзафава Бубенчыка, селяніна вёскі Гарадзішча Мядзведзіцкай воласці Слуцкага павета, у пахаванні без удзелу ксяндза Мядзведзіцкага касцёла брата Адама, памерлага ў чэрвені 1870. 1870 г.
  11. Там жа. — Спр. 4326. — Справа па абвінавачанні 40-гадовага Сцяпана Іосіфава Гіпайлы, селяніна мястэчка Ляхавічы Слуцкага павета, у пахаванні памерлага дзядзькі, 80-гадовага Івана Гіпайлы, без святара Ляхавіцкай царквы ў маі 1870. 1870 г.
  12. Там жа. — Спр. 5148. — Справа па абвінавачанні 35/40-гадовага Антона Восіпава Пляскацэвіча, селяніна вёскі Цыгань Мядзведзіцкай воласці Слуцкага павета, і 35-гадовага Станіслава Восіпава Максімчыка, сельскага старасты вёскі Цыгань, у пахаванні селяніна Восіпа Віктарава Пляскацэвіча без удзелу Аляксандра Біруковіча, святара Крывошынскай царквы, у чэрвені 1871. 1871—1872 гг.
  13. Там жа. — Спр. 5149. — Справа па абвінавачанні 50-гадовай Магдаліны Грыгор'евай Трыбухоўскай, аднадворкі фальварка Ганцавічы Мядзведзіцкай воласці Слуцкага павета, і яе памочнікаў-каталікоў Міхала Антонава Пашукевіча, Яна Вінцэнтава Вяржбіцкага, Вікторыя Фёдарова Трыбухоўскага, Антонія Грыгор'ева Бычкоўскага ў пахаванні без святара мужа першай Яна Антоніева Трыбухоўскага, аднадворца Мірскага ўчастка Навагрудскага павета, 03.08.1871. 1871—1872 гг.

14. Там жа. — Спр. 5150. — Справа па абвінавачанні 24-гадовага Адама Антонава Пішчы і яго памочнікаў Яна Стэфанава Пішчы і Яна Вікторыева Максімчыка, сялян-каталікоў вёскі Смаленікі Мядзведзіцкай воласці Слуцкага павета, у пахаванні гадавалай Крысціны, памерлай дачкі Адама, без выканання рэлігійных абрадаў 26.09.1871. 1870—1871 гг.
15. Там жа. — Спр. 5340. — Справа па абвінавачанні 25-гадовага Мікалая Юзафава Дойніча і яго памочнікаў Пятра Янава Калясінскага і Антонія Адамава Жылуна, сялян-каталікоў мястэчка Мядзведзічы Мядзведзіцкай воласці Слуцкага павета, у пахаванні бацькі першага без выканання рэлігійных абрадаў у снежні 1869. 1869—1870 гг.
16. НГАБ. — Ф. 183. — Воп. 2. — Спр. 6820. — Справа па абвінавачанні 40-гадовай Тэрэзіі Вінцэнтавай Болтуць, сялянкі вёскі Рачканы Ляхавіцкай воласці Слуцкага павета, у пахаванні памерлага мужа-каталіка Вінцэнта на праваслаўных могілках вёскі Пашкаўцы без выканання рэлігійных абрадаў у лістападзе 1891. 1891—1892 гг.
17. Там жа. — Спр. 7053—7054. — Справы па абвінавачанні 60-гадовага Івана Хартыонава Чарнухі, селяніна вёскі Пупелічы Зачысцкай воласці Барысаўскага павета, у пахаванні памерлай дачкі Ганны без выканання хрысціянскіх абрадаў 24.06.1893. 1893—1894 г.
18. Там жа. — Спр. 7055—7056. — Справы па абвінавачанні 50-гадовага Грыгорыя Хартыонава Чарнухі, селяніна вёскі Пупелічы Зачысцкай воласці Барысаўскага павета, у пахаванні памерлага сына Сцяпана без выканання хрысціянскіх абрадаў 11.08.1893. 1893—1894 г.
19. Там жа. — Спр. 7800. — Справа па абвінавачанні 26-гадовага слуцкага двараніна-каталіка Адама Уладзіслававіча Лебеля, жыхара ваколіцы Смолічы Заастравецкай воласці Слуцкага павета, у пахаванні памерлай ад сухотаў жонкі Марыі Людвігавай з роду Буднікаў без выканання хрысціянскіх абрадаў 24.01.1893. 1893 г.
20. Там жа. — Спр. 8106—8107. — Справы па абвінавачанні 40-гадовага Нікадзіма Алімпіева Бурака, селяніна вёскі Старыя Валасевічы Валасевіцкай воласці Барысаўскага павета, у пахаванні на Валасевіцкіх могілках памерлай 6-месячнай дачкі Феадосіі без выканання хрысціянскіх абрадаў 06.12.1893. 1893—1894 г.
21. Там жа. — Спр. 8867. — Справа па абвінавачанні 60-гадовага Якава Сямёнава Бандзіча, селяніна вёскі Астрэйкі Ляхавіцкай воласці Слуцкага павета, у пахаванні гадавалай дачкі Марыі без выканання рэлігійных абрадаў на могілках урочышча Беразняк у раёне Дараўскай воласці Навагрудскага павета 05.09.1894. 1894 г.
22. Там жа. — Спр. 9015. — Справа па абвінавачанні 38-гадовага Фёдара Яўстратава Дайнекі, 25-гадовай Марыі Савінай Тукач, 30-гадовай Маланні Панкрацэвай Дайнека, сялян вёскі Пружыннішча Чэрнінскай воласці Бабруйскага павета, у пахаванні непаўналетніх дзяцей, адпаведна Зіновія, Фядору і Марыю, на мясцовых могілках без выканання хрысціянскіх абрадаў у снежні 1894. 1894—1895 гг.
23. Там жа. — Спр. 10585. — Справа па абвінавачанні 35-гадовага Якіма Міхайлава Пішонкі і 27-гадовага Іларыёна Міхайлава Пішонкі, сялян сяла Свяды Валасевіцкай воласці Барысаўскага павета, у пахаванні памерлай сястры Анастасіі Міхайлавай Крыцкай без выканання хрысціянскіх абрадаў 13.10.1896. 1896—1897 г.
24. Там жа. — Спр. 11655. — Справа па абвінавачанні 25-гадовага Аляксандра Канстанцінава Сялюка, селяніна вёскі Бобрык Камаравіцкай воласці Мазырскага павета, у пахаванні сваёй шасціднёвай дачкі Марыі, прыспанай жонкай Аўдоцый Аляксеевай

- Сянок, без судова-медыцынскага агляду і выканання хрысціянскіх абрадаў у пачатку сакавіка 1898. 1898—1899 гт.
25. Там жа. — Спр. 11943. — Справа па абвінавачанні 27-гадовага Івана Вікенцьева Грынэвіча, селяніна вёскі Малая Ужанка Гарадзейскай воласці Навагрудскага павета, у пахаванні памерлага сына Уладзіміра на зачыненых могілках і без выканання хрысціянскіх абрадаў 23.04.1898. 1898 г.
26. Там жа. — Спр. 14492. — Справа па абвінавачанні 43-гадовага Івана Антонова Марачкі-Курыяновіча, селяніна вёскі Ляўкі Жыцінскай воласці Бабруйскага павета, у пахаванні памерлай дзевяцімесячнай унучкі Праскоўі без выканання рэлігійных абрадаў 28.11.1901. 1901—1902 гт.
27. Там жа. — Спр. 14493. — Справа па абвінавачанні 47-гадовага Акіма Грыгор'ева Багдановіча, селяніна вёскі Косье Свіслацкай воласці Бабруйскага павета, у пахаванні на мясцовых могілках памерлай 8-гадовай дачкі Аляксандры, забітай бярвяном, без выканання хрысціянскіх абрадаў у верасні 1901. 1901—1902 гт.
28. Там жа. — Спр. 17296. — Справа па абвінавачанні 69-гадовага мінскага мешчаніна Яна Станіславава Бірулі, жыхара горада Мінск, у пахаванні на Старажоўскіх могілках памерлай сялянкі Фіёны Іванавай Конскай без выканання хрысціянскіх абрадаў 13.10.1904. 1904—1906 гт.
29. Там жа. — Спр. 17407. — Справа па абвінавачанні 27-гадовага Іпаліта Крыштафава Кашалевіча, селяніна вёскі Баравікі Івянецкай воласці Мінскага павета, у пахаванні на Старынскіх могілках нечакана памерлага 65-гадовага бацькі Крыштафа Крыштафава Кашалевіча без выканання хрысціянскіх абрадаў 11.12.1904. 1904—1905 гт.
30. Там жа. — Спр. 19043. — Справа па абвінавачанні 43-гадовага Анісіма Міронава Якуша, селяніна вёскі Пяскі Крукавіцкай воласці Рэчыцкага павета, у пахаванні памерлай жонкі Кацярыны без выканання хрысціянскіх абрадаў у сакавіку 1907. 1907—1908 гт.
31. Там жа. — Спр. 20417. — Справа па абвінавачанні 34-гадовага Сямёна Васільева Мішука, селяніна вёскі Тонава Рубяжэвіцкай воласці Мінскага павета, у пахаванні памерлага 28.10.1908 двухгадовага сына Пятра без выканання абрадаў Праваслаўнай Царквы ў дзень яго смерці. 1908—1909 гт.
32. Там жа. — Спр. 21342. — Справа па абвінавачанні 38-гадовага Захарыя Маркава Зайца, 31-гадовага Фёдара Якімава Шыгайлы, 45-гадовага Васіля Паўлава Беляка, сялян вёскі Усакіна Далжанскай воласці Ігуменскага павета, у пахаванні сваіх памерлых дзяцей 6-гадовай Усціны Шыгайла, 8-месячнай Вольгі Заяц і 8-месячнай Еўдакіі Беляк без выканання абрадаў Праваслаўнай Царквы летам 1910. 1910—1911 гт.
33. Там жа. — Спр. 21592. — Справа па абвінавачанні 33-гадовага Міхаіла Феліксава Сліжа, селяніна вёскі Лубень Рубяжэвіцкай воласці Мінскага павета, у пахаванні памерлага ў дзень нараджэння 6 снежня 1909 сына Канстанціна без выканання хрысціянскіх абрадаў 07.12.1909. 1909—1910 гт.
34. Там жа. — Спр. 23930. — Справа па абвінавачанні 31-гадовага Фёдара Міхайлава Жажукі і 52-гадовай Фядоры Фёдаравай Жажукі, сялян вёскі Вежыцы Бярозаўскай воласці Мазырскага павета, у пахаванні бацькі і мужа Міхаіла Якаўлева Жажукі без выканання хрысціянскіх абрадаў у дзень смерці 26.10.1911. 1911—1913 гт.
35. Там жа. — Спр. 23931. — Справа па абвінавачанні двараніна 32-гадовага Філімона Акімавіча Некрашэвіча, жыхара хутара Грэбені Буйнавіцкай воласці Мазырскага павета, у пахаванні на Стадоліцкіх могілках памерлага сямімесячнага сына Мікалая без выканання хрысціянскіх абрадаў 24.06.1912. 1912 г.

36. Там жа. — Спр. 23932. — Справа па абвінавачанні Тларыёна Лявонцьева Шура, селяніна вёскі Стадолічы Буйнавіцкай воласці Мазырскага павета, у пахаванні на Стадоліцкіх могілках трохтыднёвага сына Аляксандра без выканання хрысціянскіх абрадаў у канцы чэрвеня 1912. 1912—1913 гт.
37. Там жа. — Спр. 24555. — Справа па абвінавачанні 26-гадовага Івана Міхайлава Шэвеля, селяніна вёскі Вяцера Докшыцкай воласці Барысаўскага павета, у пахаванні на Дамашоўскіх могілках памерлага 6-месячнага сына Сяргея без выканання хрысціянскіх абрадаў у дзень смерці 16.06.1913. 1913 г.
38. НГАБ. — Ф. 531. — Воп. 1. — Спр. 31. — Справа па абвінавачанні 60-гадовага Адама Лаўрэнцьева Пірштукі, 36-гадовага Вікенція Даменікава Пірштукі, 58-гадовага Вікенція Міхайлава Пірштукі і 33-гадовага Антона Ігнавава Пірштукі, сялян вёскі Пірштукі Дараўскай воласці Навагрудскага павета, у пахаванні сялян Фамы і Антаніны Пірштукі без удзелу святара Святыцкай царквы. 1872 г.
39. Там жа. — Спр. 39. — Справа па абвінавачанні 60-гадовага Якуба Вінцэнтава Валіцкага, 50-гадовага Адама Юр'ева Валіцкага, 46-гадовага Ігната Міхалава Валіцкага, 60-гадовага Сымона Матэвушава Світкі, 40-гадовага Ізьдара Езупава Світкі, 40-гадовага Матэвуша Францішкава Міхневіча, 78-гадовага Пятра Эліяшава Сянуты, 70-гадовага Ваўрынца Матэвушава Міхневіча, сялян-каталікоў вёскі Друцкаўшчына Сноўскай воласці Навагрудскага павета, у пахаванні 49-гадовага Казіміра Андрэева Валіцкага, адстаўнога унтр-афіцэра, без удзелу ксяндза ў красавіку 1869. 1869—1872 гт.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 06.03.2017

З. В. Антановіч,

*дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: zinantonowicz@gmail.com*

ПРЫЗНАЧЭННЕ ЕПІТЫМ'ЯЎ У СПРАВАВОДСТВЕ ПРАВАСЛАЎНЫХ КАНСІСТОРЫЙ КАНЦА ХVIII — ПАЧАТКУ ХХ ст.

(па матэрыялах архіўнага фонду 136

«Мінская праваслаўная духоўная кансісторыя»)

Рэлігія ў значнай ступені ўплывае на фарміраванне светапогляду асобы нават у сучасным грамадстве, а ў папярэднія гістарычныя перыяды рэлігійная практыка цесна ўплывала ў штодзённасць чалавека на ўсіх узроўнях узаемаадносін. Адметнасці кожнай эпохі адлюстраваны ў архіўных дакументах, створаных у тым ліку ў дзейнасці канфесіянальных устаноў. Адным з найбольш цікавых комплексаў для даследавання сацыяльнай сферы ХІХ ст. з'яўляецца архіўныя фонды кансісторый — органаў адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва і духоўнага суда ў межах епархій хрысціянскіх канфесій. У архіўным фондзе «Мінская праваслаўная духоўная кансісторыя» (ф. 136) з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі захаваліся справы па прызначэнні епітым'яў за ўвесь перыяд уваходжання беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі (1793—1917 гг.).

У рэлігійнай практыцы пад тэрмінам «епітым'я» прадугледжваецца накладзенае на асобу пакаянне за парушэнне догматаў веравызнання і заканадаўства, напрыклад, неадпаведныя паводзіны падчас набажэнства, крадзяжы, спроба самагубства, забойства і іншае, што робіць гэтыя віды судовых спраў каштоўнай крыніцай па гісторыі сацыюма і штодзённасці. Епітым'і прызначаліся як свецкім асобам, так і духавенству. Меры пакарання і справядлівасці па накладанні епітым'яў рэгламентаваліся распараджэннямі канфесіянальнага кіраўніцтва на аснове дагматычных падпісаных Рускай праваслаўнай царквы (напрыклад, правілаў св. Васілія, Апосталаў, кормчай кнігі), а з 1823 г. у адпаведных выпадках — Правіламі для пазбягання парушэнняў з боку духавенства, складзенымі на аснове агульнарасійскіх і канфесіянальных нарматыўных дакументаў. Гэтыя правілы дзейнічалі да прыняцця Статута духоўных кансісторый у 1841 г. Палажэнні апошняга дакумента захоўвалі сваю актуальнасць да перавыдання статута ў 1883 г. [2].

Падставамі для прызначэння епітым'яў для духавенства было парушэнне парадку набажэнстваў, прыстойнасці паводзін. Для прыватных асоб епітым'і падзяляліся на духоўнае пакаранне па абвінавачваннях грамадзянскіх улад у крымінальных злачынствах (крадзяжы, забойствы і інш.) і ў парушэнні прыстойнасці ладу жыцця (блуд, кровазмяшэнне, дваяжонства, пазашлюбнае нараджэнне дзіцяці, спроба самагубства і інш.).

Разгляд парушэнняў, здзейсненых прадстаўнікамі духавенства (святары і члены прычту), што адносяцца да першага віду спраў аб прызначэнні епітым'яў, ініцыяваўся рапартам вышэйстаячага прадстаўніка духавенства (архімандрыта кляштар, благачыннага), у якім падрабязна выкладаліся абставіны справы. Адметнай рысай гэтых спраў з'яўляецца перапіска, параўнальна з іншымі відамі спраў аб прызначэнні духоўнага пакаяння больш працяглая і падрабязная, паміж духавенствам і кансісторыяй з удакладненнем абставін. Апытанне сведак праводзілася спецыяльна прызначанай камісіяй з ліку духавенства ў прысутнасці прадстаўніка следчых органаў дзяржаўнай улады [33, арт. 154]. Пры гэтым заканадаўча падкрэслівалася, што асуджэнне духавенства ажыццяўлялася на аснове царкоўных правіл і ўзаконенняў [31, т. XXXVII, арт. 28675]. Падчас следства царкоўным уладам было забаронена ўчыняць «допыты з пострахам», а таксама накладаць цялесныя пакаранні [31, т. XIX, арт. 13609].

Следства над манахамі ажыццяўляў настаяцель кляштару, як у выпадку з 24-гадовым панамаром і харыстам Мінскага кафедральнага сабора Іванам Ляшкевічам. Ён быў накіраваны ў Пінскі Богаяўленскі кляштар за самавольныя адлучкі ў горад, злоўжыванне спіртнымі напоямі і нанясенне пабоў павару. У Пінску ён разам з сябрам ноччу ў лесе напаў на салдатку Феадору* з намерам згвалціць яе. Зыходзячы з таго, што «не было багахульства», у 1833 г. на І. Ляшкевіча было накладзена пакаянне на 14 дзён у жалезных кандалах, а яго ўтрыманне за месяц перадавалася ў шпіталь. Як і іншыя аналагічныя справы, гэтае пакаранне магло не дакументавацца, таму што не патрабавала ўзгаднення з кансісторыяй. Аднак у хуткім часе І. Ляшкевіч быў пераведзены ў Поблінскую Уваскрасенскую царкву, дзе працягнуў злоўжыванні [14, арк. 11—15адв.]. У ХІХ ст. вышэйшай мерай з'яўлялася пазбаўленне сану, якое магло выкарыстоўвацца за фізічнае насілле над прыхаджанамі і членамі прычту падчас набажэнства або парушэнне яго ходу. Ад выканання абавязкаў адхіляўся святар або дьякан за правядзенне літургіі ў нецвярозым стане і прызначаўся на пасаду панамара [31, т. XXXVIII, арт. 29711]. Гэта тычылася і І. Ляшкевіча, які праз два гады быў пазбаўлены сану, што разглядалася кансісторыяй, і накіраваны для праходжання воінскай павіннасці [14, арк. 26], але гэта не пазбаўляла яго ад епітым'і. Парадак прыёму ў рэкруты асоб, якія знаходзіліся на пакаянні, прадугледжваў перадачу інфармацыі пра памеры пакарання вайсковым святарам і адсочванне імі яго выканання [32, т. XXXI, арт. 30167].

Пры вызначэнні формы епітым'і ўвагу таксама надавалі аўтарытэцкія святара сярод прыхаджан і адсутнасці іншых парушэнняў у мінулым. У шэрагу выпадкаў ад парушальніка маглі браць распіску ў выпраўленні або адмове ад святарскага сану. У гэтым дакуменце падрабязна выкладаліся абставіны парушэння і вынік разгляду справы [4, арк. 4—4адв.]. Такі дакумент маецца ў справе былога ўніяцкага манаха Генадзія. Ён у 1796 г. выказаў жаданне змяніць вера-

* Прозвішча невядома.

вызнаўчую прыналежнасць на праваслаўе і быў прыняты ў Мінскі Петрапаўлаўскі кляштар. На працягу года Генадзій тройчы быў злоўлены п'яным, за што пераведзены ў Слуцкі Траецкі кляштар, дзе выконваў епітым'і на хлебе і вадзе на працягу тыдня і больш. Чатыры разы знаходзіўся ў заключэнні. Пры дастаўленні на месца праходжання пакаяння ў нецвярозым стане аднаму з трымаўшых яго пакусаў рукі, другому меў намер жылот пракалоць шылам, за што яму прызначылі пяць тыдняў заключэння ў жалезных кандалах на шыі і руках. У кожным выпадку ён абяцаў не піць, а ў апошні раз добраахвотна адмовіўся ад святарскага сану, што было аформлена распіскай [4, арк. 1—2, 4—4адв.].

Невыкананню службовых абавязкаў духавенствам кансісторыяй надавалася шмат увагі, што адпостравалася ў формах пакаранняў, з якіх у межах дзеючых нарматыўных актаў часцей выкарыстоўваліся паклоны. Пры аказанні непавагі да храма або асвятчонага рэчаў прызначаліся паклоны на дзень або некалькі дзён, спяганне ці вымова. Паўторнае парушэнне па рашэнні епіскапа магло пацягнуць высылку ў кляштар на тэрмін ад месяца да трох [31, т. XXXVIII, арт. 29711]. Напрыклад, у 1821 г. панамар Глускай Уваскрасенскай царквы Павел Шаўкевіч быў пакараны духоўным праўленнем 50 публічнымі паклонамі за парушэнне паводзін у царкве падчас набажэнства (адварнуўся ад алтара, гучна гаварыў і выкарыстоўваў грубыя словы ў дачыненні да протаіерэя Шэнца*) і даў распіску, што гэта не паўторыцца. Кансісторыя змяніла меру пакарання на два месяцы «чорных работ» у семінарыі, аднак ён адпрацаваў толькі паўтара, таму што далей яго паслугі не патрабаваліся [11, арк. 1—2, 8—12, 17]. У іншым выпадку, Іаан Струкоўскі, манах Пінскага Богаўленскага кляштара, восенню 1828 г. за два дні да завяршэння сямідзённага тэрміну правядзення набажэнстваў п'янстваваў і не ўжываў Святыя дары. Яму забаранілі выходзіць з кляштара, ужываць спіртныя напоі і праводзіць набажэнствы, але на кожным ён павінен быў прысутнічаць. Пры гэтым ён павінен быў прытрымлівацца строгага посту на хлебе і вадзе [29, арк. 1—1адв., 6, 17—17адв.]. За адмову пахаваць прыхаджаніна іншай царквы з-за падазрэння ў прыналежнасці нябожчыка да рымска-каталіцкага веравызнання, нягледзячы на прадпісанні благачыннага, епітым'я ў выглядзе знаходжання ў Грозаўскім кляштары накладалася на святара Стаўбцоўскай царквы Івана Янушэўскага ў 1849 г. [19, арк. 1—2адв., 5, 15—16]. Цікавая акалічнасць высветлілася пры накладанні епітым'і на 47-гадовага панамара Даманавіцкай царквы Іосіфа Турчэвіча: ён дрэнна чытаў падчас набажэнства. Мясцовы святар прызначыў яму 100 паклонаў, а затым з-за невыканання пакарання было павялічана ў два разы. Мінская духоўная кансісторыя дала яшчэ 50 паклонаў для таго, каб ён больш адчуў сваю віну [16, арк. 1—2, 4]. Акрамя духоўнага, практыкавалася матэрыяльнае спяганне. Так, у 1810 г. святар Аляксей Пігулеўскі павінен быў выплаціць 5 руб. панамару Явейскага кляштара Троцкага пав. Мікіце Федаровічу і зрабіць

* Імя невядома.

200 паклонаў за тое, што п'янага панамара прымушаў ісці дадому пінкамі. Такое пакаранне з пункту гледжання кансісторыі было абумоўлена ўвагай насельніцтва, якую прыцягнуў святар сваім учынкам [9, арк. 2—3, 9—10, 16—17адв.].

Значна большым праступкам для прадстаўніка духавенства было парушэнне шлюбнай сувязі, але даказаць яго было складана. У трохгадовай сувязі з замужняй Кацярынай Качан і салдаткай Параскевіяй Хамячыхай абвінавачваўся 41-гадовы юрэвіцкі святар Міхаіл Гудзіма. У першым выпадку дзякуючы сведчаннем 14-гадовага сына Аляксея ўдалося віну святара даказаць, і ён быў пазбаўлены правоў правядзення набажэнстваў і нашэння расы [30, арк. 5—5адв., 82—98]. Духоўнае пакаянне магло прызначацца не толькі вінаватаму, але і яго памочнікам. Так, за ўкрывальніцтва факту нараджэння пазашлюбнага дзіцяці з ліку духавенства была выключана ўдава святара і прасфорыня Барбараўскага благачынна Аляксандра Мачульская, а за неданясенне пра яе праступак спяганы на 3 руб. на карысць удоў і сірот святар Самуіл Лісоўскі, за дапамогу ва ўкрывальніцтве свякроў А. Мачульскай — на 20 паклонаў у царкве і панамар Павел Пігулеўскі — на працу ў Пінскім кляштары на працягу месяца [26, арк. 6—7, 9—10].

Прызначэнне епітым'яў прыватным асобам па крымінальных злачынствах (другі від спраў) мела свае асаблівасці. Справа ініцыявалася судовымі органамі па выніках разгляду пэўных злачынстваў. У адрозненне ад накладання епітым'яў на духавенства, гэтыя справы не патрабавалі аб'ёмнай перапіскі, а апытанне сведак і абвінавачанага адбывалася ў прысутнасці прадстаўніка ад духавенства органамі паліцыі. У сувязі з судовай рэформай, якая распаўсюдзілася на беларускія губерні ў 1870-я гг., папярэдняе следства заставалася за прадстаўнікамі паліцыі, а фармальнае перадавалася ў судовыя органы па справах, што належалі да іх кампетэнцыі. Пры гэтым свецкія ўлады не мелі права прызначаць тэрмін епітым'яў, што належала епіскапам з магчымацю апеляцыі ў Сінод [31, т. XXIV, арт. 18212].

Сярод спраў аб накладанні епітым'яў найбольш цяжкімі з'яўляліся ўмыслыя і няўмыслныя забойствы. Падчас вызначэння формы пакаяння на злачынцаў членам кансісторыі нарматыўнымі дакументамі царквы прадпісвалася быць абавязковымі і суадносіць тэрмін пакарання са ступенню жорсткасці злачынства. Пры гэтым не ўлічвалася прызнанне віны абвінавачаным [31, т. XX, арт. 14996]. Напрыклад, шляхціц Пінскага пав. Ярафей Астроўскі ў 1801 г. за няўмыснае забойства ў п'яным выглядзе падчас дракі быў асуджаны на 40-дзённую епітым'ю, калі ён ва ўсе святы і нядзелі павінен быў наведваць царкву, прымаць прычасце і маліцца [6, арк. 1адв.]. У аналагічным выпадку ў 1805 г. цырульнік грынадзёрскага палка Мардуленкаў*, як ваеннаслужачы, Сінодам, да кампетэнцыі якога адносіліся справы па ваеннаабавязаных, быў пакараны на

* Імя невядома.

5 гадоў [8, арк. 1—1адв.]. Калі судовыя органы прызначалі за здзейсненае злачынства ссылку ў аддаленыя рэгіёны Расійскай імперыі, то дасылалі інфармацыю мясцовым органам духоўнай улады, каб тэя ведалі прызначанае месца знаходжання пакаранага і, адпаведна, адбывання епітым'я [31, т. XXXV, арт. 27289]. Пры гэтым асуджаны не вызваляліся падчас дзяржаўнай амністыі ад духоўнага пакаяння [32, т. II, арт. 1033]. Пасля прыняцця Статута духоўных кансісторый меры пакаранняў у дачыненні да прыватных асоб, як і да духавенства, былі спрощаны. Так, у 1852 г. форма епітым'я селяніну Ксаверыю Маненкоўскаму за няўмыснае забойства вызначалася святаром Бялініцкай царквы [24, арк. 1—1адв.].

Па злачынствах лёгкай і сярэдняй ступені цяжкасці, калі адсутнічала спецыялізаванае месца пазбаўлення свабоды, магло выкарыстоўвацца накладанне епітым'я замест заключэння. Пры гэтым утрыманне на перыяд пакаяння ў кляштары або пакрывалася ўласна, або выдзялялася па 2 кап. на дзень з прыбыткаў калегіі эканоміі [31, т. XIX, арт. 13508]. У сярэдзіне XIX ст. каля 1500 прыватных асоб і каля 900 прадстаўнікоў духавенства Расійскай імперыі знаходзіліся на пакаянні ў кляштарх, што патрабавала значных выдаткаў, таму Сінодам было дазволена прызначаць епітым'я па месцы жыхарства [1]. Да такіх асоб належаў у 1849 г. Цімафей Зыкун, які за няўмыснае забойства юрэя Абрама Верккіна замест заключэння ў турму быў пакараны 80 ударамі бізуна па расшэнні цывільных улад і духоўным пакаяннем на 5 гадоў з дазваленнем скараціць тэрмін за «сапраўднае выпраўленне» [22, арк. 1—4адв.].

Асобна разглядаліся справы аб забойстве дзяцей, пераважна незаконна народжаных. У гэтым выпадку да ўвагі прымаўся паводзіны жанчыны. Калі не было магчымасці даказаць віну, то абмяжоўваліся епітым'яй на 7 гадоў, як у дачыненні да дзяціцы Настасіі*. Два гады яна павінна была плакаць пры ўваходзе ў царкву, столькі ж слухаць казанні і стаяць на каленях, а апошні год дазвалялася стаяць побач з веруючымі падчас набажэнстваў [20, арк. 5—6]. Пры наяўнасці звестак, пакаянне прызначалася абодвум бакам, як Аляксандры Бараноўскай і Міне Шарко [18, арк. 4—6].

Падчас вызначэння формы духоўнага пакаяння прыватным асобам улічвалася ўзрост абвінавачаных. Так, салдацкія дзеці Міна, Карніла і Марк Царавы абвінавачваліся ў крадзяжы з кружкі Лоеўскай Траецкай царквы. Улічваючы малалетні ўзрост, толькі старшы — 14-гадовы Міна — быў пакараны епітым'яй на тры гады і чатыры месяцы знаходжання ў кляштары. Астатнія дзеці былі накіраваны на пражыванне да блуганадзейных прыхаджан [28, арк. 2—3].

Да сферы кампетэнцыі судовых органаў дзяржаўнай і канфесіянальнай улад належалі справы аб скаталожніцтве, кровазмяшэнні і дваяжонстве. Напрыклад, у 1802 г. у Мазырскім павятовым судзе разглядалася справа аб скаталожніцтве селяніна памешчыка Л. Яленскага Івана Гоя. Яго пакаралі бізунамі,

з улікам чаго замест 15 гадоў духоўнае пакаянне склала сем з паловай, на працягу якіх два ён правёў у кляштары, а астатнія па месцы жыхарства без дазволу прычашчэння, акрамя «смяротнага выпадку» [7, арк. 1—2]. Духоўнае пакаянне па справах аб кровазмяшэнні было больш жорсткім. Уласціваасцю правядзення следства ў гэтым выпадку з'яўлялася неабходнасць высвятлення ступені роднасных сувязяў, дзеля чаго кансісторыяй па запісе судовых органаў рыхтавалася даведка. Напрыклад, селянін маёнтка Стаўбцы Мінскага пав. Франц Жыбуль у 1849 г. быў абвінавачаны ў сужыцці з мачыхай Ульянай, якая нарадзіла ад яго чатырох дзяцей. Пры гэтым ён выгнаў сваю жонку, якая была вымушана праціць міластыню і памерла ў 1848 г. Пад уплывам мясцовага святара ажаніўся паўторна, але вярнуўся да Ульяны, якой было 60 гадоў. Фактычна, паводле дагматыкі праваслаўнай царквы, гэта была сувязь маці і сына, адпаведна абодвум была прызначана 12-гадовая епітым'я: тры гады стаяць у дзвярах царквы і плакаць, просячы прыхаджан аб малітве за сваю душу, тры гады на паперці стаяць моўчкі, тры гады стаяць на каленях. Толькі пасля гэтага яны дапускаліся да малітвы, а астатнія два гады мелі права стаяць побач з веруючымі. Прыговор быў вынесены ў 1855 г., а Ульяна памерла годам раней. Калі пачалі шукаць Ф. Жыбуля, то высветлілася, што ён памёр у Мазыры ў 1843 г. [21, арк. 1—1адв., 10—13адв., 24—25]. У іншым выпадку, дваранін Слуцкага пав. Іван Ушынскі, 60 гадоў, пасля смерці жонкі стаў бацькам двух дзяцей яе сястры Аллены Ждановіч, 54 гадоў, без заключэння шлюбу. Кансісторыяй быў нададзены статус кровазмяшэння іх сувязі, таму Алене была прызначана сямігадовая епітым'я з 1851 г. [23, арк. 1—5, 9]. Справы аб дваяжонстве разглядаліся Мінскай кансісторыяй рэдка з-за складанасцей іх выяўлення. Так, у 1794 г. звярнулася Настасся Рудакоўская, якая была замужам за Іванам Рудакоўскім. Дзесяціца гадамі раней ён паехаў прадаваць збожжа ў Слуцк і не вярнуўся. Каб не дваюрадны брат Андрэй, які разам з мясцовым святаром і манахіняй Слуцкага кляштару паехалі ў Кіеў на багамолле, яна разам з іх сынам Стэфанам не даведдалася б, што Іван мае другую жонку і сына [3, арк. 1—2, 12—13адв.].

Адметнаасцю прызначэння епітым'яў прыватным асобам за парушэнні прыстойнасці і дагматаў веравызнання (трэці від спраў) з'яўляецца ініцыяванне рапартамі прыхадскога духавенства і прыцягненне мясцовых органаў улады для высвятлення акалічнасцей справы і паведамлення прысуду. Распаўсюджанымі былі абвінавачванні ў распусце. Напрыклад, далучаная да праваслаўя Антаніна Петрашкова была абвінавачана ў пазашлюбных сувязях з блытым засядацелем Барысаўскага земскага суда Ігнаціем Яноўскім, а раней — з Мікалаем Шпілеўскім. У рымска-каталіцкай кансісторыі ёй прызначылі знаходжанне ў Мінскім кляштары бенедыктынак на працягу года. Жанчына вырашыла змяніць веравызнаўчую прыналежнасць на праваслаўе, але абвінавачанне не было знята. Мінскай праваслаўнай кансісторыяй па выніках разгляду справы было накладзена на А. Петрашкову духоўнае пакаянне па месцы жыхарства тэрмінам на сем гадоў: у нядзельныя і святочныя дні яна павінна была два гады плакаць

* Прозвішча невядома.

перад царквой, два гады слухаць Святое Пісанне, два гады стаяць на каленях пры ўваходзе ў царкву, адзін год знаходзіцца разам з веруючымі ў храме [13, арк. 1—12]. Падобныя справы маглі разглядацца калектывна, як у 1834 г., калі абвінавачвалася 18 сем'яў прыхаджан Сурдзецкага кляштару Віленскай губерні з раскольнікамі і каталікамі [12].

Найбольш жорсткія выпадкі фізічнага насілля ў сям'і не заставаліся па-за ўвагай прыватнага суду, але падчас вызначэння меры пакарання маглі ўлічвацца гледжанне пацярэўшага боку. Напрыклад, Павел Гапановіч, селянін с. Старчыцы Слуцкага пав., у 1800 г. па прашэнні жонкі, якую ён мучыў распаленым жалезным лемешам, замест цялеснага пакарання з улікам узросту быў высланы ў якасці пакарання ў Старчыцкі Петрапаўлаўскі кляштар на пайгоду з абавязкам наведваць царкву ў нядзелю і святочныя дні, а ў іншыя — працаваць [4, арк. 1—2адв.]. Непрыстойныя паводзіны тычыліся не толькі шлюбных сувязей. Напрыклад, сляпы бродзяга Мікіфар Стаўгліз быў абвінавачаны ў пазашлюбных сувязях з нараджэннем дзяцей, таму накіраваны ў багадзельню. Яму была прызначана епітым'я ў Мінскай Кацярынінскай царкве [15, арк. 1—3].

Парушэнне догматаў веравызнання прыватнымі асобамі тычылася пераважна адсутнасці на споведзі або непрыстойных паводзін у царкве. Яго афармленне не патрабавала значнага дакументавання [31, т. XXVI, арт. 19743]. Сутнасць справы прадстаўлялася рапартам прадстаўніка духавенства праз благачыннага, а рашэнне фіксавалася ў журналах пасяджэння кансісторыі і даводзілася да зацікаўленых асоб. Пры гэтым у 1816 г. з боку канфесіянальнага кіраўніцтва было найбольш пашырана недапушчэнне да прычасця асоб, якія вялі неадпаведны хрысціянскім канонам лад жыцця [10]. Цікава, што за адсутнасць стараабраднага на споведзі з 1801 г. прызначалася епітым'я замест грашовых спагнанняў, як было паводле ўказа 30 верасня 1765 г. Праваслаўныя веруючыя карысталіся з гэтага і не плацілі, аб'яўляючы сябе стараабрадкамі, што зніжала дзяржаўны прыбытак. Таму Сінодам было вырашана ў такіх выпадках накладваць публічныя епітым'і на асоб прыватнага веравызнання па месцы жытцядзяння, а найбольш упартых выслаць у кляштары на пакаянне [31, т. XXVI, арт. 19743; 32, т. XVI, арт. 14409].

Найбольш распаўсюджаным парушэннем былі спробы самагубства, пра якія ў кансісторыю паведамлялася з губернскага праўлення. Напрыклад, мінскім губерньскім праўленнем было прадпісана ігуменскаму земскаму суду пакараць 15 ударамі бізуном і накіраваць у духоўную кансісторыю селяніна в. Забалотце Ігуменскага пав. Рыгора Кашыца пасля яго выздараўлення [17]. У іншым выпадку Фёдару Пячэрскаму было прызначана 5 гадоў епітым'і па месцы жытцядзяння ў выглядзе непрымання прычасця з дазволам скарачэння тэрміну [25, арк. 7—8].

Ваеннаслужачым епітым'і прызначаліся па месцы службы, а з 1817 г. такія справы разглядаліся святарамі пры войсках з паведамленнем Сіно-

ду [31, т. XXV, арт. 18977; т. XXXIV, арт. 27143]. У мэтах змяшэння аб'ёмаў справаводства з 1853 г. Сіноду паведамлялася толькі пры сумніўнай дакладнасці дакументаў [32, т. XXVIII, арт. 26940]. Так, 22-гадовы дваранін Мікалай Віктаравіч Кандрацкі здзейсніў спробу самагубства падчас знаходжання ў г. Маскве. Ён злоўжываў спіртнымі напоямі і спрабаваў перарэзаць сабе горла, але гэта свечасова было заўважана. Справа перадавалася ў Мінскую прыватнаму кансісторыю, таму што на момант заканчэння следства ён пражываў у Барысаве на станцыі Смаленскай чыгункі. Было прынята рашэнне аб пяцігадовай епітым'і з наведваннем царквы і споведдзю без дапушчэння да прычасця [27, арк. 12—12адв., 35—37адв.].

Нягледзячы на адзначаныя ўласцівасці, дакументаванне разгляду кансісторыяй спраў аб прызначэнні епітым'яў мела агульныя рысы. Ініцыятыўным дакументам з'яўлялася адносіна або паведамленне органаў дзяржаўнай улады, ці рапарт прадстаўніка духавенства, што залежала ад віду парушэння. На яго аснове справа прымавалася кансісторыяй да разгляду і прызначалася следства. Яно праводзілася паліцэйскімі органамі за выключэннем спраў, што тычыліся духавенства, і падзялялася на папярэдняе для высвятлення ўсіх абставін і фармальнае для збору абвінавачванняў [33, арт. 66, 158—207, 278—279]. Следчымі органамі праводзіліся апытанні зацікаўленых асоб па месцы іх знаходжання, у выключных выпадках абвінавачвання маглі выклікацца неспрэчна ў кансісторыю. Апытанні афармляліся ў выглядзе апытальных лістоў з подпісамі апрошаных першапачаткова па адвольнай форме ў выглядзе адказу на пытанне. З прыняццем Статута духоўных кансісторый аркуш падзяляўся на дзве часткі адпаведна пытанням і адказам. Камунікацыі паміж органамі дзяржаўнай улады і кансісторыяй ажыццяўляліся шляхам выкарыстання адметных відаў дакументаў — адносінаў і паведамленняў. У выпадках абвінавачвання манахаў следства маглі праводзіцца фактычна бездакументна.

Кожнае пасяджэнне кансісторыі фіксавалася ў журнале вызначанай формы, копія якога падшывалася да справы. Ён складаўся з трох частак: уступ, слухалі і загадалі. У журнал маглі ўключыцца таксама кароткая даведка па сутнасці справы (вытрымкі з нарматыўных і канфесіянальных дакументаў рэгламентацыйнага характару, рашэнні па аналагічных справах і інш.). У большасці выпадкаў даведка аб магчымых мерах пакарання складалася як асобны дакумент. У пачатку XIX ст. яна складалася з дзвюх частак: падсумавання сутнасці справы і прапановы кансісторыі па мерах пакарання, раздзеленых словам «меркаванне». Яна падпісвалася прысутнымі членамі кансісторыі і сакратаром, а затым накіроўвалася архіепіскапу. З 1830-х гг. пры складанні даведкі абмяжоўваліся мерамі пакарання, што прадугледжваліся шэрагам унутрыканфесіянальных нарматыўных актаў: кормчай кнігай, правіламі св. Васілія і інш. У 1840-я гг. паступова ўводзіцца Статут духоўных кансісторый, і па ім вызначаюцца епітым'і. Адначасова максімальны тэрмін заключэння духавенства ў кляштар пачаў складаць 6 месяцаў [32, т. XVI, арт. 199, 200]. Падпісвалі даведку адказныя за яе падрых-

тоўку канцэлярысты, а сакратар прадстаўляў яе на пасяджэнне кансісторыі. Епіскапу накіроўвалася падрабязная вытрымка са справы або копія журналу кансісторыі.

Па выніках разгляду справы выдаваўся ўказ па рэзалюцыі епіскапа з кансісторыі. Умоўна ён складаўся з трох частак: уводзіны (адзначэнне аўтарства са спасылкай на паўнамоцтвы, звычайна ад імя імператара і адказчыкаў па справе), асноўная частка (сутнасць справы і прадугледжаныя нарматыўнымі актамі канфесіі меры пакаранняў), заключэнне — ад слова «загадалі» (дакладная мера пакарання і адказныя за яе ажыццяўленне). Указ падпісваў кіраўнік епархіі і накіроўваў на зацвярджэнне ў Сінод. З 1832 г. было дазволена пры накладанні епітым'яў не паведамляць у Сінод, за выключэннем сумніўных спраў [32, т. VII, арт. 5585]. Завяршалася справа рапартамі духавенства аб атрыманні ўказа і штогадовых справаздачах настаяцеляў кляштароў або прадстаўнікоў духавенства аб ходзе выканання прадпісанняў епіскапа і кансісторыі. Апеляцыйным органам па справах аб прызначэнні епітым'яў з'яўляўся Сінод.

Такім чынам, вылучаюцца тры віды спраў аб прызначэнні епітым'яў у залежнасці ад ступені ўдзелу органаў дзяржаўнай улады ў іх разглядзе: па абвінавачваннях духавенства і прычту ў паводзінах, якія не адпавядалі сану (непрыстойныя паводзіны падчас набажэнстваў, злоўжыванне спіртнымі напоямі, невыкананне абавязкаў, парушэнне шлюбнай сувязі і інш.), па абвінавачваннях прыватных асоб па крымінальных злачынствах (забойства, крадзяжы, скаталожніцтва, кровазмяшэнне, дваяжонства і інш.) і па абвінавачваннях у парушэннях прыстойнасці або догматаў веравызнання (амаральныя паводзіны, адсутнасць на споведзі або непрыстойныя паводзіны ў царкве, спробы самагубства і інш.). Найбольш распаўсюджаным у практыцы Мінскай кансісторыі быў другі від спраў і спробы самагубства. Дакументаванне разгляду гэтых спраў можна падзяліць на стадыі: ініцыяцыя, следства (папярэдняе і фармальнае), абмеркаванне на пасяджэннях кансісторыі і вынясенне прысуду.

У выкарыстанні форм пакаранняў і справаводства прыватнай царквы па накладанні епітым'яў можна вылучыць тры этапы па справах прыватных асоб і чатыры ў дачыненні да духавенства адпаведна змен у нарматыўнай прававой базе. На першым этапе меры пакарання рэгламентаваліся распараджэннямі канфесіянальнага кіраўніцтва на аснове дагматычных прадпісанняў Рускай прыватнай царквы. Епіскапы шырока карысталіся правіламі святога Васілія, святых Апосталаў, Памесных і Усяленскіх сабораў, кормчай кнігай і іншымі канфесіянальнымі дакументамі. Гэты этап характарызуецца імкненнем да ўніфікацыі царкоўнага і свецкага судаводства. З 1823 г. уступілі ў сілу Правілы для пазбягання парушэнняў з боку духавенства, што стала пачаткам другога этапу разгляду адпаведнага віду спраў. Другі этап у развіцці нарматыўнай базы накладання епітым'яў на прыватных асоб (трэці этап у дачыненні да духавенства) звязаны з прыняццем Статута духоўных кансісторыі як асновы дзейнасці кансісторыі і іх судаводства. У сувязі з судовай рэформай, якая распаўсюдзілася на

беларускія губерні ў 1870-я г., патрабаваўся перагляд прававых нормаў, якія выкарыстоўваліся пры разглядзе злачынстваў, што было здзейснена шляхам перавыдання Статута ў 1883 г. (трэці этап у дачыненні да прыватных асоб, чацвёрты — да духавенства).

Паводле аналізу пакаранняў найбольш распаўсюджанымі іх формамі былі: плач каля царквы, слуханне літургіі каля ўвахода ў царкву, стаянне ў царкве за амбонам (прыпаданне) або непадалёку ад асноўнай масы веруючых у нядзельныя і святочныя дні без прычасця. Таксама практыкавалася заключэнне ў манастыр. Апошняя форма пакарання магла выкарыстоўвацца свецкімі судамі, калі былі паслабляючыя фактары або адсутнічала турма ў мясцовасці, але гэўны кляштар вызначаўся духоўнымі ўладамі. Тэрмін епітым'і залежаў ад цяжкасці злачынства або парушэння: 20 гадоў за наўмыснае забойства (10 — за няўмыснае), 15 гадоў за сужыццё са шлюбаванай асобай, 7 гадоў — за сужыццё з нешлюбаванай жанчынай. У дачыненні да духавенства пераважна выкарыстоўваліся паклоны, пост, заключэнне ў кляштар або пазбаўленне сану. У другой палове XIX ст. адбываюцца паслабленні ў выкарыстоўваемых формах епітым'яў, якія заключаліся ў перадачы правоў на вызначэнне тэрміну і формы па шэрагу спраў прыватных асоб мясцоваму духавенству, што пашырала яго паўнамоцтвы і не належала дакументаванню ў кансісторыі.

Хача справы аб прызначэнні епітым'яў не ўтрымліваюць дэталізаваных звестак, якія адклаліся ў архіўных фондах следчых органаў, яны з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння гісторыі штодзённасці беларускіх зямель канца XVIII — пачатку XX ст., гісторыі канфесіі і прыватнай царквы, генеалогіі, справаводства і іншых навук.

Крыніцы і літаратура

1. Матвеева, Е. С. Особенности развития пенитенциарной практики монастырей во второй половине XIX — начале XX века (на материалах Орловской епархии) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-penitentsiamoy-praktiki-monastyrey-vo-2-y-polovine-xix-nachale-xx-veka-na-materialah-orlovskoy-eparhii>.
2. Матвеева, Е. С. Особенности церковного судопроизводства в России во II половине XIX века (на материалах Орловской епархии) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tserkovnogo-sudoproizvodstva-v-rossii-vo-ii-polovine-xix-veka-na-materialah-orlovskoy-eparhii#ixzz4UoOArhC>
3. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Стр. 395.
4. Там жа. — Стр. 663.
5. Там жа. — Стр. 1250.
6. Там жа. — Стр. 1340.
7. Там жа. — Стр. 1409.
8. Там жа. — Стр. 1613.
9. Там жа. — Стр. 2432.
10. Там жа. — Стр. 3870.
11. Там жа. — Стр. 5747.
12. Там жа. — Стр. 10353.

13. Там жа. — Спр. 10540.
14. Там жа. — Спр. 10389.
15. Там жа. — Спр. 11351.
16. Там жа. — Спр. 13349.
17. Там жа. — Спр. 16930.
18. Там жа. — Спр. 22025.
19. Там жа. — Спр. 22143.
20. Там жа. — Спр. 22148.
21. Там жа. — Спр. 22276.
22. Там жа. — Спр. 22583.
23. Там жа. — Спр. 22712.
24. Там жа. — Спр. 22923.
25. Там жа. — Спр. 30147.
26. Там жа. — Спр. 30152.
27. Там жа. — Спр. 35430.
28. Там жа. — Спр. 35460.
29. Там жа. — Спр. 39276.
30. Там жа. — Спр. 39380.
31. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. — Собрание первое: В 45 т. — СПб.: Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830—1851.
32. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. — Собрание второе: В 55 т. — СПб.: Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830—1884.
33. Устав духовных консисторий. — СПб.: Синодальная типография, 1843. — 193 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 27.04.2017

Е. П. Дярновіч,

*научный сотрудник отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
e-mail: katry@tut.by*

ФОРМУЛЯР ДОКУМЕНТА XVIII в. В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

С момента зарождения позитивизма документы стали рассматривать как основной материал для написания истории. Считалось, что без документов не может существовать историческое познание. Ш. В. Ланглуа, автор первой части «Введение в изучение истории», определяет документы как следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей [23, с. 18]. С того времени зародилась концепция понимания документа как исторического источника, которая, несмотря на дальнейшее развитие теоретических представлений о документе, продолжает существовать и сегодня. Например, В. П. Козлов отмечает, что документ с большой частотой, оперативностью, обыденностью отражает действительность, а значит, будет всегда более привлекателен для исследователя и делает вывод, что «документ является основным носителем исторической памяти» [10, с. 73]. В рамках позитивизма был заложен также один из методов изучения документа путем разделения его на составные части. Изучение развития формуляра документа является одним из направлений исследований в документоведении.

Основоположник документоведения в СССР К. Г. Митяев отмечает: «каждый документ состоит из нескольких элементов. Их нужно знать, чтобы уметь анализировать, определять качество документов» [16, с. 16]. И если порядок документирования XIV—XVI вв. затрагивался в работах М. К. Любавского [15], И. И. Лаппо [13], Н. Г. Бережкова [3], К. Петкевича [26], М. Космана [22], Э. Д. Банениса [2], Т. А. Топаловой [19], А. Е. Рыбакова [18], А. И. Груши [5], то порядок документирования XVIII в. остался вне поля исследований.

При изучении формуляра в качестве основного источникового материала использовались документы, образованные государственной канцелярией. Источниками для исследования стали книги Литовской Метрики, хранящиеся на микрофильмах в Национальном историческом архиве Беларуси (фонд КМФ-18). Изучение содержания *Volumina legum* [30—35] позволило проанализировать состав сеймовых документов и их формуляры.

Каждый из документов является носителем информации и содержит комплекс информационных элементов. Целевое назначение этих элементов не однозначно, что обуславливает различный набор таких элементов. Совокупность информационных элементов документа, расположенных в определенном порядке, составляют формуляр документа. В документоведении информационные элементы документа, характеризующие сам документ, его целевое назначение

ние или место, занимаемое ими в пространстве и во времени, называются реквизитами.

Формуляры различных видов документов складывались постепенно. М. П. Илюшенко отмечает, что формуляр документа определенного этапа исторического развития может иметь, с одной стороны, свои конкретные особенности, присущие именно данному периоду, с другой стороны, он представляет собой наиболее общую схему построения документа в целом, средний или типичный формуляр документа эпохи [7, с. 4].

К изучению формуляра документа, наряду с документоведением, обращается и дипломатика. Как писал С. М. Каштанов «... объекты дипломатики и документоведения совпадают только частично. Что касается предмета и задач этих двух дисциплин, то тут объединяющим моментом является интерес к внутренней форме, структуре документального источника» [8, с. 26]. Но дипломатика ограничивает спектр рассматриваемых документов, сужая его только до актов, и большое внимание уделяет тексту актов. Если в документоведении текст является одним из элементов формуляра, в большинстве случаев самым объемным, то в дипломатике сам текст представляет собой набор формул. В 60—70-х гг. XIX в. на основе изучения грамот Каролингов Т. Зиккель и Ю. Фиккер разработали схему членения актового формуляра на «протокол» («начальный протокол»), «текст» («контекст») и «эсхатокол» («конечный протокол»), которую приводит в своей работе С. М. Каштанов [8, с. 170]. Согласно этой схеме в «протокол» входят *invocatio* (формула религиозного посвящения), *intitulatio* (автор), *inscriptio* (обозначение адресата), *salutatio* (приветствие); в «тексте» различаются *arenga* или *exordium* (введение), *prologus* (преамбула), *promulgatio* или *publicatio*, *praescriptio*, *notificatio* (формула публичного объявления), *narratio* (изложение обстоятельств дела), *dispositio* (распоряжения по существу дела), *sanctio* (запрещение нарушать грамоту), *concordate* (заявление об удостоверении документа подписью, печатью и т. п.); в «эсхатоколе» помещаются *datum* (место и время выдачи), *apprecatio* (благопожелание).

Н. Ларьков относит формулярный анализ к одному из специальных методов документоведения [14, с. 64].

Характеристика документов управления начинается с выявления наличия зафиксированных правил их составления. В XVIII в. четко прослеживается тенденция к законодательному закреплению правил работы с документами. Наибольшей регламентации подверглась судебная документация. Например, в 1710 г. на вальной Раде в отношении Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ) были приняты положения о выдаче глейтов, листов заручных и упоминательных. В соответствии с ними на ВКЛ распространялся порядок, принятый в Короне Польской, по которому глейты, листы заручные и упоминательные должны выдавать печатать ВКЛ от имени короля и с его печатью за установленную плату в зависимости от сословия: от шляхты — три талера, евреев, татар — два раза больше.

В том же году была закреплена организация почтовой связи: из Вильно на Гродно до Варшавы, на Ковно до Риги, на Минск до границ Московских (обозначается в сторону Белой Руси) [31, с. 160]. При этом предписывалось, что почта должна быть конной, а не пешей.

Документы продолжают играть значительную роль при доказательстве прав и привилегий. Например, на экстраординарном Варшавском сейме 1775 г. был выдан подтверждающий диплом князьям Массальским на титул князей [33, с. 407], в котором говорится, что установление происхождения и восстановление отчизны подтверждается аутентичными документами. На основе таких документов был выдан новый диплом (*diploma*).

В *Volumina legum* [31, с. 241] встречается запись о том, что многие урядники, злоупотребляя своими полномочиями, выдавали различные бланки документов (*blankiety*), которые не имели права выдавать, что ухудшало положение тех, кто получал эти документы честным путем.

Наиболее важные государственные документы оформлялись на пергаменте различного размера. Например, Жалованная грамота цеху цирюльников и хирургов г. Вильно на все ранее дарованные привилегии, выданная Августом II 18 марта 1713 г., написана на пергаменте размером 76.5×48.5 см, а текст занимает 61 см по длине и 16 см по высоте. К нему прилагалась печать из красного воска на желтой ленте [21]. Для создания большей части документов использовалась бумага.

Требования к размеру пергамента не были формализованы, не зависел он и от важности документа, который на нем создавался. Скорее имеющийся в канцелярии пергамент определял размер документа.

К XVIII в. увеличивается количество видов документов, но при этом продолжает использоваться общее название «лист» по отношению ко всем документам. Этот термин использовался для обозначения самых разнообразных документов: законодательных, распорядительных, актов великокняжеских пожалований и подтверждений, частноправовых актов, судебных и дипломатических документов, переписки. Даже в тех случаях, когда в заголовке в копийной книге или в тексте документа указывалось конкретное название его разновидности, в тексте этот документ назывался также и листом. Например, «*oznauwuemy tym Listem Przywililem naszym ...*» (ознающему тем листом привилеем нашим ...).

Вид документа дает представление о характере деятельности, которую закрепляет. Решения сеймов оформлялись в виде конституций, инструкций (*instruktarz*). Пунктом (составной частью) конституции мог быть рецесс (*recess*) — документы сейма, куда заносились промежуточные решения и вопросы, требующие рассмотрения на следующих сеймах. Например, в конституции ординарного вального сейма 1778 г. было записано: ограниченность времени не позволяет на нынешнем сейме удовлетворить потребности войска

обоего народа, поэтому этот вопрос вписать в рецесс до следующего первого сейма... [33, с. 579].

В книгах копий название вида документа указывалось в заголовке. Например, «Сия конституция тысяча семьсот семьдесят шестого года поветам Мозырскому и Речицкому для ограничения прав...» [28]. В некоторых случаях название вида документа обозначалось в тексте: «ознаймаем тым листом патентом нашим» [27].

Во всех документах присутствует указание автора документа. В постановлениях сейма после имени короля (August II) указывался его титул: «с Божьей ласки Король Польский, великий Князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Жмудский, Киевский, Вольнский, Подольский, Подляшский, Смоленский, Северский и Черниговский и наследный герцог Саксонский и Курфюрст и прочая». Август III имел такой же титул, как и Август II. Станислав Август Понятовский не являлся герцогом Саксонским и Курфюрстом, его титул был более коротким: «с Божьей ласки Король Польский, великий Князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Жмудский, Киевский, Вольнский, Подольский, Подляшский, Инфлянский, Смоленский, Северский и Черниговский». Отдельные решения постановлений сейма могли начинаться стереотипным предложением: «Мы, рады Кароны Польской и Великого Княжества Литовского, духовные и светские, земские послы и все другие сословия одной и неделимой Речи Посполитой».

Документы государственной канцелярии чаще всего выходили от имени короля и великого князя. В копиях Метрики ВКЛ указывалось имя короля в именительном падеже без титула: «Stanislaw August etc.», «August Wtory», «Augustus Secundus» (на латинском), хотя в начале XVIII в. встречается использование сокращенного титула «Август Второй с Божьей Ласки Король Польский, Великий князь Литовский».

Определенное место, обычно в начале текста, занимает в документе адресат: конкретному лицу, определенной группе лиц, абстрактному адресату. В документах XVIII в., исходящих от имени короля, адресование оформляется стандартным предложением: «Ознаймаем сим листом нашим всем вообще и каждому особно кому знать о том необходимо или всем вообще и каждому особно любого достоинства, стану людей духовных и светских обывателей панств наших» [12, л. 7, 86; 6, л. 18], что, по сути, являлось «промульгацией». Могли более полно перечисляться сословия, которым адресовался документ: «вельможным, урожденным, сенаторам, дигнитариям, урядникам земским, гродским». Иногда после стандартной фразы конкретизировалось, кому адресуется документ: «ознаймаем сим листом нашим всем вообще и каждому особно кому знать о том необходимо особенно урядникам нашим гродским повета Гродненского».

Адресование обычно начинало текст документа и не отделялось от него абзацным отступом. В то же время встречаются документы, где автор и адресат

не разделяются: «Август Второй ознаймаем сим листом нашим всем вообще и каждому особно...» [12, л. 7, 86] или «Вельможному подскарбию Великому Великому княжества Литовского...» [6, л. 17].

Официальное титулование сенаторов было различным: примасы — «его первосвященство», архиепископ львовский и епископ краковский — «первосвященство», другие епископы — «преподобный», светские сенаторы — «достопочтенный».

Тексты большинства документов писались слитно, без деления на пункты («артикуль») и абзацы. Вместе с тем, в некоторых документах могли выделяться артикулы или абзацы, например, в сеймовых документах, устанавливающих размер податков и др. Встречается красная строка с отступом влево, а не вправо. В XVIII в. используется табличная форма представления информации [11, л. 27об; 33, с. 562].

Тексты большинства документов можно разделить на две части: вводную (в дипломатике известна как наррация) и основную (в дипломатике — диспозиция). Иногда еще встречается санкция — запрет на нарушение условий документа. В вводной части излагалась предыстория вопроса, причины и мотивы издания документа. Например, «по донесению от Панов Рады и урядников Земских, Гродских до нас короля о...» [6, л. 19], «из донесения Нам через Панов Рады, урядников наших» [9, л. 147], или «регулирование налогов известно есть дело нужное» [11, л. 17]. Вводная часть подтверждающих привилеев обычно включала полные тексты подтверждаемых актов. Если их было несколько, они располагались в хронологическом порядке. В основной части содержалась информация о принятом решении, давалось указание о его выполнении и т. п.

Основная масса документов, вышедших из государственной канцелярии в XVIII в., готовилась на польском языке. Это было обусловлено постановлением генеральной конфедерации Речи Посполитой от 29 августа 1696 г. о переходе на польский язык в делопроизводстве ВКЛ: Dekreta wszystkie Polskim językiem odtąd mają być wydane dawniejsze akta u inscriptiones decreta zeznania in suo robor zostawac maia [25, с. 418]. В переводе А. Ф. Вишнеского и Я. А. Юхо: «Усе рашэнні павінны складацца на польскай мове; усе ранейшыя акты, запісы, рашэнні і паказанні захоўваюць сваю сілу» [4, с. 157]. Некоторые исследователи видят причину появления этого постановления в уменьшении количества специалистов по кириллическому письму в канцелярии короля [24]. Это был среднепольский язык, который использовался с XIV по XVIII в. В связи с этим особенно важные, старые документы ВКЛ для облегчения работы переписывались латинским алфавитом. Вместе с тем значительная часть документов составлялась на латинском языке. Политическое и культурное сближение с Королевством Польским проявлялось в возрастающем количестве латинских слов и специальных терминов, заимствованных из западноевропейских документов. В текстах документов использовались сокращения: WW — Wiemosc Wa-

sza [17, л. 45], Rzplta — Rzeczpospolita, WKL, WKLit, WKLt — Wielkie Księstwo Litewskie, Ptt — Pavet [12, л. 86] и др.

В частных актах указание свидетелей всегда было обязательным. Писалось после указания автора и начиналось со слов «pred name», а затем шло перечисление имен и фамилий присутствующих.

В каждом документе указывались место и дата его составления. Местом составления являлся населенный пункт, в котором документ был подписан или выдан. Этот элемент документа оформлялся стандартной формулой, как и в XVI и XVII вв., например: «Писан в Минске», «Писан в Заблощин». Вместе с ней встречается: «Дан из Вильно», «Дан в Варшаве», «Дан в Дрездене», «Дан в Кракове», «Дан в Гродно». Место составления могло объединяться с датой документа: «Писан в Минске девятнадцатого ноября тысяча семьсот семьдесят седьмого года». Иногда место составления уточнялось: «Писан в Минской канцелярии» или «Дан в Варшаве в канцелярии Нашей ВКЛ». В книгах, которые вел канцлер Михаил Чартгорьский указано в какой канцелярии выдан документ: «Dan w Kancellary Naszey W. W^oK^oL^o Dnia IX mca Marta R^o MDCCLXXVIII Panowania Naszego IV Roku» (Дан в канцелярии Великой ВКЛ дня 9-ого месяца Марта 1768 года, правления нашего 4 года) [29, л. 91].

Место составления всегда указывалось после текста отдельным предложением.

В оформлении даты не было строгих правил. Использовались словесный и цифровой варианты. Встречается и смешанный (словесно-цифровой) вариант указания даты в документах. При этом следует иметь в виду, что при датировании документов в качестве цифр могли использоваться буквы латинского или римского алфавита. Чаще встречается словесное обозначение даты: «Roku Tysięcy Siedemsetnego Siedemdziesiąt trzewege». При таком способе вначале приводился год, затем месяц и день: «Roku Tysięcy Siedemsetnego Siedemdziesiąt trzewege miesiaca Julij trydziestego dnia». В латиноязычных документах год даты всегда указывался римскими цифрами, а в польскоязычных — римскими цифрами или словесным способом. Например, «Roku Panskiego MDCCLXXIV Miesiaca Czerwica XI Dnia» (Года Божьего 1774 месяца июня 11 дня), «die VIII Mense August Anno Domini MDCXCIX. Regni vero anno II» (дня 8 месяца августа года 1699, правления года второго). Месяц и день месяца могли располагаться в произвольном порядке — «Roku MDCXCIX Dnia XIII Miesiaca Sierpieńa» (Года 1699 дня 13 месяца августа). Дата документов, исходивших от имени короля, начиналась со слов «Roku Panskiego», а в конце приводился год правления короля и великого князя — «Panowania Naszego IX Roku».

Полное указание даты, объединенное с местом издания документа, выглядело так: «Dan w Warszawie Roku Panskiego MDCCLXXIV Miesiaca Czerwica XI Dnia Panowania Naszego X Roku» (Дан в Варшаве года панского 1774 месяца июня 11 дня правления нашего 10 года).

Одним из элементов документа являлась подпись. Часть документов XVIII в., вписанных в книги Литовской метрики, не имела подписей. Часть документов имела две подписи: лица, от имени которого исходил или выдавался документ — короля и великого князя, и лица, ответственного за техническую подготовку и правильность оформления документа — писаря. Например, жалованная грамота цеху цирюльников г. Вильно на все ранее дарованные привилегии, выданная Августом II 9 января 1745 года подписана самим Августом III и Иосифом Дулембой [21].

Подпись короля и великого князя на документе располагалась слева (чаще) или справа под текстом и представляла собой имя и титул короля, написанные по-латыни, например: «Augustus Rex», «Stanislaw Rex», встречается и «August Krob». Подпись писаря располагалась справа под текстом ниже подписи господаря: «Josephus Duleba, Sae Re mstis sigilli M D Lith secretarius».

Официальный документ центральной власти наряду с господарем вместо писаря могли подписать и другие лица. Например, когда документ подписывал канцлер, указывалось, что документ «Писан в канцелярии Нашей ВКЛ». Подпись канцлера включала в себя его полное имя и должность [9, л. 205]:

Karol Stanislaw Xiaza
Radziwill Kanclerz Wielki
W^oK^oL^o

Таким образом был подписан лист упоминальный. То есть, если указывалось, что документ издан в Варшаве, то стояла подпись короля и великого князя, а если в канцелярии ВКЛ (без указания большой или малой), то — канцлера Великого ВКЛ.

В некоторых случаях печатари подписывали документ за господаря, но чаще их подпись ставилась вместо писарской на наиболее важных документах.

В текстах документов, как правило, указывалось на наличие господарской подписи и печати: «для лучшей веры рука сия наша подписавши, печать ВКЛ приложена» [12, л. 95] или «на том Привилеи рукою властной подписавши, печать ВКЛ приложить повелели мы» [12, л. 59об]. Подпись также присутствует и в частных актах. Перед ее проставлением употреблялась формула «Comprando personaliter» (присутствуя лично) [1, л. 345].

В копиях книг Литовской метрики, которые содержат королевские грамоты есть указание на то, что документы удостоверялись печатью, например, «Pieczec WKL przcisnac». В документах на латинском языке такое указание оформлялось следующим образом: «Sigilla Magni Ducatus Lithvaue Communiti» или «Sigilli minoris Cancellarice MDL».

Использовалась печать, для которой по определенной технологии варили воск различного цвета. Печать либо прикладывалась к листу ниже подписи на расплавленный воск определенного цвета, либо привешивалась к нему. Канцелярия ВКЛ использовала две государственные печати — большую, находившуюся у канцлера, и малую, бывшую у подканцлера. Печать прилагалась ко

всем документам (привилеям, уставам, сеймовым постановлениям, инструкциям и др.). В 1707 г. появилась должность секретаря печати, в функции которого входила обязанность прикладывать печати к документам. Документы, имеющие печать, формировались отдельно от остальных в книги сигиллат.

К некоторым официальным документам могло прилагаться две, три и более печати. В связи с тем, что в XVIII в. участились случаи прикладывания печати без согласования с королем, наиболее важные документы принимали юридическую силу только после их подписания.

В целом, в XVIII в. формуляр документа приобретает устойчивую форму. Независимо от вида документа, в его формуляре можно выделить: указание на автора документа, адресование, основной текст, указание на свидетелей, присутствовавших при документировании деятельности, место составления и дата, подпись, печать. Практика работы с документами во многом перенималась от Короны Польской. Основное целевое назначение документов — доказательство прав и привилегий лиц, которым они были адресованы. В XVIII в. продолжает использоваться общее название «лист» по отношению ко всем документам. Документы в этот период готовились на польском или латинском языках. Политическое и культурное сближение с Королевством Польским проявлялось в возрастающем количестве латинских слов и специальных терминов, встречающихся в документах. Наблюдается упрощение текста документа, что выражается в прекращении использования средневековых клаузул (отсутствует аренда, аппрекация). Полнота формуляра документа зависит от значимости документа. Инвокация присутствует только в сеймовых документах. Документы, создававшиеся в канцелярии ВКЛ, выходили от имени короля и великого князя. Во всех документах указывалось место составления и дата, которые представляли собой единый реквизит. В XVIII в. начинает увеличиваться значение подписи в придании документу юридической силы.

Литература и источники

1. Актовая книга Минского магистрата // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1816. — Оп. 1. — Д. 5. — 822 л.
2. Баненис, Э. Д. Источниковедческий анализ и принципы публикации корпуса делопроизводственной документации (из опыта подготовки к публикации книги 1492—1506 гг. канцелярий Великого княжества Литовского) // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников: Всесоюз. науч. сес., г. Кутаиси, 18—20 окт. 1988 г.: Тез. докл. — Тбилиси, 1988. — С. 20—22.
3. Бережков, Н. Г. Литовская метрика как исторический источник: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 г. / Н. Г. Бережков. — Ч. 1. — М., 1946. — 180 с.
4. Вішнеўскі, А. Ф., Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо: у дакументах і матэрыялах. — Мінск: Акад. МНС Рэсп. Беларусь, 2003. — 320 с.
5. Груша, А. Канцлярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. — Мінск, 2006. — 215 с.

6. Дела меньшей канцелярии ВКЛ // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 533. — 158 л.
7. Илюшенко, М. П. Формуляр документа / М. П. Илюшенко. — М.: МГИАИ, 1986. — 85 с.
8. Каштанов, С. М. Русская дипломатика / С. М. Каштанов. — М.: Высшая школа, 1988. — 230 с.
9. Книга большей канцелярии ВКЛ, в царствование Августа II; книга канцлера Карла Станислава Радзивилла // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 148. — 838 л.
10. Козлов, В. П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти / В. П. Козлов // Отечественные архивы. — 2004. — № 6. — С. 71—75.
11. Конституции ВКЛ, утвержденные на варшавском сейме с 19 апреля 1773 года по 11 апреля 1775 года // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 538. — 865 л.
12. Королевские грамоты на духовные и светские должности // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 540. — 169 л.
13. Лапто, И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. — Юрьев: тип. К. Маттисена, 1911. — XIV, 626, 191 с.
14. Ларьков, Н. С. Документоведение / Н. С. Ларьков. — М.: АСТ, 2006. — 432 с.
15. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. — М., 1900.
16. Митяев, К. Г. Делопроизводство / К. Г. Митяев. — М.: Издательство «Просвещение», 1964. — 234 с.
17. Постановления литовской конфедерации // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 539. — 104 л.
18. Рыбаков, А. Е. Общее делопроизводство в центральном аппарате государственного управления Великого княжества Литовского в XVI в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Минск, 1999. — 20 с.
19. Топалова, Т. А. Задачи изучения истории великокняжеской канцелярии Жигимонта I Старого периода канцлерства О. М. Гаштольда: (по материалам книг-копий Литовской Метрики, 1522—1539 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода: Сб. статей. — М., 1992. — С. 13—14.
20. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо: У 2 ч. — Мінск: РІВШ БДУ, 2000. — 352 с.
21. Historical documents of the Grand Duke of Lithuanian // Сайт www.pergamentai.mch.mii.lt [Electronic resource]. — Mode of access: pergamentai.mch.mii.lt/IstoriniaiLietDok/istoriniaiIietDok_12en.pl.htm. — Date of access: 20.04.2013.
22. Kosman, M. Historia Białorusi / M. Kosman. — Wrocław: Ossolineum, 1979. — 404 s.
23. Langlue, Ch. V., Seignobos, Ch. Introduction to the study of history / Ch. V. Langlue, Seignobos, Ch. — New York: Henry Holt and company, 1904. — 348 p.
24. Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Том I. — Мінск: Athenaeum, 2001. — 186 с.
25. Pietkiewicz, K. Cyrylica. Skrypt do nauki odczytywania pisma staroruskiego i rosyjskiego dla studentów archiwistyki / K. Pietkiewicz. — Poznań, 1996. — 84 s.
26. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. — Poznań, 1995. — 13—42 s.

27. Patent na Rostmistrzowstu Pulku // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 540. — Л. 90б.
28. Sie war Konstytucja tysige siedemset siedemdziesiąt szosty Roku Powiatom Mozyrskiemu y Rzeczyckimu dla szezuplosci i praw // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 538. — Л. 5.
29. Sigillata mniejszej litowskiej kancelarii // Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 586. — 97 л.
30. Volumina legum — Т. 5. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 480 s.
31. Там же — Т. 6. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 330 s.
32. Там же — Т. 7. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 415 s.
33. Там же — Т. 8. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 624 s.
34. Там же — Т. 9. — Kraków: Akademia Umiejętności, 1889. — 503 s.
35. Там же — Т. 10. — Poznań: Zdzisław Kaczmarczyk przy współudziale Józefa Matuszewskiego, Michała Szanieckiego i Jana Wąsickiego. Nakładem Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk. — 1952. — 443 s.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 14.08.2017

*А. М. Латушкін,
дацэнт кафедры крыніцазнаўства
гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: archives@tut.by*

АКТЫ XV ст. З ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОВСКАГА Ў КАЛЕКЦЫІ РАСІЙСКАГА АРХЕОГРАФА П. А. МУХАНАВА (1797—1871)*

Дзяржаўны архіў Вялікага Княства Літоўскага ў частцы арыгіналаў актаў і грамад дзяржаўна-прававога характару (далей — архіў ВКЛ) як цэласны комплекс зараз не існуе (гл. гістарыяграфію пытання і апісанне аб'екта даследавання ў ранейшых артыкулах аўтара). Асноўная яго частка — каля 70% — зараз захоўваецца ў складзе калекцыі пергамінаў «Zbiór dokumentów pergaminowych» (далей — ZDP) Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве (далей — AGAD) у выглядзе разрозненых адзінак захоўвання. Туды яны былі ўключаны пасля пераходу ва ўласнасць дзяржавы польскай часткі Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў у 1946 г. (фонд «Архіў Радзівілаў, т. зв. Варшаўскі», польск. — Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawski, далей — AR). Значная колькасць дакументаў комплексу за гісторыю яго захоўвання была страчана. Актывы з разглядаемай часткі былога архіва ВКЛ у AGAD у 1997 г. паспрабаваў выявіць польскі архівіст В. Мікульскі [31]. Склад комплексу ў перыяд яго захоўвання яшчэ ў скарбе дзяржавы адлюстроўвае вопіс архіва ВКЛ ад 26 лістапада 1623 г. — унікальная крыніца па гісторыі дзяржаўных архіўных збораў, у тым ліку Метрыкі ВКЛ, адкрытая тым жа даследчыкам, але дагэтуль апублікаваная толькі часткова (спіс кніг Метрыкі ВКЛ) [3; 10; 29]. Параўнанне вынікаў даследаванняў В. Мікульскага з гэтай крыніцай сведчыць аб аб'ёме страт, панесеных архівам за 1623—1997 гг., блізкім да 30%. На сучасным этапе развіцця айчызнага архівазнаўства і крыніцазнаўства актуальнай навуковай і практычнай праблемай з'яўляецца рэканструкцыя складу і аднаўленне цэласнасці азначанага комплексу арыгіналаў архіва ВКЛ — адной з найбольш каштоўных частак дакументальнай спадчыны Беларусі.

У спіс актаў, страчаных са складу дзяржаўнага архіва ВКЛ перыяду 1387—1601 гг., уваходзяць некалькі тыпаў страт: 1) дакументы, арыгіналы якіх лічацца страчанымі безваротна (напр. акты Гарадзельскай і Люблінскай уній з Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў, знішчаныя гітлераўцамі падчас Варшаўскага паўстання 1944 г.); 2) дакументы, месцазнаходжанне якіх вядома, але

* Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Музея гісторыі Польшчы (Muzeum Historii Polski w Warszawie), стыпендыя за 2016 г., праект «Archiwum ordynacji Nieświezkiej ks. Radziwiłłów: historia, zasoby oraz miejsce w dziedzictwie kulturalnym narodów Europy Centralnej i Wschodniej».

правененцыйная сувязь з архівам ВКЛ у цяперашні час не даказана; 3) дакументы, месца захоўвання арыгіналаў якіх застаюцца невядомымі. Дадзены артыкул прысвечаны вынікам пошуку і выяўлення актаў, што адносяцца да стратэгічнай групы.

У склад дзяржаўнага архіва Каралеўства Польскага (Кароннага архіва, Архіва скарбца Кароннага) як адна з самых старажытных уваходзіла група актаў 1400—1401 г. з гарантыяй князёў у захаванні еднасці з Польшчай у выпадку смерці вялікага князя Аляксандра-Вітаўта. Такія акты прысягі былі падпісаны князем старадубскім Аляксандрам Патрыкеевічам (31 снежня 1400 г., каля возера Круды паміж Гародняй і Мерачам), князем друцкім Сямёнам Дзмітрыевічам (26 студзеня 1401 г., Бірштаны), князем гальшанскім Іванам Алыгімонтавічам (12 лютага 1401 г., Мерач), князем Юрыем Даўгодам (24 лютага 1401 г., Трокі), князямі заслаўскімі Юрыем і Андрэем Міхайлавічамі (24 лютага 1401 г., Трокі) [30, s. 33, 42—44]. З'яўленне дадзеных актаў было выклікана зменамі палітычных правоў Вітаўта на ВКЛ, што наступіла ў выніку пагаднення, заключанага паміж ім і Уладыславам-Ягайлам (25—31 снежня 1400 г., каля возера Круды). Вітаўт атрымаў правы на пажыццёвае кіраванне княствам літоўскім і рускімі ўдзельнымі княствамі, афіцыйнае карыстанне тытулам вялікага князя літоўскага, свабоду ўнутранай палітыкі. Ягайла пры гэтым карыстаўся тытулам вярхоўнага князя літоўскага. Нягледзячы на ўказаную асаблівасць, даследчыкі адзначаюць, што фактычна адбылося юрыдычнае аднаўленне дзяржаўнасці ВКЛ. Пагадненне было замацавана літоўскім і польскім бакамі ва ўнііных актах ад 18 студзеня і 11 сакавіка 1401 г., вядомых у гістарыяграфіі пад назвай Віленска-Радамскай уніі [30, s. 33—41, 44—47].

Аб'ектам нашага вывучэння з'яўляецца адзін з актаў прысягі князёў, а менавіта акт прысягі князя Сямёна Дзмітрыевіча Друцкага аб прызнанні ў выпадку смерці вялікага князя літоўскага Вітаўта сваім гаспадаром караля польскага Уладыслава-Ягайлы (26 студзеня 1401 г., Бірштаны). Князь Сямён Дзмітрыевіч Друцкі — асоба, якая пакінула істотны след у гісторыі ВКЛ. Згадваецца ў крыніцах 1401—1422 г. Галоўны прадстаўнік роду Друцкіх на пачатку XV ст., буйнейшы ў родзе землеўладальнік, у тым ліку ўласнік спадчыннай маёмасці — Друцка. Старшы ў родзе пасля смерці дзядзькі Васіля Міхайлавіча ў 1394—1398 г. і гібелі ў бітве на Ворскле 12 жніўня 1399 г. брата Івана Дзмітрыевіча Кіндыра [17, с. 54, 66]. Даследчыкі падкрэсліваюць набліжанасць яго да вялікага князя літоўскага Вітаўта. Істотнай з'яўляецца роля князя і ў гісторыі манаршых фамілій Польшчы: Сямён Дзмітрыевіч Друцкі быў дзядзькам Соф'і Андрэеўны Гальшанскай (†1461), якая ў 1422 г. стала жонкай Ягайлы і заснавальніцай дынастыі Ягелонаў. Соф'я паходзіла з роду Друцкіх па маці — Аляксандры Дзмітрыеўне (†1426) — і пэўны час выхоўвалася пры двары князя Сямёна. Па меркаванні даследчыкаў, менавіта ён разам з вялікім князем літоўскім садзейнічаў шлюбу. Асоба князя займае выключнае месца і ў генеалогіі роду: фактычна ўсе пазнейшыя прадстаўнікі князёў дому Друцкіх — нашчадкі

Сямёна Дзмітрыевіча. Уздым іх заможнасці і вагі ў дзяржаўных справах даследчыкі таксама звязваюць з эфектам дзейнасці бацькі: пачынаецца ён пасля ўваходу прадстаўніцы роду Друцкіх у склад манаршай фаміліі [12, с. 213—214].

З пункту гледжання пытання архіўнай прыналежнасці на ранніх этапах свайго захоўвання акт Сямёна Друцкага 1401 г. мае выключны характар. Як было адзначана вышэй, ён належаў да групы ўнііных актаў, якая аб'ядноўвала ў сабе асабістыя акты прысягі князёў у вернасці каралю Уладыславу-Ягайле, каралева і Каралеўству Польскаму. Згодна з логікай (адрасат) і гістарычна абумоўленай практыкай, падобныя акты траплялі на захоўванне ў дзяржаўны архіў Кароны Польскай. У сваёй большасці яны і зараз знаходзяцца ў межах фондаў і калекцый былога «кароннага» архіва ў Бібліятэцы кн. Чартарыйскіх у Кракаве, AGAD і інш. Аднак акт прысягі князя Сямёна Друцкага 1401 г. патрапіў на захоўванне ў дзяржаўны архіў ВКЛ, што ўпершыню фіксуе вядомы вопіс архіва 1570—1584 г. [23, с. 325]. Стваральнікі знакамітага выдання «Akta unji Polski z Litwą 1385—1791» С. Кутшэба (1876—1946) і У. Сямковіч (1878—1949) сцвярджалі, што гэта выключэнне з правіла. Прычына, на іх думку, магла быць у тым, што дакумент быў змешчаны ў «Вялікакняжскі Архіў» часова, а пасля не вернуты да «Архіва скарбца Кароннага» [30, s. XVIII, XXIV, XXV]. Згодна пэўных звестак, гэта магло адбыцца пасля 1551 г. (дадатак А, пункт «Запісы на дакуменце і аналіз правененцый акта», запіс 2).

Наступны раз акт прысягі князя Сямёна Друцкага фіксуецца ў вопісе архіва ВКЛ ад 26 лістапада 1623 г.: «Szufflada C2: Inducye moskiewskie dawne y teraznieysze. List kniazia Semiona Druckiego ktorym się zapisuię po Witoldze sluzyc krolowi Jagielowi» [3, s. 12]. У перыяд 1685—1755 г. дакумент фігуруе ў вопісах комплексу дзяржаўных актаў у складзе архіваў Радзівілаў галіны ардынатаў нясвіжскіх (гл. ніжэй) [18, с. 306; 4, s. 17; 5, s. 8—9; 6, s. 8—9]. Наяўнасць арыгінала ў складзе Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў у сярэдзіне XVIII ст. падцвярджаецца матэрыяламі М. Догеля (1715—1760). Запіс на копіі акта, захаванай у Бібліятэцы кн. Чартарыйскіх сярод т. зв. Тэк Нарушэвіча, аб месцазнаходжанні арыгінала сведчыць: «Ex originali arch. Nesviscensis. Coll. Dogelii» [цyfр. па: 30, s. 41]. У канцы XVIII ст. дакумент, як і іншыя дзяржаўныя акты ВКЛ, трапляе на захоўванне ў архіў віленскага ваяводы князя Міхала Гераніма Радзівіла (1744—1831) у Нябораве. Адтуль акт знікае і ўжо не вяртаецца ў склад радзівілаўскіх збораў. У 1932 г. пры падрыхтоўцы выдання актаў уніі С. Кутшэбам і У. Сямковічам канстатавана адсутнасць дакумента ў складзе Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў у Варшаве, куды з Нясвіжа патрапіў комплекс дзяржаўных актаў (былі вернуты ў Нясвіж з Няборавы ў 1902 г.). Акт быў залічаны ім да бясплодна страчаных: «Or(yginał). 1. Obecnie nieznanu, przechoywany był niegdyś w archiwum Radziwiłłów w Nieświeżu . . . Miał ten dokument w ręku Muchanow i podał jego opis» [30, s. 41]. Час страты вучоны аднеслі да XIX ст.: «. . . Jeden (n(ume)r 40) zaginął w XIX w., bez śladu narazie» [30, s. XXV]. Але ў іншых месцах абмяжоўвалі гэты перыяд так: 1) пасля 1836 г.; 2) сярэдзіна

XIX ст. [30, s. XXIII, XXVIII]. У «Akta unji Polski z Litwą 1385—1791» гэтак дакумента быў перадрукаваны з выдання т. зв. «Сборника Муханова» 1866 г. [21, с. 622; 30, s. 41—42]. Аналіз сучаснай гістарыяграфіі, прысвечанай князям Друцкім, дазваляе дапусціць, што месца захоўвання арыгінала акта 1401 г. дагэтуль заставалася невядомым [11; 12; 16; 17; 22; 26].

Факт наяўнасці арыгінала ў распараджэнні П. А. Муханова — складальніка выдання 1866 г. — вызначыў прыярытэтны накірунак пошуку дакумента. Павел Аляксандравіч Муханаў (1797—1871) — вядомы ваенны і дзяржаўны дзеяч Расійскай імперыі, палкоўнік, удзельнік ваеннай кампаніі расійскіх войскаў па задушэнні паўстання 1830—1831 гг., кавалер ордэнаў Св. Уладзіміра IV-й ступені і III-й ступені. З 1842 г. — на вышэйшых дзяржаўных пасадах у Царстве Польскім, дзе займае пост віцэ-прэзідэнта Савета народнай асветы Царства Польскага, з 1851 г. — апякуна Варшаўскай вучэбнай акругі. З 1856 г. П. А. Муханаў становіцца галоўным дырэктарам Камісіі ўнутраных і духоўных спраў Царства Польскага [27, с. 42]. Пасля сыходу з пасады ў 1861 г. П. А. Муханаў вяртаецца на радзіму, становіцца членам Дзяржаўнай Рады пры Дэпартаменце грамадзянскіх і духоўных спраў, з 1864 г. — пры Дэпартаменце дзяржаўнай эканомікі. Гэта асоба таксама выразна адзначылася сваёй дзейнасцю ў грамадскай і навуковай сферы, у прыватнасці ў галіне пошуку і публікацыі крыніц па гісторыі Расіі. Аб істотнай ролі гэтага накірунку працы ў лёсе П. А. Муханова сведчыць факт узначальвання ім напрыканцы жыцця Імператарскай археографічнай камісіі (1869—1871). Яшчэ падчас ваеннай службы ў Польшчы ў свой першы «польскі перыяд» П. А. Муханаў сабраў вялікую колькасць дакументаў, у тым ліку арыгіналаў, пераважна па гісторыі стасункаў ВКЛ, Каралеўства Польскага і Расійскай дзяржавы. З 1834 г. ім была распачата дзейнасць па іх публікацыі. Вялікая частка накопленых у Польшчы матэрыялаў была апублікавана ў 1836 г. асобным зборнікам, які атрымаў прозвішча выдаўца — «Сборник Муханова» [20]. Зборнік утрымліваў 194 дакументы ад часу княжання Васіля Дзмітрыевіча да Пятра II, пераважная большасць якіх тычылася гісторыі ВКЛ, Каралеўства Польскага і іх стасункаў з усходнім суседам. Характарыстыку яго складу, навукова-археографічнай якасці, мэта выдання даў М. М. Улашчык у сваёй класічнай працы. Даследчык адзначае нізкі ўзровень выдання (публікацыя матэрыялаў з капійных кніг Метрыкі ВКЛ, перапісаных у XVIII ст. лацінай з паўторнай перадачай тэксту кірыліцай пры публікацыі; аўтарскі пераклад актаў з польскай на рускую мову, вялікая колькасць памылак у перадачы тэксту і інш.) [27, с. 40—44].

У 1866 г. П. А. Муханаў перавыдае зборнік, павялічыўшы яго аб'ём больш чым у два разы [21]. У зборнік трапляюць матэрыялы, у тым ліку сабраныя П. А. Муханавым падчас знаходжання ў Польшчы ў перыяд 1842—1861 гг. Значная іх колькасць, як і раней, адлюстроўвае гісторыю стасункаў Расійскай дзяржавы з ВКЛ і Польшчай у перыяд XV—XVII стст. Як першае, так і другое выданні ў гэтай ступені былі адказам на паўстанні 1830—1831 гг. і 1863—

1864 гг. [21, с. 1—2]. Іх мэтай быў доказ ідэі «справдзенай рускасці» заходніх губерній. Вядомыя фармулёўкі яе, выкладзеныя П. А. Муханавым яшчэ ў першым выданні зборніка 1836 г., цалкам пераклікаюцца з пастулатамі разгорнутай пазней палітыкі «заходне-русизма», падпарадкаванай мэце абгрунтавання праваў Расійскай імперыі на далучэння тэрыторыі [20, с. 1; 21, с. XXXIII].

Акт прысягі князя Друцкага 1401 г. быў змешчаны ў другім выданні зборніка ў 1866 г. і меў назву «Присяжная грамота друцкаго князя Семена Дмитриевича польскому королю Владиславу (Ягайле)» [21, с. 622]. Дакумент публікаваўся з арыгінала! Яго публікацыя была падрыхтавана на належным узроўні. У ёй было змешчана апісанне знешніх прыкмет акта, дадзены аналіз яго палеаграфічных асаблівасцей, прысутнічалі каментарыі, удакладнялася датроўка акта (дзень месяца). Істотных памылак у перадачы тэксту ў параўнанні з арыгіналам не выяўлена.

Недахопам публікацыі з'яўляецца асвятленне пытання паходжання дакумента. Складальнік зборніка не дае дакладнага ўказання на месца яго папярэдняга захоўвання. Зборнікі П. А. Муханова ў цэлым адрозніваліся тым, што не ўтрымлівалі прамых пошукавых даных публікуемых дакументаў. Ідэнтыфікацыі па звестках у прадмове і спецыяльным пазначэнні ў тэксце паддаюцца толькі акты, запазычаныя з Метрыкі ВКЛ, якая была асновай яго зборнікаў, што адзначаецца і даследчыкамі [27, с. 41]. На паходжанне іншых актаў указвае толькі агульны пералік прыватных збораў, якімі карыстаўся складальнік выдання, без указання на канкрэтныя дакументы: «В числе напечатанных документов многие получены мною от любителей и знатоков отечественных древностей: г-на Буссе, М. А. Каркунова, М. А. Максимовича, С. А. Маслова, князя М. А. Оболенского, М. П. Погодина и С. А. Старынкевича» [20, с. III]. Можна меркаваць, што П. А. Муханаў ужо да сярэдзіны 30-х гг. XIX ст. меў і прыватную калекцыю. Яе склад адлюстроўвае каталог выдадзеных ім актаў [19].

У выданні 1866 г. захаваны такія ж падыход, аднак, нягледзячы на гэта, тут маецца важная для высвятлення пытання правеніенцыі акта 1401 г. інфармацыя. На пачатку выдання змешчаны артыкул «Desiderata», які адлюстроўвае погляды П. А. Муханова на актуальныя накірункі развіцця гістарычнай навукі ў Расіі і з'яўляецца своеасаблівым заповітам дзеяча, адрасаваным маладым суайчыннікам. Сярод бібліятэк і архіваў Царства Польскага, найбольш багатых на дакументы па рускай гісторыі, П. А. Муханавым тут названы збор «князей Радзівілов в Неборове близ Варшавы» [21, с. XXIX]. Гэта пацвярджае тое, што дзеяч ведаў аб існаванні архіва. З утвўненасцю можна таксама сказаць, што калі не ўлічваць комплекс арыгіналаў актаў архіва ВКЛ, які там захоўваўся, склад архіва Радзівілаў у Нябораве ў XIX ст. не адрозніваўся аб'ёмам і вялікай колькасцю арыгіналаў іншых дакументаў гісторыка-палітычнага характару перыяду XIV—XVII стст. Гэта быў тыповы прыватны архіў з дамінаваннем дакументаў маёмасна-прававога і гаспадарча-эканамічнага характару [2]. Такім чынам, змясціць дадзены фамільны збор у спіс «польскіх» архіваў з матэрыяламі высо-

кай каштоўнасці для даследаванняў руска-польскіх адносін яго вымусіў, відаць, менавіта комплекс арыгіналаў дзяржаўных актаў. Адметна таксама, што аб іншым багатым зборы роду Радзівілаў, які захоўваўся у Нясвіжы Мінскай губерні (з 1818 — па 1838 г. — у Вільні), П. А. Муханаў у сваіх працах нават не згадвае і верагодна ім не карыстаўся. На «ненясвіжскае» паходжанне дакументаў па гісторыі роду Радзівілаў, апублікаваных ім у 1836 г., указвае і М. М. Улашчык [27, с. 41—42]. Такім чынам, аднясенне Няборава да спісу каштоўных для расійскай навукі збораў можа быць ускосным указаннем на месца ранейшага захоўвання і акта 1401 г.

На жаль, вывучэнне матэрыялаў архіва Радзівілаў у Нябораве, якія захоўваюцца ў AGAD, не дазволіла выявіць якіх бы там ні было сведчанняў аб ролі П. А. Муханава ў справе выхаду архіваў з яго складу.

Разам з тым, у працэсе даследавання быў устаноўлены прыблізны час, калі П. А. Муханава ўдалося завалодаць арыгіналам дакумента, а таксама была высветлена яго далейшая гісторыя. У 1866 г. акт 1401 г. разам з некаторымі іншымі быў прынесены дзячам у дар «Маскоўскаму Публічнаму і Румянцаўскаму музею»! Аб гэтым ён паведамляе ў тым жа артыкуле «Desiderata»: «... Присяжная грамота Дрюцкога князя Семена Дмитриевича королю Владиславу-Ягайле (1401 г. 26 янв.) напечатана в Сборнике под № 350 ... Эти три подлинныя документа (у тым ліку акт прысягі князя Дзмітрыя Фёдаравіча Варатынскага ў вернасці каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму Казіміру ад 1488 г. і тэстамент Ф. Салтыкова 1643 г. — *А. Л.*) принесены мною в 1866 г. в дар Московскому Публичному Музею» [21, с. II]. Факт далучэння актаў да фондаў музея фіксуе і справаздача аб дзейнасці ўстановы за 1866 г. [24, с. 58].

Фонды Маскоўскага Публічнага і Румянцаўскага музея ў XX ст. сталі асновай для аддзела рукапісаў сучаснай Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі ў Маскве (далей — РДБ). Вывучэнне сучаснага складу калекцыі П. А. Муханава дазволіла выявіць арыгінал акта 1401 г., што дайшоў да нашага часу [8]. Яго знешнія прыкметы цалкам адпавядаюць апісанню ў зборніку П. А. Муханава 1866 г. Адназначна ідэнтыфікаваць дакумент як акт з дзяржаўнага архіва ВКЛ дазваляе аналіз запісаў на яго тэльным баку. Усе яны з'яўляюцца адзнакамі архіўнага ўліку розных часоў (дадатак А, пункт «Запісы на дакуменце і аналіз правененцый акта»).

Адметна, што акрамя акта 1401 г., які П. А. Муханаў апублікаваў, у зборніку згадваецца яшчэ аб трох іншых актах, якія па ўсіх прыкметах паходзілі з таго ж месца захоўвання і таксама належалі раней да складу дзяржаўнага архіва ВКЛ і Архіва Нясвіжскай ардынацыі. У тым жа месцы артыкула «Desiderata» ўказваецца: «... Присяжная грамота князя Дмитрия Федоровича Воротынского королю Польскому и великому князю Литовскому Казимиру на держание города Козельска. Дана в Вильне 6996 (1488) г. 21 марта, индикт шестой; на пергаменте, с висячею на красном шелковом шнурке печатью ...»; а таксама: «... Перемирная грамота Великого Князя Бориса Александровича с дедом своим вели-

ким князем Витовтом Литовским и пр. 1421 августа 4, на пергаменте, на шёлковом голубом шнурке восковая печать ...; Перемирная грамота Великого Князя Казимира королевича всей литовской земли и пр. с Великим Новгородом (должно быть ранее 1444 г.) на пергаменте; при ней были три свинцовые печати, сохранились только две» [21, с. II]. Указаныя акты таксама адносяцца да страт дзяржаўнага архіва ВКЛ. Апошні раз яны фіксуюцца ў вопісе комплексу дзяржаўных актаў у Архіве Нясвіжскай ардынацыі, які датуецца кастрычнікам 1755 г. [6, s. 10—11]. Першы з дакументаў — акт прысягі князя Дзмітрыя Фёдаравіча Варатынскага ў вернасці каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму Казіміру ад 1488 (?) г. быў перададзены П. А. Муханавым разам з актамі 1401 г. той жа ўстанове. Дзве астатнія граматы ў 1865 г. былі падораны ім «Главному Государственному архиву» [21, с. II]. Даследаванне пытання дазваляе ідэнтыфікаваць гэту ўстанову як т. зв. Дзяржаўны архіў Расійскай імперыі.

Акт 1488 (?) г. выяўлены ў той жа калекцыі П. А. Муханава ў РДБ [9]. Праверка правененцыйных прыкмет дазваляе станоўча сцвярджаць, што гэта дакумент са складу дзяржаўнага архіва ВКЛ. Запісы на адвароце дакумента цалкам адпавядаюць вопісам архіва ВКЛ 1623 г. і Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў 1721—1722 гг. і 1744 г. [3, s. 12; 4, s. 19; 5, s. 10].

Два іншыя акты апынуліся ў складзе Расійскага дзяржаўнага архіва старажытных актаў (далей — РДАСА), куды былі ўключаны фонды былога Дзяржаўнага архіва Расійскай імперыі. Актуальныя архіўныя шыфры іх наступныя: 1) ф. 27. Приказ Тайных дел, оп. 1, ед. хр. 2. Договорная грамота (подлинник) вел. кн. тверского Бориса Александровича с вел. кн. литовским Витовтом о дружбе (1427, № 2); 2) ф. 27. Приказ Тайных дел, оп. 1, ед. хр. 3. Договорная грамота (подлинник) вел. кн. Литовского Казимира с Великим Новгородом о торговле (! — *А. Л.*) (перв. пол. XV в., № 3) [28, с. 75]. Абодва акты, у тым ліку фотаздымкі тытульнага боку, пячатак, тэкст запісаў на адвароце — апублікаваныя [25, 13—15, стб. 15—18; 13, с. 115—116]. Аналіз іх знешніх прыкмет, зверка запісаў — адзнак архіўнага ўліку — на тэльным баку дакументаў, дазваляе сцвярджаць, што яны цалкам адпавядаюць вопісу комплексу дзяржаўных актаў у Архіве Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў ад снежня 1721—1722 гг. [4, s. 19, 22]. Больш поўна вынікі аналізу правененцыйных прыкмет будуць прадстаўлены асобна (аўтарам рыхтуецца манаграфія па тэме).

Датароўка першага акта як «1427 г. (6935 г.)» удакладнена А. Ф. Бычковым у 1867 г. У публікацыі 1908 г., а таксама ў адпаведнай кнізе Метрыкі ВКЛ ён датаваны 1422 г. (6930 г.) [25, стб. 13—15]. Другі акт складальнікі выдання «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» датавалі 1440—1447 гг. — часам займання вялікім князем літоўскім пасады да каранавання. Там жа ўдакладнена назва акта — «о мире» [13, с. 115—116].

Такім чынам, відавочна, што ў перыяд 1836—1866 гг. расійскі археограф і дзяржаўны дзеяч П. А. Муханаў завалодаў чатырма актамі XV ст. са складу комплексу арыгіналаў дзяржаўнага архіва ВКЛ, якія захоўваліся ў зборы Радзі-

вілаў у Нябораве. У 1865—1866 г. яны былі падораны расійскім установам, разам з фондамі якіх дайшлі да нашага часу. Адносна канкрэтызацыі часу і абстаўіна атрымання П. А. Муханавым дакументаў можна прывесці наступнае. У артыкуле «Desiderata» да зборніка 1866 г. утрымліваецца пункт, у якім выдавец заклікае апублікаваць у асобным томе «Рускія грамоты Западнага і Юго-западнага края XIV і XV веков относящиеся ко времени Великого Княжества Литовского», у тым ліку і акт 1401 г.: «В упомянутой том можно бы поместить грамоту 1401 года, *недавно* (так у тэксце, выдзелена П. А. Муханавым. — *А. Л.*) мною отысканную, которая поэтому и напечатана *в конце* Сборника под № 350» [21, с. X]. Артыкул «Desiderata» датаваны 15 ліпеня 1866 г. Адметна, што асноўную масу сваёй калекцыі рукапісаў (100 адзінак) П. А. Муханаў падарыў Маскоўскаму Публічнаму і Румянцаўскаму музею ў 1865 г. [14]. Акта друцкага князя ў складзе дару не было. Ён і яшчэ два дакументы, у тым ліку акт 1488 г. з архіва ВКЛ далучаны П. А. Муханавым да збораў азначанай установы ў 1866 г. Гэта ўсёсна можа сведчыць аб перыядзе 1865 г. — 15 ліпеня 1866 г. як часе завалодання даследчыкам указанымі дакументамі. Аднак факт перадачы ім у 1865 г. на захоўванне ў «Галоўны Дзяржаўны архіў» двух іншых актаў з архіва ВКЛ (малаверагодна, што П. А. Муханаў авалодваў актамі парцыйльна ў розны час) вымушаюць датаваць даследуемы факт больш шырока: 1836 г. — 15 ліпеня 1866 г. З гэтага перыяду найбольш спрыяльным для доступу да збораў Радзівілаў быў час працы П. А. Муханавы ў Варшаве, г. зн. 1842—1861 гг. Вядома таксама аб тым, што ў 1866 г. у Парыжы быў праведзены аўкцыён, на якім былі выстаўлены матэрыялы з «бібліятэкі» Радзівілаў у Нябораве, аднак гэта версія патрабуе праверкі.

Дадатак А

Акт прысягі князя Сямёна Дзмітрыевіча Друцкага ў захаванні вернасці каралю польскаму Уладаславу-Ягайле з выпадку смерці вялікага князя літоўскага Аляксандра-Вітаўта. Бірштаны, 26 студзеня 1401 г.

Месца захоўвання арыгінала: Российская Федерация, г. Москва, Российская государственная библиотека, фонд 191 «Коллекция грамот Муханова [П. А.]», ед. хр. № 101 «Присяжная грамота Дрюцкого князя Семёна Дмитриевича польскому королю Владиславу-Ягайле, 1401, янв. 26».

Даныя аб копіях акта прыведзены ў выданні С. Кутшэбы і У. Сямковіча [30, с. 41].

Ранейшыя публікацыі дакумента: 1) з арыгінала [21, с. 622]; 2) з копіі ў т. зв. Тэках Нарушэвіча ў Бібліятэцы Чартарыйскіх, літарамі лацінскага алфавіта і з некаторымі разыходжаннямі з арыгіналам, з памылковай датай 11 сакавіка [32, с. 23]; 3) з публікацыі ў выданні «Сборник Муханова» 1866 г., на аснове літар лацінскага алфавіта, з адзначэннем разыходжанняў з публікацыяй 1876 г. Нумар дакумента ў выданні 1866 г. тут памылкова ўказаны як «550», замест «350» [30, с. 41—42].

Апісанне арыгінала. Арыгінал. Матэрыял — папера, вадзяны знак адсутнічаюць, маюцца гарызантальныя і вертыкальныя лініі сеткі; 1 арк. + 1 (вокладка). Памеры дакумента: шырыня 22 см, вышыня 11,6 см¹. Стан захавання — здавальняючы. На тыльным баку — прыкметы рэстаўрацыі паперай (XIX ст.?) у сямі месцах прарыву пераважна па лініях згібу. На правым полі — прарывы 0,4×0,3 см, заклеены пры рэстаўрацыі (другая палова XX ст.?). Па правым краі часткі аркуша, загнутай уверх для мацавання пячаткі — сляды разрыву, верагодна, першапачаткова пад пячатку быў закладзены аркуш па ўсёй даўжыні (сектары 7, 8, 9), разрыв зроблены падчас рэстаўрацыі, калі папера выпроствалася і часткі, не прымацаваныя пячаткай (сектары 7, 9), адкладаліся ўніз у сектары 8 — з разрывам паперы. Папера з тыльнага боку ў сектарах 2, 5 — пацямнелая.

Лініі згібу: вертыкальныя, дзве праз 6,7 см і 14,7 см ад левага краю дакумента адпаведна; гарызантальныя, дзве праз 5,4 см і 11,9 см ад верхняга краю дакумента. Лініі дзеляць дакумент на дзевяць сектараў, нумарацыя па арк. 1 злева направа, зверху ўніз, памеры (шырыня × вышыня; замеры — па лініях, што дзеляць сектар напалову): 1) 6,7 см × 5,3 см; 2) 7,9 см × 5,2 см; 3) 7,4 см × 5,4 см; 4) 6,7 см × 6,7 см; 5) 7,7 см × 6,5 см; 6) 7,5 см × 6,2 см; 7) 6,6 см × 3,5 см; 8) 7,7 см × 3,7 см; 9) 7,5 см × 3,9 см. У ніжняй частцы дакумента са змяшчэннем лявей ад сярэдзіны аркуша выразаны фрагмент формы, блізкай да прамавугольніка, памеры: шырыня — 5,6 (у аснове) — 5,8 см (ля вяршыні), вышыня 3,7 см, закладзены ўверх для мацавання пячаткі. Прывесістая воскавая пячатка на чырвоным баваўняным вітым шнурцы, захаваліся рэшткі: кавалак воску авальнай формы памерам 2,0 см × 3,4 см; мацаванне шнура — праз дзве адтуліны, размешчаныя на плошчы закладзенай часткі, са звязаннем у адну стужку пад месцам згібу закладзенай уверх часткі. Пісьмо дакумента — паўустаўное².

Дакумент змешчаны ў папяровую вокладку (арк. 2). Вокладка датуецца часам не раней 1722 г. Памеры: шырыня — 22 см, вышыня — 11,5 см. Дзве вертыкальныя лініі згібу на адлегласці 7,4 см і 15,4 см ад левага краю аркуша адпаведна, дзеляць дакумент на тры сектары памерам (шырыня × вышыня): 1) 7,6 см × 11,5 см; 2) 7,8 см × 11,5 см; 3) 6,6 см × 11,5 см. Стан захавання — здавальняючы. Папера ў сектары 2 — крыху цямнейшая. У тым жа сектары ў ніжняй палове аркуша, блізкай да другой лініі згібу ў паперы дзірка 0,3×0,3 см. Вадзяны знак або другасны вадзяны знак падобны да літар «SW» або «WSC»,

¹ Памеры вышыні дадзены без уліку ніжняй часткі аркуша, закладзенай пад пячатку. Згодна з данымі П. А. Муханавы памеры акта: «Шириною 5, вышиною 2½ верш[ка]»: Сборник Муханова [21, с. 622]. Згодна звестак С. Кутшэбы і У. Сямковіча памеры акта — 23 см, вышыня 11,5 см [30, с. 41]. Памеры, заснаваныя на даных П. А. Муханавы, са значэннем адзінкі вымярэння 1 вяршок = 4,6 см.

² У 1866 г. у музеі пісьмо ідэнтыфікавана як паўустаўное, пераходнае да скорпіісу [24, с. 58]. Згодна з сучасным вопісам — пісьмо паўустаўное.

дзе S звернута ў супрацьлеглы бок — не ідэнтыфікаваны, гарызантальныя і вертыкальныя лініі сеткі³.

Згодна з запісамі на лісце выкарыстання рукапісу з дакументам працаваў 1 ліпеня 2014 г. С. У. Полехаў.

Высновы першага выдаўца акта — П. А. Муханава — адносна даты стварэння дакумента, яго матэрыялу і пісьма, а таксама каментары, зробленыя ім пры першым выданні дакумента ў 1866 г., па-ранейшаму заслугоўваюць таксама ўвагі.

Запісы на дакуменце і аналіз правеніенцый акта (запісы на адвароце дакумента і вокладцы, арк. 1 адв., 2).

1. Па цэнтры дакумента чорным чарнілам слабакантрастна: «В». Адпавядае вопісу архіва ВКЛ 1570—1584 гт. Дакумент уваходзіў у аддзел «Uniwersałowy i pospolitych listów W. Ks. L.» і апісаны там наступным чынам: «Oddanie wiadomości Symona X(ięcia). Druckiego. 1405. SimonX. Druckj Dymitrow syn obieczie po śmiercj Withołowej, inszego pana ssobie nie szukać, oprocz krola polskiego. Poth pieczęcią. Littera В.» [23, с. 325]. Дата «1405» год — памылковая. Іншы дакумент таго ж аўтара пад такой датай — невядомы. У пазнейшых вопісах ён праходзіць пад датай «1401 г.», што падцвярджаецца арыгіналам.

2. Ніжэй чорным чарнілам, маларазборліва «Simeon dux Druczki | Demetrij filius pmittit⁴ p...⁵ | mortem [Vi]toldi⁶ se aliu⁷ do[mi]num no(n) quesiturum p(rae)ter | rege(m) Polonie». Адпавядае вопісу дзяржаўнага архіва Каралеўства Польскага М. Кромера 1551 г., дзе акт захоўваўся да часу не пазней за 1584 г.: «1401... Simeon dux Pruczki⁸ Demetrij filius, promittit post mortem Vitoldi se alium dominum non quesiturum, praeter regem Poloniae» [15, с. 457].

3. Ніжэй іншым почыркам святлейшым чарнілам слабакантрастна маларазборліва: «Li[st]⁹ k(niazia) Siemiona Druckie(g)o Kto[ry]m¹⁰ się zapisuie po Witulcie | sluzyc...¹¹». Адпавядае вопісу архіва ВКЛ ад 26 лістапада 1623 г.: «List kniazia Semiona Druckiego ktorым się zapisuie po Witoldzie sluzyc krolowi Jagielowi», захоўваўся ў шуфлядзе C2: «Szufłada C2... Inducye moskiewskie dawne y teraznieysze» [3, s. 12].

4. Паміж другім і трэцім радком папярэдняга запісу па цэнтры аркуша больш цёмным чорным чарнілам «1401», верагодна, з'яўляецца працягам запісу 2 і адпавядае вопісу М. Кромера 1551 г. (гл. вышэй).

³ Аўтар выказвае шчырую ўдзячнасць супрацоўніцы Навукова-дасладчага аддзела рукапісаў РДБ Л. А. Шаўцовай за ўсебаковае садзейнічанне ў даследаваннях.

⁴ так у дакуменце, верагодна трэба чытаць promittit

⁵ дзве—тры літары неразборлівыя, над радком рыска, падобная да цігла, верагодна post

⁶ дзве літары змыты, узноўлены па сэнсу

⁷ так у дакуменце, верагодна трэба чытаць alium

⁸ так у дакуменце, трэба чытаць Drucki

⁹ змыта каля дзвюх літар, узноўлены па сэнсу

¹⁰ змыта, узноўлена па сэнсу

¹¹ змыта каля 16 літар, верагодна krolowi Jagielowi

5. Ніжэй справа чорным чарнілам: «F». Адпавядае вопісу Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў ад 18 ліпеня 1685 г., згодна з якім дакументы пазначаліся толькі літарай лацінскага алфавіту: «W szkaturze pod literą A liczbą 5 to Ruskie... Pod literą F: Symeon Xiąze Drucki zapisuie się Krolowi Polskiemu Jagielanowi ze po Witoldzie inszego Pana nad niego miacniema» [18, с. 306].

6. Ніжэй па цэнтры чорным чарнілам іншым почыркам «n(umer)o 2 [Li]etuanie¹²», верагодна, з'яўляецца працягам запісу 2 і адпавядае вопісу М. Кромера 1551 г.

7. Справа і ніжэй папярэдняга запісу, змыта і неразборліва каля 7 літар.

8. Ніжэй справа ад месца мацавання пячаткі змыта і неразборліва каля 4 літар, першая «K».

9. Ніжэй злева чорным чарнілам «В».

Запісы на папярэдняй вокладцы да дакумента, арк. 2: 1) у левым верхнім куце простым алоўкам «№ 19» (12?); 2) ніжэй чырвоным алоўкам «2»; 3) па цэнтры аркуша зверху карычневым чарнілам: «Przysięga kniazia Semena | Dmitrowicza Druckiego po | Smierci Kniazia Witofta | Iz Władysława Krola Polskiego niema odstąpic y | miec chce za Krola tak ze | nie ma się odłączać od Rz(e)czy | P(ospo)litej; We dworze w Birotanich¹³ | Roku od narodzenia Panskie(g)o |¹⁴⁻¹⁴⁰¹ | Litera C Szufłada 1. | Sztuka 1¹⁴». Запіс «3» адпавядае вопісу Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў ад снежня 1721 г. — 1722 г., аўтарства А. Гаўфаўкса: «Litera C. Szufłada piersa. Papiry Ruskie. Rok 1401. Przysięga kniazia Semena Dmitrowicza Druckiego po smierci Kniazia Witofta Iz Władysława Krola Polskiego niema odstąpic y miec chce za krola tak ze nie ma się odłączać od R(ze)czy P(ospo)litye. We dworze w Birotaniech¹⁶ z pieczętko mało. Litera C, Szufłada 1, Sztuka 1» [4, s. 17].

Правілы перадачы тэксту. Тэкст мадэрнізуецца часткова. Для перадачы літар, якія выйшлі з ужытку, выкарыстоўваюцца адпаведныя шрыфты, што перадаюць асноўныя абрысы ўказаных літар («lzhitsa», «Litopys New Roman»). Так, у тэксце захоўваюцца літары: ѿ; ѳ; Ѵ; ѵ; Ѷ; ѷ. Форма літары «ч» — чашпадобная. Над літарай «и», змешчанай у пачатку, у канцы слоў, а таксама ў якасці злучніка — дзве кропкі, у публікацыі яны не перадаюцца. Літара «н» мае форму, падобную да «N» — перадаецца праз «n». У якасці памежнага сігнала паміж словамі на ўзроўні паловы вышынні літары ў тэксце ўжываецца знак «<» — захоўваецца. Цігла мае форму паўкруглай дужкі — не ўзнаўляецца. Вынасныя літары ўносяцца ў радок і пазначаюцца курсівам. Скарачэнні раскрываюцца ў паўкруглых дужках. Падзел на словы, сказы, абзацы, расстаноўка знакаў пунктуацыі, ужыванне вялікіх літар — у адпаведнасці з сучаснымі правіламі беларускай мовы. У спасылках адзначаны разыходжанні арыгінала з публікацыямі 1 і 2.

¹² дзве літары змыты, узноўлены па сэнсу

¹³ так у дакуменце, трэба чытаць Birsztaniech

¹⁴⁻¹⁴ выдзелена больш тлустым

¹⁵ падкрэслена

¹⁶ так у дакуменце, трэба чытаць Birsztaniech

Мы, княз Семень¹⁷ Дмитриевич¹⁸ Дрюцки¹⁹ · знаемо²⁰ чинно²¹ сямь · ли|стомь.

А же²² слобую²³ · и слобилъ е[с]ми²⁴ · и цѣловать есми · крестъ · | по смерти великого · княз(я) Витовта²⁵ · нашего · господара · не | искати ми · иных²⁶ · господари²⁷ · нѣкдѣ · мино²⁸ · наи(е)го · господара · | крола²⁹ · Владислава³⁰ · полско(го) · и Куруны · Полскоѣ · Не ѡлучати · | ми са еѣ · нико[т]орымъ³¹ · веремемь · с тымъ³² · со всѣмъ · што | коли имамъ · и [ш]то³³ · ми³⁴ · дасть · господарь мои и держю³⁵ ѿ него · | с тыми · городми³⁶ · с³⁷ · мѣсты · безо лети³⁸ · и без³⁹ хитрости ·

На крѣ|пость · сему · листу⁴⁰ · моему⁴¹ · печать · свою · приложилъ есми · ѿ дворѣ · ѿ Биршпанѣхъ⁴² · во среду · на Серкизовой⁴³ · н(е)д(е)ли · по|д лѣты · Розтва⁴⁴ · Х(ристо)ва · 45 · тисачь лѣтъ · и чотыриста · лѣтъ · и | первого · лѣта⁴⁵ · ...⁴⁶

¹⁷ ь размеичана на зѣбе, часткова сцѣрта

¹⁸ у публікацыі 1 — Дмитриевич

¹⁹ у публікацыі 1 — Дрюцкій

²⁰ у публікацыі 2 — znaiui

²¹ у публікацыі 2 далей — wedomo

²² у публікацыі 2 — iz

²³ б размеичана на зѣбе, часткова сцѣрта

²⁴ с запямлена чарнілам таго ж колеру, узноўлена на сэнсу

²⁵ у публікацыі 2 — Witowda

²⁶ ы размеичана на зѣбе, часткова сцѣрта, у публікацыі 1 — иных

²⁷ у публікацыі 1 — господарей

²⁸ так у дакуменце, трэба чытаць мимо, у публікацыі 1 — мимо

²⁹ так у дакуменце

³⁰ другая л размеичана на зѣбе, часткова сцѣрта, у публікацыі 1 — Владислава

³¹ размеичана на зѣбе, на месцы прарыву паперы, узноўлена на сэнсу

³² ы размеичана на зѣбе, на месцы прарыву паперы, часткова папшкодзана

³³ ш размеичана на зѣбе, на месцы прарыву паперы, узноўлена на сэнсу

³⁴ у публікацыі 2 на месцы гэтага папярэдняга слова — potom

³⁵ у публікацыі 2 — oderziju

³⁶ у публікацыі 2 — horody

³⁷ у публікацыі 2 — i

³⁸ у публікацыі 2 — zlosty

³⁹ у публікацыі 2 слова адсутнічае

⁴⁰ с размеичана на зѣбе, часткова сцѣрта

⁴¹ першыя тры літары часткова запямлены чарнілам ад запісу №5 на адвароце дакумента

⁴² х часткова запямлена чарнілам ад запісу №5 на адвароце дакумента, у публікацыі 2 — Bisztanich

⁴³ у публікацыі 2 — kuzowoy

⁴⁴ в размеичана на зѣбе, часткова сцѣрта, у публікацыі 2 — rozdiestwa

⁴⁵⁻⁴⁵ у публікацыі 2 — 1401

⁴⁶ знак, падобны да літары и у выглядзе, у якім яна ўжыта ў тэксце — без кропак

Крыніцы і літаратура

- AGAD. — Pracownia Naukowa. — Inwentarz zespołu archiwalnego №354 Archiwum Warszawskie Radziwiłłów, Dział I Dokumenty pergaminowe (z lat [1178] 1190—1947). Oprac. Bolesław Taurogiński, Warszawa, 1934—1935.
- AGAD. — Pracownia Naukowa. Inwentarz zespołu archiwalnego Nr. 355 Archiwum Radziwiłłów z Nieborowa. Akta majątkowe i gospodarcze dawniejsze. Z lat [1347], 1427—1945. Oprac. Violetta Urbaniak, Warszawa, 1992.
- AGAD. — AR — Dz. XXVII. — Sygn. 11. Regestr przywilegów W. X. Lit. oddanych do zamku Xiążąt Radziwiłłów 26.11.1623 r.
- AGAD. — AR — Dz. XXVII. — Sygn. 14. «Regestr przywilegów dawnych 1722 [część lub tom] 1». Oprac. Aleksander Goffoux. Grudzień 1721 r., 1722 r. — 34 s.
- AGAD. — AR — Dz. XXVII. — Sygn. 27. Regestr przywilegów Unii Litewskiej z Korono. — b. d. lata 40-te XVIII w. [1744 r.] — 12 s.
- AGAD. — AR — Dz. XXVII. — Sygn. 29. Lustracja archiwów zamku nieświeskiego. X 1755 r. — 35 + 1 s.
- AGAD. — AR. — Dz. XXVII. — Sygn. 67 «Katalog dodatkowy pergaminów nieświeskich w r. 1902 sporządzony przez archiwistę [Bohdana] Pułjanowskiego». Oprac. B. Pułjanowski. — 32 s.
- Российская государственная библиотека. — Отдел рукописей. — Ф. 191. Коллекция грамот Муханова [П. А.]. — Ед. хр. № 101. Присяжная грамота Дрюцкого князя Семёна Дмитриевича польскому королю Владиславу-Ягайле, 1401, янв. 26.
- Российская государственная библиотека. — Отдел рукописей. — Ф. 191. Коллекция грамот Муханова [П. А.]. — Ед. хр. № 102. Присяжная грамота кн. Дмитрия Фёдоровича Воротынского королю польскому и вел. кн. литовскому Казимиру на держание города Козельска. Вильно. 1488 г. март 21.
- Антанавичюс, Д. Найден реестр оригинальных книг Литовской Метрики XVI в. / Д. Антанавичюс. // Новости Литовской Метрики. — № 12. / Инст. ист. Литвы. — Вильнюс: Leidykla, 2011. — С. 18—25.
- Варонін, В. А. Друцкія князі XIV стагоддзя / В. А. Варонін // Беларускі гістарычны агляд. — 2002. — Т. 9. — Сш. 1—2(16—17). — С. 3—30.
- Воронин, В. А. Князья Друцкие в исторической традиции и общественно-политической жизни Великого Княжества Литовского середины XIII — середины XVI вв. / В. А. Воронин // Друцк / О. Н. Левко [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. — Минск: Беларуская навука, 2014. — С. 211—219.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ин-т ист. АН СССР, Ленинградское отделение. — Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. — 407 с.
- Каталог актов XIV, XV, XVI и XVII века, принесенных в дар Московскому публично-музею Павлом Александровичем Мухановым. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1865. — 28 с.
- Книга посольская Метрики Великого Княжества Литовского [...]. / М. Оболенский; И. Данилович. — Москва: Университетская типография, 1843. — XX, 480 с.
- Кузьмин, А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. / А. В. Кузьмин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 2(28). — С. 33—42.

17. Кузьмин, А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. / А. В. Кузьмин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 4(30). — С. 50—68.
18. Латушкін, А. М. Аб гісторыі ўключэння грамад і актаў дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў склад архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у другой палове XVII ст. / А. М. Латушкін // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 16. — Мінск: БелНДДАС, 2015. — С. 292—309.
19. Муханов, П. А. Каталог историческим памятникам, собранным и изданным Павлом Мухановым [...]. — Москва: Унив. тип., 1836. — [4], II, 34 с.
20. Муханов, П. А. Сборник [документов по русской истории]. — М.: Унив. тип., 1836. — 311 с., 1 л. ил.; 28 см.
21. Муханов, П. А. Сборник [документов по русской истории] Муханова. — 2-е изд., доп. — СПб.: Тип. Э. Праца, 1866. — 780 с.
22. Насевіч, В. Л. Друцкае княства і князі Друцкія / В. Л. Насевіч // Друцк старажытны: Да 1000-годдзя ўзнікнення горада. — Мінск: БелЭН, 2000. — С. 49—76.
23. Описание документов и бумаг хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — Москва, 1869—1921. — Кн. 21: Книги Литовской метрики / сост.: С. К. Шамбинаго, Н. Г. Березков. — Москва: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, [1916]. — XXVIII, 592 с.
24. Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1866 год. — Москва: Типо-лит. К. Ф. Александрова, 1898. — 4, 103 с.
25. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссиею: в 38 т. — СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1908. — Т. XXII: Дела Тайного приказа. — Кн. 2. — 888 стб., 54 с., илл.
26. Рыбчонок, С. А. Родословие князей Друцких в XIV—XVII вв. / С. А. Рыбчонок // Друцк / О. Н. Левко [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. — Минск: Беларуская навука, 2014. — С. 219—234.
27. Улащик, Н. Н. Очерки по археологии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. — М.: Наука, 1973. — 301 с.
28. Шумилов, В. Н. Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. / В. Н. Шумилов. — Москва: Тип. ГАУ, 1954. — 304 с.
29. Antanavičius, D. Originalių lietuvmatrikosXVIa. knygu sąrašas/ D. Antanavičius // Istorijos šaltinių tyrimai. / sudarė A. Dubonis. — T. 4. — Vilnius: Leidykla, 2012. — S. 157—186.
30. Kutrzeba, S. Akta unji Polski z Litwą 1385—1791 / S. Kutrzeba, W. Semkowicz. — Kraków: Druk. UJ, 1932. — 570 s.
31. Mikulski, W. Dokumenty z archiwum WXL w archiwum warszawskim Radziwiłłów / W. Mikulski // Miscellanea historico-archivistica. — 1997. — T. 7. — S. 71—83.
32. Monumenta medii aevii historica res gestas Poloniae illustrantia. T. II: Codex epistolaris saeculi decimi quinti 1384—1492 / A. Sokolowski, J. Szujski. — Kraków: Akademia Umiejętności, w Drukarni «Czas» 1876. — LXX, 386 s.

Артыкул настуніў у рэдакцыю 11.04.2017

М. Ф. Шумейка,

ведучыі навуцныі супрацоўнік

Беларускага навучна-даследвальскага інстытута

дакументаведення і архіўнага дела,

кандыдат історыцескага навуц;

e-mail: jesti@inbox.ru

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ДЕЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ В СТРАНЕ

Университеты во все времена играли важную роль не только в подготовке кадров, но и в деле формирования в местах их пребывания так называемой «экологии культуры» (выражение академика Д. С. Лихачева)*. Последняя подразумевает сеть научных учреждений, библиотек, музеев, архивов, театров, школ. И совершенно неслучайно, что именно в университетских городах уровень развития экологии культуры оказывался на порядок выше, нежели там, где университеты отсутствовали. Этого не могли не понимать инициаторы открытия в разоренной Первой мировой войной Беларуси университета, который, по их мнению, мог бы, с одной стороны, содействовать восстановлению духовного и материального потенциала края, а с другой — поставить заслон имевшему место в прошлом оттоку отсюда интеллектуальных сил в университетские города России, Польши, Германии, других стран.

Так, выступая 15 декабря 1917 г. с докладом «Об открытии первого Белорусского университета» на заседании культурно-просветительской секции Первого Всебелорусского съезда, избранный его почетным председателем академик Е. Ф. Карский отмечал, что наиболее подходящим местом для университета в составе историко-филологического, юридического, естественно-математического и медицинского факультетов должен стать Минск «при условии, однако, что [и] другие высшие учебные заведения, которые со временем должны быть открыты в Белоруссии, как политехникум, сельскохозяйственный, лесной и ветеринарный институты, были [бы] размещены в других крупных центрах края с тем, чтобы очаги просвещения более равномерно обнимали Белоруссию» [6, с. 31]. Карский полагал необходимым обставить создаваемый университет таким образом, чтобы привлечь в него местную учащуюся молодежь и тем самым предупредить ее отток в университеты соседей.

«Особенно нежелательно, — подчеркивал он, в недавнем прошлом ректор императорского Варшавского университета, — было бы бегство в Варшавский польский университет, где студенты белорусы-католики могли бы легко оплодотворяться. По чисто экономическим причинам нежелательны их отливы и в другие русские университеты, так как необходимо, чтобы белорусские интелли-

* Именно так назван изданный к юбилею ученого сборник статей и воспоминаний о нем: Экология культуры: К 110-летию со дня рождения Д. С. Лихачева (28.11.1906—30.09.1999) / ред. А. Г. Назаров. — М.: URSS, 2016. — 320 с.

гентские силы и средства, затрачиваемые на получение образования, оставались на месте» [6, с. 30].

Такой же заботой о сохранении интеллектуального потенциала Беларуси был проникнут и доклад коллеги Е. Ф. Карского по открытому в июне 1918 г. в Москве Белорусскому научно-культурному обществу — профессора М. К. Любавского — с которым тот выступал на первом заседании общества 1(14) июля 1918 г. Завершая доклад, бывший ректор императорского Московского университета, в частности, говорил: «... никакое совершенствование жизни, никакой прогресс невозможен для страны и племени, если все живые и творческие силы его будут уходить на сторону, не будут работать дома, на местах, если всегда будут смотреть на сторону, стремиться туда, где живется веселее и радостнее, чем в тихой, серой и заплаканной родине» [4, с. 23].

Создававшийся в условиях только что заключенного в Риге мирного договора с Польшей, университет призван был сыграть еще и важную консолидирующую роль в деле воссоединения в едином государстве оказавшегося разделенным белорусского народа. На это обстоятельство указывал ректор В. И. Пичета, выступая на заседании Совета университета по случаю второй годовщины со дня его открытия: «За эти два года университет сыграл роль крупного социального фактора и занял подобающее ему место, как научно-культурный центр Белоруссии, и не только Советской, но всей этнографической Белоруссии. Загородная белорусская молодежь, лишенная своего национального университета, жадно тянется к Белорусскому государственному университету. Отсюда его не только культурное значение, но и *политическое* [здесь и далее выделено мною. — М. Ш.], так как своим существованием он неизбежно *будет способствовать объединению белорусских земель*» [7, с. 125].

Значительный вклад в дело создания Белорусского государственного университета внес выдающийся ученый-филолог, основатель белорусоведения, первым среди белорусов удостоившийся высокого звания действительного члена Российской академии наук Е. Ф. Карский*. К сожалению, его заслуги в развитии науки и культуры Беларуси лишь в последнее время получают должное признание со стороны земляков выдающегося ученого. Так, в 2015 г. его именем названа одна из новых улиц в микрорайоне «Сухарево» белорусской столицы. Правда, и здесь не обошлось без своего рода «горчинки», смысл которой способен уловить лишь сведущий в истории науки человек. Дело в том, что улица носит имя академика Е. Ф. Карского, действительно в 1916 г. ставшего академиком Петроградской (Российской) академии наук, но так и не ставшего академиком Белорусской академии наук, к созданию которой, равно как и Белорусского государственного университета, он приложил так много усилий. Как тут не вспомнить присловье об отсутствии пророка в собственном Отечестве!

* Подр. об этом см.: К вопросу о роли академика Е. Ф. Карского в создании Белорусского государственного университета // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. — Брянск: РИО Брянского гос. университета, 2016. — Вып. 18. — С. 115—137.

В 1917 г. доктор русского языка и словесности Е. Ф. Карский был едва ли не самым известным в научном мире России белорусом. Еще бы: ученого только что избрали действительным членом Академии наук; за его плечами было пятилетнее ректорство (1905—1910) в императорском Варшавском университете. Однако наибольшую известность Карскому на его «малой родине» принесли занятия белорусоведением.

Увидевшая в 1903 г. свет его книга «Белорусь», равно как и другие работы ученого по белорусской филологии, «открыли, — по словам председателя Инбелкульта С. М. Некрашевича, — белорусский народ всему просвещенному миру» [8, л. 4].

«Я весь нахожусь под обаянием Вашей чудесной книги, недостаток в которой давно всеми нами испытывался, — писал ему в конце декабря 1903 г. известный белорусский этнограф Е. Р. Романов. — Она по всей справедливости должна быть настольной книгой во всякой образованной белорусской семье» [9, л. 14—15].

Переехавший летом 1918 г. из Петрограда в Минск Е. Ф. Карский в качестве председателя комиссии по организации университета продолжил здесь свои занятия, начатые, как выше отмечалось, еще в декабре 1917 г., сочетая их с научной деятельностью в области этнографии, филологии, литературоведения. Немецкие оккупационные власти не препятствовали этому, хотя и не оказывали никакой материальной поддержки.

Тем не менее, сделано было немало, ибо в противном случае трудно объяснить возможность принятия высшим законодательным органом советской Беларуси буквально через два месяца после ее провозглашения декрета «О создании Белорусского государственного университета в г. Минске» [2], подписанного 25 февраля 1919 г. и ставшего правовой основой для начала работы университета в октябре 1921 г.

С занятием польскими войсками Минска работа возглавляемой Е. Ф. Карским Университетской комиссии не прекратилась, хотя по известным причинам она приобрела ограниченный характер.

Летом 1920 г. начинается новый этап в деятельности Е. Ф. Карского по созданию Белорусского университета. 11 августа 1920 г., т. е. ровно через месяц после освобождения Минска от польских войск, ученый во главе Университетской комиссии выезжает в Москву с целью установления контактов с продолжавшей там действовать, как он полагал, «главной Московской комиссией по открытию университета в Минске», привлечения в создаваемый университет профессорско-преподавательских кадров. Однако по приезду в Москву выяснилось, что его оптимистичные прогнозы не оправдались: созданная в прошлом году комиссия летом того же года прекратила свое существование, и ее предстояло создавать заново. В результате переговоров и обсуждения ряда вопросов организационно-правового характера 18 августа 1920 г. было принято решение об учреждении в Москве Комиссии по организации университета в Минске,

включив в нее наряду с Е. Ф. Карским и В. И. Пичету, вскоре назначенного ректором БГУ.

Главная проблема, с которой пришлось столкнуться утвержденному 9 июля 1921 г. Наркомпросом Беларуси Правлению университета во главе с В. И. Пичетой (в его состав вошли также нарком просвещения республики В. М. Игнатовский, заместитель наркома М. Я. Фрумкина и профессор Ф. Ф. Турук), была проблема кадров.

Как признавал впоследствии В. И. Пичета, его обращения к работавшим в РСФСР профессорам-белорусам с просьбой дать согласие на переезд в Минск или хотя бы на чтение лекций в университете не имели успеха; новому университету не слишком доверяли. Мешало также пограничное положение Минска и слухи о неизбежной войне с Польшей. «Не будучи белорусом, — отмечал он, — я не был знаком с ними [белорусскими деятелями. — *М. III.*] до 1921 г. Впервые столкнулся в Москве, когда после заключения Рижского мира была открыта комиссия по подготовке открытия университета в Минске, куда я был приглашен в качестве члена комиссии зам. наркомпроса БССР т. М. Я. Фрумкиной и зав. Главпрофобротом РСФСР О. Ю. Шмидтом. В комиссии принимал также участие петербургский работник З. С. Гринберг-партиец» [7, с. 277].

Другое дело — академик Е. Ф. Карский, который своим высоким научным авторитетом гарантировал серьезность и надежность мероприятия, в котором участвовал, имея в виду создаваемый в Минске университет. И уже с началом работы последнего к нему, как авторитетному ученому и опытному организатору в сфере высшей школы, которому верили его коллеги и ученики, продолжали обращаться руководители БГУ с просьбами «порекомендовать», «угорворить», «убедить» тех, в ком был заинтересован молодой белорусский университет.

Сообщая в ноябре 1925 г. Е. Ф. Карскому о вынужденных занятиях административной работой по замещению должности председателя Главпрофобра Беларуси, председатель созданного в 1922 г. высшего научного учреждения республики — Института белорусской культуры — С. М. Некрашевич писал: «Если и сделал полезное дело (в научном смысле), так это наладил работу по собиранию материалов для белорусского словаря. . . Также считаю очень полезным делом по своей специальности — это содействие в назначении и переезде в Минск проф. Бузука (из Одессы). Хотя, впрочем, он передавал, что мысль о переезде в Минск впервые ему подали Вы [выделено мною. — *М. III.*]» [8, л. 7].

Сам же Е. Ф. Карский, отказавшись занять предлагавшуюся ему С. М. Некрашевичем должность председателя Инбелкульта, но пообещав оказывать содействие этому молодому научному учреждению республики, исполнял данные обещания. К нему за оказанием методической и практической помощи обратились декан факультета общественных наук В. М. Игнатовский, возглавивший открытый осенью 1922 г. педагогический факультет, вышеупомянутый С. М. Некрашевич и др.

Летом 1922 г. В. М. Игнатовский попросил академика прочитать в будущем учебном году курсы лекций по русскому, белорусскому и церковнославянскому языкам и русской диалектологии, приезжая для этого в Минск на один месяц в течение каждого семестра. Сообщая тогда же Е. Ф. Карскому о введении в университете преподавания белорусского языка на всех факультетах, С. М. Некрашевич, которому поручено преподавание на медицинском, чувствуя себя недостаточно готовым к этому, просит академика помочь советом относительно объема преподавания, подсказать литературу для этого и т. п.

С открытием педагогического факультета Е. Ф. Карского приглашают на кафедру белорусской литературы и фольклора. В августе 1924 г. С. М. Некрашевич пишет Е. Ф. Карскому в Ленинград, что его ждут в Минске сотни студентов Белорусского государственного университета: «Пришло время, когда Ваша работа в Минске становится крайне необходимой. . . Поэтому разрешите Вас просить по поручению Наркомпроса занять должность профессора Белорусского государственного университета по кафедре истории белорусского языка и штатную должность действительного члена Института белорусской культуры. Материальные условия у нас приличные. Квартиру Наркомпрос гарантирует. О Вашем согласии будьте любезны поставить Наркомпрос в известность. Если бы по каким-нибудь причинам Вы окончательно переехать в Минск не смогли, то тогда желательно Вас видеть в Минске наездами» [8, л. 4—5]. К сожалению, чрезвычайно занятой делами Академии наук Е. Ф. Карский не смог воспользоваться приглашением белорусского Наркомпроса, хотя, как уже отмечалось, продолжал по мере своих сил и возможностей оказывать содействие в работе и БГУ, и Инбелкульта (после 1928 г. — Белорусская академия наук).

Включившись в формирование экологии культуры, университет принимал активное участие в собирании и спасении культурных ценностей (книжных, музейных, архивных), закладывая таким образом основы для создания ныне существующих в республике сети библиотечных, музейных, архивных учреждений. На состоявшемся 18 марта 1922 г., в годовщину подписания Рижского мирного договора, заседании Совета БГУ с докладом «О возврате Польше культурных ценностей, вывезенных из ее пределов в XVIII в. (с января 1772 г.)» выступил В. И. Пичета. В деталях обрисовав крайне неблагоприятную для белорусских архивов ситуацию, связанную с последствиями реализации соответствующей статьи договора, он призвал коллег поднять свой голос в их защиту.

В принятой резолюции подчеркивалось, что Совет БГУ, признавая необходимым удовлетворить национальные интересы польского народа, пострадавшего от совершенного над ним в XVIII в. насилия, «одновременно протестует против домогательств представителей польского правительства на выдачу таких культурных ценностей, которые, хотя и были вывезены из Польши, но в настоящее время являются достоянием всемирной культуры. . . или по своему составу и языку представляют основные источники и памятники не польского

происхождения и имеют ближайшее отношение к истории и культуре белорусского и других народов, ныне в своей значительной части не входящих в состав польского государства» [6, с. 127]. Речь шла в первую очередь о Литовской Метрике, на которую одновременно претендовали не только западные (Польша), но и северные (Литва) соседи Беларуси.

Переехавший летом 1925 г. из Баку в Минск и занявший должность профессора в университете, историк М. В. Довнар-Запольский имел самое непосредственное отношение к решению вопросов реституционного характера в сфере архивов. В октябре этого же года он на правах заместителя председателя созданной Наркомпросом республики комиссии по выявлению белорусских архивных материалов, находившихся в архивах России, вошел в состав последней (председателем являлся руководитель Центрархива Д. Ф. Жилунович). Занимаемая ученым бескомпромиссная позиция в деле отстаивания прав на передачу белорусской стороне многих архивных собраний приводила порой к конфликтам с российскими коллегами, что в свою очередь выливалось в форму принятия резких заявлений, экспертных заключений и т. п.

Создание Белорусского университета следует рассматривать как результат поистине героических усилий многих лиц, для которых само понятие «университет» было не пустым звуком. В отличие от соседних республик, прежде всего России и Украины, в которых университеты существовали с 1755 г. (в первой) и с 1834 г. (во второй), Беларусь не имела таких традиций. Правильнее будет сказать, эти традиции, восходившие к Виленской иезуитской академии, открытой по распоряжению Стефана Батория в XVI в., а также Виленскому университету, просуществовавшему в течение трех десятилетий и закрытому в 1832 г., были утрачены. Попытки же напомнить о них в условиях советской действительности вызывали однозначно негативную реакцию со стороны национальных нигилистов в лице партийных руководителей БССР как в довоенные (В. Г. Кнорин), так и в послевоенные (П. К. Пономаренко) годы. Это особенно заметно на примере работ В. И. Пичеты, посвященных истории Белорусского государственного университета.

Заметим, что Белорусский университет даже в «досоветский» период замыслился как краевое, но не национальное высшее учебное заведение. В этом отношении показательны совещание его организаторов, состоявшееся 6 июня 1918 г. под руководством народного секретаря просвещения БНР А. А. Смолитча. Открывая его, председатель, исходя из реальной ситуации, обусловленной проблемой с профессорско-преподавательскими кадрами, справедливо полагал, что первые годы преподавание в университете будет вестись не только на белорусском, но и на русском и польском языках. Поддерживавшая его М. Я. Фрумкина считала, что «чыста беларускі нацыянальны ўніверсітэт — ня самая удача, а краёвы ўніверсітэт — самая патрэбная цяпер на Беларусі школа». И даже участвовавшие в заседании Я. Лёсик и Р. Земкевич, выступавшие за белорусский национальный университет, тем не менее в заключение

вынуждены были признать: «Можга калі будзіць у ім выкладацца навука толькі па-беларуску, але цяпер ніхай і па-іншаму, абы выкладалася найперш тое, што для беларускай ідэі пільней патрэбна» [5, л. 479—482].

Разумеется, все эти вопросы не могли не возникнуть и в условиях белорусской советской государственности. Предложение В. И. Пичеты включить в структуру университета создававшийся Инбелкульт вызвало возражение со стороны прежде всего национально ориентированной Коллегии научно-литературного отдела Наркомпроса, в состав которой входили Я. Купала, Я. Колас, Д. Жилунович, С. Некрашевич и др. Свою позицию Коллегия выразила в принятой по этому поводу резолюции, в которой говорилось: «Выходзячы з таго, што Инбелкульт, пасколькі ён будзе пабудаваны пры Дзяржаўным ўніверсітэце — расадніку чыста расейскай культуры, ні ў якім выпадку не будзе беларускай інстытуцыяй і прытым чыста акадэмічнай арганізацыяй, тады як маладой беларускай культуры патрэбен Инбелкульт як творчая ініцыятыўная лабараторыя беларускай культуры — прызнаць, што Инбелкульт павінен быць адчынены як найхутчэй і ніяк ні пры ўніверсітэце, а як самастойная пры Наркамасвеце інстытуцыя, злучаючая ўсе творчыя белар[ускія] наву[овыя], літарат[урныя] і мастацкія сілы» [3, с. 18]. В дальнейшем это своеобразное «противостояние» между Инбелкультуром (Белорусской академией наук) и Белорусским государственным университетом проявится в отношениях между этими двумя институциями, особенно в период проведения белорусизации в республике.

Как писал уже в наше время академик Р. Горещкий: «У навуцы і культуры галоўным цэнтрам беларускага напрамку быў Инбелкульт... Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (рэктар У. І. Пічэта) фармальна як быццам падтрымліваў палітыку беларусізацыі, але яго кіраўніцтва па сутнасці стаяла таксама на антыбеларускіх пазіцыях. Паколькі афіцыйны курс улад рэспублікі быў накіраваны на беларусізацыю, барацьба супраць яе ў Беларускай інстытуце сельскай гаспадаркі і БДУ часта мела скрыты, непрыкметны характар і адзначалася ў змяншэнні колькасці супрацоўнікаў з ліку «шчырых беларусаў» шляхам змяншэння гадзін лекцый, а адсоль і зарплаты і г. д.» [1, с. 121—122].

Допуская и понимая излишнюю категоричность оценки ученого, чьи отец и дядя — видные деятели белорусского Возрождения — были необоснованно репрессированы тоталитарным режимом, вместе с тем нельзя не согласиться с тем, что Белорусский университет, в отличие от Инбелкульт, действительно занимал более «интернационалистскую» позицию. Оценивая ее через призму личностей профессоров, Н. Н. Улащик, бывший во второй половине 1920-х гг. студентом социально-исторического отделения педагогического факультета и ставший затем известным историком, отмечал: «Выразнаю фігураю... быў І. А. Сербай. Паходзячы, здаецца, з сям'я з пад Быхава, вядомы як этнограф (археалаг ён быў кепскі) у такой ступені быў проці [идеи Возрождения], што нават пасяя рэвалюцыі, калі яму, няведама за што далі чын прафесара, ніколі не згаджаўся хоць што небудзь, хоць адзін сказ сказаць па беларуску, бо гэта была [на ягоную думку? —

М. III.] прафанацыя навукі ці культуры наогул. Калі нават С. З. Каленбоген, бабруйскі яўрэй, прарэктар універсітэту, час ад часу канчаў прамову фразою, сказанаю па-беларуску, Сэрбаў на гэта ня ішоў ніколі. Пра філосафа Вальфсона, зразумела, гаварыць ня трэба: у гэтым ён быў цалкам згодзен з Сэрбавым» [10, с. 220].

Развернувшаяся в конце 1920-х — начале 1930-х гг. кампания по борьбе с так называемым национал-демократизмом затронула в университете всех — и «националистов», и «интернационалистов», начиная с В. И. Пичеты, сперва отстраненного от должности ректора, а затем арестованного по надуманному обвинению.

Учиненный в республике разгром преимущественно гуманитарной интеллигенции, среди которой значительную часть составлял профессорский корпус университета, имел далеко идущие негативные последствия для дальнейшего развития научных школ и направлений, начавших формироваться благодаря представителям этого корпуса или с их участием (В. И. Пичета, М. В. Довнар-Запольский — в историографии; И. И. Замотин, М. Н. Пиотухович, И. Ю. Лёсик — в литературоведении и текстологии; Н. Н. Щекотихин — в искусствоведении и др.). Те же ученые из когорты профессоров университета первого призыва, кого репрессии обошли стороной (историки Н. М. Никольский, В. Н. Перцев, географ М. Н. Смирнов, химик Н. А. Прилежаев и др.), продолжают научно-педагогическую и организаторскую деятельность в республике, возглавляя университетские факультеты и кафедры, академические институты и отделения в непростое предвоенное время и в годы военного лихолетья.

Источники и литература

1. Гарэцкі, Р. Ахвярую сваім «я» ... (Максім і Гаўрыла Гарэцкія). — Мінск: Беларуская навука, 1998.
2. Звезда. — 1919. — 1 марта.
3. Інстытут беларускай культуры 1922—1928: дакументы і матэрыялы / В. У. Скалабан, М. В. Токараў. — Мінск: Беларуская навука, 2011. — 257 с.
4. Любавский, М. К. Основные моменты истории Белоруссии: Доклад, читанный на первом публичном заседании Белорусского научно-культурного общества в Москве 1(14) июля 1918 года. — М.: Тип. А. П. Яроцкого, Остоженка, Молочный пер., д. 10, 1918.
5. НАРБ. — Ф. 604. — Оп. 1. — Д. 3.
6. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921—1941 / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. — Мінск: БДУ, 2006. — 383 с.
7. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. — Мінск: БДУ, 2011. — 375 с.
8. СІБФ АРАН. — Ф. 292. — Оп. 2. — Д. 99.
9. Там жа. — Д. 124.
10. Улашчык Мікалай. Думкі пра мінулае і сучаснае (3 рукапіснай спадчыны) / публ. А. М. Улашчыка // Скарыніч: Літ.-наук. гадавік. Вып. 4. — Мінск: Беларускі кнігазбор, 1999. — С. 216—223.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15.01.2017

Е. А. Макаренко,
заведуючай аддзелам інфармацыйна-поісковых сістэм
Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь;
e-mail: e.makarenko@narb.by

ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНО-СПРАВОЧНОГО АППАРАТА БЫВШЕГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ПАРТИЙНОГО АРХИВА (ЦПА) КРБ В ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВУЮ СИСТЕМУ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 1991 г. № 489 «О передаче имущества КРБ — КРСС в собственность республики и административно-территориальных образований (коммунальную собственность)» центральный и местные архивы КРБ передавались в ведение Главного архивного управления (Главархива) Республики Беларусь [11, л. 1—2об]. Приказом последнего от 9 января 1992 г. № 3 была создана Комиссия по приему-передаче документов бывшего ЦПА КРБ, текущего архива и делопроизводства ЦК КРБ [10, л. 4—5], которая завершила свою деятельность в сентябре 1992 г. В соответствии с актом приема-передачи от 7 сентября 1992 г. на постоянное хранение в госархивы было передано 386 тыс. фондов, 909 436 дел, 314 роликов микрофильмов, 5163 микрофиш страхового фонда, 10 919 копий документов на диазопленке; учетных документов — 6169 описей дел в 2-х экземплярах, 3896 карточек фондов, 573 дел фондов, 12 книг фондов, 10 книг поступлений, 3 книги выбытия документов, 2 реестра описей, 14 книг выдачи дел из хранилищ, 1 опись к микрофильмам, 2 книги заказов на страховое копирование; научно-справочного аппарата — 156 050 карточек систематического каталога, 1 017 829 карточек картотеки персоналий, 3977 карточек алфавитной фондовой картотеки [10, л. 19—21].

Приказом Главархива Республики Беларусь от 10 августа 1992 г. № 13 [10, л. 16—17] на базе Центрального государственного исторического архива и бывшего ЦПА КРБ (последний в соответствии с постановлением ЦК КРБ от 24 сентября 1990 г. был объединен с партийным архивом Минского обкома КРБ [1, с. 44]) были созданы Национальный архив Республики Беларусь, а на основе областных партийных архивов — филиалы государственных архивов Гомельской, Гродненской и Могилевской областей. Документы архивов Брестского и Витебского обкомов КРБ вошли в состав государственных архивов Брестской и Витебской областей.

В июне 1995 г. в связи с передачей документов бывшего ЦПА КРБ Белорусскому государственному архиву (БГА) и реорганизацией последнего в Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) на хранение в архив поступило 233 322 дела. В результате перед архивистами встала задача интегрировать данный информационный ресурс в существующую систему архивных учреждений республики.

В течение десятилетий система партийных архивов развивалась независимо от Государственной архивной службы, по своим собственным правилам. Характерными ее чертами являлись почти абсолютная закрытость от общества, строгая иерархичность и функционирование по определенным для каждого уровня правилам, четкая исполнительская дисциплина.

Нацеленность на обслуживание узкого круга лиц наложила свой отпечаток и на научно-справочный аппарат (далее — НСА) партийных архивов, оказавшийся не в состоянии качественно выполнять задачу информационного обслуживания потребителя. В этой связи, в июне 1993 г. Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь (Белкомархив) создал рабочую комиссию для разработки программы усовершенствования учета и НСА к документам НАРБ, которую возглавил заместитель председателя Белкомархива Э. М. Савицкий [17, л. 92]. В течение 1993 г. изучалась история зарождения и развития партийных архивов, их нормативно-методическая база, выявлялись элементы НСА, которые нуждались в совершенствовании. Кроме того, Белкомархивом было подготовлено и направлено в бывшие партийные архивы письмо «Об учете и НСА к документам бывших партийных архивов» от 10 августа 1993 г. № 4/1-307 с предложениями по дальнейшей интеграции данного информационного ресурса в соответствии с правилами работы государственных архивов [17, л. 105]. В результате было выявлено, что во всех бывших партархивах хранится много малообъемных фондов, насчитывающих в своем составе от 1 до 10—15 дел. По комплексу ЦПА это фонды партийных и комсомольских органов, подпольных и партизанских формирований периода Великой Отечественной войны; по комплексам партархивов обкомов — фонды ликвидированных первичных партийных организаций, политотделов МТС, волисполкомов и т. д. Вместе с тем, отмечалось и наличие большого количества описей, т. е. ежегодно каждое структурное подразделение крупного фондообразователя (например, отделы ЦК и обкомов) сдавало документы в партархив по новым описям, а каждый райком и горком — по двум новым описям: общего делопроизводства и по личному составу.

В бывших партийных архивах наблюдалось существенное различие в количестве экземпляров описей. Описи в трех экземплярах имелись в единичных случаях, т. е. Правила работы партийных архивов обкомов, крайкомов партии, институтов истории партии — филиалов ИМЛ при ЦК КПСС [31] предусматривали обязательное составление только двух экземпляров.

Анализ описей документов бывших партийных архивов показал, что немногие описи дел имели развернутые заголовки, раскрывающие состав и содержание документов. В них часто отсутствовали названия видов документов и их крайние даты, имена корреспондентов и авторов. Почти все описи имели итоговые записи, типичным недостатком которых являлось обозначение общего количества включенных в опись дел без указания первых и последних номеров, а также отсутствие отметок об изменениях, связанных с движением дел.

подавляющее большинство описей не имели полноценного справочного аппарата — титульных листов, оглавлений, предисловий, списков сокращенных слов и др. [17, л. 112—115].

Отсутствие деления фондов на категории и дифференцированного подхода к описанию документов в бывших партийных архивах привело к отсутствию единства при выборе методики описания и внутрифондовой систематизации документов одного уровня значимости и как следствие несоответствие информационной полноты описательных статей и состава справочного аппарата к описям однородных фондов. Нередки были случаи, когда приемы описания наиболее значимых фондов необоснованно переносились на менее значимые фонды. В этой связи, 29 октября 1993 г. на заседании коллегии Белкомархива было принято решение о необходимости проведения категорирования фондов с целью определения их научной и практической ценности, очередности тематической разработки и создания на базе малообъемных фондов объединенных архивных фондов (ОАФ) и коллекций; проведения комплекса работ по усовершенствованию и переработке фондов первой и второй категорий [15, л. 179—183].

В НАРБ была разработана методика категорирования фондов, основными критериями которой являлись: масштаб деятельности фондообразователя, научно-историческая ценность и информационное содержание фонда, характер и интенсивность использования документов фонда, полнота сохранности документов. Вместе с тем, последние два условия не всегда являлись решающими при определении категорированности, так как документы многих фондов использовались редко из-за ограниченности допуска к ним, а также несовершенного НСА. Что касается полноты сохранности документов, то по многим фондам она не велика, тем не менее, учитывалась значимость фондообразователя и особенности исторического периода, в котором он действовал, поэтому фонду присваивалась более высокая категория.

К первой категории были отнесены фонды, содержащие наиболее ценную в научном отношении многоаспектную, разноплановую документную информацию. Многие из этих фондов значительны по объему и документы некоторых из них широко используются. В основном это фонды республиканского значения.

Вторую категорию составили фонды, хранящие информацию, ограниченную рамками одного направления деятельности или отдельной отраслью этого направления и при этом не менее используемые.

Третья категория была присвоена фондам с менее ценными, ограниченными рамками одного вопроса или темы документами, и используемым в основном в справочных целях.

В результате фонды были разделены на категории, и была установлена очередность проведения работы с ними. Исходя из категорированности, определя-

лись и направления по качественному улучшению описей. В этой связи архивом проводились следующие виды работ:

переработка описей, предполагающая комплекс работ, связанных с составлением новой описи взамен ранее действовавшей, не отвечающей требованиям учета и поиска документов. В результате проводилась экспертиза и уточнение фондовой принадлежности документов, пересоставлялись или уточнялись заголовки дел, определялись или уточнялись крайние даты дел, проводилась их пересистематизация и перешифровка. При завершении переработки описей составлялись переводные таблицы;

усовершенствование с редактированием заголовков дел (без их пересистематизации) и составлением недостающих элементов научно-справочного аппарата (наиболее преобладающий способ);

усовершенствование (без редактирования заголовков дел) путем составления недостающих элементов научно-справочного аппарата.

Существенным отличием НСА бывших партархивов от государственных было и то, что в них отсутствовали путеводители, а каталоги как межфондовые справочники не получили значительного развития. Вместе с тем в бывших партийных архивах были созданы небольшие систематические, предметно-тематические и именные каталоги, а также персональные (алфавитные) картотеки, содержащие общие сведения о лицах, зафиксированных в протокольных записях заседаний парторганов.

Систематические каталоги бывших партийных архивов создавались на основе Примерной схемы классификации документальных материалов партийных архивов — филиалов ИМЛ при ЦК КПСС, крайкомов и обкомов партии [29]. В соответствии с методикой организации и составления данного каталога предусматривалось, что единый систематический каталог партийного архива должен создаваться только на основе документов фондов партийных органов и некоторых наиболее крупных партийных организаций, и только по разделам, темам и подтемам классификатора [29, с. 21—22].

В НАРБ вместе с документальным комплексом бывшего ЦПА КПБ были переданы систематический каталог по документам фонда № 4п «ЦК КПБ», созданный на основе классификатора, разработанного для партийных архивов, а также вспомогательные справочные картотеки на участников партизанского и подпольного движения в годы Великой Отечественной войны; членов КПЗБ; делегатов съездов КПБ и ЛКСМБ; секретарей парторганов Минской области, лиц, проходивших по протоколам заседаний бюро и секретариатов партийных и комсомольских органов, личных и персональных дел членов КПБ, участников партизанского движения в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. В 1999 г. Государственным комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь были разработаны Методические рекомендации по каталогизации документов бывших партархивов, предназначенные для работников государственных архивов, занимающихся каталогизацией документов бывших

партархивов. Вместе с тем в НАРБ данный вид работы не проводился, т. к. осуществлялась переработка фонда № 4п «ЦК КПБ».

В соответствии с приказом Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 30 июня 2006 г. № 31 в НАРБ была проведена ревизия каталогов и картотек бывшего Партийного архива. Анализ карточек систематического каталога выявил их основные недостатки: неполное или неточное описание содержания документа, нарушение последовательности изложения информации, отсутствие системы отсылок в разделе «Л» «Видные работники партийных организаций» с именным каталогом, созданным на основе личных и персональных дел членов КПБ.

Именные картотеки составлены по документам фондов № 4п «ЦК КПБ», № 15п «Партколлегия Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по БССР», № 60п «Институт истории партии при ЦК КП(б)Б», № 63п «ЦК ЛКСМБ», № 1450 «БШПД», а также фондов, переданных в Минский областной архив. Вместе с тем их использование затруднялось из-за полного или частичного отсутствия архивных шифров, а также необходимых справочных элементов, таких как фамилия, имя, отчество, должность, дата события. В результате на заседании дирекции архива было принято решение оставить их без изменения для служебного пользования [27, л. 34].

Специфическим видом НСА, характерным для бывших партийных архивов всех уровней, являлись перечни вопросов, рассмотренных на пленумах, заседаниях бюро и секретариата партийных и комсомольских органов — от ЦК КПБ и ЦК ЛКСМБ до горкомов партии и комсомола. Перечни вопросов составлялись согласно Правилам работы партийных архивов [31] и предназначались для раскрытия содержания дел с «глухими» заголовками. Они имели вид машинописных переплетенных книг, создаваемых в делопроизводстве организаций и учреждений и ежегодно передававшихся вместе с делами и описями в архивы. По сути, перечни вопросов являются указателями к описям, раскрывающими содержание дел и повышающими их информативность. В НАРБ имеются перечни вопросов, рассмотренных на заседаниях Бюро ЦК КПБ в количестве 62 томов за 1918—1991 гг., Секретариата ЦК КПБ — 65 томов за 1924—1991 гг. и Бюро ЦК ЛКСМБ — 38 томов за 1946—1969, 1971—1978, 1980—1982 гг.

В соответствии с Правилами работы партийных архивов обкомов, райкомов партии, институтов истории партии — филиалов ИМЛ при ЦК КПСС было предусмотрено составление только обзоров документов фондов. Вместе с тем данный элемент НСА в бывших партийных архивах не получил широкого распространения, и на хранение в НАРБ они не поступили [24, л. 4—5].

Закрытость большинства документов Архивного фонда КПСС делала невозможным создание по ним справочников. После включения бывших партийных архивов в состав Национального архивного фонда (НАФ) Республики Беларусь НАРБ принял активное участие в подготовке межархивных справоч-

ников о фондах бывших партийных архивов КПБ [32; 33] и по истории Великой Отечественной войны [4].

Достаточно сложное положение в архивах оказалось и с учетом документов. Если госархивы вели 15—16 учетных форм, не считая вспомогательных, то бывшие партархивы — только 6 (книги поступлений, списки фондов, карточки фондов, дела фондов (только на наиболее крупные) и паспорта). Ситуация с учетом осложнялась и тем, что в облгосархивах, в состав которых вошли и бывшие партархивы на правах отделов, единого учета не велось. Он осуществлялся отдельно по каждому из составляющих комплексов, в результате чего разные фонды объединившихся архивов имели одинаковые номера.

В БГА учет велся автономно по каждому из комплексов документов бывших партархивов Института истории партии (ИИП) при ЦК КПБ и Минского обкома КПБ. По списку фондов бывшего Партархива ИИП при ЦК КПБ были учтены фонды с № 1 по № 4954, по списку фондов бывшего партархива Минского обкома КПБ — с № 1 по № 11 456. В результате передачи документов в другие архивы и экспертизы ценности документов в первом комплексе на сентябрь 1993 г. числилось 743 фонда, во втором — 3178. Освободившиеся номера оставались незанятыми, загромождая учет. В архиве велись карточки фондов, дела фондов (на основные фонды), перечень фондов комплекса бывшего партархива Минского обкома, номера которых совпадали с номерами комплексов бывшего Партархива ИИП при ЦК КПБ. В результате была проведена перешифровка документов — к номеру фонда партархива обкома добавлялась буква «А». Такое положение дел в организации учета продолжалось до июня 1995 г., когда приказом Белкомархива БГА был реорганизован в НАРБ с передачей ему комплекса документов бывшего ЦПА [19, л. 25—26]. Этим же приказом отделу по архивам и делопроизводству Минского облисполкома было рекомендовано организовать на базе документов бывшего партархива Минского обкома КПБ филиал Государственного архива Минской области. Вместе с тем эта рекомендация о создании филиала не была реализована и документы Минского обкома КПБ, входившие в состав ЦПА, за исключением 349 фондов первичных партийных и комсомольских организаций республиканского значения профиля НАРБ [23, л. 7], в июне 1996 г. были переданы в состав Госархива Минской области.

НАРБ продолжил работу по интеграции учета дел бывшего Партархива в систему государственного учета путем выбытия фондов из списка фондов бывшего Партархива и вливанием их в список фондов бывшего БГА и созданием единого списка фондов НАРБ. Так, список фондов бывшего Партархива на 1 января 1996 г. насчитывал 1068 фондов, 293 642 дела (с № 4 по № 11 493), а список фондов бывшего БГА — 1103 фонда, 588 318 дел (с № 1 по № 1323) [21, л. 45—50].

В соответствии с решением коллегии Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (Госкомархива) от 4 января

1997 г. «О научно-справочном аппарате к документам бывших партийных архивов» [23, л. 17—19] был проведен анализ состояния учета и НСА присоединенного партийного комплекса и составлен план мероприятий по ее реализации. В нем в полной мере отражалась организационно-методическая и практическая работа по созданию единого централизованного учета НАРБ, присоединению фондов первичных партийных и комсомольских организаций к фондам организаций, при которых они действовали, ликвидации малообъемных и разрозненных фондов и созданию на их базе ОАФ и коллекций документов с частичной переработкой и усовершенствованием описей.

В проведении данной работы принимали участие группа учета, отдел информационно-поисковых систем и отдел документов Великой Отечественной войны.

Группа учета документов НАРБ обеспечила присоединение фондов первичных партийных и комсомольских организаций к фондам организаций, при которых они действовали, с частичной переработкой и усовершенствованием описей присоединяемых фондов и ликвидацией номеров фондов. При этом пересоставлялись заголовки дел, выявлялись сведения по истории фондообразователей для составления титульных листов к описям, при переработке описей проводилась пересистематизация дел и составлялись переводные таблицы, уточнялись крайние даты документов и количество листов в делах. В 1996—2004 гг. переработаны описи 186 фондов в количестве 23 507 дел и усовершенствованы описи 165 фондов в количестве 6254 дела. Кроме этого, проведена переработка описей фондов политсектора Минсельхоза БССР, политотдела ИТЛК МВД БССР, Минской высшей партийной школы при ЦК КПБ, Минской советско-партийной школы при ЦК КПБ, Высшей Минской коммунистической сельскохозяйственной школы им. В. И. Ленина, Ленинского партийно-учебного городка ЦК КП(б)Б (6 фондов, 6107 дел).

В 1997—2005 гг. были переработаны описи фондов редакций газет и журналов и их первичных партийных организаций и созданы ОАФ редакций газет и журналов за довоенный и послевоенный периоды (объединены 10 фондов), созданы ОАФ «Издательства ЦК КПБ и первичные организации КПБ издательства» (3 фонда), ОАФ организаций еврейской социал-демократической рабочей партии «Полей-Цион» за 1917—1923 гг., ОАФ организаций Всеобщего еврейского рабочего союза «Бунд» на территории Белоруссии за 1917—1921 гг. (4 фонда). Создана коллекция документов РКП(б) и КП(б)Б воинских частей Западного фронта (5 фондов). В результате было объединено 685 фондов и создано 46 ОАФ объемом 12 073 дела [5].

Таким образом, объединив в единый комплекс документы руководящего органа и подчиненных ему организаций, архив создал ОАФ, имеющие более высокую информационную ступень и сохранил «неделимость» документов каждого в отдельности фонда.

Для осуществления учета ОАФ, коллекций и присоединенных фондов, кроме традиционных форм учетных документов (акты переработки описей и об обнаружении дел, технических ошибках в учетных документах, листов фондов и т. д.), в архиве были разработаны новые формы учетных документов: акты об объединении и присоединении фондов, передачи фондов из комплекса документов бывшего Партархива в комплекс документов бывшего Белгосархива.

Поступление (увеличение) фондов и дел проводилось по актам приема-передачи на постоянное хранение, об обнаружении неучтенных дел, технических ошибках, переработки описей (учитывались описи переработанных фондов, присоединенных к фондам самостоятельными делами), расформировании дел.

Выбытие фондов и дел осуществлялось по актам приема-передачи дел в другой государственный архив, о технических ошибках, выделении к уничтожению, объединении фондов и дел*, снятии с учета дел, пути розыска которых исчерпаны, неисправимом повреждении дел, присоединении фондов, передаче фондов из комплекса в комплекс.

В процессе работы по объединению учета партийного и государственного комплексов проводилась ликвидация дублетных (совпавших) номеров фондов путем присоединения их к фондам БГА, создания ОАФ и передачи в другие архивы. Вместе с тем на хранении в НАРБ имеется 10 фондов с одинаковыми номерами. Документы этих фондов широко использовались и включены в процесс научного исследования. В результате было принято решение о включении их в партийный комплекс с добавлением к ним буквы «п».

Работа по объединению двух комплексов документов была завершена составлением Переводной таблицы к фондам бывшего Партархива, в которой отражены сведения о выбытии фондов и новых поисковых данных на уровне фондов, описей и дел.

В связи с объединением комплексов документов БГА и бывшего Партархива ЦК КПБ в НАРБ сконцентрировался значительный массив документов (104 120 ед. хр.), содержащих информацию по истории Беларуси за 1941—1945 гг.

Комплекс документов бывшего ЦПА КПБ по истории Великой Отечественной войны состоял из описей фондов подпольных партийных и комсомольских органов, партийно-комсомольских организаций, партизанских формирований, значительное количество которых составлялось в 1940—50-х гг. Общим недостатком для системы НСА к данным документам являлось низкое качество описания содержания документов в описях фондов. Значительное количество экземпляров описей находилось в рукописном виде, без необходимого справоч-

* Объединялись не только малообъемные фонды, но и малообъемные дела (1—2 листа) подпольных обкомов и райкомов ЛКСМБ с документами о восстановлении и приеме в члены ВЛКСМ: заявления, автобиографии, анкеты, рекомендации, справки-объективки, характеристики (из 1069 дел было сформировано 19 дел).

ного аппарата (отсутствовали историко-архивные справки). По отдельным фондам составлялось большое количество описей. Так, в фонде Белорусского штаба партизанского движения имелось 24 описи. Значительное количество фондов учреждений, однородных по своему целевому назначению, имели в своем составе от 1 до 10 ед. хр. и были, в основном, в рукописном виде. Аналогичные недостатки были присущи и НСА к документам оккупационного периода.

Работники отдела документов Великой Отечественной войны проводили работу по созданию ОАФ на базе малообъемных фондов подпольных, комсомольских и антифашистских органов и организаций. Пересоставлялись заголовки дел, к описям составлялись все элементы справочного аппарата: предисловия, перечни включенных в опись фондов, переводные таблицы, в некоторых случаях — указатели, списки сокращенных слов, оглавления. На базе 662 малообъемных фондов было создано 42 ОАФ подпольных партийных и комсомольских органов, партийно-комсомольских, молодежно-патриотических, антифашистских организаций и групп, партизанских формирований объемом 9587 дел [26].

При создании ОАФ проводился весь комплекс работ, предусмотренных требованиями научно-технической обработки фонда: пересоставлялись заголовки дел, составлялся необходимый НСА (историко-архивная справка, перечень объединяемых фондов, список сокращенных слов, оглавление, титульный лист, переводная таблица, в случае необходимости — указатель). В результате из 696 фондов и 696 описей, прошедших переработку, было создано 60 ОАФ в количестве 51 описи и 10 920 дел [5, л. 18].

Объединение фондов происходило по принципу однородности функций фондообразователей, связанных между собой объектом деятельности и территориально (по областям административно-территориального деления 1941 г.). Вместе с тем из фондов, содержащих документы о деятельности партийного, комсомольского и патриотического подполья, а также антифашистских организаций, целесообразнее было бы создать не ОАФ, а архивные коллекции по областям, т. к. в них включены документы различного происхождения, объединенные по тематическому и объективному признакам. Все фонды подпольных организаций, кроме документов об их деятельности, имеют также документы других фондообразователей более позднего послевоенного периода, подтверждающие существование этих подпольных организаций. Эта специфика формирования документов в дела более соответствует принципам создания архивных коллекций.

Одновременно велась работа по усовершенствованию фондов учреждений и организаций оккупационной администрации и военно-полицейского аппарата, действовавших на территории Белоруссии в 1941—1944 гг. и находившихся до 1995 г. на секретном хранении в БГА. Засекречивание этих документов не способствовало созданию полноценного НСА к фондам оккупационного периода, что препятствовало их введению в научный оборот. В результате

прошли усовершенствование фонды Генерального комиссариата Белоруссии, Борисовского и Минского окружных комиссариатов, Главной железнодорожной дирекции г. Минска и др. Кроме этого, проведена переработка и усовершенствование 17 описей фонда «БШПД» в количестве 7 919 дел*.

Отдел ИПС обеспечивал работу по усовершенствованию описи № 1 на рассекреченные дела фонда «НК РКИ БССР» и переработке описи фонда «Народный секретариат БНР».

В 1994 г. создавались автоматизированные базы данных на погибших и пропавших без вести партизан и подпольщиков Витебской и Минской областей; лиц, депортированных в Германию; конспиративные квартиры Минского антифашистского подполья; рукописные журналы белорусских партизан; участников Минского антифашистского подполья.

В октябре—ноябре 1995 г. в НАРБ был проведен анализ состояния описей на весь комплекс документов фонда ЦК КПБ. Он показал, что поиск информации осложняется наличием большого количества описей (на 102 537 дел 163 описи), качество которых не соответствовало архивным требованиям. Фактически каждая опись включала в себя дела структурного подразделения за один, два или несколько лет. Многие описи составлены на дела за довоенный и послевоенный периоды. Имелись описи дел без указания принадлежности их к структурному подразделению. В большинстве случаев формирование дел не отвечало основным правилам ведения делопроизводства: их заголовки либо совершенно не раскрывали содержание документов, либо раскрывали частично. В результате был составлен перечень описей дел на документы фонда ЦК КПБ за 1919—1991 гг. и хронологический указатель к ним. Было установлено, что за довоенный период (1917—1941 гг.) в фонде значилось 27 147 дел, которые проходили по 46 описям, и за послевоенный период (1941—1991 гг.) — 75 051 дело, включенное в 125 описей.

Учитывая состояние описей фонда ЦК КПБ, на расширенном заседании дирекции архива 20 марта 1996 г. было принято решение начать их переработку [25, л. 27]. В процессе работы уточнялись данные по истории фондообразователя, фондовая и структурная принадлежность дел, пересоставлялись заголовки к ним. Затем встал вопрос о принципе систематизации дел. В результате было принято решение на весь комплекс документов фонда за довоенный период создать две описи: в первую включить документы общего делопроизводства, во вторую — дела по приему, исключению, восстановлению в партии, выдаче партийных документов, дела по утверждению в должности номенклатурных работников, оформлению приема на работу сотрудников и административно-технического персонала ЦК КП(б)Б. В результате за период 1998—2006 гг. работниками отдела была проведена переработка описей фонда ЦК КП(б)Б за довоенный период в количестве 24 961 дела. Составлены описи № 1, 2 (титуль-

* 16 описей, 7501 дело усовершенствовано и 1 опись, 418 дел переработаны.

ные листы, оглавления, историко-архивная справка, список сокращений, переводные таблицы), и начата работа по переработке описей фонда за военный и послевоенный периоды.

В 2007 г. переработанная опись № 1 была опубликована под названием «Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, 1918—1941 гг.» фонда № 4п, и на сегодняшний день она пользуется большой популярностью у исследователей и работников архива [34].

В настоящее время в архиве продолжается переработка описей фонда ЦК КПБ за 1941—1991 гг. Пересоставлено 77 667 заголовков дел (из них 35 296 дел — управленческой документации и 42 371 — по личному составу). Подготовлены описи персональных, личных дел работников аппарата и административно-технического персонала ЦК КПБ, номенклатурных работников, личных дел о приеме в члены и кандидаты в члены партии, выдаче партийных документов, составлены переводные таблицы к ним [6, С. 111].

Таким образом, за период 1996—2016 гг. усовершенствованию и переработке подверглись 349 фондов, 460 описей, 59 609 дел «государственного комплекса» [5, л. 17] и 4 фонда, 8 описей, 67 452 дела «партийного комплекса» НАРБ [5, л. 19].

Эффективность функционирования НСА к документам НАФ Республики Беларусь напрямую зависит от качества составления архивных справочников. Важным условием правильной организации и качественного проведения работы по усовершенствованию и переработке описей является их методическое обеспечение. В результате, исходя из практической необходимости, архивом были разработаны методические пособия по усовершенствованию описей конкретных фондов, а также отдельным видам работ, связанных с усовершенствованием и переработкой описей: Памятка по созданию объединенных архивных фондов из документов партизанских формирований, действовавших на временно оккупированной территории Белоруссии (1941—1944 гг.) (1998); Памятка по созданию объединенных архивных фондов из документов партизанских штабов, бригад, отрядов, действовавших на временно оккупированной территории Белоруссии 1941—1944 гг. (2002); Рабочая инструкция по усовершенствованию научно-технической обработки документов фонда «Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) 1942—1944 гг.» (2004); Схемы систематизации дел фонда № 4п «ЦК КПБ» за 1918—1941 и 1941—1991 гг. (1999, 2015) и др.

Изучение состояния НСА к документам бывших партийных архивов показало, что автономное существование партийных архивов не способствовало формированию системы НСА. Можно говорить только о наличии отдельных типов и видов архивных справочников, между которыми отсутствовали взаимосвязь и взаимодополняемость. Передача бывших партийных архивов в ведение Государственной архивной службы создала условия для развития полноценного НСА и включения его в систему НСА к документам НАФ Респуб-

лики Беларусь. Работа, проводимая государственными архивами в данном направлении, способствует раскрытию в полном объеме информационного потенциала этого комплекса документов.

Источники и литература

1. Архіўная справа на Беларусі ў дакументах і матэрыялах (1921—1995 гг.). — Мінск: БелНДДАС, 1996.
2. Бувич, Т. В. Особенности формирования архивных фондов областных организаций КПБ (1941—1991) и их интеграция в Национальный архивный фонд Республики Беларусь / Т. В. Бувич // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 10. — Мінск: БелНИИДАД, 2009. — С. 23—30.
3. Бувич, Т. В. Особенности классификации документов в архивах обкомов КПБ (на примере партархива Витебского обкома КПБ) / Т. В. Бувич // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 15. — Мінск: БелНИИДАД, 2014. — С. 206—2012.
4. Документы по истории Великой Отечественной войны государственных архивов Республики Беларусь (1941—1945): аннотированный справочник. — Дрезден; Минск; Грац, 2003. — 592 с.
5. Информация заведующего отделом ИПС Е. А. Макаренко о работе по усовершенствованию и переработке описей дел в Государственном учреждении «Национальный архив Республики Беларусь» от 28.09.2016 // НАРБ. Текущее делопроизводство.
6. Макаренко, Е. А. Из опыта работы Национального архива Республики Беларусь по переработке описей фонда ЦК КПБ / Е. А. Макаренко // Архивы и делопроизводство. — 2014. — № 6. — С. 108—113.
7. Макаренко, Е. А. Из опыта работы Национального архива Республики Беларусь по каталогизации документов архива / Е. А. Макаренко // Архивы и делопроизводство. — 2016. — № 3. — С. 73—80.
8. Макаренко, Е. А. Система научно-справочного аппарата как основа для изучения состава и содержания документов Национального архива Республики Беларусь / Е. А. Макаренко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 8 / Рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.) і інш. — Мінск: БДУ, 2013. — С. 163—172.
9. НАРБ. — Ф. 249. — Оп. 5. — Д. 2277. Постановления и распоряжения Совета Министров Республики Беларусь о преобразовании Главархива в Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь и утверждении Положения о нем, переименовании государственных архивных учреждений; передаче Института историко-политических исследований КПБ в ведение Главархива и преобразовании его в Белорусский научно-исследовательский центр документоведения и ретроинформации. — 9 л.
10. Там же. — Д. 2308. Приказы № 1—27, 57 председателя Белкомархива по основной деятельности и документы к ним. — 40 л.
11. Там же. — Д. 2324. Документы о создании Национального архива Республики Беларусь (положение, протоколы, информация, сведения и др.). — 91 л.
12. Там же. — Д. 2335. Аналитические справки, информации архивных учреждений республики о состоянии научно-справочного аппарата и развития системы каталогов в архивных учреждениях республики. — 86 л.
13. Там же. — Д. 2337. Документы о проведении совещания-семинара «Состояние и пути совершенствования государственного учета и научно-справочного аппарата к документам госархивов Республики Беларусь» (доклады, сведения, информация). — 142 л.

14. Там же — Д. 2338. Докладные записки, информации госархивов и облисполкомов о ходе выполнения «Программы по развитию и совершенствованию госучета и научно-справочного аппарата документов в госархивах БССР на 1989—1995 гг.». — 43 л.
15. Там же — Д. 2340. Протоколы № 1—13 заседаний коллегии Белкомархива и документы к ним. — 261 л.
16. Там же. — Д. 2342. Протокол № 1 заседания Центральной экспертно-методической комиссии от 17 июня 1993 г. и документы к нему. — 16 л.
17. Там же. — Д. 2360. Справки, информации, сведения о передаче на государственное хранение документов бывших партийных архивов, реставрации документов, проблеме хранения архивных документов в культовых зданиях и других вопросах. — 136 л.
18. Там же. — Д. 2361. Справки, информации, сведения облисполкомов и облгосархивов об учете и научно-справочном аппарате к документам бывших партархивов. — 25 л.
19. Там же — Д. 2387. Приказы № 1—30 председателя Белкомархива по основной деятельности и документы к ним. 70 л.
20. Там же. — Д. 2401. Справки, информации архивных учреждений республики о ходе работы по усовершенствованию научно-справочного аппарата к документам бывших партийных архивов. 31 л.
21. Там же. — Д. 2423. Документы о подготовке и проведении республиканского совещания 13 ноября 1996 г. по итогам выполнения Программы по развитию и совершенствованию государственного учета и НСА к документам Национального архивного фонда Республики Беларусь на 1989—1995 гг. (план, доклады, рекомендации, переписка и др.). — 73 л.
22. Там же. — Д. 2424. Информации республиканских, областных и зональных госархивов, отделов по архивам и делопроизводству облисполкомов о выполнении Программы по развитию и совершенствованию государственного учета и НСА к документам Национального архивного фонда Республики Беларусь на 1989—1995 гг., состоянии тематической разработки документов в комплексах бывших партийных архивов. — 123 л.
23. Там же. — Д. 2439. Протоколы № 1—10 заседаний коллегии Госкомархива и документы к ним. — 264 л.
24. Там же — Д. 2459. Сведения НАРБ, областных госархивов, отделов по архивам и делопроизводству облисполкомов о состоянии НСА по комплексу документов бывшего Партархива и информация Госкомархива о фондировании документальных материалов органов государственной власти и управления. — 30 л.
25. Там же. — Ф. 250. — Оп. 3. — Д. 808. Протоколы № 1—5 заседаний дирекции архива и документы к ним. — 58 л.
26. Там же. — Д. 1037. Информация в Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 23.03.2006 о выполнении Программы по развитию и совершенствованию учета и НСА к документам бывших партийных архивов Республики Беларусь на 1998—2005 гг. — 9 л.
27. Там же. — Оп. 13. — Д. 70. Протоколы № 1—9 заседаний дирекции архива и документы к ним. — 220 л.
28. Научно-информационный бюллетень Центрального партийного архива № 18. — М., 1972. — 124 с.
29. Примерная схема классификации документальных материалов партийных архивов филиалов ИМЛ при ЦК КПСС, крайкомов и обкомов партии. — М., 1988. — 26 с.

30. Правила описания документальных материалов в партийных архивах обкомов, крайкомов и ЦК Компартий союзных республик. — М., 1954. — 24 с.
31. Правила работы партийных архивов обкомов, крайкомов партии, институтов истории партии — филиалов ИМЛ при ЦК КПСС. — М.: ИМЛ при ЦК КПСС, 1980. — 106 с.
32. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: краткий справочник в 2-х частях — Ч. 1. — Минск: НАРБ, 1997. — 104 с.
33. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: краткий справочник в 2-х частях — Ч. 2. Фонды низовых организаций КПБ и ЛКСМБ. — Минск: НАРБ, 1998. — 288 с.
34. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, 1918—1941 гг. Ф. 4п. Оп. 1. — Минск: НАРБ, 2007. — 704 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 17.04.2017

Т. Д. Гернович,

доцент кафедры источниковедения исторического факультета

Белорусского государственного университета,

кандидат исторических наук;

e-mail: adelia.z@gmail.com

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ОКАЗАВШИХСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С момента своего возникновения в 1920-х годах, государственные архивы Беларуси проводили выявление и учет документальных материалов, оказавшихся за пределами страны. Возвращение архивной беларусики осуществлялось в советский период в рамках общесоюзных мероприятий по выделению непрофильных фондов и перераспределению материалов для хранения их на территории создания.

Несмотря на то что в составе СССР наша республика не имела возможности самостоятельно инициировать возвращение документальных ценностей, к началу 1990-х гг. в государственных архивах Беларуси были сформированы значительные комплексы учетной документации по архивной беларусике, выявленной в результате исследований фондов, хранящихся в центральных государственных архивах СССР и союзных республик, архивах зарубежных стран. Работы в этом направлении были продолжены после обретения Беларусью независимости. В начале 1990-х гг. в составе Белорусского научно-исследовательского центра документоведения и ретроинформации (в настоящее время — БелНИИДАД) действовал сектор архивной эвристики, главной задачей которого являлось выявление и учет архивной беларусики. Результаты работы были опубликованы в сборниках документов, монографиях, а также материалах международной научной конференции, специально посвященной данному вопросу [1—3].

Проведенная работа получила практическое отражение в обмене копиями архивных документов между Республикой Беларусь и зарубежными странами. Так, 28 ноября 2007 г. состоялся обмен микрофотокопиями документов между НИАБ и AGAD. В Беларусь были переданы 160 000 кадров части фамильного фонда князей Радзивиллов, а в Польшу были отправлены копии документов Бранского городского суда (Подляшье) [4]. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ) пополнили документы (оригиналы и копии), раскрывающие жизнь и деятельность Я. Лучины, А. Неканда-Требки, В. Короткевича и др. В последующие годы поступление документов в государственные архивы становится регулярным [5].

Значительный опыт по выявлению архивной беларусики, созданию электронной базы данных и отдельных копий документов был накоплен в процессе мероприятий, состоявшихся в 2009 г., по включению в Реестр документального

наследия ЮНЕСКО «Память мира» и виртуальной реконструкции Несвижской коллекции архивных и библиотечных материалов Радзивиллов. При поддержке Бюро ЮНЕСКО в Москве в БелНИЦЭД было разработано номинационное досье, содержащее описание десяти сохранившихся частей Несвижской коллекции собрания Радзивиллов, а также компакт-диск с иллюстративными материалами, включающими цифровые копии архивных документов, иллюминированных старопечатных книг, экслибрисов библиотеки Несвижской ординации, образцы архивных сигнатур и почерки архивистов, часть которых была размещена на официальном сайте ЮНЕСКО [6].

Важную роль сыграл проект «Документальное наследие Речи Посполитой», который выполнялся в рамках Программы участия ЮНЕСКО 2008—2009 гг. совместно с работниками архивов и библиотек Беларуси, Литвы, Польши, Российской Федерации и Украины. Его результатом стал интегрированный реестр, отражающий наличие и места хранения сохранившихся архивных фондов и рукописных собраний, созданных в период и на территории Речи Посполитой. Роль координатора проекта выполнял БелНИЦЭД, который также обеспечил интеграцию всех описаний в единый информационный ресурс. Созданный информационный ресурс размещен в свободном доступе на интернет-портале «Архивы Беларуси» [7].

Кроме профильной работы по изучению архивной беларусики, которую проводят государственные архивные учреждения, начиная с 90-х годов XX в. проблема белорусского документального наследия, хранящегося за рубежом, продолжает активно исследоваться различными учреждениями Министерства культуры и общественными объединениями. Огромное значение для создания условий для международного научного диалога имели общественные инициативы и деятельность Научно-просветительского центра им. Ф. Скорины, а также комиссии «Вяртанне» Белорусского фонда культуры. Выявленные документы и материалы публиковались и продолжают публиковаться на страницах серии сборников «Вяртанне», разнообразных периодических изданий, в сборниках документов, монографиях [8—13].

Необходимость выработки механизма межведомственного взаимодействия, комплексного, планомерного и целенаправленного решения проблемы на государственном уровне стали причинами создания 16 января 2009 г. Межведомственной комиссии при Совете Министров Республики Беларусь по выявлению, изучению и введению в научный и культурный оборот культурных ценностей, оказавшихся за пределами Беларуси [14]. Таким образом, были созданы предпосылки для перевода деятельности в области выявления и учета архивной беларусики на новый уровень.

Основной задачей Межведомственной комиссии являлось выработка механизмов взаимодействия между учреждениями Министерства культуры, Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции, Министерства образования и Министерством иностранных дел. Объединяющим эле-

ментом должен был стать Реестр белорусских культурных ценностей, находящихся за рубежом.

В составе Комиссии из представителей Белорусского государственного университета была создана Экспертная группа (10 чел.). Задачи Экспертной группы были сформулированы достаточно широко и предусматривали: сбор и изучение необходимой информации; создание и пополнение банка данных о зарубежных культурных ценностях; проведение экспертной оценки принадлежности конкретных ценностей к Республике Беларусь; формулирование предложения о приоритетности действий по поиску и возвращению; мониторинг антикварного рынка, в том числе на аукционах; анализ актов законодательства Республики Беларусь, касающихся обнаружения, возврата, совместного использования и введения в научный и культурный оборот культурных ценностей.

Предполагалось, что на первых двух заседаниях Комиссии будет решен вопрос финансирования деятельности. Однако деятельность членов Комиссии, Экспертной группы и Секретариата осуществлялась на общественных началах.

Отсутствие финансирования стало причиной ограничения круга выполняемых работ в рамках основной деятельности. Так, например, за счет средств БГУ были предприняты командировки в Российскую Федерацию по изучению архивных документов Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук. В результате чего был выявлен ряд документов по истории белорусских архивных фондов в 20—40-е гг. XX в., которые дают основания для установления истории их перемещения. М. Ф. Шумейко были выявлены документы, позволяющие установить юридические основания перемещения накануне первой мировой войны в библиотеку Киевского университета св. Владимира щорсовского книжно-рукописного собрания графов Хрептовичей, а так же проливающие свет на его судьбу. Были обнаружены документы по истории перемещенного в октябре 1939 г. в Минск и затем в 1942 г. вывезенного оккупантами в Вильнонос Виленского исторического архива [15].

По инициативе исторического факультета БГУ (научный руководитель М. Ф. Шумейко) был реализован совместный белорусско-российский проект в рамках программы финансирования БРФФИ и РФНФ «Документальное наследие академика В. И. Пичеты в белорусских и российских архивах». В ходе его выполнения была осуществлена виртуальная реконструкция личного архива академика В. И. Пичеты — белорусского советского историка, выдающегося слависта, первого ректора Белорусского государственного университета, академика АН БССР, академика АН СССР, одного из организаторов Института белорусской культуры, инициатора создания Академии наук БССР [16].

В рамках, возложенных на Экспертную группу задач по проведению экспертной оценки принадлежности конкретных ценностей Республике Беларусь, была проведена работа о проработке путей попадания Лавришевского Евангелия на территорию Республики Польша. На основании изучения литературы

было подготовлено экспертное заключение по возвращению в Республику Беларусь Лавришевского Евангелия, находящегося в настоящее время в музее Чарторыйских в г. Кракове (Республика Польша). Однако было отмечено, что для окончательного заключения по данному вопросу необходимо знакомство с архивными документами, которые хранятся в рукописном отделе библиотеки Вильнюсского университета и документами семейного архива князей Чарторыйских Национального музея в Кракове (Польша). К сожалению, Комиссии не удалось найти необходимые финансовые средства для дальнейших поисков в архивах соседних государств. Было принято решение о поддержке инициативы Белорусского эскадрона о создании факсимильной копии памятника.

Одной из ключевых задач в работе Комиссии являлось создание Реестра утраченных культурных ценностей. По причине отсутствия финансирования на приобретение программных продуктов для создания электронной базы данных, Комиссия занималась поиском возможности привлечения сторонних средств. Так, в 2010 г. был подготовлен проект для участия в конкурсе Государственного комитета по науке и технологии (ГКНТ). К сожалению, было получено письмо ГКНТ с отрицательным ответом относительно возможности реализации проекта.

Отсутствие отдельного финансирования, предназначенного для деятельности Комиссии, стало причиной того, что не были выработаны механизмы межведомственного взаимодействия. Члены Комиссии, Экспертной группы и Секретариата выполняют свою работу в рамках финансирования и компетенции министерств.

Министерство культуры выделило средства Институту культуры Беларуси для выполнения проекта ГКНТ по созданию программной оболочки для базы данных и интернет-портала о национальных культурных ценностях, которые оказались за пределами Беларуси. В 2015 г. проект был завершен, программная оболочка создана. В настоящее время вырабатывается механизм наполнения базы данных учреждениями Министерства культуры и обеспечения работы интернет-портала viartannie.by.

Основная работа по созданию реестра, касающегося архивных документов, Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь проводилась в рамках Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (БелНИИДАД). Так, первым этапом работы стала разработка в 2014 г. Концепции выявления, описания, учета и использования документов по истории и культуре Беларуси, хранящихся за рубежом. В ней было определено, что объектом проведения работ будет выступать архивная беларусика, под которой понимаются документы и комплексы документов, имеющие отношение к истории Беларуси и белорусского народа и хранящиеся за рубежом. Понятие документ при этом трактуется в архивоведческом узком смысле, и не распространяется на печатные издания и иные виды публикаций. В Концепции были рассмотрены основные группы

объектов архивной беларусики и методика их поиска, определена структура сводного информационного ресурса и методика описания объектов архивной беларусики, разработаны организационные основы, определен круг участников и технические условия для создания и ведения сводного информационного ресурса, проработаны категории пользователей, способы представления информации и финансовое обеспечение [17].

Следующим этапом будет являться создание общереспубликанского программного продукта и наполнение его информацией, выявленной к настоящему времени архивными учреждениями. В 2015 г. было выявлено около 7,5 тыс. единиц описания, общий объем накопленной информации — более 17,5 тыс. единиц описания.

Основной проблемой, по нашему мнению, остается невозможность возвращения оригиналов на территорию их создания. До настоящего времени возвращение культурных ценностей в Республику Беларусь осуществляется в основном в виде долгосрочного депозита, копирования, виртуальной реконструкции архивных документов и библиотечных собраний. Так, польской стороной в качестве депозита на 25 лет были переданы предметы интерьера для Дома-музея Адама Мицкевича в Новогрудке.

Национальной библиотекой Беларуси при содействии секретариата Национальной комиссии Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО осуществлен проект «Создание каталога «Библиотека Хрептовичей». Проект позволил объединить части библиотеки Хрептовичей, в том числе из фондов Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, путем создания библиографической базы данных.

Государственному музею истории театральной и музыкальной культуры Беларуси переданы микрофильмы и электронные копии документов архива М. К. Огинского, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов.

Совместно с библиотеками и архивами России, Украины, Литвы, Польши, Финляндии, на территории которых находятся части архивно-библиотечного комплекса Несвижской ординации Радзивиллов, реализуется проект по виртуальной реконструкции документального наследия и библиотеки. Итогом проекта должен стать единый информационный ресурс, отражающий все сохранившиеся части архива, библиотеки, музейных коллекций. Начата реализация проекта виртуальной реконструкции библиотеки Сапег.

Фонды Национальной библиотеки Беларуси пополнили электронные копии 11 изданий Франциска Скорины из фондов Верхнелужицкой научной библиотеки (г. Герлиц, Германия); 13 электронных копий изданий Франциска Скорины из Российской государственной библиотеки; 7 книг и 42 наименования газет (1 208 экземпляров) из Национальной библиотеки Литвы им. М. Мажвидаса.

Особую актуальность в последнее время приобретает взаимодействие архивных учреждений на международном уровне. Так, план совместных действий Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь и Федерального архивного агентства (Росархив) на 2014—2016 гг. предусматривал обмен информацией, полученной в ходе реализации программ по «россике» и «беларусике», в том числе, по утраченным (перемещенным) в годы Второй мировой войны культурным ценностям. Благодаря такому взаимодействию, состоялась передача белорусской стороне, в июне 2016 г. исполняющей обязанности директора Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) Л. А. Роговой цифровых копий архивных документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Беларуси из фондов ГАРФ.

В Республике Казахстан 29 мая 2015 г. состоялось очередное заседание Совета глав правительств Содружества Независимых Государств. В результате было принято решение Совета глав правительств СНГ «О состоянии архивного дела в государствах — участниках СНГ». В документе признается актуальность совершенствования правовых норм, обеспечивающих государственный контроль за состоянием архивного хранения документов и делопроизводства в организациях и рекомендовано правительствам стран Содружества рассмотреть возможность увеличения объема финансирования национальным архивным службам. В информации о состоянии архивного дела отмечается, что одним из источников пополнения архивных фондов государств — участников СНГ являются документы по истории их народов, хранящиеся за рубежом. Основой для выявления документов за рубежом в Беларуси будет являться сводный информационный ресурс «Архивная беларусика», как и аналогичная база данных «Современная зарубежная архивная россика» Российской Федерации, которая ведется ВНИИДАД [18].

Тем не менее, накопленный в течение последних 20 лет опыт по возвращению архивных документов на территорию Беларуси, не стал основой для выработки единой государственной стратегии. До настоящего времени все вопросы по возвращению документальных ценностей решаются в соответствии с профилем и направлением деятельности отдельных учреждений.

Подтверждением того, что попытка создать единый механизм на государственном уровне не увенчалась успехом, является ликвидация Межведомственной комиссии при Совете Министров Республики Беларусь по выявлению, изучению и введению в научный и культурный оборот культурных ценностей, оказавшихся за пределами Беларуси от 16 января 2009 г. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13.01.2017 № 25 был утвержден состав новой Комиссии при Совете Министров Республики Беларусь по выявлению, возвращению, совместному использованию и введе-

нию в научный и культурный оборот культурных ценностей, которые находятся за границей Республики Беларусь [19].

Отчасти, сложившаяся ситуация связана с неразработанностью правовой базы Республики Беларусь для возвращения культурных ценностей. До настоящего времени вопросы вывоза, ввоза и возвращения культурных ценностей не становились объектом отдельного законодательного акта и рассмотрены в рамках существующих нормативных документах достаточно обобщенно.

Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2011 года «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» установлено, что государство принимает меры к возвращению документов исторического прошлого белорусского народа, оказавшихся за пределами Республики Беларусь, а также поощряет и финансирует поиск, учет и возвращение документов, имеющих историческую, научную, социальную, экономическую, политическую или культурную ценность для белорусского народа (ст. 11 «Документы исторического прошлого белорусского народа, находящиеся за пределами Республики Беларусь»).

Возвращение культурных ценностей предусмотрено главой 14 «Ввоз и (или) вывоз, возвращение культурных ценностей» Кодекса Республики Беларусь о культуре. Так же ст. 78 предусматривает создание Комиссии при Совете Министров Республики Беларусь по выявлению, возвращению, совместному использованию и введению в научный и культурный оборот культурных ценностей, которые находятся за границей Республики Беларусь и определяет ее основные задачи и направления деятельности [20].

Однако, обобщенные формулировки действующих нормативных правовых актов указывают на отсутствие общегосударственного понимания принципов отнесения культурных ценностей к понятию «зарубежная беларусика» и принципов, применяющихся для заявления требования о возвращении оригиналов.

Таким образом, надеемся, что обновленный состав участников Комиссии при Совете Министров Республики Беларусь по выявлению, возвращению, совместному использованию и введению в научный и культурный оборот культурных ценностей, которые находятся за границей Республики Беларусь, позволит решить вопросы финансирования, выработать единую государственную стратегию по решению проблемы архивной беларусики и создать реальный механизм межведомственного взаимодействия.

Источники и литература

1. Шумейко, М. Ф. Собрать рассеянное: О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем / М. Ф. Шумейко. — Минск: БелНИИДАД, 1997.
2. Документы по истории Беларуси в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве экономики, Центральном государственном архиве Московской области, Центральном историческом архиве Москвы / сост. М. Бобер. — Минск: БелНИИДАД, 2004.
3. Замежная архіўная беларусіка: Матэрыялы Міжнар. навук. канф., г. Мінск, 25—26 крас. 1996 г. / Дзярж. Кам. па арх. і справаводстваў Рэсп. Беларусь. БелНДДАС. Бел.

- асацыяцыя клубаў ЮНЭСКО. Бел. асацыяцыя гісторыкаў. БДУ. Гіст. фак. часоп. «Бел. Мінчушчына». — Мінск: БелНДДАС, 1998.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы юбілейнай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск, 8 ліпеня 2008 г.) / [уклад. З. Л. Яцкевіч; навук. рэд. У. І. Адамушка]. — Мінск: НАРБ, 2008.
  5. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://bdamlm.by/>. — Дата доступу: 10.01.2017.
  6. UNESCO Memory of the world [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/memory-of-the-world/register/access-by-region-and-country/by/>. — Date of access: 10.01.2017.
  7. Архивы Беларусі [Электронны рэсурс]. — Режим доступа: <http://archives.gov.by/Radzivily/intro.html>. — Дата доступа: 10.01.2017.
  8. Вяртанне: Дакументы і архіўныя матэрыялы па праблемах пошуку і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь / Беларус. фонд культуры і інш.; склад. А. А. Тоўсіцкі. — Мінск, 1992.
  9. Вяртанне-2: Артыкулы, дакументы і архіўныя матэрыялы па праблемах пошукаў і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяцца за межамі Рэспублікі Беларусь / БФК. — Мінск, 1994.
  10. Вяртанне-3: Зборнік артыкулаў і дакументаў / БФК; гал. рэд. А. Мальдзіс. — Мінск, 1996.
  11. Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрэдычныя, навуковыя і маральныя аспекты). Матэрыялы Міжнарод. навук. канф. Мінск, 19—20 чэрвеня 1997 г. / пад рэд. А. Мальдзіса. — Мінск.: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. — (Вяртанне. Вып. 4).
  12. Выяўленне, сумеснае выкарыстанне і вяртанне архіўных, бібліячных і музейных каштоўнасцей, якія захоўваюцца ў замежных краінах / пад рэд. А. Мальдзіса (гал. рэд.) [і інш.] (Вяртанне-6) — Мінск.: БФК, 1999;
  13. Нясвіжскія зборы Радзівілаў: іх фарміраванне, гістарычны лёс, цяперашняе месцазнаходжанне і шляхі выкарыстання / рэдкал.: А. Мальдзіс [і інш.]. — Мінск: «Беларускі фонд культуры», 2002 (Вяртанне; Кн. 7).
  14. Пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь «Аб Камісіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь па выяўленню, вяртанню, сумеснаму выкарыстанню і ўвядзенню ў навуковы і культурны ўжытак нацыянальных культурных каштоўнасцей, якія апынуліся за межамі Беларусі» ад 16 студзеня 2009 № 43 // Нацыянальны рэестр прававых актоў Рэспублікі Беларусь. — 2009. — № 19. — 5/29151.
  15. Шумейко, М. Ф. Исторические и правовые аспекты реституции белорусских архивов / М. Ф. Шумейко; Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. — Минск: БелНИИДАД, 2013.
  16. Документальное наследие академика В. И. Пичеты в белорусских и российских архивах: отчет о научно-исследовательской работе (заключительный) / научный руководитель М. Ф. Шумейко // Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/96261>. — Дата доступа: 10.01.2017.
  17. Концепция выявления, описания, учета и использования документов по истории и культуре Беларусі, хранящихся за рубжом / Белорусский научно-исследовательский

- институт документоведения и архивного дела; [авт.-разраб.: Т. Д. Гернович [и др.]]: Минск: БелНИИДАД, 2014. — 44 с.
18. Решение Совета глав правительств СНГ «О состоянии архивного дела в государствах — участниках СНГ» от 29 мая 2015 года (п. Бурабай, Республика Казахстан) // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5143>. — Дата доступа: 10.01.2017.
  19. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 13.01.2017 № 25 «О некоторых мерах по реализации Кодекса Республики Беларусь о культуре» // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/fileb80abbd48ffa008c.PDF> — Дата доступа: 10.01.2017.
  20. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г. № 413-3 // Нацыянальны рэестр прававых актоў Рэспублікі Беларусь». — 2016. — № 31. — 2/2412.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 29.08.2017

В. А. Барбарчук,

*аспірант кафедры істочніковаедзя і гісторычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
младшы навучны супрацоўнік аддзела дакументаведзя
Беларускага навучна-даследавальскага інстытута
дакументаведзя і архіўнага дзела*

ПРОВЕРКА ПОДЛИННОСТИ РЕКВИЗИТОВ ДОКУМЕНТОВ ПРИ ЭКСПЕРТИЗЕ ЦЕННОСТИ ДОКУМЕНТОВ

Обеспечение защиты документационной системы организации любой организационно-правовой формы от внедрения поддельных документов является сложным и непрерывным процессом, который включает в себя все стадии жизненного цикла документа от момента его создания до передачи на дальнейшее хранение в государственные архивные учреждения или уничтожения. Процесс проверки подлинности документации должен включать в себя несколько пунктов проверки подлинности. Проверка подлинности должна осуществляться при поступлении документов в организацию, при отправке исходящих документов и в иных стадиях документооборота. Важной стадией проверки подлинности документов является также осмотр документации, вышедшей из активного использования и подлежащей передаче на хранение в архив или же уничтожению. Одним из наиболее важных этапов в обеспечении подлинности документов организации является экспертиза ценности документов, системное и всестороннее осуществление которой позволит значительно снизить вероятность внедрения подделок в документооборот организации. В защите документов организации экспертиза ценности выполняет как превентивную, так и контрольную функции.

В соответствии с пунктом 47 Правил работы архивов государственных органов и иных организаций (далее — Правила работы архивов) под экспертизой ценности документов понимается процесс определения исторической, научной, социальной, экономической, политической, культурной и практической значимости документов с целью установления сроков их хранения и отбора на хранение [5].

Положения Правил работы архивов закрепляют перечень критериев, комплексное применение которых обязательно при проведении экспертизы ценности документов. В качестве важного критерия внешних особенностей документа при проведении экспертизы положения Правил работы архивов закрепляют подлинность документа. Для определения подлинности документов специалисты в сфере документационного обеспечения, проводящие экспертизу ценности, должны владеть основами определения подделки документов и их отдельных реквизитов.

Положениями Правил работы архивов закрепляются два этапа проведения экспертизы ценности документов в организации и иных государственных органах. Первым этапом проведения экспертизы ценности документов и дел

является проведение экспертизы ценности в делопроизводстве в процессе составления номенклатуры дел, а также по окончании активного использования документа в организации при подготовке дел к передаче на хранение в архив государственного органа или иной организации. Документы и дела организации также подвергаются экспертизе ценности в архиве организации при отборе и подготовке дел для передачи на постоянное хранение в государственный архив, при выделении к уничтожению документов и дел с истекшими временными сроками хранения.

При составлении номенклатуры дел организации или при составлении типовой или примерной номенклатуры специалисты должны принимать во внимание угрозы подлинности документам организации и в соответствии с этим определять сроки хранения для дел, не внесенных в списки типовых сроков хранения. Также учитывая специфику деятельности организации должны быть определены документы, которые подлежат углубленной проверке на наличие признаков подделки или же внесения каких-либо не оговоренных изменений в документ при проведении экспертизы ценности.

С целью определения документов, которые должны подвергаться углубленной проверке подлинности, необходимо определить имеются ли в документации организации документы, которые часто подвергаются подделке. В период с 1991 г. по 2016 г. в Республике Беларусь зарегистрировано более 67 000 случаев подделки документов и бланков [3]. Наиболее часто фальсификации подвергаются документы с определенными средствами защиты от подделок: водительские удостоверения и иные документы, связанные с автотранспортом, дипломы о высшем образовании, первичные учетные документы, листки временной нетрудоспособности, трудовые книжки, справки о состоянии здоровья и др. [2]. Среди документов, изготавливаемых без определенных средств защиты от подделок, наиболее часто подделкам подвергаются коммерческие и кредитные договоры, справки о доходах для получения кредита, дарственные. Стоит отметить, что наиболее часто поддельные документы предоставляются в структурные подразделения по кадровой работе, потому именно дела кадровой службы должны подвергаться углубленной проверке подлинности [4].

Углубленной проверке могут подлежать следующие виды документов:
дипломы и иные документы об образовании;
справки о состоянии здоровья и иные документы, необходимые для трудоустройства;
трудовые книжки;
листки временной нетрудоспособности;
все виды договоров, в особенности, налагающие на организацию финансовые и иные обязательства;
первичные учетные документы и иные документы на выдачу материальных ценностей.

При проверке подлинности документов используются следующие методы исследования документа и технические средства:

исследование документа в различных видах освещения: отраженном свете, проходящем свете (на просвет) и в косопадающем свете;

исследование документа с помощью увеличительных приборов: луп различной кратности увеличения (4—6 крат для общего исследования документа, 10 и более для исследования деталей отдельных реквизитов), микроскопов при их наличии в организации;

измерения размеров и взаимного расположения реквизитов документа, отдельных слов, букв и цифр — проводятся с помощью линейки, штангенциркуля и других измерительных приборов с точностью измерения не менее 0.1 мм;

исследование документа с использованием освещения в ультрафиолетовом и инфракрасном диапазонах, особенно важно при проверках документов, снабженных определенными средствами защиты от подделки [7, с. 133—135].

Функции ультрафиолетового и инфракрасного освещения имеются у таких приборов, как лупа спектральная ЛС-3, прибор проверки подлинности документа «Регула 4305». Для создания ультрафиолетового освещения также могут использоваться специальные лампы для обыкновенных электроприборов. Специальные приборы для проверки подлинности документов с подобными функциями часто используются работниками бухгалтерии, товароведомы, экспедиторами [6, с. 13—15].

Исследование документа в отраженном свете проводится при наличии одного или нескольких источников света видимого диапазона (белого света), освещающих документ. Искусственные источники света использовать предпочтительнее, так как они позволяют по желанию менять угол и (или) яркость освещения. Освещение документа может быть направленным, рассеянным, направленно-рассеянным. Направленное освещение получается при помощи осветительных приборов, способных создавать сконцентрированный пучок света на небольшом участке документа. К таким приборам относятся лампы точечного освещения, криминалистические и обыкновенные фонарики с конденсаторами, осветители в специальных криминалистических и обычных лупах, осветительные блоки в микроскопах. Направленно-рассеянное освещение — это обычный дневной свет или нефокусированный свет электрической лампы. Рассеянное освещение можно получить, поместив перед источником света лист чистой бумаги. Исследование документа в отраженном свете является основным способом проверки подлинности документа и используется при общем осмотре документа, сравнительном анализе реквизитов документов, осмотре документа с помощью увеличительных приборов и др. [1, л. 55—58].

Исследование документа в косопадающем свете производится при необходимости увеличить контрастность рельефа документа с целью выявления следов подчистки, травления, скрытых штрихов и других признаков подделки.

Освещение считается косопадающим, если угол падения лучей света на документ составляет от 30 до 60 градусов к перпендикуляру. Для получения косопадающего освещения можно применить следующий способ: расположить документ вертикально, под источником света, верхний край должен находиться в 15—20 см от источника. После этого нижний край документа постепенно поднимается вверх до достижения необходимой контрастности рельефа [1, л. 62].

Исследование документа в проходящем свете (на просвет) применяется при необходимости выявления изменения плотности документа (вследствие травления, подчистки), при наличии замазанных и стертых записей. Также исследование документа на просвет используется при поиске оригинала подписи, с которого изготовлялась копированием подделка, — изображение подписи или иного реквизита последовательно совмещается с аналогичным на другом документе.

Проверку различных видов документов с целью выявления признаков полной или частичной подделки следует начинать с построения соответствующего алгоритма проверки. Для большинства видов документов наиболее эффективным будет следующий алгоритм проверки:

проверка регистрационных форм, в которые внесен документ;

осмотр бланка документа, проверка защитных реквизитов (при их наличии);

осмотр рукописных реквизитов документа (подписи, рукописные записи личных данных и др.);

осмотр оттисков печати и штампов на документе.

Проверку подлинности документа целесообразно начинать с проверки подлинности регистрационных форм, таких как карточки и журналы, электронных средств регистрации и учета документов. Проверке подлинности также должна подвергаться номенклатура дел, описи дел для документов со сроком хранения свыше 10 лет и др. Современная экспертная практика свидетельствует о том, что регистрационные формы (регистрационные журналы, регистрационные карточки, учетные книги бухгалтерии и др.) часто подвергаются подделке. Это связано с тем, что внесение документов в регистрационные формы организации является необходимым этапом внедрения подделки в документооборот компании. При внесении поддельных документов в регистрационные формы фальсификаторам чаще всего приходится вносить изменения в подлинные формы, наиболее часто используемым методом подделки в таком случае является замена листов и фрагментов содержания. При замене листов целиком в учетных и регистрационных формах журнальной формы обнаруживаются следующие специфические признаки подделки:

различия между вклеенным и оригинальными листами в учетном документе по цвету, плотности, наличию вкраплений и иным свойствам бумаги;

несовпадение линовки, защитной сетки у вклеенного и остальных листов документа по цвету и рисунку (цвет линий защитной сетки в месте склеивания изменяется под воздействием клеящего вещества);

несовпадение штрихов защитной сетки, линовки, записей и других изображений на границе склеивания фрагментов документа;

различия между записями, имеющимися на вклеенном листе и на подлинных листах документа, по цвету и составу красящего вещества, а также по общим и частным признакам почерка;

на оборотной стороне вклеенного листа могут присутствовать записи, свидетельствующие о том, что этот лист ранее составлял часть другого документа или находился в другой части данного документа;

наличие на вставленном листе лишних проколов от скоб, скоросшивателя, иных элементов переплета, применявшихся для сшивания листов документа;

при спешном заполнении учетных журналов и книг красящие вещества не успевают просыхать, потому на оборотных сторонах соседних страниц документа может находиться откопированный текст, который находился на удаленной странице [11, с. 38].

С целью сокрытия факта замены страницы или вклейки фрагмента документа фальсификаторы умышленно загрязняют документ, применяют методы искусственного старения бумаги. Для маскировки несоответствующих штрихов защитной сетки и записей места разреза заклеиваются бумагой или чистыми фрагментами бланка. Потому при проверке подлинности особое внимание следует уделять любым повреждениям документа, в особенности при отсутствии аналогичных дефектов на документах, близких по дате издания (подписания) и регистрационному номеру.

Исходя из вышеуказанных положений, можно определить, что на подлинном бланке документа с изображением Государственного герба Республики Беларусь должны иметь место следующие внешние признаки:

отсутствие красочного бортика вокруг штрихов (характерного для высокой печати);

в штрихах отсутствует рельеф (повышение или понижение относительно носителя);

равномерное, поверхностное распределение красящего вещества в штрихе;

красящее вещество не проникает в толщу носителя и потому не видно с обратной стороны;

равномерный глянец поверхности штрихов, обнаруживаемый в косопадющем свете;

структура красящего вещества в штрихе однородная, в отличие от принтеров и иных современных знакопечатающих устройств, где штрихи образуются точками или спекшимися гранулами;

отсутствуют хаотически расположенные частицы красящего вещества (так называемые «точки-марашки»);

границы штрихов достаточно четкие (более ровные, чем в штрихах, изготовленных на принтере), но возможна некоторая неровность краев штрихов в результате нарушения процессов химической обработки формного материала [10, с. 75].

На подделку документа указывают признаки выполнения реквизитов бланка документа с помощью персональных принтеров или копировальных устройств, такие как:

наличие на бланке хаотически расположенных частиц красящего вещества, такого как тонер или чернила (так называемые «точки-марашки»);

штрихи текста и ограничительных линий бланка имеют характерную структуру, состоящую из хаотично расположенных точек желтого, синего, красного и черного красящего вещества, что характерно для изображений, выполненных с помощью капельно-струйного принтера;

штрихи текста и ограничительных линий бланка имеют характерную зернистую структуру, состоящую из оплавленных частиц порошкообразного красящего вещества (тонера) желтого, синего, красного и черного (или только черного) цветов, что характерно для изображений, выполненных с помощью лазерного принтера или электрофотографического копировального устройства.

Проведение исследования подписи и иных рукописных реквизитов необходимо осуществлять с помощью увеличительных приборов в отраженном, проходящем и косопадющем свете. Эффективным способом выявления признаков технической подделки подписи является исследование в косопадющем рассеянном свете. С целью проведения такого исследования используется обычная электрическая лампа белого света (то есть излучающая свет видимого диапазона). Верхний край документа подносится к источнику освещения, после чего противоположный край документа постепенно поднимается, до тех пор, пока не станут отчетливо видны особенности рельефа и отражения документа, его реквизитов и бумаги. Косопадющее (угол 30—60 градусов) освещение используется для выявления признаков подчистки (разволокнение бумаги) и воздействия жидким препаратом (покоробленность бумаги), изучения трасс, оставленных пишущим прибором [9, с. 23].

Изучение элементов подписи при малых увеличениях (4—6 крат) необходимо для уточнения признаков замедленности темпа движения, обнаруженных при осмотре, и выявления признаков, которые могли быть не замечены невооруженным глазом. Кроме того, при таких увеличениях можно четко наблюдать несоответствие штрихов копировальной бумаги или карандаша, следов давления со штрихами последующей обводки и другие признаки предварительной подготовки, если их пытались удалить механическим путем с целью маскировки [10, с. 16].

Подлинный рукописный росчерк (в подписи или ином рукописном реквизите) имеет следующие внешние особенности, обнаруживаемые при осмотре с использованием увеличительных приборов:

наличие следов (трасс) от письменного инструмента, равномерное распределение красителя в трассах (для шариковых ручек возможно неравномерное распределение красителя);

сужение штрихов к концу движения;

наличие рефлекторных штрихов;

равномерное чередование нажимных (приводящих) и ненажимных (отводящих) штрихов;

отсутствие двоянности штрихов, отсутствие посторонних штрихов и частиц красящего вещества в районе расположения рукописного реквизита [9, с. 25].

С целью обнаружения признаков исполнения подписи при помощи технических средств, таких как лазерные или струйные принтеры, электрофотографические копировальные аппараты подпись или иной рукописный реквизит подвергается осмотру при большом (в 10 и более крат) увеличении. Для этого используются специальные лупы (к примеру, лупа спектральная ЛС-3) и микроскоп. Выявляются отличия в характере и плотности наложения красящего вещества в штрихах. Также при исследовании документа при большом увеличении могут быть обнаружены признаки копирования подписи при помощи материалов, обладающих копировальной способностью:

отсутствие рельефа штрихов, неровные, размытые края штрихов;

слабая и неравномерная окраска штрихов;

двойные штрихи в подписи на исследуемом документе (образуются при обводке на промежуточной форме либо на документе);

нарушение глянца бумаги и изменение ее люминесцентных свойств;

наличие частиц эмульсионного слоя фотобумаги (когда в качестве промежуточной формы использовалась фотобумага);

наличие следов текста, перекопировавшегося вместе с подписью с другого документа [12, с. 39].

Наличие у должностного лица, издающего документ, клише для простановки оттиска свидетельствует о соответствующих полномочиях. Однако, если клише подделывается или похищается, сама технология нанесения оттиска, в отличие от рукописной подписи, не позволяет определить, кем конкретно был выполнен данный оттиск.

Проверку подлинности оттиска печатей на документе следует начинать с тщательного изучения оттисков на заведомо подлинных документах. Если оттиски принадлежат сторонней организации, то следует использовать для сравнения оттиски на документах из переписки с данной организацией. Для сравнительного изучения следует выбирать наиболее хронологически близкие по дате издания документы, так как со временем клише изнашиваются, что

может вызвать значительные отличия в оттисках. Перед началом проверки также следует изучить имеющиеся клише: установить технологию изготовления клише (вулканизация резины, гравировка по металлу и др.), с какого периода и кем применялось (применяется) данное клише, выяснить, присутствовал ли работник, уполномоченный на использование печати в организации, в момент издания документа (не был ли в отпуске, командировке и др.) [12, с. 41].

При исследовании оттиска печати или штампа важную роль играет измерение линейных размеров и относительного расположения элементов оттиска. Измерение проводится с использованием линейки или штангенциркуля с точностью измерения не менее 0.1 мм. Идентифицирующими особенностями оттисков, выявляемыми при измерении, являются:

размеры и толщина внешней рамки штампа или кольцевых окружностей печати;

состав и расположение текста на оттиске;

тип, размер и взаимное расположение шрифта в оттиске;

тип и расположение разделительного элемента (звездочки, точки);

ориентация текста, расположенного в кольцевых рамках печати.

При осмотре с помощью увеличительных приборов в коспадающем и рассеянном свете в оттисках печатей и штампов, выполненных с помощью рельефных клише, выявляются следующие устойчивые внешние признаки:

красящий слой штрихов оттисков неравномерен, края штрихов неровные; рисунок знаков оттисков соответствует стандартным шрифтам, используемым при типографском наборе и в компьютерной технике;

одноименные знаки на оттисках одинаковы по размерам, расстояния между знаками равные, расположение знаков на оттиске симметричное;

по краям штрихов оттиска присутствует красочный бортик [9, с. 44].

Наиболее распространенными способами производства рельефных клише в соответствии с современными экспертными данными являются лазерное гравирование по резине, вулканизация резины и фотополимерная технология. Характерными особенностями лазерного гравирования являются высокая четкость оттисков, наличие микротекста и иных защитных элементов, сохранение качества оттиска при длительном использовании. Штрихи оттиска, выполненного клише из фотополимера, обладают следующими внешними особенностями: неодинаковая ширина элемента знака и неровные края штрихов; неодинаковая длина параллельных элементов в одной букве и спрямление дугообразных элементов; наличие посторонних небольшого размера штрихов, примыкающих к элементам оттисков, вызванные отображением прилипших к печатающим элементам частиц полимера.

На подделку оттиска указывает исполнение его на печатающем устройстве персонального компьютера или копировальном устройстве. Оттиски печати, изготовленные с использованием струйных принтеров, можно распознать по следующим внешним признакам: видны следы проникновения красителя в

капилляры бумаги, краситель неустойчив к смазыванию, тонкие штрихи значительно отличаются от широких, отсутствует блеск красителя при освещении в косопадющем свете, нечеткие концы засечек символов. Конструктивная особенность цветных струйных принтеров позволяет выделить один пиксель (квадрат с явным преобладанием одного красителя) в полутоновом растровом изображении поддельного оттиска печати при осмотре документа с использованием лупы с 10-кратным увеличением.

Штрихи оттиска, выполненные на лазерном принтере, состоят из сплавленных вместе порошкообразных частиц. Наряду с монохромными (черно-белыми) принтерами на рынке все большей популярностью пользуются недорогие цветные модели, в которых так же, как и в цветных струйных принтерах, используются красители четырех базовых цветов (голубого, пурпурного, желтого и черного) [9, с. 45].

При использовании электрофотографического способа печати, в том числе и лазерного, изображение имеет зернистую структуру, тонкие линии неровные и прерывистые, вокруг штрихов могут образовываться ореолы, характерно наличие «точек-марашек» на поверхности бумаги и по краям изображений, в косопадющем свете штрихи печати имеют выраженный блеск.

При выявлении признаков подделки какого-либо из реквизитов или целого документа необходимо провести проверку данного факта. При проверке необходимо определить, не является ли изменение данного документа или реквизита следствием нарушения правил работы с документами работниками организации. Также необходимо выяснить: подвергались ли документы ведомственной или иной проверке. Если проверка была проведена, но изменений в документе обнаружено не было, то есть вероятность того, что документ был заменен уже после проверки. Документы, в подлинности которых у членов комиссии возникли сомнения, не подшиваются в дела и не уничтожаются. Результаты проверки подлинности документов и обнаруженные признаки подделки могут вноситься отдельным пунктом в протокол заседания экспертной комиссии. По результатам проверки факта подделки или несанкционированного изменения документа членами комиссии может быть составлена докладная записка руководителю организации.

Источники и литература

1. Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). — Ф. 136. — Оп. 1-УД. — Д. 326.
2. Динамика изменения количества поддельных документов за период 2002—2009 гг. // Архив Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. — Дело № 2—17/09. — Л. 16.
3. Сравнительный анализ количества поддельных документов за период 1990—2010 и 2010 гг. // Архив Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. — Дело № 3—28/11. — Л. 33.

4. Выдержка из внутреннего отчетного табеля по количеству поддельных документов // Архив Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. — Дело № 3—28/11. Л. 35.
5. Об утверждении Правил работы архивов государственных органов и иных организаций [Электронный ресурс]: постановление Министерства юстиции Республики Беларусь, 24 мая 2012 г., № 143 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.
6. Бочарова, О. С. Общие рекомендации по подготовке материалов и оформлению постановления о назначении технико-криминалистической экспертизы документов / О. С. Бочарова, И. А. Стороженко. — Минск: ЦСЭК МЮ РБ, 2008 г. — 38 с.
7. Техничко-криминалистическая экспертиза документов: учеб. пособие / Н. В. Ефременко [и др.]; под ред. Н. В. Ефременко / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. — Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2012. — 345 с.
8. Ефременко, Н. В. Исследование отпечатков печатей и штампов: учеб. пособие / Н. В. Ефременко, Е. В. Захаренко. — Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2000. — 56 с.
9. Судебно-техническая экспертиза документов. Учебно-методическое пособие. Вып. 1 / Гусев А. А., Поташник Д. П., Сафроненко Т. И., Устьянцев Т. В.; редкол.: Винберг А. И. (отв. ред.), Гусев А. А., Сахарова Е. А., Устьянцев Т. В. — М.: ВНИИСЭ, 1972. — 82 с.
10. Судебно-техническая экспертиза документов. Учебно-методическое пособие. Вып. 2: Ч. 5, 6 / Брянцева З. Е., Гусев А. А., Сафроненко Т. И., Толкачева Ф. К. и др.; редкол.: Гусев А. А., Сафроненко Т. И., Тросман Э. А. — М., 1978. — 99 с.
11. Судебно-техническая экспертиза документов. Учебно-методическое пособие. Вып. 3 / Горинов Ю. А., Гусев А. А., Павлюченков П. А., Поташник Д. П. и др.; редкол.: Винберг А. И. (отв. ред.), Гусев А. А., Мирский Д. Я., Сафроненко Т. И., Сахарова Е. А., Устьянцев Т. В. — М.: ВНИИСЭ, 1973. — 91 с.
12. Судебно-техническая экспертиза документов. Учебно-методическое пособие. Вып. 4 / Гусев А. А., Мирский Д. Я., Павлюченков П. А., Поташник Д. П. и др.; редкол.: Винберг А. И. (отв. ред.), Гусев А. А., Мирский Д. Я., Сафроненко Т. И., Сахарова Е. А., Устьянцев Т. В. — М.: ВНИИСЭ, 1973. — 88 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 22.09.2017

Ю. В. Нестерович,

старший научный сотрудник Центра исследований
белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
кандидат исторических наук;
e-mail: nesterca.com@yandex.by

О СЛОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЯ В СВЯЗИ С РАЗЛИЧИЕМ СТАНДАРТИЗИРУЕМЫХ ТЕРМИНОВ И ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПОНЯТИЯ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

БелНИИДАД уделяет внимание проблемам терминологии. Об этом свидетельствуют подготовленное его учеными издание «Делопроизводство и документоведение. Краткий словарь современной терминологии» (Минск, 2001), выполненная в 2008 г. НИР «Терминологический словарь по археографии», обсуждение проблемы формирования терминосистемы архивоведения на проведенной БелНИИДАД в 2016 г. научно-практической конференции «Теоретические и практические проблемы документоведения и архивоведения: ретроспектива и современность». В отечественной науке анализу терминологии делопроизводства и документоведения уделяет значительное внимание А. Е. Рыбаков. В его многочисленных статьях значителен удельный вес научно-практических комментариев к нормативной литературе по делопроизводству, включающих определения терминов, пояснения к ним и т. п., например, [1]. Такие комментарии являются научными, поскольку следуют и соответствуют системе теоретических знаний документоведения и смежных дисциплин. Сложность научно-практических комментариев к терминосистемам делопроизводства заключается в необходимости различения терминосистем делопроизводства и документоведения (они имеют разный состав, разный охват явлений и пр.). Сложность увеличивается в связи с ситуацией, сложившейся с развитием системы теоретических знаний документоведения. Она такова, что наряду со знаниями частных и специальных теорий (теории делопроизводства, теории документных потоков и др.) в нее входят знания общих теорий, разработку которых осуществляет документология — междисциплинарное научное направление методологического характера. Наряду с общетеоретическими (обобщающими содержание знаний других теорий) в ней продуцируются и метатеоретические знания (формируемые при изучении свойств, формальной структуры и прочих изучаемых теорий). В документологии обобщаются знания и схемы документоведения и смежных дисциплин — архивоведения, исторического источниковедения, археографии, книговедения, библиотковедения [2]. Сложность ситуации проявляется в *параллельном* формировании разных систем научных знаний, включающих *одинаково термилируемые* понятия. Причем в терминостандартах по делопроизводству и архивному делу терминам придается значение, отличное от обосновываемого и доказываемого в научных теориях. Стандартизируемая синонимия терминов «делопроизводство»,

«ДОУ», «управление документами» обосновывается А. Е. Рыбаковым *не научными*, а «*практическими* соображениями» и «стратегической точкой зрения»: «обращением внимания на необходимость соблюдения НПА по делопроизводству и архивному делу при внедрении МС ИСО по управлению документами» [3, с. 42]. Когда А. Е. Рыбаков прослеживает генезис и эволюцию термина «документ», осуществляя систематизацию с целью уточнения понятия (в [4] и др.), то при этом понятие документа входит в *систему теоретических знаний документоведения*. Когда осуществляется *широкий междисциплинарный синтез* понятия документа с понятиями информационного продукта, издания и другими в рамках общей теории, то понятие документа входит в *систему общетеоретических знаний*. Проблема *координации знаний* таких систем сегодня лишь осмысливается. На это показывает и синонимичное употребление наименований «документология» и «общее документоведение», например, в [5]. С. Г. Кулешов определяет знания документологии совокупностью знаний из различных «наук документально-коммуникационного цикла» [6]. Рассматривая *терминоведческий аспект* данной проблемы (*не беря к рассмотрению логико-эпистемологический аспект*), мы полагаем, что система общетеоретических знаний документологии позволяет осуществлять *междисциплинарную проекцию* построения терминосистемы документоведения (а также и смежных дисциплин), способствуя *минимизации противоречий*. В российском документоведении высказывается мнение именно о необходимости создания *терминологической базы*, «*сближающей* восприятие специалистов разных областей» [7].

Система терминов, используемых в практической деятельности — делопроизводстве, архивном деле и других, по мере развития науки обобщается в системе ее знаний, составляя часть языка науки, сохраняя специфику — ориентированность на выполнение практических задач. Системы терминов научной дисциплины — документоведения, архивоведения и прочих — шире по объему терминов, она включает все базовые термины системы научных знаний, обозначая явления, их аспекты и прочие, изучаемые научной дисциплиной соответственно выделенной для нее предметной области. На теоретическом уровне исследования происходит обогащение содержания понятий, одинаково термилируемых в практической деятельности и в языке науки. Так, Н. С. Ларьков наделяет понятие документа существенным признаком стадийного функционирования в перспективной, оперативной и ретроспективной среде. В работах В. М. Виноградова, Н. И. Стяжкина, М. Ш. Цаленко, Э. Г. Чумаченко по теоретическим проблемам архивоведения первостепенным существенным признаком понятия документирования выделяется признак специфического способа отражения явлений, обусловленного культурной традицией (а такой признак охватывает социокультурный и когнитивный аспекты процесса документирования).

В украинском архивоведческом дискурсе высказывается мнение о необходимости разработки терминологии архивоведения и документоведения в

качестве «системы научных терминов» [8]. В соответствии с содержательной классификацией терминов, исходя из признака «объекта номинации, терминования» термин «научный термин» означает *принадлежность термина к языку науки*. В соответствии с ней различают научные, технические, технологические, экономические, общественно-политические, управленческие, культурные термины и др. Поясняя данную классификацию, В. М. Лейчик подчеркивает «зыбкость» границы между терминами, отмечает в форме тезиса: «термины технических наук могут одновременно считаться техническими терминами», а «термины общественных наук — административно-политическими». Тем не менее, в подтверждение своего тезиса ученый приводит неудачный пример: «термины документоведения фигурируют и в терминологии делопроизводства», учитывая различие и технических, и технологических терминов. Большинство терминов делопроизводства *технологические* (охватывают технологию ДОУ), но не *технические*. А приведенные им примеры таких фигурирующих терминов, как «акт» и «архив» [9] (т. е. термина дипломатики и термина архивоведения), показывают на эпистемологическую некомпетентность. В методологии терминоведения сформулировано положение: «унификация терминологии может быть поставлена на научную основу» при применении терминоведческих методов и знаний. *Только* унифицированная терминология может быть предложена для стандартизации. Стандартизация имеет *пределы распространения, она не касается научной сферы упорядочения терминологии*. Основная сфера функционирования (научно-технических) терминов — «язык науки, реализующийся в специализированных теориях и в профессиональном общении специалистов определенной области знаний» [10]. Тем самым, представители определенной научной дисциплины могут использовать неунифицированную терминологию либо унифицированную в качестве (неполной) терминосистемы, но не поставленной на научную основу. Построение *терминосистемы научной дисциплины* предполагает унификацию терминов на научной основе и в целом придерживание норм научной методологии.

Ее построение предполагает придерживание принципов и понятийного аппарата терминоведения. В терминоведении различают *терминологию* — формируемую в процессе развития практической деятельности и научных исследований на базе языка профессиональной коммуникации и научной языковой практики взаимосвязанную совокупность терминов определенной предметной области (при этом значение термина соответствует одному либо ряду понятий теории, теоретических основ, понятиям и протопонятиям, выработанным в практической деятельности), и *терминосистему* — упорядоченную совокупность взаимосвязанных терминов, соотносимых с понятийным аппаратом определенной предметной области. Основной единицей терминологии выделяются *предтермины* (т. е. лексемы, используемые для обозначения новых сформировавшихся понятий, не отвечающие требованиям, предъявляемым к терминам научной методологией), а терминосистемы — *термины* [9]. Разно-

видностями предтерминов в терминоведении выделяются «квазитермины» — предтермины, для которых затягивается их замена термином, и «терминоиды» — не входящие в терминосистемы квазитермины, обозначающие недостаточно сформированные понятия, понятия с расплывчатым содержанием, объемом. В качестве *предтермина, трансформирующегося в квазитермин*, приведем языковое выражение «организация работы с документами» (он не включен в ГОСТ Р 7.0.8-2013). Терминоидом, употребляемым в документоведении и архивоведении, представляется термин «электронный подлинник (документа)» и др.

Принципы и методы терминорботы в сфере стандартизации описаны в документе ИСО (Terminology Work — Principles and Methods ISO 704:2000). Принципы и методы построения терминосистемы *научной дисциплины* не изложены систематизированно в одной работе. Прежде всего оно предполагает полный охват (систематизацию, анализ, унификацию) употребляемых в ней обозначений ее базисных понятий. Объем и содержание терминов формируются релевантно текущему состоянию *системы теоретических знаний*. При ее построении недостаточен «лексикографический» подход к построению терминосистемы: «систематизированный вербализованный результат обработки знания человеком в процессе научно-профессиональной деятельности» [11]. При ее построении на первый план выходят семантические требования к термину и достижение непротиворечивости связи терминов и понятий на основе норм научной методологии. Устранению подлежат негативные терминовыявления — полисемия, синонимия, а также придерживание уточненных базисных понятий, «отсечение» не оптимально сформированных понятий [12]. Таким представляется, например, терминируемое как «технотронный документ» понятие, в объеме которого включаются документы, информация которых служит в качестве отображения развития техники и производства, а также документы, создание которых связано с применением технических средств [13].

Основными стадиями построения терминосистемы выделяют систематизацию, анализ, нормализацию терминологии (нормализация для системы терминов практической деятельности означает их стандартизованную унификацию в нормативном дискурсе). Завершающим этапом терминорботы выступает работа по гармонизации терминов и терминосистем. Особенно труднодостижим результат ее в международной плоскости в связи с разными традициями и школами формирования понятий. Обосновывается концепция трех степеней гармонизации терминосистем. Первая степень ее предполагает общность систем понятий при частичном совпадении теорий и различии языковых средств (гармонизация выступает лишь в форме взаимной увязки систем понятий и обозначающих их терминов). Вторая степень — общность систем понятий при полном совпадении теории и различии языковых средств (гармонизация имеет вид единства систем понятий и структурно-семантической близости обозначающих их терминов). Третья степень — общность систем понятий при

полном совпадении теории и языковых средств (гармонизация реализуется в идентичных по содержанию, объему и характеру связей системах понятий и интернационализации терминов). Первая степень гармонизации предполагает наличие среди базисных понятий, обозначаемых в стандартах, как правило, одинаковыми терминами, большинства совместимых понятий (т. е. понятий, объемы которых имеют общие элементы). Вторая степень гармонизации достигается при наличии среди сравниваемых базисных понятий (обозначаемых одинаковыми терминами) подвергаемых гармонизации терминосистем большинства эквивалентных (равнозначимых) понятий (т. е. понятий, объемы которых совпадают). Когда среди сравниваемых базисных понятий терминосистем в наличии несравнимые понятия (т. е. понятия, не имеющие общего рода), гармонизация между терминосистемами отсутствует.

Делается вывод о первой степени гармонизации терминологии в межнациональном аспекте — между ГОСТ Р 51141-98, СТБ П 2059-2010 и ДСТУ 2732:2004, «когда при некотором единстве подходов, частичном совпадении понятийной системы проявляются различия в использовании средств языка» [14]. Отметим: доминирует ограничение гармонизации терминосистем взаимной увязкой терминов на национальном и международном уровнях (ее придерживаются во ВНИИДАД [15]). Различие в теориях и «системах понятий» предполагает заимствование «системы понятий» и их обозначений. Использование термина «система понятия» представляется не вполне корректным, учитывая, что в логике понятие трактуется формой логического мышления, результаты которого представляются вербально в определениях, характеристиках, пояснениях. Терминосистема предстает совокупностью коррелируемых определений понятий (либо иных — сходных с определением логических процедур) в комплексе с их обозначениями. Формирование терминосистемы документоведения и архивоведения — научных дисциплин, изучающих документационную деятельность, архивное дело и связанные с ними явления и связи — предполагает включение в нее терминов, обозначающих понятия практической деятельности (например, понятие регистрации, фондирования документов), которые принимаются либо уточняются в системе теоретических знаний; эмпирических терминов — терминов, обозначающих эмпирические данные и измеряемые явления (например, терминов «объем документооборота», «единица хранения архивных документов»); теоретических терминов — терминов, обозначающих понятия, обобщающие результаты эмпирического исследования либо вводимые для их унификации (терминов «документооборот», «хранение архивных документов») [12]. Такое различие соответствует делению понятия научного исследования на типы по признаку уровня научного исследования. Вместе с тем, исходя из выделения типов научных исследований в соответствии с иным признаком — направленности их (фундаментальные, прикладные исследования и исследовательские проектно-конструкторские разработки), терминосистемы документоведения и архивоведения включают, наряду с научны-

ми терминами (например, «деловой, архивный документ»), научно-технические термины (например, «типовой, индивидуальный срок исполнения документов», «карточка архивного фонда»).

С выходом СТБ 2059-2013 [16] и ГОСТ Р 7.0.8-2013 [17] возникает необходимость определения степени гармонизации между представленными в них терминосистемами, а также между ними и терминосистемами, представленными в терминостандартах других стран, действующих в идентичной отрасли (сфере) деятельности. Однако такие терминосистемы *не охватывают научную сферу* [18]. Построение терминосистемы научной дисциплины (в данном случае документоведения и архивоведения) основывается на унификации терминов системы теоретических знаний. Такое построение должно *учитывать и результаты стандартизации терминов*. В постсоветском дискурсе постоянно подчеркивается значимость стандартизации терминов для «упорядочения архивной терминологии» [19]. Учитывая классификации терминов в терминоведении и соотношение понятий упорядочения, унификации и стандартизации терминов в научно-техническом терминоведении, такой тезис точно интерпретировать затруднительно. Унификация терминов — необходимая стадия упорядочения терминов, за ней следует стандартизация, но вслед за этим либо параллельно может следовать унификация их, поставленная на научную основу для непротиворечивого использования их в научной сфере. Соответственно, стандартизация значима для практической деятельности — архивного дела, закрепляя использование в нем унифицированных научных и технологических (касающихся технологии архивных работ) терминов. За его пределами — в архивоведении — ее результаты служат объектом анализа и вектором дальнейшей терминологической работы. Формулировка для документоведения тезиса, *аналогично* приведенному распространенному тезису терминоведения архивоведения, будет иметь релевантность метатеоретическим понятиям, стремящуюся к нулю. «Документационная терминология» — нонсенс. Документоведы характеризуют информацию, обходясь без него: «госстандарт позволяет выработать и закрепить единую терминологию в сфере управления документами» [20]; «стандарт закрепляет апробированную терминологию в сфере профессиональной деятельности с учетом изменений, происходящих в этой сфере» [21]. Опираясь на классификацию терминов в соответствии с критерием «объекта номинации, терминирования», лексемы, используемые в делопроизводстве (с недавних пор принято: в «управлении документами») и архивном деле — *технологические* (предельно точно: технолого-управленческие) *термины*, а лексемы терминосистемы документоведения и архивоведения — *научные термины* (они охватывают лексемы теоретических и научно-прикладных исследований [22]). *Одна и та же лексема*, например, «документирование», используется в делопроизводстве для описания технологического аспекта процесса, а в документоведении — для описания явления, служащего модельным объектом теории. Причем сегодня при изучении явления документирования разработана теория

документирования (Н. Б. Зиновьевой). Тем самым, данная лексема в качестве научного термина имеет объем и содержание, выявляемые уже в системе *обще-теоретических* знаний. В документоведении постоянно подчеркивается острота терминопоблем, например [23]. Они не исчезнут, пока унификация терминов не будет поставлена на научную основу, а следующим шагом упорядочения и совершенствования терминов станет построение терминосистемы документоведения. Острота будет сниматься по мере формирования такой системы, в которой *унификация терминов релевантна системе понятий и теоретических знаний*. Сегодня относительно упорядочения терминов выделяют лишь два результата его («терминологических продукта»): национальный терминологический стандарт и словарь терминов [21]. Между тем, масштаб развития теоретических знаний в документоведении и архивоведении позволяет констатировать формирование терминосистем и ставить вопрос об унификации базовых терминов [12] (находясь в функциональной подсистеме национального языка).

Придерживаясь методологического тезиса, что построение терминосистемы научной дисциплины должно учитывать и достигнутые результаты стандартизации терминов, проанализируем некоторые из них. На первый взгляд, с внесением в СТБ П 2059-2010 дефиниции, идентичной дефинициям, внесенным в ГОСТ Р 51141-98, законы «Об информации, информатизации и защите информации» Российской Федерации 1995 г. и Республики Беларусь 2008 г.: «документ, документированная информация — зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать», в наличии предельная степень гармонизации терминов в правовой и нормативно-технической сфере обеих стран. Стандартизация синонимии терминов «документ» и «документированная информация» продуктивна лишь в прагматических целях для избегания разночтений при проведении профессиональной работы. Построение терминосистемы документоведения опирается на унификацию терминов на научной основе, пусть и с учетом результатов стандартизации. Оно не предполагает синонимии. Отмеченная синонимия терминов «документ» и «документированная информация» наслаивается на стандартизируемую полисемию — наделение их в СТБ ISO 15489-1-2001/2015 иными значениями и создает *неупорядоченность фундаментальных терминов* в нормативном дискурсе Республики Беларусь. Ординарным выходом из создавшейся ситуации предлагали приведение значений данных терминов (а также и термина «управление документацией») в СТБ 2059-2013 в соответствии с их значением в СТБ ISO 15489-1-2001/2015. Тем не менее, в СТБ 2059-2013 дефиниенс (определяющая часть дефиниции) к терминам «документ», «документированная информация», внесенный в СТБ П 2059-2010, дополнен заимствуемой второй частью дефиниенса к термину «документ» в ГОСТ Р 15489-1-2007 (такое дополнение выступает уточнением содержания понятия; другое дело, что такое уточнение вызвано необходимостью гармонизации международных и постсоветских терминов, а не тенденциями развития терминосистемы документоведе-

ния). Вследствие этого дефиниенс в СТБ приобретает вид: «зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, созданная, полученная и сохраняемая учреждением, организацией или отдельным лицом в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или управленческой деятельности». Дополненная часть вкупе с характеристикой «информация» образует дефиниенс к термину «документ» в СТБ ISO 15489-1-2001/2015: «информация, созданная, полученная и сохраняемая учреждением, организацией или отдельным лицом в качестве доказательства при подтверждении правовых обязательств или управленческой деятельности». Характеризуя логически, представленное в СТБ П обобщение предметов некоторого вида *распльвчато* (придерживание данного в законодательстве наших стран определения термина «информация» не исправляет ситуацию, поскольку отличие информации от сообщения, данных, инфопродукта остается неясным). Впрочем, обоим дефиниенсам — и СТБ, и СТБ П, адекватно ставить в соответствие (в том числе находясь в рамках лишь управленческого документоведения, поскольку оно — раздел документоведения) не термин «документ», а *иной термин* — «служебный управленческий документ».

Существенное отличие дефиниций ГОСТ Р 15489-1-2007 и СТБ ISO 15489-1-2001/2016 от дефиниции СТБ 2059-2013, что дефиниенсу в последней соответствуют *два термина*: «документ» и «документированная информация». Это препятствует унификации (гармонизации) терминов. В СТБ ISO 15489-1-2001/2015 за термином «документированная информация» закреплено иное значение, нежели в СТБ 2059-2013. А дефиниенс к термину «документ» в нем отличается от дефиниенса к этому термину в ГОСТ Р 51141-98 «обрезанием» ее предметной характеристики, составляющей начало дефиниенса, до распльвчатого слова «информация». Тем самым в Республике Беларусь с выходом СТБ 2059-2013 наличие стандартизированной полисемии и синонимии терминов «документ» и «документированная информация» даже в отрасли (сфере) делопроизводства не устранено. Такая ситуация не согласована с направленностью терминообразования в терминостандартах Российской Федерации (в ГОСТ Р 7.0.8-2013 устранена синонимия не только термина «документ», но и терминов «делопроизводство, ДОО, управление документами»). Имелась возможность исправить ситуацию: унифицировать термины в окончательной редакции СТБ ISO 15489-1. Служащий предметной характеристикой оборот СТБ 2059-2013: «зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать», и оборот ГОСТ Р 15489-1-2007: «зафиксированная на материальном носителе идентифицируемая информация» эквивалентны (равнозначны). Уже даже совпадение в терминостандартах разных стран предметной характеристики одного из неотъемлемых терминов документоведения показывает на *принципиальную* возможность достижения гармонизации их терминосистем.

Выделим основные негативные и позитивные моменты, препятствующие и способствующие достижению гармонизации между действующими отечественными и российскими терминологическими стандартами по делопроизводству и архивному делу. В ГОСТ Р 7.0.8-2013 устранена полисемия, в отличие от СТБ 2059-2013, ГОСТ Р 15489-1-2007 и СТБ ISO 15489-1-2001/2015. Впрочем, в предстандарте лишь два синонима («архивный орган», «архивное учреждение»), и синонимии нетрудно устранить в окончательной редакции его. Если в СТБ 2059-2013 терминами «делопроизводство», «документационное обеспечение управления», «управление документами» обозначается одно понятие, то в ГОСТ Р 7.0.8-2013 ими обозначаются разные понятия. Позитивный момент — наличие эквивалентных (равнозначимых) понятий — обозначаемых термином «документ» в СТБ 2059-2013, ГОСТ Р 15489-1-2007 и СТБ ISO 15489-1-2001/2015; терминами «подлинник официального документа», «документирование», «метаданные» в СТБ 2059-2013 и ГОСТ Р 7.0.8-2013; термином «носитель информации» в СТБ 2059-2013, а в ГОСТ Р 7.0.8-2013 он терминологически как «носитель (документированной информации)» и др.

Отсутствие унификации научных терминов, весомой постановки построения терминологических систем на научную основу — показатель, негативно характеризующий состояние развития терминоведения документоведения и архивоведения. Унификация терминов в нормативном дискурсе может послужить лишь одним из ориентиров для такого построения. Термины стандартов по делопроизводству и архивному делу не охватывают *научную сферу* употребления терминов. Стандартизуемые системы терминов испытывают огромные затруднения на уровне их гармонизации, а полная гармонизация их третьей степени представляется недостижимой даже в случае выхода ряда межгосударственных терминологических стандартов. В сложившейся ситуации на первый план выходит разрешение проблемы координации терминов делопроизводства и архивного дела с терминами и в целом *системой теоретических знаний документоведения и архивоведения*, а последних, сверх этого — с понятиями и схемами *системы общетеоретических знаний терминологии*. Разрешение такой сложной проблемы, учитывая, что само формирование этих систем окончательно не завершено, займет значительный временной отрезок. Тем не менее, в такой ситуации специалистам (в том числе БелНИИДАД), *выполнившим задачу стандартизации терминов* делопроизводства и архивного дела, и наиболее распространенных терминов документоведения и архивоведения, продуктивно направить усилия для развития этих дисциплин в области унификации и нормализации терминов на *научной основе*. Сегодня в Интернете доступен обновляющийся тезаурус (словарь) Международной архивной терминологии (www.cisra.org/mat/termdb/termlist/Russian), включающий дефиниции, распространенные в нормативном, а также и в научном дискурсе. При выполнении такой унификации терминов он, а равно и другие справочные ресурсы, послужат лишь в качестве материала для систематизации терминов архивоведения и документоведения при построении

них терминологических систем. Представляется, что по мере выполнения такой задачи специалистам в целях нормализации и оптимизации восприятия научных терминов профессиональным сообществом следует, не ограничиваясь научно-коммуникационной деятельностью на конференциях, представлять на сайте (в том числе поддерживаемом в интерактивном режиме для поступления предложений от представителей профсообщества) развернутый научный и научно-практический комментарий к стандартизированным терминам и терминам научных теорий.

Литература

1. Рыбаков, А. Научно-практический комментарий к инструкции по делопроизводству в государственных органах и организациях Республики Беларусь / А. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2009. — № 5.
2. Несцярковіч, Ю. В. Документология: на пути к трансдисциплинарному знанию / Ю. В. Несцярковіч // Научные и технические библиотеки. — 2014. — № 6. — С. 81—97.
3. Рыбаков, А. Е. Формирование системы управления документами в Республике Беларусь [...] / А. Е. Рыбаков // Документация в информационном обществе. Международный опыт управления документами: Докл. и сообщ. на XVII междунауч.-практ. конф. 25—26 ноября 2010 г. — М., 2011.
4. Рыбаков, А. Происхождение и эволюция термина «документ» / А. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2013. — № 5.
5. Ларьков, Н. С. О предмете и объекте документоведения как междисциплинарного научного направления / Н. С. Ларьков // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: Матер. Второй Всероссийской научно-практ. конф. — Томск: Томский ун-т, 2006.
6. Кулешов, С. Г. Загальне документознавство: Навч. посіб. / С. Г. Кулешов. — Київ, 2012.
7. Варламова, Л. Н. Двое из ларца, одинаковые с лица: юридическая сила и юридическая значимость документа / Л. Н. Варламова // Делопроизводство. — 2014. — № 4.
8. Майстренко, А. Архівна термінологія / А. Майстренко // Українська архівна енциклопедія. — Київ; Горобець, 2008.
9. Лейчик, В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 256 с.
10. Даниленко, В. П. Проблемы научно-технической терминологии / В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов // Вопросы языкознания. — 1981. — № 1.
11. Булгакова, И. Ю. Терминологический аспект развития документоведения в английском языке с позиций социолингвистики / И. Ю. Булгакова. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Омск, 2011.
12. Несцярковіч, Ю. В. Предпосылки формирования терминологической системы документоведения (обзор) / Ю. В. Несцярковіч // Научно-техническая информация. — Сер. 1. — 2013. — № 8.
13. Магидов, В. М. Техноэлектронные документы и архивы: Проблемы архивоведения и источниковедения / В. М. Магидов // Вопросы архивоведения. — 1998. — № 2.

14. Тюрикова, Н. А. Лингвистические аспекты стандартизации и унификации терминологии отрасли («документоведение и архивоведение») / Н. А. Тюрикова // Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. — 2013. — № 1.
15. Янковая, В. Ф. Терминология в области управления документами / В. Ф. Янковая // Современные технологии делопроизводства и документооборота. — 2011. — № 9.
16. СТБ 2059-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Издание официальное. — Минск, 2013.
17. Национальный стандарт РФ. ГОСТ Р 7.0.8-2013. ССИБИД. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Издание официальное. — М., 2014.
18. Нестерович, Ю. В. О принципиальном пути межинтеграции терминов и понятий документоведения и информатики (в связи с выходом ГОСТ Р 7.0.8-2013) / Ю. В. Нестерович // Научно-техническая информация. — Сер. 1. — 2016. — № 3. — С. 36—43.
19. Зозуля, С. До питання унормування архівної термінології / С. Зозуля // Студії з архівної справи та документознавства. — Київ, 2010. — Т. 18.
20. Рыбаков, А. Е. Роль и значение терминологических стандартов в системе нормативно-правового регулирования управления документами в Республике Беларусь / А. Е. Рыбаков // Документация в информационном обществе. Нормативно-методическое обеспечение управления документами. 25—26 нояб. 2014 г. — М., 2015.
21. Суровцева, Н. Г. Терминологические продукты в сфере управления документами: методологический аспект / Н. Г. Суровцева // Там же.
22. Нестерович, Ю. Предпосылки формирования терминосистемы археографии и документоведения и интерференция понятий / Ю. Нестерович // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань: зб. наук. праць. — Київ, 2013. — Вып. 7. — С. 43—55.
23. Суровцева, Н. Г. «Общая теория документа» и ее влияние на развитие документоведения / Н. Г. Суровцева // Отечественные архивы. — 2016. — № 3.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 21.03.2017

В. С. Иванова,

*дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: ivanova.volga.s@gmail.com*

ПАДРУЧНІК НІДЭРЛАНДСКІХ АРХІВІСТАЎ (1898 г.) І АСНОВЫ СУЧАСНАГА АРХІВАЗНАЎСТВА

Давайце будзем клапаціцца пра тое, каб усе ведалі, што мы [архівісты і бібліятэкары] жывем. Жывем мы, і багаці давераньня нам. Давайце падумаем пра тое, каб яны не былі забытымі, але прыцягальнымі для іншых настолькі, наколькі яны важныя для нас саміх. Зробім іх жыццёва неабходнай часткай чалавечага існавання! Мы хочам жыць і дзяліцца імі ў хуткай і моцнай плыні сучаснай камунікацыі.

З прамовы Самюэля Мюлера на Першым кангрэсе бібліятэкараў і архівістаў у Бруселі (1910) [1, с. 96]

Для розных гістарычных навук, архіўныя веды застаюцца дапаможнымі ў пашырэнні ведаў гістарычных. Але шлях, які прайшла ў сваім развіцці архіўная сістэма, прывёў архіўную навуку да свабоды ад гісторыі і зрабіў практыку архіўнай справы асобнай прафесіяй.

З ліста Роберта Фруіна да нідэрландскага гісторыка Петруса Бюка [1, с. 98]

У 2018 г. спаўняецца 120 гадоў з часу выхаду ў свет легендарнага Падручніка нідэрландскіх архівістаў Самюэля Мюлера, Іохана Фейгта і Роберта Фруіна «Кіраўніцтва па ўпарадкаванні* і апісанні архіваў, распрацаванае Асацыяцыяй архівістаў Нідэрландаў» [2]. Ніводная архівазнаўчая праца да сённяшняга часу не мела такога распаўсюджвання і такога ўплыву на архіўную думку. Яна перакладзена больш чым на дзевяць моў, перажыла больш 15 перавыданняў, апошняе з якіх было зроблена ўжо ў XXI стагоддзі. І гэта не лічачы грунтоўнай гістарыяграфіі, што склалася за сто дваццаць гадоў. Нягледзячы на тое што Падручнік ужо не выкарыстоўваецца як актуальнае правіла для працы сучасных архіваў, тэзісы, якія былі ўпершыню замацаваныя там, вядомыя архівістам усяго свету, бо так ці інакш знайшлі замацаванне ў нацыянальных падручніках, правілах і рэкамендацыях. Не заслужана гэтая праца і яе лёс мала вядомы беларускаму чытачу, таму прадстаўлены артыкул мае на мэце выправіць такое становішча.

Асноўныя пытанні, якімі задаюцца ўсе гістарыёграфы Падручніка, таксама як і аўтар гэтых радкоў, гэта: *якія прычыны поспеху дадзенай працы?*

* У розных перакладах паняцце «ўпарадкаванне» гучыць па-рознаму, напрыклад у англійскай версіі — як класіфікацыя, адпаведнік у сучаснай беларускай практыцы — сістэматызацыя ўнутры фонду. Для таго каб пазбегнуць ціску пазнейшай тэрміналогіі і паглыблення ў генезіс тэрміналогіі розных нацыянальных архівазнаўчых традыцый, у дадзеным тэксце за аснову ўзята нідэрландскае паняцце «ўпарадкаванне».

Наколькі ідэі стагодовай даўніны актуальныя цяпер? Чаму яна аказалася фактычна выключанай з савецкай і беларускай гістарыяграфіі? Для пошуку адказаў было выкарыстана першае англамоўнае амерыканскае выданне Падручніка 1940 г. [3] у супастаўленні з расійскім кароткім перакладам 1925 г. [4], а таксама даступныя англамоўныя даследаванні нідэрландскіх, амерыканскіх і англійскіх навукоўцаў, савецкая і постсавецкая гістарыяграфія пытання.

Перадумовы стварэння Падручніка і гісторыя нідэрландскіх архіваў

Для таго каб адказаць на пытанне аб даўгавечнасці нідэрландскага Падручніка варта звярнуцца да гістарычных перадумоў яго стварэння, а таксама расказаць пра асобаў, што спрычыніліся да яго распрацоўкі, выдання і папулярызавання. Найчасцей менавіта прафесійныя і асабістыя якасці асобы адпавядаюць ключавую ролю ў паспяховасці ідэі.

Да пачатку новага часу архіўныя дакументы ў большасці еўрапейскіх краін служылі ў асноўным для мэт забеспячэння дзяржаўнага і мясцовага кіравання, а таксама доказу юрыдычных правоў. Тым не менш, на працягу XVIII ст. яны сталі лічыцца і крыніцай ведаў пра гісторыю гарадоў, жывіце папярэднікаў, а таксама значныя гістарычныя падзеі. Папулярнымі былі публікацыі калекцый гістарычных дакументаў і гарадскіх хронік, у якіх дакументы выкарыстоўваліся як бясспрэчныя сведчанні. Палітычныя змены 1795 г., калі Нідэрландская рэспубліка аб'яднаных правінцый стала Батаўскай рэспублікай, падкантрольнай Францыі, паступова выклікалі цікавасць да дакументаў як гістарычных крыніц, бо архівы папярэдняга перыяду страцілі сваю кіраўніцкую функцыю. Як і ў шэрагу іншых еўрапейскіх краін змены грамадскага ладу прывялі да змен у сістэме архіўнага захоўвання і да пошуку новых ідэй у іх рэалізацыі.

Нідэрландская архіўная традыцыя была абумоўлена не толькі гістарычнымі варункамі, але і гэтым нацыянальным менталітэтам [5, с. 42]. Нідэрланды — гэта краіна гандлю і камерцыі, імкнення да тэхнічнага ўдасканалення прамысловасці, жорсткага раздзялення вайскавай і цывільнай улад, абмежаванага ўплыву царквы. Гэта краіна сціпласці і прастаты, якія зыходзілі з шырокага ўдзелу грамадства ў дзяржаўным і недзяржаўным кіраванні. Гэта краіна супольнасцей, дзе кожнае рашэнне прымалася калегіяльна пасля шырокага грамадскага абмеркавання. Менавіта апошняе рыса найбольш праявілася ў асаблівасцях архіўнага кіравання і архіўнай свядомасці.

Пасля 1795 г. кіраўніцтва Батаўскай рэспублікі скіравала ўвагу на захоўванне дакументаў для падтрымкі патрыятызму і нацыянальнай свядомасці. У 1802 г. быў прызначаны першы дзяржаўны архівіст — *Хендрык ван Війн* (*Hendrik van Wijn*), перад якім была пастаўлена задача апісання стану дакументаў. 8 сакавіка 1814 г., пасля яшчэ адной змены ў форме дзяржаўнага кіравання, новы кароль Нідэрландаў Вільгельм I выдаў закон аб стварэнні Дзяржаўнага архіва, куды змяшчаліся ўсе дакументы да 1794 г. У далейшым паступова былі арганізаваны 11 правінцыйных дзяржаўных архіваў (апошні створаны ў 1890 г.), якія падпарадкоўваліся мясцовым уладам і ўзначальваліся галоўнымі

архівістамі [6, с. 168—169]. Яны пачалі збіраць дакументы старой адміністрацыі, пасля чаго стала відавочнай неабходнасць генеральнага ўпарадкавання і апісання новаствораных сховішчаў. Гэта было неабходна самім архівістам — для захоўвання, арганізацыям — для прававой і інфармацыйнай падтрымкі, гісторыкам — для даследаванняў.

Каб вырашыць праблему ўпарадкавання нідэрландскія архівісты пайшлі шляхам стварэння храналагічных рээстраў. Пры такім апісанні шмат залежала ад аб'ёму старога архіва: вялікія архівы было цяжка апісаць падакументна, а менавіта гэты спосаб быў абраны як асноўны. Ён зыходзіў з традыцый публікацыі гістарычных дакументаў і стварэння гарадскіх хронік. Такім чынам, падходы дыпламатыкі і археаграфіі пачалі выкарыстоўвацца для класіфікацыі і апісання архіваў. Кіраўнік кожнага архіва мусіў вырашаць гэтае пытанне самастойна. Ствараліся спецыяльныя календары, дзе адзначалася ўжо апісанае і тое, што яшчэ падлягала апісанню.

Храналагічны прынтцып апісання падыходзіў для сярэднявечных дакументаў. Але пачынаючы з новага часу працэс дакументавання становіцца нашмат больш інтэнсіўным, узнікаюць новыя дакументы, такія, напрыклад, як дзённікі і мемуары, якія цяжка апісаць «храналагічна».

Нідэрландскія архівісты XIX ст. інтуітыўна лічылі супольнасць (горада, правінцыі ці дзяржавы) стваральнікам архіва. І іх задачай было зрабіць т. зв. «камунальныя архівы» даступнымі для грамадскасці. Таму архівы розных супольнасцей, нават калі яны знаходзіліся ў адным сховішчы, не змешваліся паміж сабой. Тым не менш, не было агульнага падыходу да класіфікацыі ўнутры самога архіва. Найбольш старажытныя дакументы, былі размешчаны ў храналагічнай паслядоўнасці, астатняе залежала ад канкрэтнага архівіста, які ажыццяўляў упарадкаванне. Яно магло адбывацца па алфавітнаму прынтцыпу, па форме дакумента, ці захоўваць тую паслядоўнасць, якая складалася ў канцылярыі.

У другой палове XIX ст. архівісты Нідэрландаў працягвалі думаць над двума аспектамі: спосабамі апісання і крытэрыямі класіфікацыі. Спачатку яны прыйшлі да згоды аб неабходнасці т. зв. «натуральнай класіфікацыі». Сама ідэя была запазычана з дыпламатыкі, якая на той час канцэнтравала ўвагу на ўзаемадачынненні паміж формай дакумента, гісторыяй яго стварэння і існавання. Яна дала штуршок для развіцця гісторыі справаводства канцылярыі. Найбольш значны прыклад такой працы — гэта кніга *Тэадора ван Рэмсдзіка* (*Theodoor van Riemsdijk*) па гісторыі канцылярыі Генеральных Штатаў (1885). Яна базавалася на тым, што класіфікацыя архіва мусіць адлюстроўваць арганізацыю і адміністрацыйныя працэсы ўстановаў.

Падыходы, якія выкарыстоўваліся ў першай палове стагоддзя, пазней становіліся ўсё менш эфектыўнымі, разам з ростам комплексаў дакументаў. Нават калі архівісты маглі апісаць камунальныя архівы ў яго цэласнасці, шляхам складання храналагічнага рээстра ці іншымі спосабамі, новыя паступленні рабілі гэтае апісанне няпоўным [7].

Спатрэбілася шмаг часу, каб ператварыць правінцыяльныя і гарадскія архівы ў архівы, якія камплектуюцца і зберагаюць дакументы для даследаванняў. Так, у архівы правінцый доступ быў дазволены ў 1829 г. Галоўнымі дзеючымі сіламі, якія стымулявалі развіццё архіваў, быў не ўрад, але нацыянальныя, рэгіянальныя і мясцовыя таварыствы гісторыкаў і аматараў старажытнасцей, што ўзніклі на працягу стагоддзя. Разам з дзяржаўнымі архівамі ў правінцыях дзейнічала сетка грамадскіх (г. зв. «камунальных») архіваў [5].

«Сэрцам галандскага архіўнага адраджэння» [1, с. 93] канца стагоддзя стаў Самюэль Мюлер (*Samuel Muller Fz.*) (22 студзеня 1848 — 5 снежня 1922). Ён нарадзіўся ў сям'і Амстэрдамскага антыквара ў самым цэнтры рэвалюцыйнай Еўропы. Мюлер вывучаў права ў Амстэрдаме, гісторыю ў Ляйдэне, палеаграфію і архіўную справу ў Школе хартый у Парыжы. У 1873 г. ён быў прызначаны архівістам Утрэхта, дзе працаваў да 1918 г. Таму на практыцы быў знаёмы з праблемамі, апісанымі вышэй, і спрабаваў выкарыстаць свае веды, атрыманыя падчас навучання ў Школе хартый.

Змены, якія пачыналіся ў апошняй трэці стагоддзя, атрымалі пэўную глебу і грунтоўную падтрымку з боку дзяржаўнага кіраўніцтва архівамі. 8 сакавіка 1874 г. урад стварыў Савет па помніках гісторыі і мастацтва, сакратаром якога стаў *Віктор дэ Струэ* (*Victor de Struers*). Ён жа ўзначаліў Аддзел навукі і мастацтва Міністэрства ўнутраных спраў, а таксама стаўся ініцыятарам новай архіўнай рэформы.

17 чэрвеня 1891 г. у Гарлеме была створана *Асацыяцыя архівістаў Нідэрландаў*, на чале якой з 1893 г. быў Самюэль Мюлер. Ён з'яўляўся старшынёй Асацыяцыі з невялікімі перапынкамі да 1910 г. Разам з ім сярод заснавальнікаў Асацыяцыі быў яго малодшы калега па Утрэхтскаму архіву, а на той час архівіст Зеландыі *Роберт Фруін* (*Robert Fruin Th. Azn.*)* (22 лістапада 1857 — 26 кастрычніка 1935), а таксама архівіст г. Гранінген *Іохан Адрыян Фэйт* (*Johan Adrian Feith*)** (25 верасня 1858 — 28 студзеня 1913). Менавіта Асацыяцыя стала галоўнай сілай у прасоўванні нідэрландскай архіўнай практыкі і знакамитага Падручніка.

Цэнтральным органам кіравання архіваў на той час быў Дырэкторыум сталічнага дзяржаўнага архіва ў Гаазе на чале з Генеральным дзяржаўным архівістам Нідэрландаў. Гэтую пасаду з 1887 па 1912 год займаў Тэадор ван Рэмсдзік, пасля чаго яго змяніў Роберт Фруін, які знаходзіўся на пасадзе больш дваццаці гадоў аж да 1933 г. Штогадовыя сустрэчы членаў Асацыяцыі, рэгулярныя сустрэчы архівістаў дзяржаўных архіваў, а таксама часопіс *Нідэрландскі архіўны ліс-*

* Архівіста і гісторыка Роберта Томаса Энтані Фруіна не варта атаясамліваць з вядомым нідэрландскім гісторыкам таго часу, прафесарам Лейдэнскага ўніверсітэта Робертам Якабам Фруінам (1823—1899).

** *Johan Adrian Feith* з нідэрландскай мовы можна транслітарываць на беларускую як Іохан ці Ёхан, з англійскай як Джон. У дадзенай публікацыі выбрана версія бліжэйшая да арыгінальнай транскрыпцыі, хаця і астатнія маюць права на існаванне.

мок (*Nederlandsch Archievenblad*), рэдактарам якога зноў-такі быў Роберт Фруін, сталі добрай пляцоўкай для абмеркавання прынцыпаў архіўнай працы.

У першым нумары «Нідэрландскага архіўнага лістка» дзяржаўны архівіст правінцыі Дрэнтэ, *Сіпн Грамама* (*Seerp Gratama*), апублікаваў базавыя прынцыпы, якія сталі асновай для новай тэорыі і пасля знайшлі даслоўнае адлюстраванне ў Падручніку.

Абапіраючыся на працу свайго папярэдніка на чале Утрэхтскага архіва, лекцыі настаўніка ў Школе хартый, а таксама вусныя дыскусіі з ван Рэмсдзікам, Мюлер сфармуляваў асноўныя палажэнні прынцыпу правеніенцыі, а таксама заняўся яго папулярызаваннем, выкарыстоўваючы старонкі архіўнага часопіса і прапаноўваючы іх для абмеркавання на штогадовых сустрэчах Асацыяцыі. Прапановы былі ўхваленыя на другім пасяджэнні Асацыяцыі ў 1893 г. Фэйт і Фруін таксама імкнуліся ўтэўніць калег у важнасці і слухнасці сфармуляваных прынцыпаў: кожны новы член Асацыяцыі быў абавязаны азнаёміцца з імі [1, с. 92—97]. У 1893 г. тэзісы Мюлера былі прыняты на чарговай сустрэчы архівістаў. З некаторымі рэдактарскімі праўкамі яны былі апублікаваны ў гл. 1, 15, 16, 50 і 66 Падручніка [7].

У 1894 г. у першай сваёй прамове ў якасці старшыні Асацыяцыі Мюлер сканцэнтравана ў іміджы архівіста, які мусіў быць упэўнены ў сваёй выключнай патрэбнасці, і упэўніць грамадства ў патрэбнасці гістарычных ведаў, што канцэнтруюцца ў архівах. З цягам часу галоўнай задачай архівіста Мюлер, як і Фруін, сталі лічыць не толькі складанне вопісаў, але і рэпрэзентацыю магчымасцей архіваў праз правядзенне гістарычных даследаванняў і публікацыю архіўных дакументаў [1, с. 95—96].

10 ліпеня 1897 г. пастановай Міністра ўнутраных спраў прынцып правеніенцыі быў усталяваны як асноўны ў нідэрландскіх архівах.

Для ўзгаднення і калыфікацыі асноўных падыходаў да класіфікацыі і апісання архіваў у 1895 г. Асацыяцыя была створана камісія, якая першапачаткова складалася з Самюэля Мюлера і Іохана Фэйта, і да якой пазней далучыўся Роберт Фруін.

Такім чынам, у распрацоўцы асноўных палажэнняў Падручніка быў выкарыстаны стогадовы практычны досвед і ідэі нідэрландскіх архівістаў, тэарэтычныя распрацоўкі французскіх і нямецкіх калег, а таксама вельмі шырокай архівазнаўчай дыскусіі. Важнай была падтрымка з боку органаў дзяржаўнага кіравання. Не апошняю роллю ў поспеху Падручніка адыграла і асоба С. Мюлера. Як адзначаюць даследчыкі, «ён быў ваяўнічым і вострым на язык дыскусантам, які заўсёды жадаў давесці свой пункт гледжання» [8, с. 34—35]. Таксама яго называлі «дагматычным, звяклым да дамінавання, часам грубым, але з жалезнай воляй і празмернай працаздольнасцю... Хутка ён быў прызнаны «паважаным лідэрам нідэрландскіх архівістаў», нягледзячы на сваю правінцыяльную пасаду і супярэччаны з Генеральным архівістам» [1, с. 92—97]. Мюлер быў

адказным за палемічны стыль Падручніка, абараняў яго палажэнні ад нязгодных і імкнуўся да таго, каб яны аказалі найбольшае ўздзеянне на архівістаў.

Асноўныя правілы Падручніка

Першапачаткова Падручнік быў падзелены на главы, да якіх Мюлер напісаў прадмовы. Кожны з аўтараў даў да іх каментары, якія ўлічвалі ўсе прапанаваныя змены падчас шырокіх грамадскіх дыскусій. Пасля адбывалася абмеркаванне ўжо паміж самімі аўтарамі шляхам асабістых сустрэч і ліставання. Фруін напісаў амаль усю 6 главу, палову глаў 1 і 5. Мюлер і Фэйт напісалі главы 2 і 4, Мюлер і Фруін — главу 3. Са ста раздзелаў Падручніка Фруіну належала 43, Фэйту — 26, Мюлеру — 30 і адзін раздзел быў сумесным. Мюлеру належыць таксама агульная прадмова да Падручніка, роўна як і яго рэдагаванне [7, с. 254—257].

Стылі трох аўтараў заўважна адрозніваліся, таму праводзілася таксама праца па іх уніфікацыі. Так, напрыклад, часткі Фэйта былі лаканічнымі, а астатнія — больш дэталёвымі і разгорнутымі. Кожны з аўтараў прапаноўваў свае практычныя прыклады. Найбольш прыкладаў было, зразумела, з Утрэхтскага архіва, з якім былі знаёмы і Мюлер, і Фруін. Падручнік меў шэраг спасылкаў на апублікаваныя вопісы розных архіваў, даследаванні па дыпламатыцы французскіх і нямецкіх аўтараў і на афіцыйныя правілы працы 1897 г. Як архівісты дзяржаўных архіваў, аўтары былі ў пэўным сэнсе звязаны гэтымі правіламі.

Падручнік быў канчаткова падрыхтаваны ў траўні 1897 г. Усе члены Асацыяцыі атрымалі копію. Дыскусія разгарнулася на старонках часопіса «Нідэрландскі архіўны лістоў», але праўкі ў сам тэкст ужо не ўносіліся.

Як ужо адзначалася, Падручнік складаўся з прадмовы аўтараў, 6 глаў і 100 раздзелаў ці правілаў, кожнае з якіх утрымлівала першасны тэзіс і тлумачэнне. Менавіта таму Падручнік часта называюць «Сто правілаў». Першая глава (раздз. 1—14) была прысвечана характарыстыцы паходжання і складу архіўнага сховішча. Гаворка шла аб прынцыпе аддзялення аднаго комплексу дакументаў ад другога ў межах аднаго сховішча. У другой главе (раздз. 15—26) раскрываліся правілы ўпарадкавання дакументаў у межах выдзеленых комплексаў. Главы з трэцяй па пятую (раздз. 37—83) тычыліся апісання архіўных дакументаў і складання вопісаў. Шостая (раздз. 84—100) — была прысвечана тлумачэнню выкарыстання тэрмінаў і паняткаў. На думку расійскага перакладчыка Падручніка І. А. Галубцова, для савецкага чыгача «найбольшую значнасць мелі першыя чатыры главы», «пятая і шостая ж прысвечаны прыватным правілам апісання архіваў, а таксама вызначэнню тэрмінаў і пазначэнняў... якія адносяцца да працы над сярэднявекавымі матэрыяламі і маюць вельмі спецыфічны характар, а таму не могуць уяўляць... прамога практычнага значэння» [4, с. 18, 97].

«Гэта стамляючая і дробязная кніга» — так пачынаюць аўтары свой Падручнік, загадзя папярэджваючы чыгача. Імкнучыся да ўніфікацыі і стварэння правілаў, аўтары, тым не менш, не жадалі ўскласці гэтыя правілы як «цяжкую ношу на плечы сваіх калег». Падкрэслівалася, што кожны архівіст мае права

адступаць ад правілаў, калі ў гэтым ёсць патрэба. Галоўнай іх задачай з'яўлялася фарміраванне разумення правілаў, якіх варта было прытрымлівацца. Не выключалі аўтары і наступнай пасля выдання Падручніка рэвізіі яго палажэнняў: «Мы просім крытыкі, шмат крытыкі». Яны былі ўпэўнены ў тым, што толькі шляхам дыскусій можна дасягнуць здавальняючага выніку. Было зразумела, што з цягам часу Падручнік мусіць быць перавыдадзены [3, с. 9—10]. Тым не менш, на думку шэрагу даследчыкаў, прапановы, выкладзеныя ў Падручніку, былі дастаткова жорсткімі [7, с. 254].

Асноўная частка Падручніка пачынаецца з падрабязнага вызначэння асноўнага паняцця «*archives*». Для нідэрландскіх архівістаў таго часу яно фактычна азначала «камунальны гістарычны архіў», змешчаны ў адно сховішча разам з іншымі «архівамі» такога ж тыпу. Мюлер упершыню сфармуляваў вызначэнне гэтага паняцця ў сваім дакладзе 1879 г. Хаця гэтае паняцце вельмі шмат дыскутавалася, яно было ўнесена ў Падручнік без істотных змен.

Для сучаснага беларускага чыгача гэты тэрмін падаецца незнаёмым, як быў ён незразумелым для французскіх, нямецкіх, расійскіх, англійскіх ці амерыканскіх архівістаў першай паловы XX ст. Таму пры перакладзе кожны імкнецца адаптаваць яго да ўласнай нацыянальнай архіўнай тэрміналагічнай практыкі, часам надаючы яму парадаксальна супрацьлеглыя формы. Назоўнік «*archives*» мае адзіночны лік у нідэрландскай мове. На французскую мову ён быў перакладзены як «*fonds d'archives*», маючы на ўвазе яго арганічную прыроду. *Hilary Jenkinson* (Хілары Джэнкаінсан) у сваёй кнізе 1922 г. выкарыстоўваў тэрмін «*archive group*», але не выключай магчымасці выкарыстання і «*archive fonds*» [9]. У англійскай мове тэрмін «*archives*» мае толькі множны лік, гэта таксама абумовіла цяжкасць яго дапасавання да англамоўнай практыкі. Савецкі перакладчык безапеляцыйна ўжываў паняцце «*архіўны фонд*», бо выкарыстоўваў для сваёй працы французскую версію Падручніка. Амерыканскія ж архівісты палічылі, што для іх архіўнай сітуацыі найбольш адпавядае тэрмін «*archival collection*»*.

Нагледзячы на тое што падставовым для дадзенага артыкула з'яўляецца амерыканскі пераклад Падручніка, за аснову тут будзе ўзяты традыцыйны для нас тэрмін «архіўны фонд», хаця гаворка ідзе, па сутнасці, пра ведамасны (ці ў нідэрландскай традыцыі «камунальны») архіў, які праз некаторы час становіцца часткай (фондам) архіва дзяржаўнага. Са ста правілаў Падручніка можна абраць 10 найбольш значных і ўніверсальных, якія выяўляюць яго галоўны сэнс. Правілы будуць падавацца ў перакладзе (акрамя цытат), з пэўнамі трактоўкамі, якія дадуць магчымасць адказаць на пытанне аб іх актуальнасці.

У раздзеле 1 было дадзена вызначэнне *архіўнага фонду як сукупнасці пісьмовых, выяўленчых і друкаваных дакументаў, афіцыйна атрыманых ці створаных устаноў (супрацоўнікамі ўстановаў), прызначаных для захоўвання ў*

* Зразумела, што для сучаснай еўрапейскай архіўнай думкі паняцці «архіўны фонд» і «архіўная калекцыя» маюць супрацьлеглае значэнне і базуюцца на розных прынцыпах, прарэпенцыі і пертыненцыі адпаведна.

гэтай устаноўе. У адрозненне ад бібліятэчных матэрыялаў, атрыманых, як правіла, ад прыватных асоб, архіўныя належалі ўстанове на падставе права публічнага. Хаця і існуе цэлы шэраг выключэнняў.

У наступным раздзеле замацоўвалася арганічная прырода фонду. *Фонд* — гэта *жывы арганізм, ці арганізм, які жыве*. Ён фарміруецца, перафарміроўваецца і расце па ўнікальных правілах, якія архівіст мусіць спасцігнуць. Менавіта таму аўтары пазбягалі даваць гатовую схему ўпарадкавання ўнутры фонду. Арганічная прырода фонду дазваляла ўключыць у іх склад дакументы прыватных устаноў, але катэгарычна выключала сямейныя архівы, якія ствараліся штучна і, па сутнасці, з’яўляліся калекцыяй.

Раздзел 4 вызначаў розніцу паміж архівавасховішчам і фондам. У архівавасховішчы, на думку аўтараў, маглі захоўвацца 6 розных відаў фондаў:

- установы, якой належыць сховішча;
- камісій ці супрацоўнікаў устаноў;
- устаноў ці асоб, чые правы перайшлі да дадзенай устаноў;
- падкантрольных устаноў ці асоб;
- змяшчаных у адміністрацыйным парадку;
- падараваных, купленых і інш.

Усе гэтыя фонды мусілі захоўвацца *асобна адзін ад другога*. Змяшчэнне пэўных фондаў у адно сховішча таксама магло быць не штучным, а гістарычна абумоўленым.

Сфарміраваны архіўны фонд не можа быць падзелены паміж некалькімі сховішчамі. Падзел фонду лічыўся няправільным як з тэарэтычнага, так і з практычнага пункту гледжання. Асобныя дакументы ўзаемна дапаўнялі адзін аднаго. *У выпадку, калі падзелены архіўны фонд аб’яднаць немагчыма, розныя яго часткі павінны быць апісаны ў адным вопісе з пазначэннем месца захоўвання* (раздзел 12). Апісаннем павінна была займацца адна асоба, што, па меркаванні аўтараў, садзейнічала больш грунтоўнаму вывучэнню гісторыі і складу фонду, а таксама метадычнаму адзінству апісання.

Дакументы архіўнага фонду перадаваліся з адміністрацыі пасля сур’ёзных структурных змен. Калі змены не адбываліся, то дакументы мусілі перадавацца праз 25 гадоў. Гэты час, як адзначалі аўтары, з’яўляўся прыкладным, адрозніваўся ў дачыненні розных устаноў, і складаў пры неабходнасці 30—40 гадоў ці менш 25 гадоў. Універсальнымі датамі падзелу нідэрландскіх архіваў на старажытныя і новыя з’яўляўся 1811 ці 1813 г. Усе дакументы раней гэтых дат перадаваліся ў дзяржаўныя архівы (раздзел 14).

Другая глава Падручніка пачыналася са сцвярджэння, што *кожны архіўны фонд мусіць быць упарадкаваны*. Для гэтага маглі выкарыстоўвацца сістэматычны, алфавітны ці храналагічны прынцыпы (раздзел 15). *Сістэма упарадкавання павінна базіравацца на першаснай арганізацыі архіўнага фонду, якая адпавядае структуры устаноў, што стварыла фонд*. У раздзеле 16 аддавалася перавага структурнай прыкмеце сістэматызацыі перад функцыянальнай, і

адзначалася, што гэтая сістэма ўжо з 70-х гг. XIX ст. была прынята як адзіна магчымая шэрагам архівістаў Германіі, Італіі і Францыі. Тым не менш, і іншыя сістэмы, на думку аўтараў, таксама мелі права на існаванне.

Пры ўпарадкаванні архіўнага фонду ў першую чаргу ўзнаўляецца яго першапачатковы парадак, і толькі пасля гэтага прымаецца рашэнне аб мэтазгоднасці адхілення ад дадзенага парадку (раздзел 17). Аўтары зусім не настойвалі на захоўванні першапачатковага парадку, але былі ўпэўнены, што ён мусіць быць узноўлены для правільнага размяшчэння і апісання фонду.

Інтэрэсы гістарычных даследаванняў пры ўпарадкаванні фондаў з’яўляюцца другаснымі. Гэта значыць, што архіўныя патрабаванні лічыліся больш прыярытэтнымі за гістарычныя (раздзел 19). Такое правіла было сфарміравана не толькі для таго каб абараніць інтарэсы архівістаў, але і ў інтарэсах даследчыкаў, бо прадметныя класіфікацыі, як правіла, задавальняючы патрэбы адных, парушалі патрэбы іншых.

Што тычыцца правілаў апісання, то рэкамендавалася *апісваць фонд не па дакументах, а па больш значных адзінках фонду*. Але апісанне больш старажытных дакументаў дазвалялася рабіць больш падрабязным. Асабліваці апісання павінны былі пазначацца ў прадмове да вопісу (раздзелы 37, 39). Цікава, што аўтары Падручніка былі катэгарычна супраць стварэння вопісу ў форме табліцы: *«уціснуць вопіс у вельмі суровую форму табліцы гэтаксама цяжка, як і надаць яму форму пазытыўную»* (раздзел 40). Але, з іншага боку, прапагандавалася тэрміналагічная і фармальна ўніфікацыя вопісаў (раздзел 84).

Відавочна, што сутнасць архіўнай тэорыі, прапанаванай нідэрландскімі архівістамі, была выкладзена ў першых 20 правілах, ці першых дзвюх главах. У наступных, гэтыя правілы канкрэтызаваліся зыходзячы з лакальных архіўных задач. Адным з галоўных дасягненняў Падручніка было вызначэнне архіўнага фонду, якое звязвала архіў і структуру ўстаноў, у выніку дзейнасці якой гэты архіў паўстаў, а таксама застаўляла архівістаў клапаціцца пра захоўванне межаў і структуры фонду, разумець, што часткі, з якіх ён складаецца, могуць быць найбольш інфарматыўнымі толькі ўнутры свайго арыгінальнага кантэксту. Акрамя пытанняў упарадкавання і апісання, аўтары Падручніка зрабілі немалаважны крок на шляху далейшага выкарыстання архіўных фондаў як устаноўмі-стваральнікамі, так і даследчыкамі (раздзел 19 і інш.)

Наватарскія ідэі былі выкладзены ў раздзелах 1, 2 і 16. Калі разглядаць іх асобна, яны не былі сапраўды новымі для 1898 г., і аўтары гэтага не сцвярджалі. Прынцып, згодна якому дакументы розных стваральнікаў не павінны перамяшвацца, з’явіўся нашмат раней, і быў замацаваны ў практыцы працы французскіх і нямецкіх архіваў. Новай была камбінацыя ідэй і іх інтэграцыя ў дачыненні да дзейнасці нідэрландскіх архіваў. Гэта азначала вялікі крок наперад, дзякуючы якому архіўныя веды маглі быць распаўсюджаны па свеце [7, с. 258—263].

«Сто першым правілам» можна лічыць фармулёўку ўласна нідэрландскага прынцыпу стварэння фондаў (прынцыпу правеніенцыі), якая не прагучала ў

Падручніку непасрэдна, але была агучана С. Мюлерам на 10 гадоў пазней у 1908 г. *Прынцып правененцыі* — архіўнае правіла, згодна якому кожны дакумент уключаецца ў той архіўны фонд і ў тую частку фонду, да якой ён належыць падчас дзейнасці арганізацыі [7, с. 259]. Гэты прынцып засноўваючыся на французскім «павагі да фонду» і нямецкім рэгістратурпрынцыпе, усталёўваў арганічны парадак унутры фонду, але не настойваў на жорсткім падпарадкаванні парадаку рэгістратуры.

Міжнароднае прызнанне і даўгавечнае жыццё Падручніка

Выданне Падручніка надало прынцыпам, што выкладзены ў ім, новае жыццё. Яно пачалося з увядзення іх у практыку працы нідэрландскіх архіваў і ўніфікацыі дзейнасці апошніх. Галоўную ролю ў гэтым адыграла Асацыяцыя, адаптуючы і папулярнызоучы «сто правілаў» падчас сустрэч і на старонках часопіса.

Акрамя гэтага, Падручнік, скіраваны на стандартызацыю прафесійнай дзейнасці, быў значным рухам да прафесіяналізацыі архіваў. Стандарт упарадкавання і апісання архіваў быў інструментам новай прафесіі, праз які стала магчыма ўсталёўваць прафесійныя патрабаванні як для членаў гэтай супольнасці, так і для карыстальнікаў. У Архіўнай школе Нідэрландаў, што была створана падчас побыту Роберта Фруіна на чале архіўнай службы, з 1920 па 1934 г., была ўведзена т. зв. «архіўная эканоміка», якая прадугледжвала пастаронкавае вывучэнне Падручніка.

Кожны член Асацыяцыі, а таксама архівісты і бібліятэкары Нідэрландаў мусілі мець экзэмпляр Падручніка пасля выдання. Таму да 1910 г. у наяўнасці засталася менш 20 з 310 экзэмпляраў, а сёння першае выданне з'яўляецца недаступнай бібліяграфічнай рэдкасцю. У гэты час Мюлер і Фруін пачалі працаваць над перавыданнем, аднак разыходжанні былі настолькі сур'ёзнымі, што ў 1920 г. было вырашана перавыдаць арыгінальную версію. Дадаткі і выпраўленні, унесеныя аўтарамі ў нямецкі варыянт (1905), не былі ўлічаны ў другім нідэрландскім выданні. Да 1938 г. і ўвесь другі тыраж быў прададзены, а новы так і не з'явіўся, нягледзячы на высілки шматлікіх камітэтаў. Жыццё Падручніка працягвалася ў перакладах і перавыданнях на іншых мовах.

Пераклад на іншую мову, а таксама адаптацыя «ста правілаў» да іншай архіўнай традыцыі — гэта дастаткова складаны працэс, які выдэе да шэрагу праблем, асабліва тэрміналагічных. Так, напрыклад, некаторыя тэрміны існуюць толькі ў адной мове і не маюць дакладнага адпаведніка ў іншых, ці адны і тыя ж тэрміны маюць рознае значэнне і г. д. Адмоўнай рысай большасці перакладаў было тое, што ў іншых краінах не было публічнага абмеркавання, як гэта рабілася ў Нідэрландах. Гэта дало падставу пазнейшым даследчыкам сцвярджаць, што ў перакладах не глыбока разумеўся сэнс Падручніка, і што яны ўтрымлівалі шэраг недакладнасцей і памылак.

Першы пераклад, што з'явіўся ў 1905 г. быў зроблены на нямецкую мову *Хансам Кайсерам* (*Hans Kaiser*), і рэдагаваўся аўтарамі Падручніка. Ініцыята-

рам нямецкага выдання і аўтарам прадмовы быў *Вільгельм Веганд* (*Wilhelm Wegand*). Для адаптацыі тэрмінаў рабіліся адпаведныя каментары. Для гэтага выдання аўтарамі быў цалкам перароблены 20 раздзел (аб іерархіі відаў дакументаў у межах фонду), паколькі пры перакладзе высветлілася шмат недакладнасцей. Першы пераклад паказаў асноўныя цяжкасці інтэрпрэтацыі архівазнаўчага тэксту. Па сутнасці, гэта быў не пераклад, а даследчыцкая праца, скіраваная на ўвядзенне «ста правілаў» у новы кантэкст.

Італьянскі пераклад, зроблены *Джавані Віттані* (*Giovanni Vittani*) і *Джусэпэ Банэлі* (*Giuseppe Bonelli*), выйшаў у свет у 1908 г. Пераклад адбываўся з нямецкай версіі, бо нямецкая мова была больш распаўсюджана, чым нідэрландская, а таксама таму, што нямецкі варыянт ужо меў дапаўненні, зробленыя аўтарамі. Перакладчыкі ў прадмове звярталі ўвагу на тое, што прынцыпы, выкладзеныя ў Падручніку, маюць універсальны характар, нягледзячы на тое, што ілюструюцца прыкладам нідэрландскіх архіваў. Дадаваліся заўвагі, якія акцэнтавалі ўвагу на архіўнай сітуацыі ў Італіі.

Французскі пераклад, што таксама ўзгадняўся з аўтарамі, выйшаў якраз напярэдадні кангрэса ў Бруселі ў 1910 г. Ён быў зроблены нідэрландскім архівістам *Іосафам Кувелірам* (*Joseph Cuvelier*) і французскім *Генры Стайнам* (*Henri Stein*), прадмову напісаў сябра С. Мюлера *Генры Пірэна* (*Henri Pirenne*). Выданне, акрамя аўтарскіх, утрымлівала заўвагі Кайсера і было адаптавана да практыкі працы бельгійскіх і французскіх архіваў [7, с. 264—266].

Міжнароднае прызнанне ідэй Падручніка пачалося не толькі з перакладаў, але перш за ўсё з першага Міжнароднага кангрэса архівістаў і бібліятэкараў у Бруселі ў 1910 г. Прэзідэнтам яго архіўнай секцыі быў Самуэль Мюлер, і яго добравядомыя погляды дамінавалі ў дыскусіях. Колькасць архівістаў у Бруселі налічвала каля 60 чалавек: з Нідэрландаў (9 прадстаўнікоў), з Францыі, Германіі, Аўстра-Венгрыі, Італіі, Іспаніі і ЗША (ад трох да шасці прадстаўнікоў). Вялікабрытанія, Партугалія, Расія былі прадстаўлены адной ці дзвюма асобамі. Другой тэмай на першай сесіі было абмеркаванне «прынцыпу правененцыі», прадстаўленага архівістам г. Ратэрдама *Эне Версумам* (*Erpe Wiersum*) [10, с. 48; 11, с. 26—27]. Яго вызначэнне цалкам адпавядала трактоўцы Мюлера 1908 г. У выніку абмеркаванняў нідэрландская трактоўка прынцыпу была ўнесена ў рэзалюцыю кангрэса. Пазней у 1964 г. Іаган Папіц адзначаў, што нягледзячы на дасягнуты кансэнсус лакальных варыяцый інтэрнацыянальнага прынцыпу працявалі існаваць і далей [12, с. 26—27].

Падручнік быў перакладзены на балгарскую мову ў 1912 г. па прыватнай ініцыятыве Балгарскага народнага банка для працы ў бегучым справаходстве. Пераклад быў зроблены з французскай, і мае істотныя недахопы ў тэрміналогіі, бо перакладчык, *Дзімітры Пон Ілеў* (*Dimitri Pop Ilev*) — настаўнік французскай мовы, не меў ніякага ўяўлення пра прадмет. Тым не менш, кніга мела вялікую станоўчую ролю ў архіўнай справе Балгарыі [13, с. 387].

Расійскі сціслы пераклад Падручніка на 56 старонках часопіса «Архіўная справа» зроблены гісторыкам і картографам *Іванам Аляксандравічам Галубцовым* з французскага выдання. Аўтар перакладу «не браў на сябе ніякіх крытычных задач», яго мэтай было знаёмства чытача са зместам кнігі як яна ёсць. Ён адзначаў, што шэраг правілаў Падручніка не могуць быць выкарыстаны ў савецкай архіўнай практыцы ў прадстаўленай форме, але патрэбны асэнсаваны выбар і выкарыстанне іх у адпаведных умовах архіўнай справы [4, с. 18]. Поўны расійскі пераклад Падручніка з французскай быў зроблены Л. Пакроўскай у 1931 г., і захоўваўся ў выглядзе машынапісу ў ЦАУ СССР. Менавіта на яго спалілася ў сваіх артыкулах даследчыкі наступных дзесяцігоддзяў [14, с. 85].

Вядомы таксама і польскамоўны пераклад, зроблены ўраджэнцам Беларусі *Рычардам Мянцікім*, які так і застаўся ў рукапісе ў яго асабістым архіве, што захоўваецца ў адпаведным адзеле бібліятэкі Торунскага ўніверсітэта [15, с. 69].

У англійскую мову «сто правілаў» у поўнай сваёй версіі прыйшлі толькі ў 1940 г. Але знаёмства з імі ў ЗША і Вялікабрытаніі пачалося задоўга да гэтага. *Арнольд ван Лаер (Arnold J. Van Laer)* і *Вальда Лиланд (Waldo H. Leland)* зрабілі прынцып правеніцтві і іншыя «новыя» метадыкі вядомымі для сваіх амерыканскіх калег з Амерыканскай гістарычнай асацыяцыі шляхам публікацый і выступленняў. Брытанскі архівазнаўца Хілары Джэйнсан у сваім «Падручніку па кіраванні архівамі» (1922) у кожным раздзеле цытуе правілы Мюлера—Фэйта—Фруіна, параўноўваючы іх з іншымі падыходамі. Улічваючы тое, што сам падручнік Джэйнсана перавыдаваўся тры разы, можна сказаць, што асноўныя ідэі нідэрландскіх архівістаў былі вядомыя ў Брытаніі ў першай палове XX ст.

Што тычыцца амерыканскага перакладу, то яго стваральнік *Артур Левіт (Arthur H. Leavitt)* у сваёй прадмове адзначаў: «*дзіўна, што кніга асабліва не была перакладзена на англійскую мову, нягледзячы на тое, што яе прынцыпы ў значнай ступені выкарыстоўваліся ў архіўнай справе Вялікабрытаніі і інш. краін*». Пераклад рабіўся з нідэрландскага выдання 1920 г. з унясеннем некаторых змен. Ён уключыў шэраг каментарыяў з французскага выдання, а таксама ўласных тлумачэнняў. Для большасці архіўных тэрмінаў былі дадзены амерыканскія эквіваленты, адпаведна значная частка іх першапачатковага сэнсу была страчана. Вельмі значным недахопам гэтага выдання стала адсутнасць аўтарскіх карэктываў, што былі ўнесены ў нямецкі варыянт. Гэтыя ж недахопы распаўсюдзіліся на кітайскі і партугальскі пераклады.

Амерыканскія перавыданні адбыліся яшчэ двойчы: у 1968 і 2003 гадах. Апошняя ўтрымлівала грунтоўную прадмову нідэрландскіх даследчыкаў *Пётэра Хорсмана (Peter Horsman)*, *Эрыка Кетэлаара (Eric Ketelaar)* і *Тэа Томасена (Theo Thomassen)* з аналізам гісторыі Падручніка і генезіса архівазнаўчых ідэй. Гэтая прадмова адпаведна была скарачаным перакладам 105-старонкавай прадмовы да юбілейнага нідэрландскага перавыдання Падручніка ў 1998 г.

На кітайскай мове (як пераклад з амерыканскага выдання 1940 г.) Падручнік быў выдадзены ў 1959 г. У 1960 г. Асацыяцыя архівістаў Нідэрландаў дала дазвол на выданне на партугальскай мове Нацыянальнаму архіву Бразіліі. Перакладчык *Мануэль Адольфа Вандэрлей (Manoel Adolpho Wanderley)* таксама базаваўся на амерыканскай версіі, але выкарыстоўваў і іншыя выданні. Другое дапоўненае выданне на партугальскай мове пабачыла свет у 1973 г. [7].

Як ужо адзначалася, у савецкай гістарыяграфіі значнай была цікавасць да Падручніка, як і да іншых еўрапейскіх архіўных распрацовак у сярэдзіне 1920-х гг. Яна праяўлялася на старонках часопісаў, а таксама падчас архівазнаўчых дыскусій. Так, ва ўкраінскім часопісе «Архіўная справа» ў 1925 г. была надрукавана рэцэнзія на Падручнік, зробленая адказным сакратаром рэдкалегіі часопіса, харкаўскім архівістам *Вольгай Гаўрылаўнай Вадалажчанка (Ольга Гаверліўна Водолажченко)*, аналізаваўся Падручнік і ў лекцыях *Васіля Іванавіча Вераценнікава (Веретенников Василь Иванович)* і *Міхала Васільевіча Глівенкі (Глиенко Михайло Васильович)*, распрацаваных для Украінскага інстытута павышэння кваліфікацыі.

Тым не менш, у гэты ж час распачалася і хваля крытыкі ў аднас нідэрландскага Падручніка, якая прывяла да яго фактычнага выключэння з савецкай гістарыяграфіі аж да 80-х гг. XX ст. Ужо на першым з'ездзе архіўных працаўнікоў РСФСР *Барыс Іосафавіч Анфілаў* адзначаў, што «*у вызначэнні архіўнага фонду, дадзенага галандскімі архівістамі, імат умоўнасцей і недакладнасцей. ... У ім няма той катэгарычнасці, якая павінна быць у скончанай формуле вызначэння*». Не згодны быў Анфілаў і з тэзісам аб тым, што сямейныя архівы не могуць складаць архіўны фонд [16, с. 249—250]. На той момант такія заўвагі былі абумоўлены канкрэтнай практычнай сітуацыяй, з якой сутыкнуліся савецкія архівісты — стварэннем Адзінага дзяржаўнага архіўнага фонду, у які шляхам адзяржаўлення ўвайшлі і былыя фамільныя архівы.

Канчатковаму «выкрыццю буржуазнай сутнасці» Падручніка быў прысвечаны цэлы шэраг артыкулаў у сярэдзіне 1930-х гг. [14; 17] Савецкія архівазнаўцы ўтледзелі ў правілах Падручніка «*адрыў тэорыі ад практыкі (інтарэсы архіўныя ставіліся вышэй інтарэсаў гістарычнай навукі); фетышызацыю дакументаў і прававодства ўстановы (неабходнасць захавання старога парадку прававодства); адвядзенне архівісту ролі пасіўнага гледача (архівіст, што перабудоўвае фонд — галоўны вораг архіва)*». С іншага боку, падкрэслівалася, што сістэма пабудовы фонду, гэта сістэма, «*якая не парушае арганічную і гістарычную структуру фонду, г. зн. сістэма храналагічна-структурная ці структурна-храналагічная*» [17, с. 60—61, 68]. Вырваныя з кантэксту тэзісы Падручніка былі «выкрыты», аднак сутнасць прапаноў па сістэматызацыі фонду па структурнаму прынцыпу замацавалася ў савецкім архівазнаўстве. Акрамя непасрэдна ідэалагічных закладаў, скіраваных на адмежаванне савецкіх архіваў ад заходняй гістарыяграфіі і пастаноўкі іх на службе марксістскай тэорыі, разважанні архівазнаўцаў таго часу мелі відавочны практычны вынік — архівісты

атрымалі права перабудоўваць структуру фонду, зыходзячы з т. зв. «класавых інтарэсаў», «кіруючай ролі партыі» і палажэнняў марксістскай тэорыі.

Разам з «выкрышчэньнем буржуазных тэорыяў» адбывалася і «выкрышчэньне» перакладчыкаў і папулярызатараў Падручніка. Крытыкаваліся погляды В. І. Вераненнікава, М. В. Глівенкі, Г. Н. Чаброва [18] і інш. У 1930 г. па «справе гісторыкаў» быў арыштаваны І. А. Галубцоў, а ў 1937 г. як «актыўная ўдзельніца антысавецкай украінскай паўстанскай арганізацыі» — В. Г. Вадалажчанка.

Агучаньня прэтэнзіі да Падручніка паўтараліся ў савецкай гістарыяграфіі аж да 1980-х гг. [19, с. 56; 20, с. 71], хаця і ў 1960-х гг. некаторыя даследчыкі адзначалі розную прыроду фондаў арганізацыі і фондаў асабістага пошуку, якія ўтвараюцца па іншаму прынцыпу, прынцыпу пертыненцыі. З канца 1980-х гг., дзякуючы працам *Уладзіміра Мікалаевіча Аўтакратава і Таццяны Інаквенцьеўны Хархордзінай* нідэрландскай тэорыя была рэабілітавана і ўвайшла ў арсенал ведаў архівістаў на постсавецкай прасторы [21; 22]. Яе невялікі аналіз даваўся ў працах украінскіх і беларускіх даследчыкаў [23, с. 174—176; 24, с. 8], а з 1998 г. эстонскі часопіс «Туна» пачаў публікацыю перакладу на эстонскую мову.

Заклучэнне

Сёння архівазнаўцы розных краін задаюцца пытаннем, наколькі старыя канцэпцыі натуральнага парадку і інш. маюць вагу ў сучасным грамадстве.

Мэтанакіраваная папулярызаваная Падручніка ў першай палове XX ст. у рэшце рэшт зрабіла з яго, па выказванні *Тэадора Шелленберга (Theodor Schellenberg, 1956)*, «біблію сучасных архівістаў». Правілы Падручніка ніхто не мог адмяніць не толькі падчас знаходжання Мюлера і Фруіна на чале Асацыяцыі архівістаў і Дзяржаўнага архіва. Фруін уводзіў іх у навучальную праграму і практыку працы дастаткова радыкальна, што прывяло да іх дагматызацыі ў прафесійным асяроддзі.

Нарматыўны характар архіўнай метадыкі, кадыфікаванай у Падручніку, зрабіў архіўную тэорыю ў Нідэрландах, на думку шэрагу даследчыкаў, застыўшай на вельмі доўгі час. Гэты прафесійны парадокс быў ахарактарызаваны першым прафесарам архіўнай навукі ў Нідэрландах *Ван дэр Гоўвам (J. L. van der Gouw)* наступным чынам: «архівісты-практыкі звычайна не спрабуюць зразумець глыбейшы сэнс, які можа даць вывучэнне дакументаў і іх ўзаемадзейненне ў імкнуча выкарыстаць ужо гатовыя схемы дзейнасці» [8, с. 34—35].

Тэа Томасэн, дырэктар Архіўнай школы Нідэрландаў, адзначае, што архіўная сістэма Нідэрландаў пабудавана вельмі добра, але інтэлектуальныя дыскусіі пра тэарэтычныя асновы не вітаюцца. Такая сітуацыя не змянілася і пасля далучэння Архіўнай школы да Універсітэта ў Амстэрдаме ў 1995 г. Былі спадзяванні на тое, што гэта зменіць сітуацыю з практычнай арыентаванасцю архівістаў. Для будучыні архіўнай тэорыі, на яго думку, мусяць працаваць навуковыя інстытуты, прафесійныя асацыяцыі, а таксама друкаваная выданні.

У дачыненні да будучага архіўных правілаў стогадовай даўніны даследчыкі дастаткова скептычныя ў ацэнках. У сваім дакладзе на сустрэчы архівістаў у Гаазе *Арнольд дэн Тойлінг (Arnold J. M. den Teuling)* адзначае: «Як нідэрландскі архівіст я часта маю незразумелае адчуванне, калі чытаю замежную літаратуру пра архіўную навукі ў нашай краіне... Хаця іх асноўныя ідэі былі прыняты і аказалі істотны ўплыў на развіццё архіваў, сёння Падручнік ў Нідэрландах выкарыстоўваецца толькі як дапаможная праца» [25, с. 5].

Несумненна, усе пералічаныя заўвагі нідэрландскіх архівістаў з'яўляюцца слушнымі, але хучэй праблема палягае не ў тым, што выкладзеныя прынцыпы не з'яўляюцца актуальнымі, а ў спосабах і складушыхся традыцыях іх інтэрпрэтацыі і выкарыстання. «Прафесійны парадокс» дагматызацыі аднойчы ўсталяваных правілаў характэрны не толькі для нідэрландскай, але і для сусветнай практыкі працы архіваў, у тым ліку і беларускіх. Актуальнымі для нас з'яўляюцца тэзісы пра адносінны да фонду, як да ўнікальнага комплексу дакументаў, не падобнага на астатнія, пра неабходнасць глыбокага разумення прыроды фонду і яго навуковай рэканструкцыі, зафіксаванай у прадамове да вопісу. Немалаважнае і самаадчуванне архівістамі сваёй асобнай актыўнай ролі на службе інфармацыйным патрэбам грамадства, якое ніколі не падлягае дагматызацыі, але адкрытае для дыскусіі аб лёсах архіўнай навукі і архіваў.

Літаратура

1. Brichtford, M. The Origins of Modern European Archival Theory // The Midwestern Archivist. — Vol. VII. — № 2. — 1982. — P. 87—101.
2. Muller, S., Feith, J. A., Fruin, R. Handleiding voor het Ordenen en Beschrijven van Archiven: ontworpen in opdracht van de Vereniging van Archivarissen in Nederland — Groningen: Erven B. van der Kamp, 1898. — 156 p.
3. Muller, Fr. S., Feith, J. A., Fruin, R. Manual for the Arrangement and Description of Archives. Drawn up by direction of the Netherlands Association of Archivists / translation by Arthur H. Leavitt. — New York, 1940. — 225 p.
4. Голубцов, И. А. Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов // Архивное дело. — 1925. — № 2. — С. 2—40; № 3—5. — С. 84—102.
5. Ketelaar, E. Prolegomena to a Social History of Dutch Archives // A Usable Collection: Essays in Honour of Jaap Kloosterman on Collecting Social History. — Amsterdam, 2014. — P. 40—55.
6. Самоквасов, Д. Я. Централизация государственных архивов и архивное дело на Западе. — М., 1900. — 213 с.
7. Horsman, P., Ketelaar, E., Thomasen, T. New Respect of the Old Order: the context of the Dutch Manual // American Archivist. — Vol. 66. — 2003. — P. 249—270.
8. Ketelaar, E. Archival theory and the Dutch Manual // Archivaria. — № 41 (1996). — P. 31—40.
9. Jenkinson, H. A Manual of the Archive Administration, including the Problems of War Archives and Archive Making. — London, 1922. — 243 p.
10. Barritt, Marriot Rabe Coming to America: Dutch Archivistek and American Archival Practice // Archival Issues. — 18, № 1. — 1993. — P. 43—54.

11. Geller, Lawrence D. Joseph Cuvelier, Belgian Archival Education and the First International Congress of Archives, Brussels, 1910 // *Archivaria*. — № 16. — 1983. — P. 26—34.
12. Horsman, P. The Last Dance of Phoenix, or The De-discovery of Archival Fonds // *Archivaria*. — № 54. — P. 1—23.
13. Дуйчев, И. Лекции по архивистике. — София, 1991. — 424 с.
14. Фомин, Н. Систематизация архивных материалов // *Архивное дело*. — 1937. — № 2(43). — С. 75—101.
15. Degen, R. *Mysł archiwalna Ryszarda Mienickiego // Ryshard Mienicki (1886—1956). Archiwista i historyk / pod red. W. Chorażyczewskiego i R. Degena* — Toruń, 2009. — P. 67—88.
16. Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР. 14—19 марта 1925 года / Центрархив РСФСР. Ред. К. Ф. Бельчикова, В. В. Максакова. — М., 1926. — 312 с.
17. Назин, И., Доброва, З. Провениенцпринцип в построении архивного фонда // *Архивное дело*. — 1937. — № 1 (42). — С. 56—68.
18. Чабров, Г. Н. К вопросу о систематизации архивных материалов // *Ленинградский архивист*. — 1935. — № 1. — С. 64—83.
19. Бржостовская, Н. В. Архивы и архивное дело в зарубежных странах (История и современная организация) / Учеб. пособие. Под ред. Ю. Ф. Кононова. — Москва, 1971. — 219 с.
20. Старостин, Е. В. Западноевропейская историография архивоведения (конец XIX — первая треть XX в.) // *Советские архивы*. — 1985. — № 3. — С. 70—77.
21. Автократов, В. Н. Понятие происхождения в архивоведении // *Археографический ежегодник за 1978 год / АН СССР. Отделение истории. Археограф. комис.; редкол. С. О. Шмидт [и др.]*— М.: Наука, 1979.— С. 142—149.
22. Хорхордина, Т. И. История Отечества и архивы. 1917—1980-е гг. — М., 1994. — 357 с.
23. Мацяш, І. Б. Архівознавство: методологічні засади та історія розвитку. — К., 2012. — 515 с.
24. Архівазнаўства: дапаможнік / А. М. Бяляўскі [і інш.]; пад рэд. М. Ф. Шумейкі. — Мінск: БДУ, 2013. — 415 с.
25. Jeurgens, C. Historians and archivists: two disciplines working with the same papers (translation of the inaugural speech, professor of archivistics, May 2005) // *Universiteit Leiden Faculteit der Geesteswetenschappen [Electronic resource]*. — Mode of access: http://www.let.leidenuniv.nl/history/jeurgens/historians_and_archivists.pdf. — Date of access: 09.01.2017.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 01.03.2017

Ю. А. Андрэянава,

*аспірант кафедры істочніковедзеньня історычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта;
e-mail: juta2005@gmail.com*

АКТУАЛЬНЫЯ ВОПРАСЫ АРХІВОВЕДЗЕННЯ НА ПРЫМЕРЕ РАБОТ ТЭРРІ КУКА

Тэры Кук — канадскі ўвучны-архывіст, аўтар мэтада макрэкспэртызы цэннасьці архывных матэрыялаў, члэн Каралеўскага абшчэства Канады. В 1975—1998 гг. он работал в Национальном архиве Канады (сейчас Библиотека и Архив Канады) архивистом, менеджером, старшим менеджером. К концу работы в Национальном архиве Кук занимал должность старшего менеджера по экспертной оценке и уничтожению документов на всех видах носителей. В годы работы в Национальном архиве Кук разработал ряд методик и стандартов, существенно изменивших всю национальную систему архивов. В частности, в эти годы им была создана и внедрена методика макроэкспертизы ценности архивных материалов, позволяющая решить, какую (относительно небольшую) часть материалов следует хранить, а какая может быть безболезненно уничтожена [1, с. 157].

В 1975 г. Терри Кук стал членом только что созданной Ассоциации канадских архивистов. В качестве члена Ассоциации канадских архивистов Кук был членом ряда комитетов этой организации, включая комитет по публикациям, программные комитеты конференций и комитет по электронным архивам, и специальным советником ее президента по связям с общественностью. Схожие посты он занимал и в Ассоциации американских архивистов. Он входил в редакционный совет журналов *Archivaria*, *American Archivist* и *Archival Science*, а также был главным редактором двух изданий Канадской исторической ассоциации — *Canadian Historical Association's Historical Papers* (с 1978 по 1982 г.) и *CHA's Historical Booklets Series* (1982—1994). В 1998 г. он стал доцентом Манитобского университета (Канада), возглавив кафедру архивоведения на историческом факультете. Работа Кука в Манитобском университете продолжалась до 2012 г. Также он читал лекции по архивоведению в Мичиганском университете (США) и Университете Монаша (Австралия). За годы научной карьеры Терри Кук опубликовал свыше 80 статей в канадских и международных архивоведческих и исторических журналах [1, с. 157].

В своей профессиональной деятельности Терри Кук прошел путь от историка к архивисту, от традиционного архивиста к архивисту постмодернизма, подвергая сомнению многие фундаментальные теории своей профессии. Заслуги Терри Кука были отмечены рядом национальных и профессиональных наград. В 2009 г. он был удостоен премии Ассоциации канадских архивистов, а в 2010 г. стал первым канадским исследователем архивов, избранным в Королевское общество Канады [1, с. 158].

К сфере его научных интересов можно отнести архивную теорию, постмодернистские архивы, историю архивов и архивных идей, экспертизу ценности документов.

1. Архивная теория и постмодернистские архивы

Важную роль для переосмысления роли архивной науки сыграли статьи Терри Кука «Архивная наука и постмодернизм: Новые формулировки старых концепций» [2] и «Архивы, записи и власть: От (постмодернистской) теории к (архивной) практике» (статья написана в соавторстве с Джоан М. Шварц) в журнале «Archival Science» [3].

В своей статье «Архивная наука и постмодернизм: Новые формулировки старых концепций» автор отмечает, что с появлением электронных документов архивная наука должна переместить вектор исследования с анализа параметров и характеристик индивидуальных документов или документальных собраний в сторону анализа функций, процессов и транзакций, которые стали причиной создания данных документов. Фокусировка на процессе создания электронных документов вместо того, чтобы акцентировать внимание на самих данных, позволит изменить основные парадигмы архивной науки. Терри Кук выделяет восемь основных положений в современной архивной теории, подвергающихся изменению в настоящее время [2, с. 21—23]:

1. Принцип провениенции. Концепция принципа провениенции меняется от связывания электронного документа с местом его происхождения (создания) в традиционной иерархической организационной структуре к более виртуальному ее представлению, что позволяет более гибко отражать те функции и процессы создания документа, принимая во внимание множество постоянно меняющихся факторов, которые являются неотъемлемой частью документа. Другими словами, принцип провениенции теперь должен отражать функционально-сущностную связь, переход из физической формы документа в метафизическую.

2. Исходный порядок. Принцип происхождения меняет вектор направленности с управления изначального физического местоположения сохраненных данных в реестре или классификационной системе в сторону концептуального посредничества со стороны программного обеспечения, в котором различные части электронных документов хранятся разрозненно без физической привязки, что позволяет более гибко комбинировать различные данные одного документа, объединяя их по признакам, определенным соответствующей целью. Соответственно один «элемент» данных в конечном документе может быть использован множеством способов, что позволяет подготовить данные для использования различными группами людей исходя из соответствующей потребности.

3. Документ (электронный документ). Три основные составляющие любого документа: структура, содержание, смысл — традиционно имевшие свое отражение на различных носителях, таких как пергамент, бумага, пленка — теперь поделены на более мелкие составляющие и хранятся в различных элект-

ронных хранилищах и, вполне возможно, в разном программном обеспечении. Документ, таким образом, переходит из физической формы представления объекта в концептуальную форму, которая контролируется метаданными, которые, в свою очередь, объединяют документ по соответствующим признакам (содержание, смысл, структура) для того, чтобы предоставить подтверждение какой-либо деятельности или функции, результатом которой является документ (электронный документ). Более того, так как контекст документа и порядок доступа к его содержимому периодически меняются (в том числе и обращение к записи в самом архиве), содержимое метаданных может меняться, что приводит к обновлению сведений самого документа и его контекста. Документы более не являются чем-то неизменным, они становятся более динамичными. Электронный документ не является каким-то пассивным объектом — он играет важную роль в жизни человека, организации, общества.

4. Архивный фонд. Изменения в архивном фонде происходят аналогично изменениям в документах — ранее архивы рассматривались с точки зрения определенного статичного физического порядка, основанного на правилах, вытекающих из перемещения, размещения или аккумуляции групп документов. Сейчас же — это виртуальное взаимодействие, отражающее множественные взаимосвязи создателей электронных документов, фокусирующееся вокруг функций и сущностей, которые более четко отражают контекстуальность электронных документов в современном мире.

5. Организация и описание — позволят абстрагироваться от физической формы, которая не имеет существенного значения в контексте электронного документа. Архивистам необходимо совершенствовать контекстуальное понимание множества взаимосвязей электронных документов, а также инкорпорирование соответствующей системной документации и функциональных метаданных из информации, содержащейся в электронном документе, в инструменты, описывающие содержимое архива.

6. Суть экспертизы ценности документа будет меняться от определения потенциальной ценности документа (его содержания) для исследователей в будущем, в сторону макроэкспертизы значимости социальных функций создателя документа, программ и деятельности, взаимодействия граждан с данными и, в дальнейшем, выбора наиболее лаконичного документа, отражающего эти функции, а также поиска, используя ту же самую функциональную логику, личных документов, устных и визуальных источников, дополняющих документы официальных учреждений. Оценка устанавливает «ценность» исходя из социальной теории, основанной на контекстуальной нарративности самих условий происхождения документа, а не только его предметного содержания. Экспертиза будет также внимательна к маргинализованным и даже полностью лишенным голоса социальным элементам, как и к официальным текстам, представляющим позицию власти, будет искать свидетельства процесса управления, а не правительства.

7. Сохранение уже не будет, как раньше, фокусироваться на восстановлении, консервации и обеспечении безопасности физического носителя данных, а будет концентрироваться на непрерывной миграции или моделировании концепций и взаимодействий, которыми сейчас определяются виртуальные документы и виртуальные архивные фонды, посредством нового программного обеспечения. Безусловно, традиционные методы восстановления и консервации архивных данных будут использоваться для наследия прошлых веков.

8. Архивы как учреждения поменяют свою ориентацию с мест хранения старых документов, куда должны приходить исследователи для того, чтобы ознакомиться с содержанием архивных документов, на места, в которых отсутствуют физические преграды, места, существующие в глобальной сети Интернет, что позволит предоставить публике доступ к тысячам взаимосвязанных архивных систем, находящихся как под контролем архивистов, так и создателей документов.

Все эти изменения смещают теоретический и практический фокус внимания архивной науки за пределы самого документа. Таким образом, основная интеллектуальная работа архивоведения должна фокусироваться в большей степени на освещении функционального и структурного контекста документов, их развития с течением времени и создания баз знаний, способных сохранять, получать, отображать и делиться с другими информацией, представляющей собой базис при принятии решений в архивной области.

Все это делает архивиста активным посредником в формировании коллективной памяти при помощи архивов. Архивисты вносят существенный вклад в подобные исследования и, таким образом, должны будут тщательно подходить к выбору данных при создании архивов в процессе формирования «общественной памяти». Кроме того, они должны будут оставлять достаточно четкие свидетельства того, по какой причине был сделан именно такой выбор при формировании архива, что позволит, учитывая постмодернистский взгляд на историческую перспективу, четко выделить, какие данные должны быть включены в общемировое историческое наследие, а какие — исключены.

Процесс, а не продукт; то, что будет, а не то, что было; динамика, а не статика; контекст, а не текст; отражение времени и места вместо абсолютных величин — эти слова среди прочих стали современным лозунгом при проведении анализа и понимании науки, общества, организаций, бизнеса. Более того, они должны стать лозунгом для архивной науки в новом столетии и таким образом формировать новую концептуальную парадигму профессии архивиста [3, с. 171].

2. История архивов и архивных идей

Следует отметить вклад, который внес Терри Кук в изучение истории развития архивной мысли XX в. Результатом его многолетней работы стала статья «Все, что случилось с нами, лишь пролог: История развития архивной мысли с 1898 г. и смена будущей парадигмы», опубликованная в журнале «Archivaria»

(1997) [4]. Впервые данная статья появилась в 1993 г. в качестве пленарного обращения, которое должно было быть прочитано на XIII Международном конгрессе архивистов в Пекине в 1996 г. В процессе работы данное исследование дорабатывалось с учетом обсуждений с учеными-архивистами из 6 стран (Нидерланды, Австралия, Китай, ЮАР, США, Канада), которым рассылался черновой вариант статьи [4, с. 49]. Терри Кук признавал, что учитывая некоторые лингвистические ограничения с его стороны, он основывает свои исследования и заключения на информации об историческом развитии общества, идеях архивного общества, профессии архивиста и сопутствующих исследованиях, базируясь на англо-говорящей части Канады, Соединенных Штатов Америки, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, также как и на европейских исследованиях, которые были переведены на английский язык (Нидерланды, Франция, Италия и Германия). Тем не менее, его заключения затрагивают актуальные вопросы, задаваемые архивистами других стран, таких как Португалия, Испания, Норвегия, Китай и т. д. [1, с. 166—167]. Исторический анализ архивов требует повторного пересмотра дискуссий, которые передовые архивисты вели касательно своей профессиональной деятельности. Такой пересмотр требуется проводить в контексте современных тенденций в обществе, учитывая опыт прошлых лет, их предположения, идеи и концепции.

В данной работе анализируется история архивной мысли с момента публикации «Руководства для упорядочения и содержания архивов» (1898) до конца XX в. В статье рассматриваются основные идеи европейской, североамериканской и австралийской архивных традиций в контексте исторического развития. Основной целью автора было заострить внимание на кардинальных изменениях в природе документов, организаций-создателей, системах хранения и использования документов, а также на изменяющихся культурных, правовых, технологических, социальных и философских тенденциях в обществе и влиянии этих изменений на архивную теорию и практику. Терри Кук отмечает необходимость переосмысления традиционных принципов архивоведения для того, чтобы сохранить коллективную память народов и людей.

3. Экспертиза ценности документов. Макроэкспертиза

Много внимания в своих работах Терри Кук уделял вопросам проведения экспертизы ценности документов, особенно созданной им методике макроэкспертизы ценности архивных материалов. Кук следующим образом дает определение понятию «макроэкспертиза»: «Это оценка социальной ценности в функционально-структурном содержании и организациях, где документы создаются и используются их создателями, а также это взаимосвязи граждан, групп, организаций, т. е. общества, с этим функционально-структурным содержанием. Если традиционная оценка документов определяет долгосрочную ценность содержания документов для их потенциального использования в исследованиях, макроэкспертиза определяет значимость функционального содержания процесса их создания и одновременно его использования. Обычная экспертиза, в

общем, относится к документам, макроэкспертиза же относится к более широкому («макро») содержанию этих документов» [1, с. 164].

Также Терри Кук отмечает, что относительно социальной направленности, которая формирует теоретический фундамент макроэкспертизы, социологи считают, что все сферы общества в различной степени отражают трехуровневое взаимодействие между социальными структурами, социальными функциями и гражданами (по отдельности, либо как членами различных социальных групп). Макроэкспертиза, соответственно, изучает способ, каким можно определить социальную значимость данных, исследуя их атрибуты:

источник создания документов (организационные структуры, учреждения, бюрократический аппарат);

социально-исторические процессы (функции, программы, услуги, предоставляемые гражданам государством);

граждане, группы, на которые данные функции и структуры оказывают соответствующее влияние.

Макроэкспертиза ценности документов, таким образом, представляет собой подход к определению ценности документов, основанный на внимании к происхождению информации (ее источнике), где социальный контекст и ее современное применение выражается в ее относительной ценности для общества, она концентрируется на концептуальном, виртуальном и функциональном происхождении документа [1, с. 164]. Она сочетает в себе нисходящую функциональную декомпозицию со стороны широкого круга общественных вопросов, выраженных в функциях и сущностях государства, с вниманием к гражданской позиции по отношению к этому государству.

Заключение

В век быстрого развития информационных технологий архивисты столкнулись с необходимостью переосмысления и внесения изменений в традиционные концепции архивоведения, XXI век поставил перед архивистами задачу — сместить акцент от изучения отдельно взятого документа к анализу функций, процессов, действий, приведших к созданию документа. Претерпевает изменения и подход к проведению экспертизы ценности документа. Определение ценности документов, таким образом, будет представлять собой не оценку документов, исходя из их потенциальной ценности для будущих исследователей, а станет инструментом макроэкспертизы основных функций, программ, деятельности организаций-создателей документов и позволит уже не только определить те документы, которые будут подлежать последующему хранению, а также сохранять их нарративный контекст. Изменится также и роль архивов — они станут кураторами организаций, создающих документы, в период хранения там отдельных категорий документов, а изучение истории архивной мысли поможет современным архивистам совершенствовать их работу по сохранению наследия современного общества для будущих поколений.

Литература и источники

1. Solange, Puntel Mostafa, Murguia, Eduardo Ismael Interview / Solange Puntel Mostafa, Eduardo Ismael Murguia // Integrated System of Libraries (SIBiNET), University of São Paulo — InCID: R. Ci. Inf. e Doc., Ribeirão Preto, v. 3, n. 2 P. 157—170, July/Dec. 2012 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.revistas.usp.br/incid/article/viewFile/48659/52730>. — Date of access: 09.01.2016.
2. Cook, Terry. Archival science and postmodernism: new formulations for old concepts / Terry Cook // Archival Science 1, no. 1. — 2001. — P. 3—24 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.polonistyka.uj.edu.pl/documents/41623/111f093d-a2af-4fc6-8f9a-e193d85712a5>. — Date of access: 05.01.2016.
3. Cook, Terry, Schwartz, Joan M. Archives, Records, and Power: From (Postmodern) Theory to (Archival) Performance / Terry Cook, Joan M. Schwartz // Archival Science 2, no. 3—4. — 2002. — P. 171—185 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.nyu.edu/classes/bkg/methods/cook.pdf>. — Date of access: 05.01.2016.
4. Cook, Terry. What is past is prologue: a history of archival ideas since 1898, and the future paradigm shift / Terry Cook // Archivaria 43. — 1997. — P. 17—63 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://journals.sfu.ca/archivar/index.php/archivaria/article/view/12175/13184>. — Date of access: 20.11.2015.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19.02.2017

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

С. С. Рудовіч,

вядучы навуковы супрацоўнік
Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

КАСТРЫЧНІК 1917 ГОДА Ў БЕЛАРУСІ:
СВЕДЧАННІ ЎДЗЕЛЬНІКАЎ І ВІДАВОЧЦАЎ

Змешчаны ў дадзеным выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» артыкул М. Ф. Шумейкі «Дакументальныя публікацыі пра рэвалюцыйныя падзеі 1917 года ў Беларусі» утрымлівае агляд падрыхтаваных у БССР і Рэспубліцы Беларусь зборнікаў дакументаў, у якія ўключаліся ў асноўным афіцыйныя матэрыялы — пратаколы і рэзалюцыі рознага роду з'ездаў, канферэнцый і мітынгаў, пастановы органаў улады і кіравання, рашэнні грамадскіх арганізацый, матэрыялы перыядычнага друку. Менавіта такога кшталту крыніцы пераважна выкарыстоўваліся ў якасці дакументальнай асновы навуковых даследаванняў па гісторыі Кастрычніка 1917 года, выкананых як у савецкі, так і ў пост-савецкі перыяд. У значна меншай ступені даследчыкі адзначанай тэмы звярталіся і звяртаюцца да крыніц неафіцыйнага, асабістага паходжання — сведчанняў і ўспамінаў пра падзеі 1917 года іх удзельнікаў і відавочцаў. Мэта нашай публікацыі — прыцягнуць увагу даследчыцкай супольнасці да гэтай катэгорыі крыніц, прадэманстраваць іх інфармацыйны патэнцыял і значэнне для навуковай рэканструкцыі ходу Кастрычніцкага перавароту ў Беларусі.

Збіранне ўспамінаў удзельнікаў рэвалюцыі было пачата яшчэ ў першыя гады савецкай улады. У 1920-я гг. такую працу праводзілі ў Савецкім Саюзе, у т. л. у БССР, т. зв. гістпарты — адмысловыя камісіі пры партыйных органах для вывучэння гісторыі рэвалюцыйнага руху і Камуністычнай партыі. У канцы 1920-х — пачатку 30-х гг. гістпарты былі рэарганізаваны ў партыйныя навукова-даследчыя інстытуты. У Маскве пачаў дзейнічаць Інстытут Маркса—Энгельса—Леніна пры ЦК УсеКП(б), які з 1956 г. называўся Інстытутам марксізму-ленінізму пры ЦК КПСС. У Мінску Гістпарт пры ЦК КП(б)Б быў пераўтвораны ў НДІ па вывучэнні гісторыі КП(б)Б і рэвалюцыйнага руху на Беларусі (з 1945 г. — Інстытут гісторыі партыі пры ЦК КПБ).

Гістпарты і партыйныя НДІ ажыццяўлялі збіранне ўспамінаў некалькімі спосабамі: падахвочваннем патэнцыяльных аўтараў да складання пісьмовых мемуараў, запісам іх вусных успамінаў у індывідуальным парадку, а таксама правядзеннем «вечарын успамінаў» — спецыяльных сходаў, сустрэч, пасяджэнняў былых саўдзельнікаў падзей у канкрэтным горадзе ці рэгіёне.

Дзякуючы такой дзейнасці ў архівах адклалася шмат запісаў мемуараў удзельнікаў рэвалюцыйнага руху ў Беларусі. Паводле дадзеных У. М. Міхнюка, агульная колькасць такіх запісаў дасягае некалькіх соцень [7, с. 46].

У 1920-х гг. шэраг успамінаў былых удзельнікаў рэвалюцыйных падзей у Беларусі і на Заходнім фронце (В. Кнорына, К. Ландэра, Р. Пікеля, С. Гельтмана і інш.) былі апублікаваны ў часопісах «Пролетарская рэволюция», «Каторга і ссылка», «Красная летопись» або выйшлі асобнымі выданнямі. У 1927 г., да 10-гадовага юбілею Кастрычніцкай рэвалюцыі, быў выдадзены зборнік артыкулаў і матэрыялаў, у які ўвайшлі ўспаміны 24 удзельнікаў рэвалюцыйных падзей 1917 г., а таксама барацьбы з германскай і польскай акупацыямі [6]. У 1957 і 1967 гг. — да чарговых юбілеяў Кастрычніцкай рэвалюцыі — у Мінску выйшлі два зборнікі, у якіх змешчаны радыкальна адрэдагаваныя ўспаміны некалькіх дзясяткаў яе ўдзельнікаў [2; 3].

Асобна як важную падзею ў назапашванні мемуарнай базы крыніц па гісторыі рэвалюцыі 1917 года ў Беларусі неабходна адзначыць публікацыю С. М. Хомічам у 2004 г. успамінаў польскага сацыяліста В. Солскага, рукапіс якіх захоўваецца ў архіве Гувераўскага інстытута вайны, рэвалюцыі і міру пры Стэнфардскім універсітэце (ЗША) [15].

Аднак у кнігах і часопісах пабачыла свет толькі невялікая частка наяўных мемуараў. Рукапісы астатніх даволі бессістэмна размеркаваны паміж рознымі фондамі і адзінкамі захавання Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, рэгіянальных беларускіх архіваў, а таксама Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі [ф. 70 — Камісія па гісторыі Кастрычніцкай рэвалюцыі і РКП(б) (цэнтральны Гістпарт)]. Між тым нават выбарачнае азнаямленне з некаторымі ўспамінамі паказвае, што ў іх утрымліваецца нямала звестак, не зафіксаваных у афіцыйных дакументах і перыядычным друку. Найважнейшая асаблівасць і каштоўнасць запісаў успамінаў — у тым, што яны адлюстроўвалі непасрэднае ўспрыманне падзей іх удзельнікамі і відавочцамі, у меншай ступені зведвалі ўплыў цензуры і самацензуры. Праўда, асабістае паходжанне дадзенага віду крыніц абумовіла і іх пэўны суб'ектывізм. Таму (як, зрэшты, і любыя іншыя крыніцы) яны патрабуюць крытычнага аналізу і асэнсавання. Але дадзеная акалічнасць не перафрэслівае навуковай вартасці ўспамінаў для больш глыбокага вывучэння рэвалюцыйнага катаклізму 1917 года. Яны могуць дапамагчы не толькі падрабязней рэканструяваць хаду мінулых падзей, але і глыбей зразумець іх унутраную логіку, выявіць палітычную і псіхалагічную матывацыю ўчынкаў людзей, лепш адчуць саму атмасферу рэвалюцыйнага часу.

Ніжэй змешчана падборка некаторых сведчанняў (або іх фрагментаў), якія належалі ўдзельнікам і відавочцам кастрычніцкіх падзей 1917 года ў Мінску, Віцебску і ў Магілёўскай губерні.

Адкрываюць падборку (№ 1) вытрымкі з успамінаў лідара заходнефрантавых бальшавікоў А. Ф. Мяснікова, з якімі ён выступіў 30 снежня 1922 г. у Беларускай прадстаўніцтве ў Маскве — на сустрэчы былых удзельнікаў рэвалюцыі 1917 года ў Беларусі і на Заходнім фронце. Машынапісны тэкст стэнаграмы гэтага выступлення захоўваецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь у ф. 35п [Калекцыя дакументаў устаноў, арганізацый, воінскіх фарміраванняў і

ячэк КП(б)Б воінскіх часцей Заходняга фронту] [9, арк. 29—40]. У тэксце ёсць праўкі і заўвагі (аўтографы) удзельнікаў барацьбы за савецкую ўладу ў Беларусі В. В. Фаміна ад 21 мая 1925 г. і І. Я. Алібегава ад 28 жніўня 1933 г. Адрэдагаваныя варыянты выступлення Мяснікова маюцца таксама ў фондзе 60п [Інстытут гісторыі партыі і Кастрычніцкай рэвалюцыі пры ЦК КП(б)Б НАРБ [11, арк. 1—10; 12, арк. 1—14; 13, арк. 2—10, 11—19]. Аналагічны варыянт захоўваўся ў Цэнтральным партыйным архіве (ЦПА) Інстытута марксізму-ленінізму пры ЦК КПСС (цяпер — Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі), на падставе якога была ажыццёўлена публікацыя гэтых успамінаў А. Ф. Мяснікова ў зборніку яго выбраных твораў, выдадзеным у 1965 г. у Ерэване (успаміны памылкова датаваны ў зборніку 1923 годам) [8, с. 450—459]. Параўнанне апублікаванага тэксту з першапачатковым запісам выступлення паказвае, што падчас рэдагавання рабіліся не толькі стылістычныя, але і сутнасныя праўкі, якія «згладжвалі» найбольш вострыя і адкрытыя выказванні аўтара ўспамінаў. Мы прапануем чытачам «Беларускага археаграфічнага штогодніка» тры фрагменты першапачатковай стэнаграмы выступлення А. Ф. Мяснікова — аб падрыхтоўцы работы большавікоў у шэрагах арміі падчас летняга наступлення 1917 г., аб небездакорных з маральнага пункту гледжання метадах іх друкаванай прапаганды і аб спосабах сілавога захопу ўлады ў Мінску і на Заходнім фронце восенню 1917 г. З выкарыстаннем розных шрыфтоў пазначаны праўкі, унесеныя ў тэкст выступлення Мяснікова яго пазнейшымі рэдактарамі.

Прамову лідара заходнефрантавых большавікоў дапаўняюць успаміны яго блізкага паплечніка В. Г. Кнорына (№ 2), агучаныя, верагодна, на пасяджэнні былых партыйных работнікаў Заходняга фронту ў красавіку 1925 г. — пасля гібелі А. Ф. Мяснікова і С. Р. Магілёўскага ў авіяцыйнай катастрофе [9, арк. 18—22]. Цікавымі з'яўляюцца сведчанні Кнорына пра рознагалосі ў кіруючай групоўцы большавікоў Заходняга фронту ў момант захопу ўлады, а таксама пра тое, што ініцыятарам разгону Усебеларускага з'езда ў снежні 1917 г. быў найперш А. Ф. Мяснікоў (адсоль вынікае, што менавіта ён нясе галоўную адказнасць за недапушчэнне заснавання беларускай дзяржаўнасці ў канцы 1917 г.).

Як своеасаблівы рэпартаж «з поля бою» ўспрымаюцца ўспаміны Я. Ф. Пярно — у кастрычніку 1917 г. большавіцкага камісара мінскіх зброевых майстэрняў (№ 3). На жаль, дата запісу ўспамінаў на іх архіўным экзэмпляры не ўказана, але ёсць пазнака В. В. Фаміна, што запіс правяраны аўтарам; маюцца таксама пастаронкавыя заўвагі і аўтограф І. Я. Алібегава ад 28 жніўня 1933 г. [9, арк. 63—69]. Я. Ф. Пярно даволі падрабязна і маляўніча распавядае аб утварэнні і ўзбраенні 1-га Рэвалюцыйнага імя Мінскага савета палка; перадае матывацыю ўваходжання большавікоў у эсэра-меншавіцкі Камітэт выратавання рэвалюцыі, характарызуе палітычную дыферэнцыяцыю ўнутры гэтага органа і падманную тактыку ў ім большавіцкіх дэлегатаў; паказвае намаганні мінскіх

большавікоў па забеспячэнню падтрымкі з фронту і разрыў іх з Камітэтам выратавання пасля атрымання ўзброенай перавагі ў горадзе.

Варта адзначыць, што разглядаемыя ўспаміны Я. Ф. Пярно паслужылі асновай для тэксту, надрукаванага пад яго прозвішчам у 1957 г. у зборніку «У барацьбе за Кастрычнік у Беларусі і на Заходнім фронце» [14, с. 83—85]. Аднак паміж арыгіналам і апублікаваным тэкстам — надзвычай вялікая дыстанцыя: пры публікацыі ўспаміны скарачаны ў некалькі разоў, з іх бязлітасна выдалены ўсе факты і дэталі, якія хоць у чымсьці разыходзіліся з пануючай у 1950-х гг. афіцыйнай канцэпцыяй рэвалюцыі, а таксама апушчаны ўсе згаданыя прозвішчы ўдзельнікаў падзей. Па-сутнасці, у зборніку былі апублікаваны не самі ўспаміны Я. Ф. Пярно, а іх надзвычай лапідарны і бясколёрны канспект. Дадзеная акалічнасць падахоўціла нас прапанаваць чытачу поўны аўтэнтычны варыянт успамінаў, які ўяўляе безумоўную каштоўнасць для рэканструкцыі ходу падзей у Мінску ў кастрычніку 1917 г.

Далей друкуюцца матэрыялы аб рэвалюцыйных падзеях 1917 г. у Віцебску (№ 4). Тэкст уяўляе сабой беглыя ўспаміны, якія былі апублікаваны праз год пасля Кастрычніцкага перавароту ў спецыяльным юбілейным нумары газеты «К оружю» — органа Віцебскага губернскага камісарыята па ваенных справах (рэдактары С. М. Крылоў і Я. Окунеў). Дадзены нумар гэтага вельмі рэдкага на сённяшні дзень перыядычнага выдання захоўваецца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь. Аўтар успамінаў невядомы, ён падпісаўся дзіўнаватым псеўданімам «Точка»; паводле зместу можна меркаваць, што ён належаў да кіраўнічай групоўкі віцебскай большавіцкай арганізацыі. Успаміны не вызначаюцца падрабязнасцямі, але цікавыя тым, што выразна і адназначна паказваюць масавую сацыяльную апору ў барацьбе за ўладу большавікі Віцебска знайшлі найперш сярод вайскоўцаў мясцовага гарнізона, у той час як рамесніцкая большасць віцебскага пралетарыяту не спяшалася падтрымліваць утварэння большавікамі ўладнага структуры, доўгі час знаходзілася ў апазіцыі да іх.

Трансфармацыю ўлады ў канцы 1917 г. на павятовым і валасным узроўні наглядна адлюстроўваюць публікуемыя ніжэй (№ 5) фрагменты выступленняў дэлегатаў з месц на III з'ездзе саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў Магілёўскай губерні (6—10 студзеня 1918 г.). Тэксты друкуюцца паводле незаверанай машынапіснай копіі прагакола з'езда, якая захоўваецца ў ф. 60п [Інстытут гісторыі партыі і Кастрычніцкай рэвалюцыі пры ЦК КП(б)Б НАРБ [10, арк. 17—44]. Каштоўнасць дадзенай крыніцы бачыцца ў тым, што яна дае рэдкую магчымасць разгледзець сацыяльна-палітычны механізм рэвалюцыйных перамен у беларускай глыбінцы ў першыя месяцы пасля Кастрычніцкага перавароту як бы знутры, вачыма ініцыятараў і непасрэдных удзельнікаў гэтых пераўтварэнняў.

Нарэшце, апошні матэрыял (№ 6) дазволіць зацікаўленаму чытачу пранікнуць яшчэ глыбей у сацыяльную рэчаіснасць Беларусі канца 1917 г. — на ўзровень асобных мястэчак і вёсак. Ён уяўляе сабой перадрук часткі вынікаў апы-

таньня, праведзенага неназванымі аўтарамі сярод сялян Нова-Быхаўскай, Глухскай, Бяльніцкай, Вендарскай, Раснянскай, Чыгрынскай і Даўгамохскай валаццей былой Магілёўскай губерні праз 10 гадоў пасля рэвалюцыі 1917 г. Матэрыялы апытання былі апублікаваны ў юбілейным выданні Магілёўскага акруговага выканкама, якое сёння з'яўляецца бібліяграфічнай рэдкасцю [5, с. 59—63]. Гэтае своеасаблівае сацыялагічнае даследаванне раскрывае рэакцыю сялян на атрыманні ад новай улады дазвол на разгром панскіх маёнткаў і паказвае, як ажыццяўляліся адпаведныя дзеянні ў шэрагу мясцовасцяў Магілёўшчыны.

Не маючы намеру падрабязна аналізаваць публікуемыя намі сведчанні і ўспаміны відавочцаў кастрычніцкіх падзей 1917 г. у беларускіх губернях, адначасова толькі адну асаблівасць, якая кідаецца ў вочы пры азнамленні з дзедзенымі матэрыяламі. Ні мясцовыя бальшавіцкія лідары (А. Ф. Мяснікоў, В. Г. Кнорын), ні функцыянеры сярэдняга звяна, ні шараговыя відавочцы падзей практычна нічога не гавораць пра рэвалюцыйную актыўнасць у кастрычніку 1917 г. рабочага класа, які паводле марксісцка-ленінскай дактрыны мусіў быць асноўнай рухаючай сілай і гегемонам сацыялістычнай рэвалюцыі. Затое ўсе аўтары ўспамінаў шмат увагі надаюць палітычнай пазіцыі і дзеянням вайскоўцаў-франтавікоў і служачых тылавых гарнізонаў. Менавіта ад іх падтрымкі ці супрацьдзеяння ў канчатковым выніку залежаў зыход барацьбы як у цэнтры Беларусі і Заходняга фронту — Мінску, так у губернскім Віцебску і павятовых гарадах і мястэчках. Нават у сельскай мясцовасці, як падкрэслена ў апошнім матэрыяле, менавіта салдаты і матросы кіравалі сялянскімі выступленнямі і разгромам панскіх фальваркаў.

Адзначанае, думаецца, пацвярджае слухнасць меркаванняў шэрагу сучасных беларускіх гісторыкаў аб тым, што асноўнай рухаючай сілай рэвалюцыйных узрушэнняў 1917 г. у Беларусі з'яўлялася расійская армія (А. І. Багдановіч) [1, с. 188], што «Кастрычніцкая рэвалюцыя 1917 г. у беларускіх губернях была не рабочай і тым больш не сялянскай, яна насіла характар салдацкай рэвалюцыі. Менавіта войска, якое стамілася ад вайны і было падбухторана, у тым ліку і бальшавіцкай агітацыяй, да антываенных выступленняў, з'явілася каталізатарам змены ўлады на тэрыторыях, дзе праходзіў Заходні фронт» (В. Ф. Гігін) [4, с. 17—18].

Патрэбны новыя фундаментальныя даследаванні, не скаваныя ранейшымі догмамі, з прыцягненнем усяго комплексу наяўных крыніц, каб даць неспрадзуютую, аб'ектыўную навуковую ацэнку сацыяльна-палітычнага катаклізму 1917 г., а значыць, і выкліканых ім наступных трагічных працэсаў у гісторыі нашага грамадства.

Крыніцы і літаратура

1. Багдановіч, А. І. Салдацкія хваляванні ў Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны // Войны XIV—XX вв. в судьбах беларускага народа: Сб. науч. статей Междунар. науч.-теоретич. конф-ции (Минск, 4 декабря 2014 г.). — Минск, 2014.

2. В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте: Воспоминания активных участников Октябрьской революции. — Минск: Гос. изд-во БССР, 1957.
3. В борьбе за советскую власть / Составитель Б. Стрельцов. — Минск: Беларусь, 1967.
4. Гігін, В. Узаемаадносінны бальшавікоў і левых эсэраў у Заходняй вобласці (лістапад 1917—чэрвень 1918 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. — 2001. — № 5.
5. З падзей 1917 году // Магілёўшчына: да дзясятае гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. — Магілёў, 1927.
6. Кастрычнік на Беларусі: Зб. артыкулаў і дакументаў / Улажыў С. Агурскі. — Вып. 1. — Мінск, 1927.
7. Михнюк, В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919—1941 гг.). — Минск: Наука и техника, 1985.
8. Мяснікян (Мясников), А. Ф. Избранные произведения. — Ереван: Айастан, 1965.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей — НАРБ). — Ф. 35п. — Воп. 1. — Стр. 71.
10. НАРБ. — Ф. 60п. — Воп. 3. — Стр. 232.
11. Там жа. — Воп. 4. — Стр. 147.
12. Там жа. — Стр. 148.
13. Там жа. — Стр. 149.
14. Перно, Я. Ф. Вооружение революционных сил // В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте: Воспоминания активных участников Октябрьской революции. — Минск, 1957.
15. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / Науч. ред. С. Н. Хомич. — Минск: Тесей, 2004.

№ 1

Урыўкі са стэнаграмы выступлення А. Ф. Мяснікова на «вечарыне ўспамінаў» у Беларускай прадстаўніцтве ў Маскве

30 снежня 1922 г.

МЯСНИКОВ. <...> Со знаменитого наступления Керенского 4 июля [1917 г.]* «идут зачатки разложения Западного фронта. Пропаганда среди солдат *сначала*** шла очень трудно, так как это были все солдаты прежнего николаевского духа. Но это наступление дало нам большой козырь в руки. Наши товарищи большевики были очень смелы. Я помню, перед самым наступлением мы снарядили 10 товарищей, направили их за сто верст, там перед наступлением они вели агитацию. Мне лично удалось попасть в один из полков, кажется, 18-й Туркестанский, в то время, когда подготавливалось наступление, за день — за два. Мы старались солдат расколоть на два лагеря. В то время, когда уже шло наступление, мы в задних рядах агитировали против наступления.

* Успаміны А. Ф. Мяснікова грашаць храналагічнымі недакладнасцямі. Наступленне войск Паўднёва-Заходняга фронту ва Украіне пачалося 18 чэрвеня, войск Заходняга фронту ў Беларусі — 9 ліпеня 1917 г.

** Тут і далей курсівам набраны рукапісныя ўстаўкі (фіялетавым чарнілам) у машынапісны тэкст стэнаграмы, зробленыя рукой В. В. Фаміна 21 мая 1925 г. (гл. яго аўтограф: НАРБ, ф. 35п, воп. 1, стр. 71, арк. 38).

Одни оратора защищали, другие нападали на него. Это шло по всему фронту. Наступление готовили к 18-му [июня], но к 18-му был полнейший крах. Правда, уложили целую дивизию, но из наступления ничего не вышло. Этот крах дал то, к чему мы пришли в Минском совете, *в вопросе завоевания масс*.

<...> «В газете [«Звезда», затем «Молот»] мы давали самые яркие и определенные лозунги, чтобы установить связь с массами и фронтом перед выборами в Минский совет, думая, что этим выиграем. Здесь, в товарищеской среде, будем говорить прямо <...>, что эти лозунги были абсолютно демагогические, провокационные. Это были абсолютно демагогические лозунги*. Если вы раскроете газету, то вы найдете там все такие лозунги, что дальше некуда идти. Мы их давали фронту с целью разложения его. Эти лозунги мы бросали в рабочую массу, где было влияние *т. т.* Вайнштейна и Фрумкиной**. Мы давали их, чтобы разложить массу *от соглашательского влияния* и потом овладеть ею окончательно. Это нам удалось. Выборы в Минский совет *в сентябре 17 г.* прошли благоприятно для нас: мы получили солидное большинство».

<...> «...Каким образом получился Октябрьский переворот на Западном фронте *и в области*? В Западной области мы несколько позже захватили власть. Во время событий в Петрограде в ночь с 24-го на 25-е [октября] в Минске происходил, я помню, съезд фронтовых солдат-крестьян. <...> В последний день съезда мы получили радио, что на 2-м [Всероссийском] съезде [советов рабочих и солдатских депутатов] в Петрограде появились Ленин и Троцкий, что прежняя власть пала и объявлена новая власть. <...> Тогда наша большевистская фракция [Исполнительного комитета Западного фронта] стала подготавливаться к событиям.

Здесь я хотел бы обратить ваше внимание на один момент. Обычно наши противники обвиняют нас в том, что захват власти был давно подготовлен. Но на самом деле никто у нас не знал, что захват власти в Петрограде должен быть таким образом. Никаких директив от ЦК мы не имели. Я это утверждаю. Мы ничего не знали определенно и каким образом должно быть это выступление. Единственно, чем мы руководствовались, это знаменитыми статьями Ленина. Они называются «письма Ленина». Мы эти письма напечатали за полтора [месяца] до Октябрьской революции *в наших газетах*. Наступил момент, когда могло быть выступление. Конечно, каждый знал, что мы выступаем и берем власть, но каким образом и в каких формах, никто себе ясно не отдавал отчета. Директив никаких не было. Только и руководствовались этими «письмами Ленина», напечатанными, кажется, в «Буревестнике», последнем органе, третьем по счету после «Звезды». Мы полагали овладеть массами постепенно, как рекомендует Ленин, но от ЦК ничего не имели. Мы послали даже нашего делегата в Центр. Мы полагали, что пройдут большевики и получат большинство,

* Тут і далей вилучені шрифтам фрагменти стенограми, які були закреслені рукою В. В. Фаміна.

** Г. зн. Бунда.

но как поведут политику, как объявят новую власть, — для нас было неясно. Может быть, этим объясняется то обстоятельство, что мы с некоторым запозданием взяли власть на Западном фронте. Но это была трудная штука — взять власть на этом фронте, [так] к[ак] там был очень силен Фронтовой комитет. Это была идеологическая штука — захватить весь мозг Западного фронта: мозг идейный — состав, *который представлял* комитет Западного фронта, и который сидел в Минске, и мозг технический — *штаб фронта*, весь командный состав, *также* довольно сильный, — и затем овладеть всеми массами окончательно. Там, например, были комиссары штаба при Фронтовом комитете, которые цепко держали власть в своих руках. И вот, фронтом мы овладели, если не ошибаюсь, 11 ноября (с места: старого стиля). Да. До этого шла борьба. Поскольку мы имели дело с фронтом, мы выработали такую тактику. Фронт — это ответственная штука. Мы считались с тем, что немцы могут прорвать фронт. Мы знали, что для нас это будет скверно. Если прорвет фронт, пойдут на нас. Затем может быть внутренняя провокация, кровопролитие между частями, и это может погубить наши лучшие части. И много других опасностей. Я говорю о составе всего края — еврейское население, погромы, все может случиться. Потом, у нас сведений из Петрограда не было. Товарищ *Алферов* приехал с первыми номерами «Правды», где мы прочитали впервые: «Социалистическая Республика, Советская Республика». Помню впечатление, которое на нас эти слова произвели. <...> Сведений из Петрограда мы не имели, это нас озадачило.

Самое главное, чего мы хотели, — это выиграть время, которое нам понадобится для приготовления переворота. Мы прибегли к определенной хитрости — решили обмануть своего противника, усыпить его бдительность. Наша тактика была такова. Во Фронтовом комитете наша партия работала по-прежнему: спорим с меньшевиками, вносим предложения и поправки, но главную работу перенесли в Минский комитет [РСДРП(б)]. Там действуем и подготавливаем захват власти.

В тюрьме было много арестованных солдат. Мы стали их организовывать, чтобы из них сколотить кадр. Их было до 2 тысяч *человек*, из них можно было великолепный полк сделать. Большевики не знали, возьмем ли мы власть, думали, что мы на это не осмелимся. Многие говорили: большевики — дураки, как они могут взять власть, когда вся сила в штабе фронта, кто будет главой командования, специалисты от них уйдут, и немцы будут угрожать. Как это можно?

Нам удалось оттянуть события до 11-го *ноября**. За это время мы старались создать свои военные силы. К 11-му нам удалось организовать довольно большой полк, в котором, правда, все начальники были солдатами. Таким обра-

* У аргінале насупраць гэтага сказа на полі (сінім алоўкам) — знак пытаньня і заўвага: «В датах об октябрьских днях т. Мясников не прав, по-моему, он их забыл. 28/VIII. 33. Алибегов».

зом, к 11-му *ноября* ночью мы имели силу, состоящую из 2-й армии бронепоезда тов. *Прольгина*. <...> Он явился и встал на виду Минска (вы представляете себе товарную часть вокзала) с восточной стороны, откуда великолепно виден весь город. Этот бронепоезд была серьезная угроза. Без конницы мы взяли Фронтовой комитет. Открыли двери тюрьмы и освободили 2 тысячи заключенных солдат, они вооружились и образовали великолепный полк, который пошел потом в бой. Минский совет послал ряд товарищей К. ....*, Кривошеина во Фронтовой комитет, которые заявили, что *комитет* арестован, захватили штаб. Назавтра утром Минск проснулся с новой властью. Был издан первый приказ, что власть находится в руках советов. Назначенные в совет т. т. К. ....*, Поляков и Каменский разослали радио по всему фронту, что во главе власти стоит совет, преобразование идет, но все должны пока оставаться на местах.

Таким образом, 11-го *ноября* произошел переворот, который оформился окончательно в 20-х числах на *втором* фронтовом съезде. 2-й фронтовой съезд, который состоялся во 2-й половине *ноября* 17 г., собрал громадное большинство голосов в пользу большевиков и тем оформил эту власть. Построился новый Фронтовой комитет («Облискомзапфронта»). Этот Фронтовой комитет согласовался с гражданскими учреждениями. Он заседал вместе с губисполкомом. Эта власть выделила комиссаров, народных комиссаров по всем отраслям. (С места: не народных, а промышленных). Нет. Орган назывался Советом народных комиссаров, а комиссары назывались не народными, а просто комиссарами».

НАРБ. Ф. 35н. Вон. 1. Спр. 71. Арк. 32—33, 34—37.

№ 2

Выгрымі з успамінаў В. Г. Кнорына на сходзе старых бальшавікоў

Не пазней 5 красавіка 1925 г.

«Теперь напомню еще то обстоятельство, что после [VI] съезда [РСДРП(б)] т. Мясников высказался за организацию вооруженных частей. После заседания [Минского] Совета устроили собрание представителей вооруженных частей, на котором председателем был т. Мясников. Этот факт говорит об определенной подготовке к восстанию. Это было до Октября.

Затем напомню заседание в первый день после восстания 25-го вечером. Мы заседали, и один из товарищей, которого сейчас здесь нет, выступил с заявлением, что если т. т. меньшевики не пойдут с нами, то мы одни брать власть не можем. Был такой т. Ландер, который говорил, что мы не коммунары, власть мы не возьмем. Шукин предлагал арестовать всех меньшевиков. Т[оварищ] Мясников же не солидаризировался ни с т. Шукиным, ни с Ландером. Он сказал: нужно организовать силы, вызвать броневые части. Ландер был против. Было вынесено постановление о вызове броневой части. Вот, приблизительно, позиция была такова.

* Пропуск у арыгінале.

Далее, председателем Революционного комитета был т. Мясников*, и вся закулисная работа велась под руководством т. Мясникова. Я помню одно собрание на третий день. Ведь мы продержались там на два дня и сдались на третий день. Помню заседание Областного комитета и М[инского] комитета [РСДРП(б)]. На заседании Исполкома кто-то сообщил, что мы окружены. Мы ушли с заседания. Затем произошло небольшое заседание, на котором т. Мясников председательствовал. Требовались отчеты, сколько у нас имеется вооруженных сил, и когда это сообщение было сделано, Мясников поставил вопрос — как быть дальше. Фрейман предлагал оставаться и бороться с теми силами, какие есть, т. е. бороться до конца. Т[оварищ] Мясников на это сказал, что с нашими силами нечего делать, и пока необходимо пойти на компромисс. Это предложение и было принято против одного голоса Фреймана. <...>

Белорусский съезд. Тут были большие колебания. Резолюция была получена при участии посланного нами т. Устинова, которым, кажется, эта резолюция и была написана. Но дело такое, что он почти всегда был пьян, так что винить его не приходится. Пришел Мясников и устроил заседание, и первое, что было, постановили выслать товарища Кривошеина и распустить этот съезд. Но я помню, что когда пришел т. Мясников, сразу произошел поворот в другую сторону и, таким образом, этот съезд был разогнан».

НАРБ. Ф. 35н. Он. 1. Д. 71. Л. 19—20.

Фрагмент о Всебелорусском съезде опубликован в кн.:

1 января 1919 года. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Белоруссии. Документы и материалы. Минск, 2005. С. 231.

№ 3

Успаміны Я. Ф. Пярно

ПЕРНО. Я остановилось только на нескольких моментах, которые другим товарищам, может быть, не так близко были видны и которых другие товарищи из-за общей работы не замечали. Первым моментом является вооружение 1-го Минского революционного полка как единственной вооруженной силы, которая непосредственно должна была служить охраной Минского совета и Революционного военного штаба. Второй момент — отдельные эпизоды нашего временного отступления или, так сказать, «передышки». Третий момент — мотивы временного отступления, подготовка фронта и вхождение в Комитет спасения. Четвертый момент — характеристика внутренней работы и группировок в Комитете спасения.

По первому вопросу. Если не ошибаюсь, это относится к 25—26—27 октября [1917 г.], т. е. к первым трем дням после получения радио, что советы в Ленинграде** взяли власть в свои руки, наши противники растерялись. Не

* Старшынёй Ваенна-рэвалюцыйнага камітэта Заходняга фронту (кастрычнік—снежань 1917 г.) з'яўляўся К. І. Ландар.

** Так у арыгінале. Маецца на ўвазе Петраград.

стало никакой другой власти, кроме Минского совета, и тут сразу встал вопрос, откуда же на месте достать вооруженную силу, а также организовать охрану того оружия, которым могли воспользоваться наши противники.

Между прочим, меня назначили комиссаром оружейных мастерских, и я должен был следить за выдачей оружия. Ясно, что насчет живой силы остановились сразу на политарестованных фронтовиках, противниках июньского наступления, которых мы сразу стали освобождать. Я остановился на том, что из себя представляли эти товарищи. Первые 400—500 винтовок были выданы действительно толпе, а не организованной силе. В самый первый момент выдавали винтовки тем из них, которые первыми вышли из тюрьмы. Был такой хвост, каковой можно было только видеть около московских лавок во время голода. Вторая группа из 800 человек, которая на второй день пришла за оружием, была уже более или менее организованной. Они были разбиты по отдельным взводам, ротам и командам. Таким образом, у нас непосредственно уже была известная сила. Около 1300 винтовок, 20 пулеметов Максима и 8 пулеметов Кольта было выдано одному нашему Минскому революционному полку. Правда, все это было очень плохо использовано. В дальнейшем я объясню, каким образом так много пулеметов попало на один полк, но все-таки около 8 шт. было взято тут же сразу. Кроме того, как боевая линия вооружалась у нас Александровская ж. д. Из наших руководящих т. т. там находился Четырбок, помимо Смирнова (тогда интернационалиста), который также активно работал с нами. Около 900 винтовок мы дали 37-му пехотному запасному полку, который приютил в своих казармах вновь организованный 1-й Минский полк и был более или менее в наших руках, находясь под нашим влиянием.

Что мы действительно не ошиблись, действуя так, это мы увидим дальше из поведения противника. По крайней мере, уже в первые дни у нас была сила свыше 2000 винтовок и около 10 пулеметов. Все горе было только в том, что она не была организована так, как полагается. По 100—200 человек группами, ротами ходили в караул. Так, например, как только стало известно о приближении казачьей дивизии, к нам в оружейные мастерские прислали 200 человек. Тут были два товарища из бывш[их] офицеров, и вместе с ними мы буквально мучились над тем, как организовать охрану здания и винтовок, которые еще там остались в ремонте. Главное, у нас не было уверенности в том, что мы удержимся против серьезной силы. Но все меры военного характера были приняты: расставлены пулеметы, выставлены дозоры, которые могли бы нас своевременно информировать, и т. д.

Сдача оружейных мастерских казакам. 27 октября [1917 г.], когда прошел слух, что казачья дивизия подходит уже к Минскому совету и отдельные отряды двигаются по Захарьевской улице, где находятся мастерские, вдруг я получаю от дозорных уведомление, что меня вызывают представители Минского совета. Вижу, подъезжает на автомобиле т. Кривошеин и лаконически заявляет: «Сдать оружейные мастерские под охрану казакам». Я спрашиваю его: «На

каком основании?». Он в ответ: «Мясников так приказал». Вы, вероятно, помните, каким авторитетом пользовался тогда т. Мясников, который находился как раз в самом центре работы. Поэтому нам ничего не оставалось делать, как только сказать т. Кривошеину: «Хорошо, сдадим». Он тут же помчался дальше снимать других. Нам нужно было сообразить, как сдать. Решили пригласить представителей казаков. Их оказалось не так много, человек 10, не больше. И вот мы условились, что сдадим им караул в течение получаса. Сами же решили это время не терять даром и унести из мастерских столько оружия, сколько каждый сможет с собой захватить. Из перевозочных средств у нас не было ничего, кроме одного грузовика. Мы захватили около 20 пулеметов, винтовки и т. д., ребята охотно откликнулись на это, и дело пошло. Правда, смешная картина получилась тут... тащили на себе кто что мог. Казаки нас не трогали, но как будто удивлялись, зачем мы берем оружие. А мы говорили им, что это нашего полка — раньше выписанное, что остальное сдадим им, как полагается по уставу, и что если они устанут, придем сменить их. Оставшееся оружие и печать мы сдали под расписку честь-честью, чтобы у них не получилось впечатления, что мы бежим...

Уже после этого мы только узнали, что когда казачья дивизия двинулась к Минскому совету, в самую решительную минуту т. Кривошеин (тогда комендант города) не мог выставить против них реальной силы, потому что все наши части были разбиты по караулам, а та небольшая часть, которая была около Минского совета, не могла бы серьезно сопротивляться, тем более что самих командиров, как передавали потом, охватила растерянность. Уже вечером, когда я пришел в Минский совет, где были и представители Революционного штаба — т. Калманович и другие, то сдача всех постов была объяснена тем, что мы, будучи распылены, не в состоянии были бы удержаться, поэтому из стратегических соображений нам нужно было держать свои силы в кулаке. «Пускай казачья дивизия рассыпается, а мы все будем держаться вместе» — была наша стратегия. Таким образом, в стратегическом отношении и действительно мы выиграли, так как, с одной стороны, боя мы все равно не могли бы принять, а с другой — только наши силы сильнее стали.

Вместе с тем нужно отметить, что у нас больших сил еще не было. Говорили о танках, броневых поездах и т. д., но ничего этого тогда еще у нас не было. Поэтому мы только вечером на совместном заседании Минского комитета и Облбюро РКП*, при участии членов ревкома, решили, что в этом отношении нам нужно принять соответствующие меры. Производившееся тогда «прокидывание» полковых комитетов на фронте не могло дать еще никаких чувствительных результатов, так как это только начинали еще проводить. Насколько я помню, в ту же ночь были посланы товарищи во главе с т. т. Щукиным, Поликарповым и др. для того, чтобы, во-первых, ускорить пере-

* Так у арыгінале. Трэба: РСДРП(б).

выборы полковых комитетов во всех армиях, так как это передало бы в наши руки представительство, которое до того времени находилось еще, главным образом, в руках с.-ров, и, во-вторых, что было чуть ли не самым главным, — получить вооруженную помощь с фронта.

На том же заседании были одобрены принятые шаги по вопросу о вхождении наших представителей в Комитет спасения. Правда, инициатива в этом была меньшевика А. Б. Штерна как члена Фронтowego [комитет]а, боявшегося пролития крови, но наши товарищи в момент вступления казаков в город подхватили это предложение, дабы, с одной стороны, оттянуть бои для более выгодного момента для совета, с другой стороны — чтобы подтянуть наши силы, а также и для того, чтобы задержать, по крайней мере, посылку на Ленинград* и быть в курсе того, что делается в Комитете спасения. Между прочим, для этой волокиты были намечены т. т. Берсон, Слюсаренко, а из постоянных — тов. Алибеков** и я должны были ходить в Комитет спасения. Наша задача состояла в том, чтобы как-нибудь затягивать дело.

Я немного приостановилось на этом моменте. Внутренняя группировка Фронтowego комитета, можно сказать, разделилась на три части, не считая нас: самая правая, во главе с эсерами, сюда относятся т. т. Николаев, Нестеров, а из военных — Турман, из солдат — Пашковский, из меньшевиков — Колотухин, от Вижеля — Астахов; левая группа, куда входили: Басист, Перель; а посредине осталась колеблющаяся группа, которая служила иногда нам, когда мы наступали, а иногда нас расшифровывала***. Сюда относятся Вайнштейн, Айзенштаг, Решетов, которые иногда нас разоблачали и старались доказать нашу тенденциозность. Группа, которая создавалась вокруг Штерна, была в перманентном отчаянии и колебалась между Басистом и Вайнштейном. Вайнштейн одно время даже доказывал в Комитете спасения, что если сейчас не будет исполнена Минским советом сдача оружия, то это оружие возьмет все***. Но они иногда боялись нас и говорили, что все, что «выкидывает» Минский совет — недоразумение и без всяких намерений. Естественно, чувствовалось, что они не в состоянии защищать нас и только дипломатически старались срывать нападки. Правые, во главе с т. Турманом, держали линию такую: вырвать власть из рук большевиков, с другой стороны, тов. Мокреев говорил, что большевики — это нарыв на теле, и надо произвести операцию. [Товариш] Нестеров совершенно ясно ставил вопрос: или мы погибнем, или большевики, мы все время вместе здесь сидеть не можем. Т. т. Астахов, Кащенко, Злобин и Будаев*** занимались сновидениями наяву, что де 37-й и [Минский] революционный полки, даже пулеметы и возвания, гуляют по минским улицам и беспокоят мирных мешан. Меншевицкий комитет, в лице своего секретаря, регулярно информировал Комитет спасения о том, что делается в Кошарах

* Так у арыгінале. Маеца на ўвазе Петраград.

** Так у арыгінале. Пазней у літаратуры замацавалася напісанне «Алібегаў».

*** Так у арыгінале.

(располож[ении] частей Минского совета). Все время велись разговоры и дебаты о том, что нашу охрану (Минского совета) надо снимать, а, с другой стороны, шел напор в том смысле, что нужно действовать. В такие минуты постоянно кто-то предлагал: «Давайте расследовать», и мы поддерживали все время эту стадию расследования. Все эти расследования доказывали, что нет ничего такого, что меньшевицкий комитет доносит.

Даже до того дошли, что когда приехали к Жданову* солдаты на грузовом автомобиле по его же наряду, чтобы получить бумаги для Учредительного собрания, раздался телефонный звонок, что арестовывается Жданов. Николаев внес предложение о том, чтобы сразу действовать. Мы знали, что уже на фронте готовятся, и что батареи за Минском перешли на нашу сторону. Думали, наверно, начнут стрелять и по нас. Но оказалось, что к Жданову явились вызванные же им солдаты по его же ордеру.

Не было случая, когда бы они не боялись и не требовали или посылки на фронт, или разоружения, а мы лавировали, что сдадим оружие тогда-то. Все это «лавирование»** у нас было возложено на товарища Алибекова, который нес самую тяжелую в моральном отношении работу, т. е. все время обманывал***. Вайнштейн и Решетов указывали, что если «они» (т. е. Минск[ий] совет) не выполняют данных Алибековым обещаний, то берегитесь, т. е. расшифровывали нас. Группа Штерна все время плакала и говорила: «Давайте кончим». Это шло до того, пока работа т. т., посланных Минским и Обл[астным] ком[итетами] большевиков, не получила своих результатов на фронте.

Правда, за время своего присутствия в этом осином гнезде нам удавалось при помощи меньшевиков, бундовцев и Зетеля (лев[ая] группа эсеров)**** задержать посылку на Петроград не только войск с Западного фронта, но и с Юго-Западного фронта.

Когда уже «опрокидывание» (перевыборы) дошло до дивизий, то прямо от дивизионных съездов, через голову армий, стали приезжать делегации в Минский совет, а броневой поезд во главе с т. Пролыгиным подходил к Минску в ночь . . . . .*****, наша фракция Минского совета совместно с левыми эсерами в исполкоме, предупредив бундовцев, вынесла постановление о разрыве с Комитетом спасения.

Наутро наша группа (т. т. Алибеков, Берсон и я) совместно с только что приехавшими с дивизионных съездов делегатами явилась, как будто, на самое очередное заседание.

* У. А. Жданаў — камісар Часовага ўрада пры галоўнакамандуючым арміямі Заходняга фронту.

** Слова «лавирование» ўпісана ад рукі алоўкам.

*** Паказальна, што Алібегаў, чытаючы рукапіс, ніяк не адрагаваў на дадзенае сцвярдэнне, г. зн. фактычна пацвердзіў яго.

**** Слова ў дужках ўпісаны ад рукі алоўкам.

***** Пропуск у арыгінале.

Охотно было включено первым вопросом в порядок дня приветствие от дивизий, но как гром прозвучало над головой Комитета спасения воззвание дивизии Гренадерского корпуса: «Или вы разойдетесь, или мы вас разнесем». После этого мы заявили, что по постановлению Минского совета мы также уходим. Таким образом с формальной стороны все кончилось, и на деле больше никакого кровопролития не было, поскольку фронт был наш. Это было приблизительно 2 ноября [1917 г.]^{*}.

НАРБ. Ф. 35п. Вон. 1. Стр. 71. Арк. 63—69.

№ 4

Успаміны невядомага аўтара пра падзеі 1917 года ў Віцебску

1918 г.

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВИТЕБСКЕ

(Из воспоминаний)

Первый большевик

На горизонте меньшевисто-эсеровско-кадетского Витебска первый большевик появился в июне месяце 1917 года.

Это был т. Пинсон, рабочий наборщик из г. Двинска, во время войны брошенный в крепость царскими судьями за распространение «нелегальной» литературы.

Когда т. Пинсон впервые выступил на митинге в городском театре с большевистской речью, на него посмотрели, как на диковину, откуда-то свалившуюся в мещанско-благополучный Витебск.

Хихикали, подшучивали. Казалось, что все, в том числе и лидеры правящих тогда в Витебске партий, думали, что т. Пинсон бежал из желтого дома. А газеты дали подробный отчет об этом митинге, уделив главное внимание речи т. Пинсона.

Это была для них настоящая сенсация.

Еще бы, первый большевик в Витебске!

Собрание большевиков

На «Елагах»^{**}, где-то на задворках, вскоре после этого собралось первое собрание большевиков.

Газеты анонсировали это собрание жирными заголовками.

Еще сенсация — в Витебске появились большевики и даже устраивают собрание.

На первое собрание явилось человек около 40.

^{*} У арыгінале насупраць апошняга абзаца на полі — заўвага Алібегава: «Здесь не правильно, т. к. на последнем заседании была прочитана декларация Минск[ого] сов[ета] специальной делегацией с Красновым во главе. 25/VIII-33 г. Алибегов».

^{**} Ялагі — гістарычны раён у заходняй частцы г. Віцебска, які сфарміраваўся ў другой палове XIX ст. вакол аднайменнага фальварка.

Было не особенно интересно.

Не было интересных речей, но зато были настоящие люди, рабочие и солдаты.

Решили открыть в Витебске организацию, кажется, группу, тогда еще РСДРП (большевиков).

Так был заложен первый кирпич в фундаменте Октябрьской революции в Витебске.

Большевистская зараза

Большевистская зараза стала охватывать широкие солдатские массы г. Витебска. Возникшая организация большевиков, учитывая мелкобуржуазную психологию витебского ремесленного пролетариата, все свои силы направила в местный гарнизон.

Состоявшиеся в августе выборы в городскую думу дали неожиданные результаты. Из 102 мест большевики получили 16.

Большевики сами не ожидали этого. Весь их список тогда, кажется, заключал в себе 16 кандидатов.

Они рассчитывали на 5—7 мест, а, оказалось, прошел весь список.

Солдатская масса голосовала за большевиков.

Гарнизон уже был во власти большевиков.

Большевистская опасность

Результаты выборов в городскую думу заставили призадуматься местные меньшевисто-эсеровско-кадетские круги.

А жизнь в это время делала свое дело. Состоявшиеся вскоре после этого перевыборы в местный Сов[ет] раб[очих] и солд[атских] депутатов дали большевикам в Совете сильную группу. И лидеры правящих партий не на шутку заволновались. Эта группа могла причинить, да и причиняла им немало беспокойства, в особенности в корниловские дни. И лишь благодаря тому, что в корниловские дни большевики держали себя «нейтрально», меньшевикам и эсерам удалось сохранить некоторое равновесие.

Однако их здание власти дало уже такие трещины, что лидеры меньшевиков и эсеров сами почувствовали, что оно начинает рушиться.

Октябрьская революция

Октябрьская революция застала врасплох как витебских меньшевиков и эсеров, так и большевиков.

Первые оказались с аппаратом власти в руках, но без гарнизона.

Вторые имели за собой гарнизон, но у них не было аппарата власти и уверенности в свою силу.

Совет солдатских и рабоч[их] депутатов, возглавляемый меньшевиками и эсерами, призвал к жизни Военное бюро, «ликвидировавшее» корниловский мятеж. Но это бюро теперь оказалось карточным домиком, ибо не имело за собой никакой реальной силы.

Солдатская масса ушла из Совета и образовала Революционный совет солдатских, а вскоре и рабочих депутатов, выделивший в качестве исполнительной власти Военно-революционный комитет во главе с т. Пинсоном.

Единый революционный фронт

В дни Октябрьской революции Витебск оказался совершенно изолированным от центров. Ни газет, ни телеграмм не было. Получались кое-какие частные телеграммы, в большинстве случаев носившие провокационный характер. То сообщалось, что Керенский со своими войсками уже в Петрограде, и «большевистский мятеж» подавлен, а главари арестованы; то сообщалось, что между советскими войсками и войсками Керенского под Петроградом заключено перемирие и что ведутся переговоры о создании единого революционного фронта и власти из представителей всех социалистических партий и т. д., и т. д.

При таком положении вещей было трудно остановиться на определенной политической линии. И результатом этого естественно явились переговоры о создании единого революционного фронта в Витебске.

Заседание С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], посвященное этому вопросу, было очень бурное. Многие большевики противились созданию единого революционного фронта. Но т. Пинсон настаивал на этом, и вопрос в принципе был решен в положительном смысле, причем большевики поставили условием назначение новых перевыборов в С[овет] р[абочих] и с[олдатских] деп[утатов].

Контакт

Замечательно, что при наличии двух, казалось бы, исключаящих друга советов и органов власти — Военного бюро и Военно-революционного комитета, между ними был установлен контакт. И лишь после того, как окончательно выяснилась победа Октябрьской революции, Военно-революционный комитет стал на путь решительной политики.

Роспуск Сов[ета] солдатских и рабочих депутатов

Первым решительным шагом Военно-революционного комитета были приказы о роспуске старого Сов[ета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] и о назначении т. Крылова комендантом г. Витебска. К этому времени в старом Совете фактически функционировал лишь Совет рабочих депутатов, тогда представлявший собою федеративную организацию. Весь гарнизон определенно перешел на сторону Революционного совета солдатских и рабочих депутатов. Перешла также и часть рабочих, преимущественно фабричный и железнодорожный пролетариат.

Сов[ет] рабочих депутатов

Старый Сов[ет] рабочих депутатов, состоявший из элемента ремесленного мелкобуржуазного пролетариата и руководимый меньшевиками и эсерами, стал в оппозицию против Революционного совета и решил существовать самостоятельно, даже и после приказа Военно-революционного комитета.

Однако этому решению не суждено было осуществиться благодаря твердой политике Военно-революционного комитета. И лишь спустя долгое время ремесленный пролетариат г. Витебска решил послать своих депутатов в Революционный совет рабочих и солдатских депутатов, образовав при нем рабочую секцию, продолжавшую вести политику оппозиции по отношению к советской власти и большевикам.

Саботаж

Новая советская власть начала строительство новой жизни в Витебске.

Дело это оказалось нелегким. На каждом шагу советская власть встречала отчаянное сопротивление. Чиновники, служащие различных общественных учреждений, буржуазия, чуть ли не все население — злобно шипели и саботировали новую власть. В каждом учреждении, где появлялась советская власть, объявлялась забастовка, выносилась резолюция протеста и т. д.

Но советская власть продолжала свое дело всасывания в себя частиц аппарата местной власти, реорганизуя и упраздняя их.

Советская власть и городская дума

Серьезным конкурентом советской власти в Витебске долгое время являлась городская дума. Она продолжала существовать и работать самостоятельно, подчинив себе милицию, не считаясь с советской властью и временами даже действуя вопреки распоряжениям ее.

Укрепление советской власти

Лишь после роспуска городской думы, земства, продовольственных комитетов и других учреждений, созданных во времена Керенщины, власть советов окончательно укрепилась в Витебске.

Началась перестройка старого аппарата власти, создание новых форм жизни.

Последний удар по контрреволюции.

Был еще момент, крайне опасный для советской власти в Витебске.

Это февральское [1918 г.] наступление немцев на Витебск, когда Совет фактически эвакуировался, и на витебском горизонте снова появились старые «отцы города», рядом воззваний призывавшие население к спокойствию и обещающие ему «мир и благоволение».

Но группа советских деятелей, оставшаяся в Витебске, образовала Военно-революционный штаб, к которому перешла вся власть.

Брестский мир явился последним ударом по витебской контрреволюции...

Точка.

К оружию (Еженедельная военная газета — орган Витебского губернского комиссариата по военным делам). 1918. Юбилейный номер. 25 октября (7 ноября).

**Вытрымкі з пратакола III з'езда саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў
Магілёўскай губерні (6—10 студзеня 1918 г., г. Магілёў)**

7 студзеня 1918 г.

ДОКЛАДЫ С МЕСТ

Алешиковский (м. Жлобин): «Совет Жлобина районный. Он состоит из представителей от железнодорожников, рабочих, крестьян и солдат. Старый совет был не политический, а чисто профессиональный, он был не на должной высоте. Прибыл 60-й Сибирский полк и внес свой здоровый и революционный дух в работу совета, который и взял власть в свои руки. Было постановлено провести перевыборы совета.

Продовольственное дело плачевно. Приходилось имеющийся запас керосина обменивать на съестные продукты. Исполнительный комитет произвел реквизицию сена, картофеля, хлеба, расценивая его по твердым ценам. Хлеб обходился рублей по 20 за пуд. Даже спекулятивным путем хлеб доставать трудно. На хлеб и другие продукты таксы не было, установить ее трудно. Теперь такса выработывается, дабы обуздать спекулянтов. Пока воздерживаемся от проведения ее в жизнь. Торговцы протестуют.

Начальник милиции Григорьев назначен. Первое время им были недовольны, потому что со старым советом он не считался. Взяв власть в свои руки, исполнительный комитет предложил ему подчиниться совету. Григорьев согласился.

Организация суда. Выделена из исполнительного комитета судебная камера. Функции следственной комиссии выполняют: председатель, его товарищ и секретарь судебной камеры. Кто недоволен решением судебной камеры, тот обращается в исполнительный комитет, который и пересматривает это дело.

Работа в окрестностях поставлена печально. Организация плоха. Сами крестьяне изъявляют желание, чтобы делами ведал совет. Земство работает плохо. Жизнь заставляет нас распространять свою деятельность и на волость.

Есть вполне организованная рабочая секция, вследствие чего у нас своего отдела труда и нет. Иногда по конфликтам обращаются к нам. Мы и разрешаем их. Большая часть работы падает на представителей гарнизона, потому что местное крестьянство темно, организовано плохо. Солдаты стоят на стороне советов».

Каган (Шклов): «Население Шклова 14 тысяч. Около 700—800 фабричных рабочих, остальные ремесленники. Никакого самоуправления нет и не было. Фактически у нас царит безвластие. До прибытия сюда воинских частей совет существовал только на бумаге. С прибытием воинских частей наш совет стал проявлять жизнь. Вся работа фактически ложилась на представителей солдат. Хотя рабочие у нас и считают себя большевиками, но не работают. Исполнительный комитет, не имея достаточно работников, не может удовлетворить всех вопросов жизни.

У нас имеется продовольственный комитет, который только тормозит дело, не удовлетворяя запросов населения. Фунт хлеба у нас в настоящее время стоит 70 коп. Хлеба мало. Реквизировать его мы можем только на бумаге.

В области гражданского порядка исполнительный комитет избрал из своей среды комиссара. Солдаты отказываются помогать проведению в жизнь распоряжений.

Есть выборный городской комиссар. Есть 12 человек милиционеров, которые и охраняют порядок. Однако милиция не на должной высоте. Мы предложили начальнику милиции подчиниться нам.

Культурно-просветительное дело не налаживается за неимением нужных работников.

Наше взаимоотношение с местным гарнизоном слабое. Исполнительный комитет не может надеяться на поддержку гарнизона по проведению в жизнь своих постановлений, распоряжений. Отношение населения к совдепу обостренное. Достаточно уехать воинским частям, как с советом считаться не будут».

<...>

Емельянов (г. Копысь). «Совет существует с начала революции, но деятельность свою стал проявлять с прибытием воинских частей, представители которых оживили своей энергией деятельность совета. Был организован ВРК, который проводит в жизнь декреты народных комиссаров. В[оенно]-р[еволюционный] трибунал из 6 человек и следственная комиссия из 6 человек. Отношение окрестного населения к совету сочувственное, с ним считается весь район.

Имеется продовольственная управа. Туда из ВРК командирован комиссар. Управа подчинилась.

За последнее время получено 2 вагона керосина, который и обменивается на хлеб. Выдается 5 фун. муки в неделю на едока. Деятельность земельных комитетов и волостного самоуправления слабая. Настаиваем на переизбрании их. <...>

Крупные судебные дела, в которых мы не можем разобраться, посылаются в Петроград, а все остальные дела, в которых мы разбираемся, решаем сами.

Комиссар уездный еще не выбран. Выражено пожелание об организации милиции.

Военно-революционный комитет еще не распущен.

В продовольственном деле часть хлеба уделяет Могилев».

Пеньевский (Гомель). «Гомельский совет р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] объединяет около себя 50 тысяч рабочих и солдат. С Октябрьского переворота совет стоит на платформе «Вся власть советам». Для поддержания порядка в городе организуется отряд, который будет всецело в распоряжении советов. Комиссаром по гражданской части также организуется Красная гвардия. Она также находится в распоряжении советов.

Продовольствием ведает продовольственная управа. <...> Есть уездный комиссар».

Червяков (Толочино): «Наш 1-й Сибирский корпус расположился в районе Толочино. Местный совет застали в очень плачевном состоянии. Представителей от рабочих там было только 3 человека (на] 100 ч.). В районе было развито приготовление самогонки, с чем приходилось бороться. Также пришлось бороться и с польскими легионами. Разгромив фольварок Белицу, легионы пошли на Толочино. Пришлось принимать меры. Арестовали несколько офицеров и солдат. Члены старой Толочинской управы занимались спекуляцией, не признавали советской власти. Когда же увидели вооруженных людей, защищающих власть советов, они признали последнюю. И крестьяне стали сочувственно относиться к местному совету. Средства для совета изыскиваются путем обложения. Напр., с каждого фунта керосина по 1 коп. взимается в пользу исполнительного комитета.

За неимением военно-революционного трибунала приходится обращаться в Оршанский исполнительный комитет, а мелкие дела разбираются в [Толочинском] исполнительном комитете

Освободившиеся от военной службы солдаты охотно бы вступили в Красную гвардию, но нет оружия».

Гуревич (Рогачев): «Работа местного совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] шла на убыль. В Октябрьский переворот сорганизовался военно-революционный комитет, который встал на защиту Учредительного собрания. Большинство членов — интернационалисты и меньшевики. ВРК разбился на ряд комиссий, напр., по борьбе с пьянством, финансовую и др. Чем дальше, тем власть советов крепнет больше.

Имеется в[оенно]-р[еволюционный] трибунал из 6 человек, скоро приступит к работе.

Запаса хлеба у продовольственной управы уже нет давно. Хлеб доставляется спекулянтами. В спекуляции принимала участие и продовольственная управа, и [совет? ВРК?] предаёт некоторых членов суду в[оенно]-р[еволюционного] т[рибунала]. Комитет обратил на это внимание. Теперь хлеб укрывается у расквартированных в уезде польских легионов. Дабы не оставить город совершенно без хлеба, запрещено вывозить его в другие места.

Власть ВРК признается и городским самоуправлением.

У нас есть финансовая комиссия. Комиссаров еще нет.

В уезде наблюдаются аграрные беспорядки. Для этого из Могилева прибыла Красная гвардия.

Первоначально большинство в комитете были правые с.-р., которые потом ушли. Теперь левый элемент преобладает.

Опасно расположение в уезде большого количества польских легионов. Делается запрос по этому поводу в Ставке.

В совете — половина военных. Есть и из невоенных хорошие работники.

Из Минска было предложено обложить предприятия для новогоднего подарка в армию, что и сделано нами; но собрать эти деньги пока не удалось».

Певзнер (Сенно). «В Сенненском совете р[абочих], солд[атских] и крест[ьянских] депутатов до Октябрьского переворота преобладали с.-р. В земельном вопросе проводили более решительную политику, чем земельный комитет. После Октябрьского переворота совет стал на платформу «Вся власть советам». Октябрьский переворот в Сенненском уезде прошел в очень трагических условиях, потому что в уезде расквартированы польские легионы. В уезде много помещиков-поляков. В уезде власть была в руках польских легионов. В распоряжении советов всего было только 60 чел[овек] разведчиков. Поэтому мы обращались за вооруженной помощью к соседним революционным организациям. К нам прибыла из Копысского района делегация из 8 человек. Она только разъяснила значение Октябрьского переворота, но не дала реальной вооруженной силы для борьбы с польскими легионами, которые грабили и уничтожали живой и мертвый инвентарь в поместьях. Помог в этом нам Толочинский совет своей вооруженной силой. Польские легионы ушли, забрав с собой все, что можно, из имений. Авангард их был встречен и вооружен в Толочино, и обоз распался.

По проведению в жизнь Декрета о земле советом сделано много. Все имения, где не было польских легионов, взяты на учет.

Продовольственная управа мало проявляет деятельности. Продовольственное дело совет взял в свои руки и организует отделы. Послан представитель совета за получением хлеба.

Большинство обывателей признает нас потому, что в нашем распоряжении имеется вооруженная сила. Как только такой не будет, отношение обывателей к совету, безусловно, изменится.

Конфликтов с городским самоуправлением у нас не было.

Уездный комиссар заявил, что он будет исполнять все распоряжения совета, каковой может его контролировать.

В[оенно]-р[еволюционный] трибунал еще не сорганизован.

Совет приступил к организации Красной гвардии не только в городе, но также организуются летучие отряды и для охраны имений в уезде, для борьбы с польскими легионами».

Соловов (Горки). «С начала революции власть была выборная. Грабежей не происходило. Как только получился Декрет о земле, земельный комитет имения и леса взял под учет. Прибыли польские легионы и стали забирать экономическое имущество. Когда мы запротестовали, польские легионы не обратили на это внимания. Мы заявили об этом в Могилев и Минск. Из Минска прибыл делегат. По предложению его сорганизовался совет р[абочих], с[олдатских] и к[рестьянских] депутатов. Средств на поддержание совета нет. Предложено обратиться к земельному комитету. Может быть там можно найти эти средства. <...>

Старая милиция у нас отстранена. Хлеба реквизировано до 3 тыс. пудов».

Пыжик (Чечерск). «В Чечерской волости Рогачев[ского] уезда власти, можно сказать, нет. Есть совет р[абочих] и к[рестьянских] д[епутатов], существующий только на бумаге. Совету приходится бороться с продовольственной управой. Хотя совет и стал на платформе советской власти, но декретов в жизнь еще не удалось провести. Продовольствие в плачевном состоянии. В 8 имениях продукты взяты уездной продовольственной управой на учет. Там имеется много хлеба. Хлеб не дается. Он оставляется для себя и для армии, а Чечерской волости хлеба не дается. До настоящего времени имелось 150 пудов хлеба для бедных масс населения, которым выдавалось по 5 фун. в неделю на человека. Этот хлеб был реквизирован раньше. Земельная управа, выделенная из продовольственной, взяла имения на учет. Реквизи[ци]онная комиссия совета нашла, что с имений получается доход до 18 тысяч. Земельная управа отказалась признать советскую власть. Судебных инстанций никаких нет. Есть Совет профессиональных союзов, у которого есть конфликтная комиссия. Культурно-просветительная работа совершенно отсутствует».

Аппарович (Орша). «Во время Октябрьской революции совет разбился на две части: комитет спасения революции и революционный комитет. Последний имеет фактическую силу. Есть также исполнительный комитет, на который возложены контрольные функции. Выделены комиссары. Ввиду того, что в момент моего отъезда дела только налажены, останавливаться на разных отделах не буду. Все имения и леса перешли в ведение земельных комитетов. Имеется следственная комиссия. Военно-революционный трибунал еще не организован».

Исполнительный комитет существует пока на деньги, которыми снабдил нас областной комитет. Еще имеется кинематограф, дающий 1500 р[уб]. в месяц. Предполагается реквизировать его для культурно-просветительной работы. Учителя не идут нам навстречу. У нас есть люди, искренно желающие работать в культурно-просветительной области, но они не имеют навыка и опыта. Продовольственный комитет занялся подсчетом продуктов в уезде. Постановлено не выпускать ни одного фунта на сторону. Милиция осталась старая, неудовлетворительная. Гарнизон имеет около 15 тысяч, что и заставляет считаться с советской властью».

Гитлин (Чериков). «За власть Чериковский совет боролся и гораздо раньше. Совет не обладает достаточным количеством сил. 20 рабочих представителей и 20 от солдат. Выборщиков очень мало. Обыватели относятся враждебно к совету. В продовольственном отношении Чериковский уезд находится в неблагоприятных условиях».

Красная гвардия организуется советом. Пока уже организовано 20 чел. Открыта библиотека-читальня и бесплатные курсы для неграмотных, также читаются лекции по политическим вопросам. Городское самоуправление реакционное. Милиция не на высоте своего положения. Городу угрожает имею-

щийся на складе спирт, но сейчас прибыла из Могилева Красная гвардия и уничтожает этот спирт».

Машкевич (Бабиновичи). «Продовольственный комитет не работает ни в одной области. Хлеба неоткуда было достать кроме Орши. Цена местного хлеба 40 руб. пуд. Его достают путем реквизиции. Милиция не на высоте своего положения».

Ввиду того, что совет только что организован, прошу совет помочь нам в своей работе. Комиссара в настоящее время нет. Финансовые средства совершенно отсутствуют. Были большие аграрные беспорядки, порубка леса, но они скоро приостановились».

Соловов (Горки). «Совет был организован на митинге солдат, уволенных от службы. Затем было приступлено к организации цехов, приславших своих представителей в совет. В совет вошло 43 представителя. Комиссары, ставленники Временного правительства, не хотят признавать советской власти. Положение совета весьма печально. От губернского съезда ожидается многое. Докладчик обращается к съезду с просьбой помочь организовать власть советов на местах. Местные органы самоуправления помогли совету в продовольственном деле и в удалении из милиции нежелательных элементов. В заключение докладчик просит прислать нескольких лиц для правильной организации совета, т. к. в совете засели элементы, не желающие проводить декреты народных комиссаров. По отношению к этой части совдепа принимается предложение Турова* распустить Горецкий совет с преданием суду этих членов**».

Туров (Могилев). «Конструкция Могилева еще не закончена. Имеется ряд отделов, работа в которых не вполне еще налажена. Вместо того, чтобы издавать инструкции, декреты и приказы, нам приходится исполнять черную работу, очень много приходится работать аграрному отделу. В недалеком будущем открывается народный университет в Могилеве. До настоящего времени без моего ведома ни одним банком и казначейством не выполнена ни одна операция. Совет до сих пор существует на средства Ставки. Финансовое обострение, я думаю, скоро пройдет, как только я представлю сметы расходов советов в Петрограде. Мною обложен спирт по 2 р[уб]. с ведра. Разработан вопрос об обложении предметов роскоши, недвижимого имущества и пр. Если только все эти обложения проведу в жизнь, средства для исполкома будут найдены. Несмотря на то, что нам приходится исполнять черную работу, авторитет совета высок. Что касается уездных совдепов, то, как видно из докладов с мест, дело обстоит плохо. Вероятно, во многие уезды придется посылать комиссаров».

Пинскер (м. Костюковичи). «До последнего времени в местечке существовал только совет р[абочих] д[епутатов]. Сравнительно недавно уже был организован в волостном масштабе совет рабочих и крестьянских депутатов, кото-

* Тураў — старшыня Магілёўскага савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў, намеснік старшыні з'езда, левы эсэр.

** На пасяджэнні з'езда 8 студзеня 1918 г. дадзенае рашэнне было адменена.

рый, аднак, яшчэ не прыступіў да фактычнай работы. Савет складаецца з трох аддзелаў: эканамічнага, культурна-просветительнага і фінансавога. Сравницельна энергійна ішла работа эканамічнага аддзела, якім было зроблена вельмі многае ў сэнсе звышэння заробковага плаця, змяншэння рабочага дня. Немала работала і культурна-просветительны аддзел, у першае часе работа якога, аднак, ішла на збыль дзякуючы недастатку інтэлектуальных сіл і многім іншым прычынам. Найбольш развіты фінансавы аддзел савета, дзякуючы буквальнаму адсутствію ўсякіх крыніц сродкаў для савета. Іх прыходзіць зыскаваць з спектакляў, вечараў і т. д.

У апошняе часе дзякуючы розным трывожным слухам і адсутствію ўсякага судовага органа ў мястэчку саветам было арганізавана рэвалюцыйны камітэт, які ў першае месца ачысціў ад шкодных элементаў міліцыю, якая, як і ўсюды, не задавальняла, і стварыў дзействуючы народны міліцыю. Продовольствены вопыт найбольш острый у нашым раёне, бо продольствены камітэт буквальна не выконвае сваіх абавязкаў.

Таксама мало забяспечана насельніцтва і палівам, дзякуючы недапушчэнню ўездным рэвалюцыйным камітэтам падвоза дрваў у мястэчку ў выглядзе ахоўвання лясавых ад анархічнай іх пурубкі, не забяспечыўшы перадварова насельніцтва дрвамі.

Мясцовае волостное самауправленне толькі што арганізавалася і яшчэ не ўступіла ў выкананне сваіх абавязкаў.

НАРБ. Ф. 60н. Воп. 3. Спр. 232. Арк. 21—31.

№ 6

З матэрыялаў апытання сялян Магілёўскага акругі пра падзеі 1917 года.

1927 г.

3 падзей 1917 года

<...>

Кастрычнік на вёсцы

У кастрычнікавым дні на вёсках з'явілася багата салдат і матросаў, настроеных па-бальшавіцку. Яны ўсюды бадай што без выключэння і кіравалі зямельнай рэвалюцыяй у межах вёскі і разгромам хольваркаў паноў. З іх былі розныя. І такія, што задоўга да Кастрычніка заклікалі сялян да разгрому хольваркаў і перадазелу панскага добра і самасуду над заможнымі шляхціцамі (салдат Кірыленка ў с. Істопках). І такія, што хацелі захаваць у цэласці хольваркі як народнае дабро на будучы час (нейкі матрос, напрыклад, у с. Галавенчыцах, Чавускага вол[асці], які заплакаў, калі сяляне рашылі перадаць між сабой панскае дабро, разграміўшы хольварак). Таму і характар сялянскага рэвалюцыйнага розных мясцоў быў розны.

* Так у тэксце.

У абсалютнай большасці вёсак разгром хольваркаў адбыўся стыхійна. Хто што хацеў — тое сабе і браў, не інтарасуючыся іншымі. У некаторых хольварках, разбіраючы панскае дабро, кожны клапаціўся толькі пра сябе, у другіх — размяркоўвалі ўсё рухомае дабро і падпальвалі будынкі.

Вось некаторыя малюнкі па апавяданнях удзельнікаў:

«Вакол в. Усушак багата ўсякіх хольваркаў. Грабніц іх накінуліся сяляне неарганізавана, білі і ламалі ўсё бяз усякай мэты, — вокны, печы, кніжкі. Хольваркі падпальвалі. Толькі ў адным з іх нейкі атрад адразу ж паставіў варта і збярог народнае дабро».

«У хольварку каля вёскі Гарадзец жыў [а]рандатар, які з сялянамі быў у добрых адносінах. У яго сяляне нічога не кранулі ні з яго асабістай, ні з панскай маёмасці. Толькі ўжо ў канцы 17 года яго абакралі ноччу».

«З мястэчка Расны грабніц паноў хадзіў толькі 1 чал[авек], які напрыносіў дамоў падушак і інш[ай] дробязі. Сяляне ж суседніх вёсак разграбілі ў суседнім хольварку ўсё і спалілі багату польскую бібліятэку. У часе разгрому была пашырана антысэміцкая агітацыя».

«У Карме шукалі сяляне аб'езчыка, каб забіць, але абдумаліся. У в. Рудні адбыўся стыхійны і бесталковы грабёж хольварку, у грабяжы актыўны удзел прыёмалі кулакі, бедная сядзела спакойна».

«У вёсцы Навасёлках і Істопках сяляне на сходах паставілі разграбіць хольваркі, і грабілі іх дружна. Пры грабяжы хольварка Сялец Пракаповіча (вядомага «эканаміста») ён толькі папрасіў сялян [па]кінуць яму кніжкі. Кніжкі пакінулі».

«У Бялынічах хольварак падпалілі і грабілі з гарашчага дому».

«У вёсцы Нямыкі сяляне разграбілі хольварак Булгака. Але ж к канцу грабёжу падыйшоў нейкі атрад, які стаў там на варце».

«З мястэчка Новага Быхава грабніц паноў пайшлі выключна кулакі і розныя ўгалоўныя тыпы».

«Грабніц Журавіцкага пана выехала на падводах група сялян з вёскі Лазаравіч уночы. Пан пачаў па іх страляць з вакна і забіў 18-гадовага сына сел[яніна] Яўсева. Сяляне спалохаліся і кінуліся ўцякаць, захапіўшы на воз труп забітага. Па дарозе труп кінулі ў Дняпро, і дома ў сваёй вёсцы доўгі час не прызнаваліся, куды дзеўся той хлапец».

Гэтых малюнкаў, па-нашаму, досыць, каб сабе уявіць ход сялянскага рэвалюцыйнага першага дні пасля Кастрычніка. У далейшым рэвалюцыя пераносіцца

* С. М. Пракаповіч — расійскі палітычны і дзяржаўны дзеяч, у 1890-я гг. быў блізка да сацыял-дэмакратычнага руху, належаў да яго правага крыла — «эканамізму»; у 1917 г. займаў пасаду міністра гандлю і прамысловасці, затым міністра харчавання ў Часовым урадзе.

ўнутр самой вёскі. Пачынаецца даволі лютая барацьба між кулацкай і бядняцкай часткай вёскі.

Магілёўчына: да дзясятае гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Магілёў: Магілёўскі акруговы выканком, 1927. С. 63.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 04.09.2017

А. М. Максімчык,

дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і наваейшага часу

Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,

кандыдат гістарычных навук;

e-mail: forest_child@list.ru

«БЕЛОРУССЫ, РАДА ЗОВЕТ ВАС...»: СТВАРЭННЕ І ДЗЕЙНАСЦЬ КАЎКАЗСКАЙ КРАЁВАЙ БЕЛАРУСКАЙ РАДЫ Ў ДАКУМЕНТАХ

Каўказскі кірунак міграцыйнай актыўнасці беларускага насельніцтва на працягу ўсяго перыяду яго знаходжання ў адзіных дзяржаўных утварэннях, якія забяспечвалі бесперашкодную сувязь з гэтым рэгіёнам (Расійская імперыя, Савецкі Саюз) — праблема, якая ў цяперашні час знаходзіцца на пачатковай стадыі свайго генезісу як у расійскай, так і ў айчыннай гістарычнай навуцы [1].

Немалаважным (калі не ключавым) фактарам, які стрымлівае працэс навуковага асэнсавання дадзенай з’явы, выступае тое, што вызначэнне тыпалогіі, класіфікацыі, інтэнсіўнасці, этапаў і наступстваў міграцыйнай актыўнасці, а таксама аналіз сацыяльна-дэмаграфічных характарыстык саміх мігрантаў патрабуе прыцягнення шырокага відавочнага кола гістарычных крыніц, якія, у большасці сваёй, сканцэнтраваны ў розных архівах.

Калі пачатковым пунктам пошуку дакументаў выступаюць, як правіла, дзяржаўныя і прыватныя архівы, рукапісныя аддзелы бібліятэк, фонды музеяў Беларусі і Расіі, то канчатковай кропкай — аналагічныя ўстановы, размешчаныя на тэрыторыі Паўночнага Каўказа, а таксама Грузіі, Арменіі і Азербайджана. Значны працэнт карысных для раскрыцця дадзенай тэмы дакументаў знаходзіцца ў Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Грузіі (далей — ЦДГА Грузіі), у фондах якога сканцэнтраваны шырокі спектр матэрыялаў, якія тэрытарыяльна ахопліваюць увесь Каўказскі рэгіён за перыяд з канца XVIII стагоддзя па канец 1910-х гадоў. Так, у пачатку снежня 2016 г. падчас працы ў гэтым архіве аўтарам быў выяўлены фонд № 2091 «Каўказская Краёвая Беларуская Рада» (далей — ККБР), у вопісе якога ўключаны шэсць спраў: № 1 — «Терапіска з Рускім нацыянальным саветам, урадавымі і прыватнымі ўстановамі аб адкрыцці беларускіх школ, аб нясенні вайсковага абавязка і інш.»; № 2 — «Чарнавы варыянт звароту «Заклік да беларусаў» і аб’явы ў газетях»; № 3 — «Заявы аб прыняцці ў члены Каўказскай Краёвай Беларускай Рады»; № 4 — «Спісы асоб, якія ад’язджаюць у Беларусь»; № 5 — «Акт рэвізійнай камісіі Каўказскай Краёвай Беларускай Рады» і № 6 — «Прыходна-расходная кніга Каўказскай Краёвай Беларускай Рады на 1917/1918 г.». У вопісе дадзенага фонду адсутнічае гістарычная даведка, вядома толькі тое, што ў 1955 г. гэтыя справы былі перададзены ў ЦДГА Грузіі з Цэнтральнага дзяржаўнага архіва Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва Украінскай ССР, дзе захоўваліся пад грыфам «Сакрэтна». Храналагічна дакументы фонду ахопліваюць перыяд з 1917 па 1918 г.

У дакументальным і гістарыяграфічным плане дадзены перыяд грамадска-палітычнай актыўнасці і культурна-асветніцкай дзейнасці насельніцтва былых беларускіх губерняў у межах Каўказскага рэгіёну прадстаўлены вельмі фрагментарна. Так, у працы Я. Варонкі «Беларускі рух ад 1917 да 1920 году» сцвярджаецца, што летам 1918 г. у Стаўрапалі было адкрыта консульскае прадстаўніцтва Беларускай Народнай Рэспублікі (далей — БНР) [2, с. 13], аднак аб яго дзейнасці нічога невядома, паколькі да сёняшняга часу архіў консульства не знойдзены [3, с. XVII]. Можна толькі дадаць, што сам Я. Варонка мог мець пэўныя кантакты з існаваўшымі на той час беларускімі арганізацыямі на Каўказе, паколькі згодна з Пастановай Народнага сакратарыята БНР ад 23 жніўня 1918 г. ён быў камандзіраваны як надзвычайны пасланнік у Літву, Украіну, Малдавію, Грузію і іншыя паўднёвыя рэспублікі [3, с. 216].

Амаль нічога невядома аб дзейнасці паручніка Язэпа Троські (1893—?) [4], які, па сведчаннях К. Езавітава, у 1917 г. арганізоўваў на Каўказскім фронце гурткі беларусаў-вайскоўцаў [5, с. 2]. У знойдзенай у Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь асабістай справе Я. Троські няма ніводнага ўпамінання аб гэтай працы, што часткова зразумела, улічваючы час запаўнення анкеты (2-я палова 1920-х гг.) [6]. Тая ж сітуацыя з А. Вальковічам (1892—1937), які пэўны час з'яўляўся прадстаўніком БНР пры ўрадзе Грузінскай Дэмакратычнай Рэспублікі (далей — ГДР) [7] і І. Краскоўскім (1880—1955), які ўзначальваў Украінскую надзвычайную дыпламатычную місію ў ГДР [3, с. 371; 8].

У адносінах да Вальковіча можна дадаць тое, што ў лісце Народнага сакратарыята БНР старшыні Беларускай гандлёвай палаты М. Доўнар-Запольскаму і консулу БНР ва Украіне П. Трэмповічу ад 8 жніўня 1918 г. паведамлялася, што сакратарыят 6 жніўня таго ж года пастанавіў прызначыць Аляксандра Іванавіча асобаўпаўнаважаным па бежанскіх справах на Паўночным Каўказе з правамі консула [3, с. 232]. Больш дакладна аб гэтай дзейнасці, як і аб інфармацыі, змешчанай у асабістай анкетзе А. Вальковіча, дзе ён адзначаў, што з'яўляўся сябрам і намеснікам старшыні Беларускага камітэта на Каўказе (?), невядома [9, с. 1087]. Пэўныя спадзяванні знайсці цікавыя звесткі пра каўказскі перыяд дзейнасці І. І. Краскоўскага былі на яго асабісты фонд [10], але яны не спраўдзіліся. Справа ў тым, што ў знойдзеным фондзе № 2091 ЦДГА Грузіі ёсць адзін дакумент ад 15 верасня 1918 г., які сведчыць пра кантакты паміж Украінскай Краёвай Радай Закаўказзя і ККБР, усталяванню якіх мог спрыяць Краскоўскі [11, арк. 18].

На гэтым інфармацыйным фоне дзейнасць ККБР выглядае больш змястоўна. Публікуемыя дакументы дазваляюць прасачыць накірункі дзейнасці Рады (дак. № 1, 3, 5—7, 10—12, 16, 17), яе кіруючы склад (дак. № 2, 17), кантакты з іншымі нацыянальнымі арганізацыямі (дак. № 4, 8, 9, 13, 17), а таксама сітуацыя акрэсліць сітуацыю, у якой апынулася беларускае насельніцтва на Каўказе ў вельмі няпросты час (дак. № 8, 10, 12, 18).

Нагледзячы на змест дакумента № 2, пытанне аб часе стварэння ККБР застаецца адкрытым, паколькі ў прыходна-расходнай кнізе Рады адлік часу яе існавання вядзецца з 6 снежня 1917 г., калі паступілі сяброўскія складкі, а ўжо 12 снежня таго ж года прадстаўнікі ККБР накіравалі тэлеграму ў Мінск у «Цэнтральную Беларускаю Раду» (хутчэй за ўсё, маецца на ўвазе Вялікая беларуская рада. — *Аўт.*) [12, арк. 1]. Можна меркаваць, што гэты этап (снежань 1917 — красавік 1918) з'яўляўся перыядам арганізацыйнага станаўлення не толькі ККБР, але і іншых беларускіх арганізацый у Тыфлісе: Тыфліскага гуртка Беларускай грамады — грамадскай арганізацыі, мэтамі якой з'яўлялася аб'яднанне і кансалідацыя беларусаў, якія пражываюць на Каўказе, а таксама абарона іх нацыянальных, прававых і эканамічных інтарэсаў (Першае пасяджэнне праўлення гуртка адбылося 10 студзеня 1918 г. [13, арк. 1]), пайшчыкаў працоўнага гандлёва-прамысловага таварыства «Белая Русь» [14, с. 1]. Усе яны цесна кантактавалі паміж сабой і размяшчаліся ў адным будынку Ладзінскага гарадскога прыватнага пачатковага вучылішча (дак. № 14—16) па адрасе: вул. Мікалаеўская, д. 105 (сучасная назва — вул. І. Джавахішвілі).

Нявысветленай застаецца таксама дата спынення дзейнасці Рады. Апошні запіс у прыходна-расходнай кнізе ККБР прастаўлены 25 снежня 1918 г. і датычыцца ён выдачы сям'і памёрлага сябра Грамады І. Я. Шыманоўскага грашовай дапамогі ў памеры 91 руб. 71 кап. [12, арк. 15]. Не выключана, што Рада магла праіснаваць і ў наступным 1919 г., аднак дакументаў, якія пацвярджаюць гэта, пакуль не выяўлена.

Няшмат вядома і пра кіраўніцтва ККБР. Часткова інфармацыя аб іх імёнах і імёнах па бацьку, а таксама пасадах і родзе заняткаў да 1918 г. аднаўляецца на аснове штогадовых даведчаных «Каўказскіх календароў». Дзякуючы аб'яве ў газеце «Каўказскае слова» ад 23 чэрвеня 1918 г. атрымалася вызначыць ініцыялы Старшыні Рады Веразубава — І. І. З яго ліста на імя міністра замежных спраў ГДР вынікае, што «да здачы Батумі» (хутчэй за ўсё гэта сакавік 1918 г., калі быў падпісаны Брэсцкі мірны дагавор, згодна з якім да Турцыі адышла Батумская вобласць. — *Аўт.*) ён добраахвотна займаў месца вайсковага інжынера па Міхайлаўскай крэпасці [11, арк. 9]. Яго намеснікамі (таварышамі) былі Канстанцін Восіпавіч Мадзалеўскі, які да 1917 г. з'яўляўся надворным саветнікам Пракуратарскага нагляду тыфліскага акруговага суда [15, сталб. 656] і Іван Антонавіч Белгаловы. Да 1915 г. ён выкладаў гісторыю і геаграфію ў Эрыванскай жаночай навучальнай установе святой Рьспініі, а затым перайшоў на працу ў Тыфліскую імператара Аляксандра Благаславаўскага мужчынскую гімназію на пасаду настаўніка [15, сталб. 330]. На пасадзе намесніка Старшыні Рады ён знаходзіўся да 31 мая 1918 г. [16, арк. 5]. Сакратарамі Рады былі абраны начальнік (на 1915 г.) Шахтацінскага паштова-тэлеграфнага аддзялення Эрыванскай губерні Канстанцін Навумавіч Савельеў [17, сталб. 81] і І. І. (Янка) Натусевіч, які праз некаторы час будзе працаваць сакратаром місіі БНР у Варшаве (1920 г.) [18, с. 180]. Савельеў знаходзіўся на гэтай пасадзе да 29 кастрычніка

1918 г., калі напісаў заяву з просьбай «сложения полномочий» па прычыне яго ад'езду ў Добраахвотніцкую армію [16, арк. 26]. Казначэем Рады быў Ігнат Іванавіч Аўрамчык — да 1917 г. працаваў на пасадзе справавода Канцэлярыі папячыцеля Каўказскай навучальнай акругі. Згодна з «Каўказскім календаром» ён таксама з'яўляўся старшынёй Тыфліскага Рускага клуба [15, сталб. 313, 799]. Для агульнай характарыстыкі ККБР цікавым таксама будзе тое, што прававодства арганізацыі вялося на рускай мове. Рада мела ўласныя штэмпель і пячатку.

У заканчэнні трэба дадаць, што па меры апрацоўкі і пошуку матэрыялаў, звязаных з дзейнасцю Каўказскай Краёвай Беларускай Рады, у перспектыве бачыцца ажыццяўленне пафондавага выдання дакументаў.

Дакументы

№ 1.

Чарнавы варыянт звароту «Заклік да беларусаў», падрыхтаваны Старшынёй і членамі юрыдычнай секцыі ККБР для публікацыі ў газете «Каўказскае слова»*. 9 красавіка 1917 г.** Тыфліс.

Прывітанне беларусам!

Белоруссы!***

Настало время, когда вы сами стали кузнецами своего счастья. Цепи рабства порвались, но порвались и помочи, на которых вас водили, как маленьких детей. Вы представлены сами себе и это налагает на вас огромную**** задачу — строить новую жизнь на основе***** полного равенства в общечеловеческой семье. Исторически так сложилась Ваша судьба, что вы не выходили из ярма «быдла», но за то вы гордо можете сказать: «нет более трудолюбивого, более закаленного в борьбе с суровой судьбой народа, чем мы и мы победим!».

Хоть в***** возможности с полным правом сказать так и потому залог вашего успеха в строительстве новой жизни и дети ваши не посмеются над вами, а с глубокой признательностью будут чтить вашу память во веки веков. . .

Белорусы не любят много говорить, у него для этого нет времени. Что ему нужно он давно знает и вот уже началась на далекой родине работать, уже работает белорусская рада в России, и мы ее сыны, которых судьба занесла на дале-

* У правым верхнім кутку памета: «Помещено в «Кавк[азском] слове» №86 от 15.IV.1918»

** У дакуменце памылкова пазначаны год напісання звароту. Замест 1917 г. павінен быць напісаны 1918 год.

*** *Далей закрэслена чарніламі* Вы встали пред

**** *Словы* и ответственную ўпісаны над радком

***** *Далей закрэслена чарніламі* человеческой правды

***** *Слова* этой ўпісана над радком

кий Кавказ, тоже приступаем к работе. Уже открыла свои действия в Тифлисе Краевая Белорусская Рада и зовет своих сородичей к объединению и работе.*

** и говорят другим ее сынам: «Мы ваши родные братья, давайте же жить по-братски, не забывайте, что грешно и стыдно из брата делать быдло!».

***Белоруссы, Рада зовет Вас. Идите к ней с вашими заботами, горем, радостью. Много дела впереди, много хлопот и забот впереди. Ничего, все одолеем, на то мы и «быдло», рабочие волю.

У нас натертая ярмом шея, вынесет и дальше все тяготы, мы ничего не боимся и всего добьемся.

Рада открыла свои действия.

Она уже учредила секции:

1. Юридическую и общеорганизационную.

Тут белорусы найдут юридическую помощь, когда в ней окажется нужда. Суда же просим направляться и всех, кто хочет помочь общему делу советом или работой.

2. Финансовая. Роль этой секции ясна из названия.****

3. Трудовая.

Кто не имеет работы, кто может дать ее приглашаются обращаться в эту секцию.

4. Научно-художественная.

У белорусов есть свое народное искусство, полное красоты, есть своя история полная поучительности.***** Секция с любовью будет собирать в общую сокровищницу человеческую каждую искру души народной.

Белоруссам нужна грамота, нужно знание, чтобы***** занимать почетное место в человеческой семье. В этом роде будет***** заботиться эта секция. И белоруссы, и всякий гражданин великой свободной России***** пусть поможет Раде в этом великом деле, кто чем и как может.

5. Позаботилась Рада и о том, кто хочет эвакуироваться на родину. Если встречаются какие-нибудь трудности, препятствия, всякий найдет в ней участие и посильную помощь.

* *Далей з новага радка закрэслена чарніламі* Белорусы не откальваюцца ад агульнай матэры — Расіі, нет. Правда они не из ее баловней, но все таки они помнят, что она их мать. Но они уже выросли, стали взрослыми и

** *Словы* Белорусы глубоко верят в славное будущее великой республики России ўпісаны над радком

*** *Словы* Белорусы глубоко верят в славное будущее великой республики России ўпісаны над радком

**** *Далей закрэслена чарніламі* Нам нужны средства

***** *Далей закрэслена чарніламі* Всякий обязан

***** *Далей закрэслена чарніламі* достойно стоять

***** *Далей закрэслена чарніламі* работать

***** *Словы* и другого государства ўпісаны над радком

Граждане, не белоруссы!

Мы верим, что слова братство, равенство, — не пустой звук. Разделите с нами нашу радость, радость народа-батрака* мы зовем Вас на общую работу, на счастье человека. Ученые, доктора, врачи, юристы, инженеры, агрономы, все кому судьба улыбнулась широкой улыбкой, мы зовем Вас, кто бы вы ни были вне наций, партий и т. д. народ-батрак зовет вас во имя той же идеи общечеловеческого счастья, на совместную работу** Белорусская рада.

Белоруссы, живущие в других городах и селениях, объединяйтесь и шлите к нам, как к Краевой Раде, своих послов, за советом и указаниями. Отдел помещается Николаевская ул. № 105.

(Верезубов)***

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 2. Арк. 1—4. Руканіс.

№ 2

Паведамленне ў газету «Каўказскае слова» аб абранні кіраўніцтва ККБР і раізіяннях першааа пасяджэння Рады. 11 красавіка 1918 г. Тыфліс.

В воскресенье 8 апреля состоялось общее собрание Белорусской Краевой Рады.

Избрана Рада в составе 12 чел[овек]:

Председатель: ****

товарищи его К. О. Модзалевский и И. А. Белоголовый, секретаря И. И. Напусевич и К. Н. Савельев и казначей И. И. Аврамчик.

Раде поручено принять все меры к проведению в жизнь, назначенной громадой задачи.

В понедельник 9 апреля состоялось первое заседание избранной Рады, которая определила для себя секции: 1) юридическая и общеорганизационная, 2) трудовую, 3) финансовую 4) научно-художественную и 5) эвакуационную. Все секции с 10 апреля приступили к работе.

Передано в редакцию «Кавказского слова» лично секретарем Савельевым.

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 2. Арк. 5—6. Руканіс.

№ 3

Аб'ява ў перыядычныя выданні Тыфліса аб правядзенні ККБР публічнай лекцыі. Не пазней за 8 мая 1918 г. Тыфліс.

В редакцию газеты «Кавказского слова», «Тифл[иского] лист[ка]» и «Изв[естий] С[оветских] С[олдатских] и Р[абочих] деп[утатов]».

В отделе в «Партиях и обществах».

Краевая Белорусская Рада.

* Слова познавшего свободу, утисаны над радком

** Слова другие газеты просим перепечатать утисаны над радком

*** Аутограф.

**** У гэцце пропуск. Мяркуючы па іншых дакументах, маецца на ўвазе І. І. Верзубаў.

На третий день Пасхи* в 4 часа дня устраивает в помещении Рады ([ул.] Николаевская 105) очередную лекцию-беседу на тему «Общество, право и государство».

Просьба поместить в ближайшем номере.

Секретарь Рады.

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 2. Арк. 7. Руканіс.

№ 4

Ліст Старшыні ККБР у Закаўказскі Рускі Нацыянальны Савет** з просьбай паспрыяць у абароне працоўных інтарэсаў служачых беларусаў. 29 мая 1918 г. Тыфліс.

В виду того, что в учреждениях Закавказья, особенно п[очтово]-телеграфных огромный контингент служащих составляют белорусы, которые в виду создавшегося положения должны будут оставить службу, Краевая Рада просит Вас защиты интересов своих сограждан, включить в состав, выбранной на заседании Совета 28 мая с/г Ликвидационной комиссии с правом решающего голоса представителя Рады К. Н. Савельева.

Пред[седатель] Рады

Секретарь

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 3. Машинапіс.

№ 5

Ліст Старшыні ККБР міністру земляробства і працы ГДР Ноэ Хомерыкі з просьбай паспрыяць у прадастаўленні памяшкання для адкрыцця шавейскай майстэрні ў Тыфлісе. 30 мая 1918 г. Тыфліс.

Трудовая секция Белорусской Рады в целях предотвращения надвигающейся безработицы открывает на трудовых началах сапожную мастерскую, предполагая в будущем развернуть ее в механическое производство обуви, а также кожевенный завод.

Сообщая об этом, Краевая Рада имеет честь просить Вас господин Министр оказать ей содействие перед городской управой в получении за плату необходимого помещения.

Пред[седатель] Рады (Верезубов)***

Секретарь

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 5. Машинапіс.

* У 1918 г. праваслаўны Вялікдзень святкаваўся 5 мая.

** Закаўказскі Рускі Нацыянальны Савет — грамадска-палітычная арганізацыя, створаная ў 1918 г. партыямі кадэтаў і меншавікоў з мэтай адстойвання правоў і інтарэсаў рускамоўнага насельніцтва ў Закаўказзі.

*** Аутограф.

№ 6

Заява сакратара ККБР К. Н. Савельева ў Прэзідыум Рады з просьбай тлумачэння пытання аб магчымым запісе і членстве ў ККБР асоб іншых нацыянальнасцей, якія пражывалі на тэрыторыі Беларусі. 31 мая 1918 г. Тыфліс.

Последнее время к дежурным членам Рады обращаются с просьбами о записи их в члены громады евреи, проживающие на территории Белоруссии. В виду этого необходимо разъяснение Рады о том могут ли быть причислены к белорусам евреи и вообще лица других национальностей, проживающих на территории Белоруссии и возможно ли их участие в качестве членов Белорусской громады.

(Савельев)*

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 3. Арк. 1. Машинопіс.

№ 7

Ліст Старшыні ККБР міністру гандлю і прамысловасці ГДР Георгію Журулі з просьбай выдачы пасведчанняў інжынерам навуковай секцыі Рады для іх вольнага допуску на прыватныя прамысловыя прадпрыемствы Тыфліса з мэтай іх навукова-тэхнічнага апісання. Ліпень 1918 г. Тыфліс.

Научная секция Белорусской Рады поручила группе своих инженеров г. г. Гурбичу**, Гулишамбарову, Благодарову и Вerezубову обследовать с научно-технической стороны частные, а если Вы найдете возможным и необходимым, то и казенные промышленные предприятия.

Добытые материалы предполагается издать в виде печатного труда при чем Рада с удовольствием будет служить и Вам теми же материалами обследования.

Полагая, что это начинание встретит Ваше полное одобрение и поддержку, Рада честь имеет просить Вас господин министр, дать удостоверение указанным лицам для свободного допуска их для сбора местных фабрик, заводов и мастерских.

Пред[седатель] Рады

Секретарь

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 14—14аб. Машинопіс.

* Аутограф.

** Гурбич Фёдор Паўлавіч — да 1917 г. працаваў наглядачым 4-га ўчастка рыбалоўнай часткі Таманскага аддзела ўпраўлення па справах дробнага крэдыту Кубанскай вобласці на станцыі Грывенская. Гл.: Кавказский календарь на 1917 г. — Тифлис, 1916. — Стлб. 238.

№ 8

Даклад члена Адэскай Беларускай Нацыянальнай Рады У. А. Зелянькова на імя Старшыні ККБР аб становішчы беларусаў у Закаўказзі і неабходных мера-прыемствах па іх эвакуацыі на Радзіму. 15 ліпеня 1918 г.

Въезд белорусов из пределов Грузинской республики во внутренние города бывшей Российской империи вызван не только национальным строительством названной республики, ликвидацией и сокращением штатов служащих многих учреждений, управлений и заведений той же республики, но также и военными событиями на Бакинском и Владикавказском фронтах, вызвавшими перерыв путей сообщения с Терской и Кубанской областями. Вследствие военных событий явилась чудовищная дороговизна предметов первой необходимости, в том числе и хлеба. Изложенные данные служат достаточным доказательством того, что белорусы выбывают из пределов Грузинской республики не добровольно, не как туристы или частные путешественники, а под натиском сложившихся военных обстоятельств. Многие из белорусов прожили большую часть жизни 15—30 лет в Грузии, обзавелись тут всем необходимым, а теперь вынуждены ликвидировать все свое достояние и поехать на давно покинутую Родину, половина которой превращена войной в груду развалин, на которой царит в настоящее время голод и нищета и которая не может принотить теперь не только давно выбывших граждан, но даже и тех, которые выбыли в 1915 году, во время наступления германцев на русском западном фронте. В настоящее время вследствие разоренности Гродненской, Виленской и Минской губерний германским командованием запрещен туда въезд бывшим жителям этих губерний. Десятки тысяч беженцев-белорусов проживают в гор. Одесса. С 1915 года беженцы причислены под покровительство Всероссийского Татянинского комитета помощи пострадавшим от войны, который в мае месяце с. г. переименован в «Белорусский беженский комитет».

Названному комитету на текущий год отпущены кредиты свыше 500 тысяч рублей на выдачу пайков семьям беженцев, покупку продовольствия, приспособления квартир и проч. Квартирами в гор. Одесса беженцы белорусы пользуются бесплатно.

Кроме Одессы беженские комитеты имеются: в Киеве, Гомеле, Орше, Минске и др. городах. Выбывшие из пределов Грузинской республики белорусы не пользуются никакими льготами представленными беженцам, согласно устава беженского комитета, несмотря на то, что многие из них, как выше упомянуто разорены вынужденным выездом из пределов Кавказа.

Вопрос о военных белорусах, не выехавших из пределов Кавказа, до сего времени обстоит еще острее. Лицам этим давно прекращена выдача содержания по должностям и они вынуждены влачить свое самое жалкое существование, так как ликвидировать им нечего. Недостаток транспорта на Черном море, а равно и холерная эпидемия в некоторых местах Закавказья, не исключая и гор. Тифлиса, создало для отъезжающих белорусов много неприятных карантинных

разных препятствий, задержек и убытков, вследствие дороговизны продовольствия.

Те из белорусов, которым удалось до настоящего времени выехать на родину, по прибытии туда не пользовались никакими льготами представляемых беженцам, и не имея документов причисляющих их к этой категории, не могли попасть под защиту беженских комитетов.

В виду изложенного в целях облегчения участи белорусов, прошу о разрешении вопроса, не представится ли возможным выдавать отъезжающим на родину белорусам удостоверений в том, что они выезжают из пределов Грузинской республики за свой собственный счет, не по своей доброй воле, а как беженцы, вследствие сложившихся военных обстоятельств и потому они пользуются всеми льготами представленными беженцам, дабы они по прибытии в район беженских комитетов в случае нужды могли бы поступить под защиту и покровительство беженских комитетов впредь до окончания переживаемых Кавказом событий после чего возвратятся те, кто пожелает на Кавказ.

Член Одесской Белорусской Национальной Рады
У. Зеленков*

ЦДДА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 3. Арк. 16—17аб. Рукапіс.

№ 9

Ліст намесніка старшыні школьнага пададдзела Закаўказскага Рускага Нацыянальнага Савета ў ККБР па пытанні планавання арганізацыі беларускіх пачатковых і сярэдніх школ у Закаўказзі. 18 чэрвеня 1918 г. Тыфліс.

Школьный подотдел Русского национального совета, приступая к разработке вопроса об организации русского народного образования в Закавказье просит Белорусский Национальный совет сообщить: предполагает ли Совет, что для удовлетворения просветительных запросов белорусского населения Закавказья должна быть организована своя белорусская начальная и средняя школа, или же, что для этой цели могли бы продолжать служить русские школы. В последнем случае школьный подотдел просит сообщить ему имеющиеся у Вас сведения о расселении белорусов в Закавказье и другие статистические данные, могущие осветить нужду этого населения в школьном образовании, а также делегировать своего представителя в школьный подотдел Русского Национального школьного Совета.

Товарищ Председателя школьного подотдела**

ЦДДА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 12—12аб. Маши́нны́с.

* Аўтограф.

** Аўтограф.

№ 10

Ліст Старшыні ККБР камісару Тыфліскай паштова-тэлеграфнай акругі з просьбай адмены распараджэння, якое датычыцца прызыву на вайсковую службу грамадзян — ураджэнцаў Беларусі. 29 чэрвеня 1918 г. Тыфліс.

Министр внутренних дел бывшего Закавказского правительства* сношением от 10 мая с/г сообщением] 10193 сообщил нам, что им сделано распоряжение за № 506 от 2/V с/г всем комиссарам о непризыве в пределах Закавказья на военную службу граждан уроженцев Латвии, Эстонии и Белоруссии.

Названное распоряжение Правительством Грузии** отменено не было.

Между тем Вы предписанием от 24 сего июня на имя начальника почтовой канторы г. Тифлиса предложили об отправке для отбывания воинской повинности члена Белорусской громады*** служащего чиновникам в Тифлисской почтовой канторы Павла Ванюшева****.

В виду изложенного Рада просит Вас об отмене Вашего распоряжения в отношении Ванюшева, как противоречащего точному смыслу с распоряжением Правительства.

Пред[седатель] Рады
Секретарь

ЦДДА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 10—10аб. Маши́нны́с.

№ 11

Ліст Старшыні ККБР міністру замежных спраў ГДР А. І. Чхенкелі з просьбай замены крэдыторскіх сведчанняў для беларусаў на іншыя спосабы назапівання грамадскіх сродкаў. 31 ліпеня 1918 г. Тыфліс.

Благодаря распоряжению правительства о выдаче контрагентам казны вместо денег или выписании причитающейся им суммы на сберегательные книжки — кредиторские свидетельства — положение белорусов стало критическим. Выдача такового свидетельства равносильна отказу от уплаты, так как вся Белоруссия оккупирована Германией.

В виду изложенного Белорусская Рада просит Вас, господин министр, в исключении из общего правила, заменить для белорусов, кредиторские свиде-

* Гаворка ідзе пра Закаўказскую дэмакратычную федэратыўную рэспубліку (ЗДФР), якая праіснавала з 22 красавіка па 26 мая 1918 г. Пасаду міністра ўнутраных спраў рэспублікі займаў Н. В. Рамішвілі (1881—1930).

** Маецца на ўвазе Урад ГДР.

*** Гаворка ідзе пра Тыфліскі гурток Беларускай грамады.

**** *Ванюшаў Павел Арыстархавіч* — да 1917 г. чыноўнік Тыфліскай паштовай палаты. Гл.: Кавказский календарь на 1917 год. — Тифлис, 1916. — Стлб. 88.

тельства книжками сберегательных касс, или переводами на Россию, или открытием банковских счетов.

Пред[седатель] Рады Везезубов*
Секретарь

ЦДДА Грузіі. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 15. Машынапіс.

№ 12

Ліст ваеннага ўрача 118-га пяхотнага запаснога палка В. І. Смірнова ў эвакуацыйную секцыю ККБР з просьбай патлумачыць яго дзеянні ў выпадку пераезду з урочышча Бель Ключ** у Віцебскую губерню. Верасень 1918 г.

Я уроженец Витебской губ., где по окончании Университета служил земским врачом. Потом, будучи уже военным врачом, с начала мобилизации со 2-м Туркестанским стрелковым корпусом был на Кавказском фронте до августа 1917-го года, а с августа в 118-м пехотном запасном полку. По расформировании 118-го запасного полка я дважды ходатайствовал о зачислении меня в Русский корпус, но безрезультатно, так как по-видимому существует особая Кавказская русская нация, для которой я оказался чужим, в чем, впрочем можно было убедиться и во время войны, служа в Туркестанском корпусе. Когда же образовалась юная и прекрасная Закавказская республика, то я почувствовал тоску по родине и решил эвакуироваться. Однако эвакуироваться не так-то легко и мне кроме того приходится еще служить на Белом Ключе, дожидаясь полной ликвидации полка и полного расчета. Эвакуироваться одному можно было бы сейчас так как от банкротов все равно ни какого расчета не получишь, по видимому, то эвакуироваться приходится с семьей (имею и 2 малых ребенка), почему необходимо гарантия пройти Сциллу и Харибду, и потому не откажите сообщить по адресу Белый Ключ, Тифл. губ., д-ру В. И. Смирнову 1) есть ли сейчас проезд в Белоруссию и, если есть 2) то какой маршрут 3) на каком положении Белоруссия у германцев; 4) нужно ли принимать германское подданство желающим вернуться на родину; 5) и если нужно, то можно ли его принять в Тифлисе, где сейчас имеются представители Германии.

Смирнов***

ЦДДА Грузіі. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 4. Арк. 1. Рукапіс.

* Аўтограф.

** Белый Ключ — населенный пункт, размещены на паўднёвым баку Трыялетскага храбта, у 59-ці кіламетрах на паўднёвы захад ад Тыфліса. У цяперашні час — горад Тэтры-Цкаро краю Квемо-Картлі.

*** Аўтограф.

№ 13

Падзячны ліст членаў ККБР Радзе Адэскага Беларускага гая за прадастаўленне звестак аб сітуацыі на тэрыторыі Беларусі. 16 верасня 1918 г. Тыфліс.

Со времени своего возникновения Кавказская Краевая Белорусская Рада пыталась связаться с Белорусской, но все попытки оставались безрезультатными и белорусская громада в Тифлисе не имела никаких сведений о том, что делается в родной земле. Первым вестником явился член белорусской организации в Одессе У. А. Зеленков привезший нам белорусские газеты и приветствие Рады Одесского Белорусского гая*. Это первое приветствие нам особенно дорого и мы шлем за него сердечное спасибо, в свою очередь приветствуем наших братьев в Одессе и желаем плодотворной работы на пользу дорогой вольной Белоруссии просим и впредь Раду Одесского Белорусского Гая делиться с нами, далеко заброшенными от родной земли, своими сведениями от отчизны.

Председатель Везезубов**
Товарищи председателя***
Члены Борисовец****
Секретарь Савельев*****
*****

ЦДДА Грузіі. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 3. Арк. 27. Рукапіс.

№ 14

Ліст Загадчыцы Ладзінскага гарадскога пачатковага вучылішча Старышні ККБР з просьбай вызваліць памяшканне, якое займае канцелярыя Рады ў навучальнай установе. 3 кастрычніка 1918 г. Тыфліс.

Прошу Вас сделать немедленно распоряжение об освобождении занимаемой Белорусской Радой канцелярии Ладинского гор[одского] нач[ального] училища. Занятия в названном училище начались еще 20-го сентября, а канцелярия

* Беларускі гай — культурна-асветніцкая арганізацыя ў Адэсе, створаная ў снежні 1917 г. Гл.: Шчаўлінскі, М. Б. Да пытання аб дзейнасці Беларускага нацыянальнага камісарыята ў Адэсе (1918 г.) // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. — Минск, 2016. — С. 320—328.

** Аўтограф.

*** Аўтограф неразборлівы.

**** Аўтограф Мікалая Еўстратавіча Барысаўца — да 1917 г. працаваў начальнікам Ахалкалакскай паштова-тэлеграфнай канторы Тыфліскай губерні. Гл.: Кавказский календарь на 1917 год. — Тифлис, 1916. — Стлб. 83.

***** Аўтограф.

***** Аўтограф неразборлівы.

училища, несмотря на мои неоднократные напоминания служащим Рады, до сих пор не освобождена.

Зав[едующая] Ладинским гор[одским] нач[альным] училищем*
ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 19. Рукапіс.

№ 15

Адказ Старшыні ККБР на ліст Загадчыцы Ладзінскага гарадскога пачатковага вучылішча на пытанні вызвалення памяшкання. Не раней 3 кастрычніка 1918 г. Тыфіліс.

По поводу В/просьбы от 3.Х. с/г. освободить комнату канцелярии Рады, сообщаю, что мною теперь же возбуждено ходатайство у г. Министра иностранных дел об отводе помещения для Рады по получении которого В/просьба будет исполнена. Попутно прошу принять к сведению, что Рада с ведома надлежащих учреждений помещается в училище с прошлого года, что от Вас я просьб освободить помещение не получал до настоящего времени и что до отвода нового помещения Рада помещение освободить не может.

Прошу принять уверение в совершенном уважении.

Пред[седатель] Рады Везубов**

Секретарь

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 21. Маши́напіс.

№ 16

Ліст Старшыні ККБР міністру замежных спраў ГДР Акакію Чхенкелі з просьбай пасадыіначальца у астаўленні памяшкання Ладзінскага гарадскога вучылішча для патрэб канцэлярыі Рады. 3 кастрычніка 1918 г. Тыфіліс.

Белорусская рада с прошлого года и с ведома подлежащих властей помещается в здании Ладинского городского училища (Николаевская, 105). В виду крайнего недостатка в помещениях в Тифлисе, а также принимая во внимание, что Ладинское училище, построено и содержится на средства генерала Ладина, белоруса, и что занятия в канцелярии Рады происходят после 4-х часов дня, т. е. после учебных занятий, — ходатайствую о Вашем содействии к оставлению Рады в этом помещении и впредь или об отводе ей помещения.

Прошу уверения в совершенном уважении.

Председатель Бел[орусской] Кавказской краевой Рады

Секретарь

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 23. Маши́напіс.

* Аўтограф.

** Аўтограф.

№ 17

Ліст Старшыні ККБР на імя прадстаўніка імператарскага Германскага ўрада пры ГДР з просьбай аказаць садзейнічанне для свабоднага праезду сакратара Рады ў Мінск і назад. Не пазней за 29 кастрычніка 1918 г. Тыфіліс.

Кавказская Краевая Белорусская Рада для доклада Народному Секретариату Белоруской Народной Республики командирует в город Минск через Одессу, Киев и Гомель своего члена и секретаря Рады Константина Наумовича Савельева, а потому честь имеем просить Вас оказать ему Савельеву, путем выдачи от Миссии соответствующих пропусков, содействие к свободному проезду к городу Минск и обратно в Тифлис.

Пред[седатель] Рады

Секретарь

ЦДГА Грузії. Ф. 2091. Вон. 1. Спр. 1. Арк. 22. Маши́напіс.

№ 18

Даклад членаў ККБР У. А. Зелянькова і М. Е. Барысаўца аб колькасці і становішчы беларусаў на Каўказе. 1918 г.

По частным сведениям на Кавказе находится свыше 80 тысяч человек белорусов, часть которых занимала до сего времени государственные и частные должности, часть обосновалась на жительство после окончания военной службы в мирное время, а большую часть составляют переселенцы, которые переселились на Кавказ в период времени 1906—1914 г. и наделены земельными участками.

В настоящее время в виду проведения в жизнь узко национальной политики Правительством Грузинской республики как-то: национализация государственных и частных учреждений, управлений и заведений, насильственное отобрание имущества у сельского русского населения, в том числе белорусов, вооруженный захват земельных участков у тех же лиц, создало невыносимо тяжелое положение белорусов на территории Кавказа, большинство которых совершенно обнищало и двинулось массами обратно на родину. Лишенные возможности к дальнейшему существованию белорусы разделяются на три категории: одна из них недавно прибывшие из Белоруссии не потеряли живой связи с Родиной и в настоящее время имеют возможность по возвращении на родину поддержать свое существование. Другая категория проживающая в пределах Кавказа от 10—30 лет, потеряла совершенно всякую материальную связь с родиной и не может возвратиться туда вследствие окончательной оторванности от родины за давностью и неимения материальных средств добраться и жить там.

Означенная категория белорусов часть имеет возможность добраться до ближайших беженских комитетов за пределами Кавказа и до установления нормальных условий жизни на Кавказе может находится под защитой названных

комитетов (такие комитеты имеются в гг. Одесса, Киев, Гомель и др. местах), а затем возвратиться на Кавказ.

Третья же категория белорусов состоит из лиц совершенно лишенных возможности выехать не только на Родину, но даже до ближайших беженских комитетов. К означенной категории относятся белорусы больные, обремененные большими семьями и те которые не имеют возможности добраться не только на Родину и до ближайших беженских комитетов, но даже до гор. Тифлиса вследствие разбойничьих нападений на дорогах и равно военных действий на Владикавказском и Бакинском фронтах. Для означенной категории необходимо создать беженский комитет в гор. Тифлисе к организации которого необходимо приступить теперь же.

Для оказания помощи беженцам белорусам не имеющих возможности выехать из уголков Кавказа, понадобится сумма приблизительно 200 тысяч рублей.

Члены Рады:
Зеленьков*
Борисовец**

ЦДДА Грузіі. Ф. 2091. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 27. Рукпіс.

Крыніцы і літаратура

- Хадубскі, А. Цывілізацыйная роля беларусаў на Каўказе ў XIX — першай палове XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзы / рэд.: Ул. Конан [і інш.]. — Мінск, 1997. — С. 52—57; Чернышын, С. В. Белорусы // Энциклопедия культур народов Юга России: В 9 т. — Ростов н/Д, 2005. — Т. 1. — С. 73—74; Макарэвіч, В. С. Перасяленне маргінальных катэгорый шляхты з Беларусі ва ўнутраныя і памежныя губерні Расіі ў 30—60-я гг. XIX ст. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — 2006. — Вып. 1. — С. 46—50; Зейналова, С. М. Формирование европейских этнических общин на Кавказе (XIX — первая половина XX вв.). — Баку, 2010; Кохнович, В. А. Особенности хозяйства и социального состава переселенцев из Минской губернии конца XIX в. // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — 2014. — Вып. 9. — С. 50—60; Матвеев, О. В. Белорусы на Кубани и в Черноморье в конце XVIII — первой половине XIX в. // Труды БГТУ. Сер. История, филология, филология. — 2014. — № 5. — С. 19—21; Крючек, П. С., Сергеев, В. Н. Переселенческие процессы с территории Беларуси на юг России во второй половине XIX — начале XX в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — 2014. — Вып. 9. — С. 62—71; Матвеев, О. В. Белорусы в Кавказской войне // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / (г. Ростов н/Д, 6—7 мая 2016 г.); Отв. ред.: А. Л. Бойко, Д. В. Сень. — Ростов н/Д, 2016. — С. 100—108; Крючек, П. С. Белорусы на Кубани во второй половине XIX — начале XX века // Менталитет славян

* Аўтограф.

** Аўтограф.

- и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: мат-лы X Междунар. науч. конф., Гомель, 25—26 мая 2017 г. / под общ. ред. В. В. Кириенко. — Гомель, 2017. — С. 8—91.
- Варонка, Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. Кароткі агляд. — Коўна, 1920.
  - Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1: У 2 кн. / Уклад, падрыхт. тэксту, уступ. арт., камент., пер., паказ. С. Шупы. — Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. — Кн. 1.
  - Васілеўскі, Ю. Троська Язэп Касьянавіч // Энциклопедия гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск, 2001. — Т. 6. — Кн. 1. — С. 521.
  - Езавітаў, К. Угодкі вялікага абуджэння // Беларуская газета. — 17 чэрвеня 1943 г.
  - НАРБ. — Ф. 205. — Воп. 3. — Спр. 8183.
  - Міхнюк, У. М. Вальковіч Аляксандр Іванавіч // Энциклопедия гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск, 1994. — Т. 2. — С. 216.
  - Клімовіч, М., Міхнюк, У. Краскоўскі Іван Ігнатавіч // Энциклопедия гісторыі Беларусі: У 6 т. — Мінск, 1997. — Т. 4. — С. 250.
  - Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі Т. 1: У 2 кн. / Уклад, падрыхт. тэксту, уступ. арт., камент., пер., паказ. С. Шупы. — Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага, 1998. — Кн. 2.
  - Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Я. Коласа НАН Беларусі. Адна з рэдкіх кніг і рукапісаў. Ф. 16 — Краскоўскі Іван Ігнатавіч.
  - ЦДДА Грузіі. — Ф. 2091. — Воп. 1. — Спр. 1.
  - Там жа. — Спр. 6.
  - Там жа. — Ф. 2092. — Воп. 1. — Спр. 3.
  - Кавказское слово. — 23 июня 1918 г. — № 128.
  - Кавказский календарь на 1917 г. — Тифлис, 1916.
  - ЦДДА Грузіі. — Ф. 2091. — Воп. 1. — Спр. 3.
  - Кавказский календарь на 1915 г. — Тифлис, 1914.
  - Чарнякевіч, А. М. Памяць пра Гродна. Матэрыялы да біяграфічнага слоўніка постацей міжваеннага горада. 1919—1939 гг. — Гродна, 2015.

Артывул паступіў у рэдакцыю 06.09.2017

*А. М. Латушкін,
дацэнт кафедры крыніцазнаўства
гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: archives@tut.by*

**РЭЭСТР ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОВСКАГА АД 26 ЛІСТАПАДА 1623 Г.
І ЯГО ЗНАЧЭННЕ ДЛЯ РЭКАНСТРУКЦЫІ СКЛАДУ КОМПЛЕКСУ
АРЫГІНАЛАЎ АКТАЎ КАНЦА XIV — ПАЧАТКУ XVII ст.**

У складзе варшаўскай часткі Архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у Галоўным архіве старажытных актаў Польшчы (Archiwum Główny Akt dawnych, далей — AGAD) захоўваецца «рээстр» дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. у форме копіі XVIII ст.* [3]. Крыніца была адкрыта два дзесяцігоддзі назад. У гістарыяграфіі яна вядома пад назвай «Рээстр арыгінальных кніг Літоўскай Метрыкі XVI ст.» [5, 9]. Аднак такое найменне, на наш погляд, не зусім поўна перадае змест і характар дадзенага, надзвычай каштоўнага для гістарычнай навукі дакумента. Ён уключае ў сябе дзве часткі: спіс арыгіналаў актаў канца XIV — пач. XVII ст. пераважна дзяржаўна-прававога характару (згодна з падлікамі аўтара — 93 акты 1386(?) / 1387** — 1601 гг.) і спіс кніг т. зв. Метрыкі ВКЛ (згодна з дадзенымі Дарыюса Антанавічуса — 148 арыгінальных кніг са складу т. зв. старой Метрыкі ВКЛ, што загінулі падчас падзей сярэдзіны — другой паловы XVII ст.) [5, с. 21]. Дадзеныя акты і кнігі адносіліся да скарба дзяржавы і ў 1623 г. захоўваліся ў Віленскім ніжнім замку ў памяшканні земскага скарба («w skarbowym sklepie w zamku kro-

* Тэрміналагічны аспект праблемы ў частцы назваў архіва, архіўнай уліковай дакументацыі і створаных на яе аснове актаў у перыяд першай чвэрці XVII ст. у гістарыяграфіі не з'яўляецца цалкам распрацаваным. Не ўмешваючыся ў дыскусію, адзначым наступнае. Дакладна перакласці гістарычнае паняцце «рээстр» (польск. «regestr») на сучасную беларускую мову немагчыма. Бліжэйшымі адпаведнікамі гэтага слова могуць выступаць тэрміны «архіўны вопіс», «акт прыёма-перадачы дакументаў», але ніводзін з іх не супадае са зместам азначанага на 100% і можа быць прыменены толькі ўмоўна. У дадзеным тэксце ў дачыненні да разглядаемай крыніцы выкарыстана тэрміналогія крыніцы — «рээстр». Тэрмін «дзяржаўны архіў ВКЛ» у цэлым адпавядае значэнню тэрмінаў «архіў ВКЛ» або «вялікакняскі архіў», замацаваным у гістарыяграфіі. Пакідаючы яго абгрунтаванне для асобнага артыкула, пад гэтым тэрмінам аўтар разумее дакументы агульнадзяржаўнага значэння, якія адносіліся да дзяржаўнай уласнасці і ў азначаны час захоўваліся ў дзяржаўным скарбе (вызначальная прыкмета — права ўласнасці на дакументы).

** У рээстры фіксуецца дакумент без даты пад назвай «List Wasila łacinski» [3, s. 12]. Ёсць падставы меркаваць, што гэта акт прысягі Васіля, князя пінскага, у вернасці каралю польскаму Уладыславу-Ягайле, каралева Ядвізе і Кароне Польскай, выданы 27 кастрычніка 1386 г. у Луцку на лацінскай мове.

la i(ego) m(o)sci Wilenskim») [3, s. 22]. Гэтым крыніца адрозніваецца ад ужо вядомага рээстра кніг Метрыкі ВКЛ ад 11 сакавіка 1623 г. са складу Расійскай нацыянальнай бібліятэкі (РНБ, отдел рукописей, ф. 971 «Польша. Собрание автографов П. П. Дубровского»), оп. 2, часть 1: автографы 62—125, авт. № 124, с. 98—113, упершыню выявіў і апублікаваў Г. Я. Галенчанка [6]. Адметна, што рээстр з РНБ, без сумнення, таксама паходзіць з архіўнай радзівіліяны, на што была звернута ўвага яшчэ пры яго адкрыцці [6, с. 338]. Азначаны ранейшы па часе складання рээстр фіксуе кнігі, што на сакавік 1623 г. захоўваліся ў канцылярыі ВКЛ у Варшаве ў выглядзе кніг-копій канца XVI — пач. XVII ст. (пераважная большасць) і арыгінальных кніг перыяду панавання Жыгімонта III Вазы. Нагодай для складання абодвух рээстраў у 1623 г. з'яўлялася змена Льва Сапегі (1557—1633) на пасадзе канцлера ВКЛ ардынатам альцікі Альбрэхтам Станіславам Радзівілам (1593—1656). Адрозненне тэксту рээстра AGAD ад рээстра з РНБ, яго навуковая каштоўнасць пацверджаны літоўскім даследчыкам Метрыкі ВКЛ Д. Антанавічусам [5, с. 20—25; 9].

Выключна важным з'яўляецца тое, што рээстр ад 26 лістапада 1623 г. утрымлівае апісанне складу не толькі Метрыкі ВКЛ, а таксама іншых частак дзяржаўнага архіва, і ўласна — *комплексу арыгіналаў актаў*. Так, згодна з крыніцай, сярод архіўных дакументаў, якія размяшчаліся ў скарбе земскім, вылучаліся тры буйныя часткі: 1) арыгіналы дзяржаўна-прававых і іншых відаў актаў (захоўваліся ў асобным куфры); арыгіналы кніг т. зв. старой Метрыкі ВКЛ (захоўваліся ў двух куфрах); дакументы маёмасна-прававога характару на ўладанні прыватных асоб, якія адыйшлі дзяржаве пераважна ад Альбрэхта Марцінавіча Гаштольда (? — 1539 г.), у 1522—1539 гг. канцлера ВКЛ («sprawy zas na dobra gosztaltowskie y insze spatkowe do stolu krola i(ego) m(o)sci nalezace»), заставаўся неўпарадкаванымі [3, s. 2, 22]. Такім чынам, крыніца дазваляе больш выразна ўявіць агульны склад і структуру дзяржаўнага архіва ВКЛ у пачатку 20-х гг. XVII ст. Яна ўказвае на аднясенне азначаных дакументаў да шэрагу аб'ектаў найвышэйшай для дзяржавы каштоўнасці, размяшчэнне іх у скарбе, на сумеснае захоўванне Метрыкі ВКЛ і комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў і на самастойнае, раўнапраўнае месца апошняга адносна Метрыкі ВКЛ.

Уласна рээстр ад 26 лістапада 1623 г. ахоплівае дзве першыя часткі архіва. У частцы арыгіналаў ён утрымлівае 93 дакументы за перыяд 1386(?) / 1387—1601 гг. Іх можна падзяліць на 4 асноўныя групы: 1) агульназемскія прывілеі; 2) акты уній ВКЛ і Кароны Польскай, дакументы, звязаныя з гэтым працэсам; 3) двухбаковыя пагадненні аб міры/перамір'і паміж ВКЛ і Малдавіяй, вялікімі князямі маскоўскімі, а таксама ўладарамі зямель, што пазней увайшлі ў склад Расійскай дзяржавы — Ноўгарад, Пскоў, Цвер і інш.; 4) булы рымскіх пап вялікім князям літоўскім. Астатняя невялікая група аб'ядноўвае акты, што датычацца асобных пытанняў агульнадзяржаўнага значэння.

У працэдуры перадачы архіва, што адбылася ў лістападзе 1623 г. у Віленскім ніжнім замку ў памішканні дзяржаўнага скарбу, удзельнічалі: ад імя дзяржавы і манарха: 1) Крыштаф Нарушэвіч — падскарбі вялікі ВКЛ, лоўчы і пісар ВКЛ, цівун вешвянскі, дзяржаўца навадворскі; 2) Мікалай Бральніцкі — скарбнік ВКЛ; ад імя канцлера ВКЛ князя Альбрэхта Станіслава Радзівіла: 3) Андрэй Абрыйскі — суддзя земскі навагародскі; 4) Андрэй («Iędrzei») Скарульскі — кавалер ерусалімскага; 5) Якуб Аградзінскі — слуга князя Радзівіла; ад імя ваяводы віленскага Льва Сапегі: 6) Адам Пашкевіч — слуга; 7) Ян Дрошга — слуга.

Згодна з інфармацыяй рэестра дакументы комплексу захоўваліся ў куфры (польск. — «skrzynia») і былі ўкладзены ў т. зв. шуфляды. Іх было 15, яны пазначаліся літарамі лацінскага алфавіта: A1—A5, B1—B5, C1—C5. У аснове ўнутранай арганізацыі комплексу знаходзілася прыкмета ўнутрыдзяржаўнага або знешнепалітычнага значэння дакументаў. Першыя ўпарадкаваліся па храналагічнай прыкмеце згодна з перыядамі кіравання манархаў, другія — па тэрытарыяльнай прыкмеце: суб'екты міжнароднага права. Так, дакументы ўнутрыдзяржаўнага значэння, у тым ліку ўсе ўнііныя, якія папярэднічалі Люблінскай уніі, у рэестры размеркаваны па наступных раздзелах: «Уладыслаў Ягайла з Вітаўтам і Жыгімонтам»; «Уладыслаў (III Варненчык — А. Л.) з Казімірам братам»; «Аляксандр, вялікі князь літоўскі», акты перыяду Жыгімонта I Старога (шуфляда A5 без назвы), «Жыгімонт Аўгуст»; «Стэфан, кароль»; «Прывілеі караля Жыгімонта (III Вазы. — А. Л.)». Дакументы знешнепалітычнага значэння: «Пагадненні аб міры і перамір'і з Малдавіяй» («Pacta Moldawskie»); «Старажытныя і сучасныя перамір'і з Масквой» («Inducye Moskiewskie dawne y teraznieysze»); «Булы рымскіх пап» («Listy papieskie»). Дакументы кожнага з раздзелаў захоўваліся ў адной ці некалькіх шуфлядах. У адной шуфлядзе магло захоўвацца ад 1 да 17 дакументаў. Асобна ў комплексе вылучаліся акты Люблінскай уніі ад 1 ліпеня 1569 г.: акт «паноў каронных»; акт «паноў літоўскіх» (другі экзэмпляр), а таксама 3 выпісы ці т. зв. экстракты гэтых актаў з кнігі канцэлярыі Каралеўства Польскага. Яны захоўваліся ў асобных шуфлядах — C3, C4, C5 (3 выпісы) адпаведна.

Рэестр ад 26 лістапада 1623 г. упершыню быў уведзены ў навуковы ўжытак польскім даследчыкам Вальдэмарам Мікульскім у 1997 г. Ён апісаны ў артыкуле, прысвечаным гісторыі захоўвання родам князёў Радзівілаў актаў са складу дзяржаўнага архіва ВКЛ (у В. Мікульскага — «архіва ВКЛ», «ввялікакняскага архіва») і выяўленню іх у сучасных фондах і калекцыях AGAD [12, s. 73—73]. У даследаванні дадзена агульнае апісанне зместу крыніцы; адзначана наяўнасць часткі, што адрознівае яе ад рэестра, датаванага 11 сакавіка 1623 г. — а менавіта апісанне складу комплексу арыгіналаў актаў. В. Мікульскі таксама склаў спіс захаваных актаў комплексу ў AGAD, які ўяўляе сабой істотную каштоўнасць для прац па аднаўленні цэласнасці збору. Разам з тым, звестак аб ступені выкарыстання разглядаемага рэестра для вызначэння на

яго аснове ступені захаванасці комплексу ў параўнанні са станам на 1623 г., супастаўлення («канкарданса») пазіцый, спіса страчаных актаў у даследаванні не ўтрымліваецца. Сам складзены спіс па нашых падліках адлюстроўвае толькі каля 70% ад агульнай колькасці актаў у рэестры ад 26 лістапада 1623 г. Шэраг дакументаў з яго, што захоўваюцца ў AGAD, у спіс не патрапілі*. Такім чынам, як падаецца, патэнцыял крыніцы застаўся не цалкам скарыстаны.

«Новае» адкрыццё рэестра было здзейснена Д. Антанавічусам, які звярнуў увагу на яго высокую каштоўнасць перш за ўсё для вывучэння гісторыі і складу Метрыкі ВКЛ і нават для высвятлення шэрагу вострых дыскусійных праблем метрыцыяны (напр., ідэнтычнасць/неідэнтычнасць арыгіналаў і копіі кнігі) [5, s. 23—25]. У дадзеным аспекце дакумент быў ім дэталёва прааналізаваны і апісаны. Даследчыкам праведзена супастаўленне («канкарданс») вядомых сёння кніг з пазіцыямі ў рэестры. У 2012 г. быў выдадзены тэкст рэестра. Аднак апублікавана была толькі частка, што ахоплівае Метрыку ВКЛ [9, p. 167—180]. Наяўнасць на старонках рэестра спіса арыгіналаў даследчыкам натуральна ўказана, але пры гэтым адзначана: «Эти документы достойны отдельной статьи и публикации» [5, с. 19—20].

Такім чынам, першая частка рэестра ад 26 лістапада 1623 г. з апісаннем комплексу арыгіналаў найважнейшых дзяржаўна-прававых актаў ВКЛ да сёння застаецца неапублікаванай.

Разам з тым, гістарычных крыніц, якія ўтрымлівалі б падакументнае апісанне комплексу ў перыяд яго знаходжання на дзяржаўным захоўванні, крыіне мала. Акрамя разглядаемага на цяперашні час вядомы фактычна толькі адзін дакумент, які мае характар вопісу комплексу арыгіналаў дзяржаўнага архіва ВКЛ. Ён датуецца 1570—1584 гг. і змешчаны ў складзе Метрыкі ВКЛ у якасці кнігі запісаў № 1 і 2 (копія кнігі 1, гл. таксама копію XVIII ст. у фондзе «Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawski» ў AGAD) [8, с. 325—473; 10; 4]. Крыніца пачынаецца раздзелам пад назвай «Uniwersaly i pospolite listy». Аднак у параўнанні з рэестрам ад 26 лістапада 1623 г. інфарматыўнасць яе адносна разглядаемай праблемы нізкая: тут фіксуецца толькі 15 актаў агульнадзяржаўнага значэння 1386—1570 гг., што ўяўляе сабой толькі асобныя разрозненыя адзінкі, фрагменты комплексу [8, с. 325—327; 10, p. 23—25; 4, s. 3—6]. На гэта звярталася ўвага яшчэ Я. Якубоўскім [цят. па: 6, с. 337]. Згодна з меркаваннем айчыннага даследчыка А. І. Грушы астатняя частка, у прыватнасці, дыпламатычныя дакументы, агульназемскія прывілеі ВКЛ і іншае, верагодна былі вылучаны з «вялікакняскага архіва» і таму не патрапілі ў азначаны вопіс [7, с. 361]. Па нявысвет-

* Напрыклад, канфірмацыйны прывілей Жыгімонта II Аўгуста ад 3 лістапада 1551 г., т. зв. «аксамітная кніга» [3, s. 8; Дад. А, № 34] (AGAD, ZDP, sygn. 7675); прывілей Жыгімонта II Аўгуста ад 20 верасня 1559 г. адносна другога Статута ВКЛ [3, s. 8; Дад. А, № 35] (AGAD, ZDP, sygn. 7744); акты з пунктамі пагаднення паміж дэпутатамі Каралеўства Польскага і ВКЛ, прынятыя на элекцыйным сейме ў Варшаве 4 жніўня 1587 г. [3, s. 12; Дад. А, № 70, 71] (AGAD, ZDP, sygn. 7929, 7930).

ленай прычыне пазней у склад комплексу арыгіналаў з іх увайшло толькі каля паловы (8 адзінак), што фіксуецца ў рэестры ад 26 лістапада 1623 г. Фактычна ж вопіс дакументаў ад 1570—1584 г. адлюстроўвае склад маёмасна-прававых актаў на былыя прыватныя ўладанні, пераважна канцлера ВКЛ Альбрэхта Марцінавіча Гаштольда, якія вярнуліся ў дзяржаўную ўласнасць*. Гэтыя маёмасныя акты ў 1623 г. прадаўжалі захоўвацца там жа, у дзяржаўным скарбе ВКЛ, адасоблена ад комплексу арыгіналаў, які тады ўяўляў сабой самастойную частку. Дадзеная акалічнасць не дазваляе ў поўнай меры трактаваць вопіс дакументаў 1570—1584 г. як уласна вопіс комплексу арыгіналаў дзяржаўнага архіва ВКЛ. Але ён пралівае святло на генезіс комплексу і самога рэестра ад 26 лістапада 1623 г.

Асаблівасцю рэестра ад 23 лістапада 1623 г. у частцы, што фіксуе склад комплексу арыгіналаў, з'яўляецца параўнальна высокая ступень дэталінасці апісання. У тагачасным «апісальным артыкуле» ўказаны, як правіла: від дакумента; аўтар; бок, якому прызначаны дакумент («адрасат»); сціслая перадача зместу; дата надання; месца надання; колькасць пячатак; фізічны стан дакумента. Улічваючы ўнікальнасць актаў комплексу, існаванне іх, як правіла, у адным экзэмпляры, азначаная інфарматыўнасць апісання можа быць дастатковай базай, якая ў сукупнасці з іншымі крыніцамі дазволіла б паспяхова, з максімальнай ступенню верагоднасці праводзіць у цяперашні час ідэнтыфікацыю актаў са складу комплексу**.

Аднак найбольш істотным з'яўляецца наступнае. Папярэднія вынікі даследаванняў аўтара сведчаць, што на актах комплексу, якія дайшлі да нашых дзён, захаваліся запісы — назвы дакументаў, якія даслоўна адпавядаюць фармулёўкам рэестра ад 26 лістапада 1623 г. (тэўныя разыходжанні назіраюцца толькі ў арфаграфіі, што можа тлумачыцца ў тым ліку і эвалюцыйнай польскага пісьма к XVIII ст.). Наўрад ці перадача дзяржаўнага архіва ў 1623 г. суправаджалася поўнай «пераінвентарызацыяй» (апісаннем) комплексу арыгіналаў: складана ўявіць, каб такая прадстаўнічая камісія займалася працай падобнага характару,

* Аўтары прадмовы да выдання кнігі 1 Метрыкі ВКЛ у 1998 г. канстатавалі: «В этих двух книгах зарегистрированы и кратко аннотированы оригинальные документы, которые по некоторым причинам не были выданы заинтересованным лицам и оставлены в канцелярии Великого Княжества Литовского, положены в мешки и хранились вместе с книгами Литовской Метрики. Местонахождение документов, описанных в 1-й книге, в настоящее время неизвестно!» [10, р. 17].

** Важнасць зместу дакументаў, значэнне іх для дзяржавы абумоўлівалі стварэнне іх у адным экзэмпляры. Адначасовае стварэнне двух арыгіналаў дакументаў такога рангу — з'ява надзвычай рэдкая, уласцівая пераважна двухбоковым міждзяржаўным пагадненням (вядома, напрыклад, аб існаванні двух арыгіналаў акта Люблінскай уніі ад 1 ліпеня 1569 г., нададзеным бокам ВКЛ польскаму боку — адзін з іх захоўваўся ў дзяржаўным архіве ВКЛ, разам з актам, нададзеным польскім бокам боку ВКЛ). Гэта асаблівасць мінімізуе верагоднасць памылкі пры ўстанаўленні паходжання акта, які адпавядае параметрам апісання.

акрамя таго, канкрэтнае ўказанне на тое, што камісія праводзіла ўпарадкаванне і апісанне спраў, змяшчае сам рэестр, дзе тлумачыцца адмова прадстаўнікоў канцлера прымаць «Гаштольдаўскія і іншыя акты, што адышлі да столу гаспадара» — з-за іх неўпарадкаванасці і адсутнасці «рэестра» [3, с. 22]. Хутчэй за ўсё гэта адбылося раней разглядаемых падзей 1623 г., а арыгінал рэестра ад 26 лістапада 1623 г. абапіраўся на пакуль невядомы польскамоўны вопіс, складзены падчас прац па ўпарадкаванні комплексу. Менавіта пры яго складанні адбывалася пазначэнне назваў на дакументах. Кожны запіс у рэестр 1623 г. уносіўся з гэтага вопісу пасля праверкі наяўнасці дакумента ў дзяржаўным скарбе і зверкі назвы на яго тыльным баку з вопісам. Так або іначэй, супадзенне назваў на дакументах з запісамі ў рэестры — адна з асноўных умоў навукова абгрунтаванай ідэнтыфікацыі актаў комплексу ў цяперашні час*.

Такім чынам, рэестр ад 26 лістапада 1623 г. з'яўляецца пакуль адзінай вядомай крыніцай, якая настолькі поўна і дакладна фіксуе асноўны склад комплексу ў перыяд яго захоўвання ў скарбе ВКЛ**. З улікам сваёй паўнаты і дэталінасці апісання, адпаведнасці яго запісаў адзнакам архіўнага ўліку на саміх актах рэестр мае першачарговае значэнне для лагічнай рэканструкцыі складу даследуемай часткі дзяржаўнага архіва ВКЛ перыяду канца XIV — пачатку 20-х гг. XVII ст., вызначэння аб'ёмаў страт і пацверджання паходжання (правеніенцы) у працэсе выяўлення дакументаў у сучаснасці.

Дадатак А

Рэестр дзяржаўнага архіва

Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г.

Частка I: комплекс арыгіналаў актаў 1386(?)1387—1601 гг.

Арыгінал: невядомы. Копія [3]. Дата стварэння копіі — XVIII ст. (згодна з датyroўкай В. Мікульскага па характару пісьма, пацверджана Д. Антанавічусам) [12, с. 73; 5, с. 19]. Датyroўка па вадзяным знакам: 1723—1737 гг. [13]. Публікацыя: уступная частка, рэестр кніг Метрыкі ВКЛ, заключная частка (за

* У гэтым сэнсе, як нам падаецца, тэрмін «вопіс» прымяняць да рэестра ад 26 лістапада 1623 г. можна толькі ўмоўна [7, с. 361].

Вядома, мы маем справу з актам, створаным на аснове ўласна «вопісу», г. зн. з другасным дакументам (калі нават не закранаць пытанне наяўнасці рэквізітаў, што пацвярджаюць акт). З гэтай кропкі гледжання бліжэй да яго па сэнсе знаходзіцца сучасны тэрмін «акт прыёма-перадачы дакументаў». Разам з тым, варта адзначыць, што складальнікі рэестра тэрміналагічна не адрознівалі аформлены імі акт і ўласна «вопіс дакументаў», прымяняючы слова «рэестр» у абодвух выпадках (сцвярджаючы, што «справы на Гаштольдаўскія ўладанні» неўпарадкаваныя і не маюць «рэестра») [3, с. 2, 22].

** Вопісы комплексу перыяду яго захоўвання ў складзе архіваў Радзівілаў, ардынатары нясвіжскіх фіксуюць асобныя дзяржаўныя акты перыяду 1623—1644 гг., але гэта адзінкавыя выпадкі. «Камплектаванне» дадзенай часткі архіва як сістэматычны працэс спыняецца пасля жніўня 1655 г., калі яна назаўжды трапляе ў прыватныя зборы роду Радзівілаў.

выключэннем рээстра комплексу арыгіналаў актаў), аркушы 2, 13—22 [9, р. 167—180].

Стан захаванасці — здавальняючы. На кожным аркушы ў ніжняй частцы рукапісу маецца след замочасці, які паступова змяншаецца бліжэй да апошняга аркуша. Па знешнім перыметры папера не роўная, маюцца сляды пераўвільгатнення (пацямненне колеру, дэфармацыя). На апошнім аркушы ўверсе бліжэй да кута разрыў ад верхняга краю наўскос каля 1,0 см.

Фармаг — in folio, рукапіс сабраны ў сшытак, які ўтварае 12 двухбаковых аркушаў. Нумарацыя (фаліяцыя) аркушаў «№ 1» — пачынаючы з другога пасля тыгульнага аркуша без ужывання на адваротах аркуша, праз адзін нумар, на ніжнім полі ў сярэдзіне чырвоным алоўкам арабскімі лічбамі. Сучасная пагінацыя «№ 2» — XX ст. (?), на кожнай старонцы ў левым або ў правым верхнім куце простым алоўкам арабскімі лічбамі, на арк. 23 у ніжняй палове бліжэй да цэнтра перпендыкулярна лініі радка, адпавядае сучаснай уліковай дакументацыі AGAD [2, s. 43]. Суадносіны фаліяцыі і пагінацыі па аркушах (№ 1 / № 2): адсутнічае / 1; 1 / 2; адсутнічае / 3; 3 / 4; адсутнічае / 5; 5 / 6; адсутнічае / 7; 7 / 8; адсутнічае / 9; 9 / 10; адсутнічае / 11; 11 / 12; адсутнічае / 13; 13 / 14; адсутнічае / 15; 15 / 16; адсутнічае / 17; 17 / 18; адсутнічае / 19; 19 / 20; адсутнічае / 21; 21 / 22; адсутнічае / 23.

Запісы на дакуменце. На арк. 1: 1) уверсе злева алоўкам сіняга колеру лічба «1», абведзеная ў круг тым жа алоўкам; 2) правей ад запісу 1 бліжэй да цэнтра чырвоным алоўкам «26»; 3) у правым ніжнім куце аркуша штамп чорнага колеру авальнай формы, над авалам літары «AGAD», у сярэдзіне «WARSZAWA»; арк. 2: 4) на верхнім полі чырвоным алоўкам «26 ...» закрэслена; арк. 3: 5) на верхнім полі чырвоным алоўкам «26 b.» закрэслена; арк. 4: 6) на верхнім полі чырвоным алоўкам «26 c.» закрэслена; на арк. 20: 7) на верхнім полі ў сярэдзіне «26...»*; на арк. 23: 8) у ніжняй палове аркуша, перпендыкулярна радку чорным чарнілам «n(umer)04. Fas(cykół). 22. Regestru(m)»; 9) у правым ніжнім куце аркуша штамп чорнага колеру авальнай формы, над авалам літары «AGAD», у сярэдзіне «WARSZAWA».

Мова тэксту — польская. Латінская мова ўжываецца пераважна ў датах дакументаў. Колькасць радкоў на старонцы — ад 30 да 44. Тэкст запісаны адным почыркам. Назвы раздзелаў (шуфлядаў) змешчаны пасярэдзіне або лявей ад сярэдзіны радка, літары ў назвах павялічаны ў два разы.

Правілы перадачы тэксту. Тэкст мадэрнізуецца часткова — арфаграфія і іншыя асаблівасці тэксту рээстра маюць значэнне для выкарыстання ў цяперашні час пры зверцы з правеніцыйнымі прыкметамі — адзнакамі архіўнага ўліку — на захаваных арыгіналах актаў (параўнанне назвы дакумента на тыльным баку акта і яе адпаведнасці рээстру). Згодна з правіламі сучаснай польскай мовы ўжываюцца вялікія і малыя літары, пунктуацыя. Скарачэнні раскрываюц-

* неразборліва адна літара, верагодна а

** неразборліва адна літара, падобна на літару с, звернутую ў адваротны бок

ца ў паўкруглых дужках. Лічбава-літарныя скарачэнні тыпу «1mo», «8bra», «Xbris», «3go» і г. д. — раскрываюцца адпаведна як «(pri)mo», «(okto)bra», «(decem)bris», «(trzecie)go» і г. д. Лігатуры ўжываюцца ў канцы лацінамоўных слоў пераважна ў дачыненні да спалучэння літар «ae» ў назвах свят пры пазначэнні дат, напрыклад, «Eriphaniae», або ў інш., напрыклад, «L(i)ttvaniae» — пры публікацыі — раскрываюцца і не пазначаюцца. Графічная форма мінускульнага «i» ў выглядзе j-падобнай перадаецца літарай «i». Літара набывае такую форму пераважна ў канцы слова, у рэдкіх выпадках — у сярэдзіне слова паміж галоснымі, у канчатках, напрыклад, «majestatowemi». Захоўваюцца: «u» — у значэнні гукаў «i», «j»; «v»; «x».

Кропкі альбо двукроп'е як знакі, ужытыя ў скарачэннях тыпу суспенсіі, не ўзнаўляюцца. Падваенне зычных у такіх скарачэннях захоўваецца, напрыклад, «L(i)tt(ewskiego)». Вынасныя літары пазначаюцца курсівам. Аўтарскі тэкст — у квадратных дужках. Канец радка пазначаны як «f», канец старонкі — «||», нумар старонкі — у касых квадратных дужках. Кустоды маюцца на аркушах 2—5, 8, 10, 11 — не ўзнаўляюцца.

Regestr Przywilegow W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego) | oddanych* dozamku | xiążąt Radziwiłłow 1623** [2]

Regestr spisania przywilegow ziemskich Wielkiego Xięstwa | L(i)tt(ewskiego) od xiążąt, a potom od krolow ich m(o)sc(io)w polskich | y W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego) na prawa y wolności obywatelom nadanych, | także między stanami coronnemi y W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego), listow | strony uniy y inszych, do tego pakt*** moldawskich**** y inducyi moskiew|skich, nadto Metryk przywilegow, zeznania y sądow | roznych, które przy bytności iasnie wielmożnego pana | Krzysztofa Nar[ui]szewicz|zja podskarbiego ziemskiego, | łowczego y pisarza W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego), ciwuna wieszwan|skiego, nowodworskiego ettc(etera), dzierzawce y Ie(g)oK(rólewskiej) M(o)sci***** | pana Mikołaja Brolnickiego skarbnego W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego), | od Ie(g)o K(rólewskiej) M(o)sci na to deputowanych, oswiecone xiąże Albrycht Stanisław Radziwił, xiąże na Olyce, | Nieswizu, kanclerz W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego), gniewski tucholski | starosta, wieloncki, boysagolski dzierzawca przez | ręce przyiaciół swych ich m(o)sc panow Andrzeia Olbrynskiego sędziego ziemskiego nowogrodzkiego, | i Iędrzeia Skorulskiego kawalera ierozolimskiego | y sluge x(iąże)cia i(ego) m(o)sci pana Iakuba Ogrodzinskiego od ich | m(o)sc panow Adama Paszkiewica y Iana Droszty, slug | i(ásnie) w(ielmożnego) pana Leona Sapielhy woiewody wilenskiego, za załeceniem od iego tu, w Wilnie, na

* так у дакуменце, з вялікай літары D пасля прабелу, трэба чытаць oddanych

** ніжэй — росчырк яра; тэкст загалюка дададзены да тэксту крыніцы пры капіраванні ў XVIII ст., адлюстроўвае падзеі перыяду не раней 1655 г.

*** літара t напісана больш цёмным чарнілам

**** напісана над радком тым жа, але драбнейшым почыркам і больш цёмным чарнілам

***** так у дакуменце

zamku w roku terazniejszy 1623 m(ie)s(ia)ca (nowem)bra dwudziestego szostego dnia ode|bra|. |

Władysław Jagieyło z Witutem y Zygmuntem |

Naprzod | Szuflada A |

[1.] List Dymitra alias Corybuta x(iażę)cia litewskiego stro|ny ziednoczenia z Jagieyłem y Korono. |

[2.] Przywilej krola Władysława Jagieyła na wolności na|rodom X(ie)stwa Lit(tewskiego)o, ktorzy do wiary katolickiej || /3/ chrzescianskiej przystapili i przystapic chcieli pozwolone. | Pod dato w Wilnie, roku 1387. |

[3.] Przywilej łacinski stanow koronnych ziednoczenia między | Władysławem krolom polskim y Witoldem x(iażę)ci[e]m | l(i)tt(e)wskim. U niego pieczęci małych 34. Sprawiony w Rado|miu, de data anni 1401 in vi(gi)lia s(ancti) Gregorii. |

[4.] Przywilej łacinski stanow koronnych przyięcio do her|bow W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ewskiego). Sprawiony w Horodle. U niego pieczęci 46. De data anni 1413 (d)ie 2 (octo)bris. |

[5.] Przywilej łacinski potwierdzenia krola Władysława | Jagieła Alexandra Witolda w(ielkiego) x(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o ziednoczenia | spolnego w braniu herbow od stanow koronnych. Ze | dwiema pieczęciami maiestatowemi koronno y | W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ewskiego)o. Sprawiony w Horodle, de data anni 1413 d(ie) 2 (octo)bris. |

[6.] Przywilej łacinski ziednoczenia Władysława Jagieyła krola ystanow koronnych z Zygmuntem wielkim | x(iażę)ciem l(i)tt(e)wskim y z stany W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ewskiego)o. Pieczęci u niego małych siedym. Sprawiony w Lwowie, de data 1432*. |

[7.] Przywilej łacinski krola Władysława Jagieyła z pozwoleniem Zygmunta x(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o potwierdzenia wszyt|kich przywilegow koscielnych y szlacheckich stanow | wiary katolickiej. U niego pieczęci małych 6. Sprawiony | w Lwowie, de data an(n)i 1432 (d)ie s(ancti) Hedvigis |

[8.] Przywilej łacinski krola Władysława Jagieyła z pozwoleniem Zygmunta x(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o, a po smierci Zygmuntoyey | x(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o z Korono ma się ziednoczyc. U niego pieczęć maiestatowa y małych pieczęci 33. Sprawiony w Krako|wie, de data anni 1433 sabatto ante festum Epiphaniam. |

Szuflada A2 || /4/

[9.] Przywilej łacinski krola Władysława Jagieyła, | krorym pacta z Korono Polsko y Wielkim X(ie)stwem L(i)tt(ew)skim stanowi y z Zygmuntem x(iażę)ciem litewskim | y panstwy obiema. U niego pieczęć iedna. Sprawio|ny w Krakowie, de data anni 1433 sabatto ante festum | Epiphaniae. |

[10.] Przywilej łacinski krola Władysława Jagieła, w | ktorym się zamykaię candycie między krolom | polskim Władysławem y x(iażę)ciem l(i)tt(e)wskim Zygmun-

* лічба 3 випраўлена з 2 або з 4

tem postanowione, ze x(ia)ze l(i)tt(ew)ski wiecznemi czaj|sy ma się przyłączyc do Korony Polskiej. U niego | pieczęć wielka, a małych pieczęci 40. Sprawio|ny w Nowym Miescie Korczynie, de data | anni 1434 sabotoante Dominicam Oculi. |

[11.] Przywilej Zygmunta w(ielkiego) x(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o na prawa y | wolności stanow W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ewskiego)o. Z iedno pieczęcio | maiestatow|ą wielko. Dany w Trokach, a(nno) 1434 | ipso die Ascensionis D(o)m(ini). |

Władysław z Kazimirzem bratem |

Szuflada A3 |

[12.] List łacinski panow koronnych, ktorym upom|niaię Zygmunta aby pomocy zadney Swiadry|gałowi do Łucka nie dawał, a potym zapisuio się | za krolewica Władysława, de* dorozszy lat wszytkie. . . ** | pacta, ktore się postanowiły z oycem iego Jagielem | Wielkiemu X(ie)stwu L(i)tt(ewskiemu) potwierdzic y poprzysięc | ma. Pieczęci małych 4. Data w Grodnie, a(nn)o 1437 | in festo s(ancti) Nicolai. |

[13.] Przywilej łacinski krola Władysława, ktorym || /5/ potwierdza pierwsze pacta między Jagielem | oycem iego a Zygmuntem x(iażę)ciem l(i)tt(e)wskim pos|tanowione y za iakiemi condycjami Zygmuntem w(ielki) | x(ia)ze l(i)tt(e)wski swe dzierzec ma y iako się Xięstwo | L(i)tt(ew)skie z Korono złączyc ma. Pieczęć u niego | wielka maiestatowa. Datt(um) w Krakowie, a(nn)o 1440 | infra octavam Epiphaniae. |

[14.] Przywilej łacinski mały krola Kazimierza, | ktorym stanowi*** potwierdza prawa y wolności | wszytkie W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ewskiego)o. Z iedną pieczęci|ą. Datt(um) w Trokach, a(nn)o 1457 ipso (d)ieb(eati) Valentini. |

[15.] Przywilej łacinski krola Kazimierza, ktorym potwierdza prawa W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ewskiego)o, wedle ktorych się zach|wac ma. Z pieczęcio iedno. Dat(um) w Wilnie, roku 1457. |

Szuflada A4 |

Alexander Rex Magnus Dux L(i)ttvaniae |

[16.] Potwierdzenie Alexandra x(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o na prawa y wolności | wszytkim stanom W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ewskiego)o dane. Z iedno pieczęcio. Datt(um) w Wilnie, | anni 1492 (d)ie Transfigurationis D(o)m(ini). |

[17.] Plenipotencya Alexandra wielkiego x(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o do krola | ie(g)o m(o)sci polskiego Jana Albrychta odprawionym. Datt(um) w Grodnie, | anni 1499 infra octavas Epiphaniar(u)m. |

[18.] List łacinski Fryderyka arcybiskupa gnieznińskiego | y innych panow koronnych, ktorym obiecuią panom | lit(e)wskim listy federis dac na seymie przyszłym w Krakowie. Pieczęci u niego cztery. Datt(um) w Krakowie, a(nn)o 1499 | feria tertia ante festum s(anctae) Zophiae. || /6/

* так у документі, треба читати że

** каля дзвюх літар неразборліва, верагодна го

*** закрэслена

[19.] List łacinski potwierdzenia Fryderyka kardynała y drugich senatorow koronnych unii między Krole[stwe]m Polskim y | Wielkim X(ie)stwem L(i)tt(ew)skim uczyniony na elekcyi krola Alexandra, | który się we wszystkim zgadza z przywilegem krola Alexandra. | Pieczęci u niego 28. Datt(um) w Pietrkowie, roku 1501 w dzien | s(więtego) Franciszka. |

[20.] Przywiley Alexandra x(i)ążęcia l(i)tt(ew)skiego na krolewstwo polskie | obranego na unię. Dany w Piotrkowie, roku 1501 w dzien | świętego Franciszka. Pieczęć u niego iedna. |

[21.] List łacinski wierzący panom posłom l(i)tt(ew)skim, za wiadomością | Zygmunta x(i)ążęcia l(i)tt(ew)skiego dany, posłanym do stanow koronnych | na elekcyę. Pieczęci u niego 9. Datt(um) w Grodnie, a(nn)o 1506. |

[22.] List posłow W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego w Piotrkowie na elekcyę krola Alexandra | posłanych, którym potwierdzaią unię między Korono y Wielkim X(ie)stwem L(i)tt(ew)skim. Pieczęci u niego 4. W Piotrkowie, a(nn)o 1501 | w dzien świętego Franciszka. |

Szuflada A5 |

[23.] Przywiley łacinski Zygmunta x(i)ążęcia w(ielkiego) l(i)tt(ew)skiego, którym obiecuię | dac przywiley abo confirmacyą wszystkich praw y wolności | stanow W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego. Z pieczęcią małą. Datt(um) w Wilnie, | roku 1506 w dzien s(więtego) Łukasza Euangelisty. |

[24.] Przywiley łacinski Zygmunta w(ielkiego) x(i)ążęcia l(i)tt(ew)skiego, w którym wyzna[wa] wolno elekcyę z siebie także wszystkie prawa y wolności | W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego potwierdza. U niego pieczęć iedna. Datt(um) | w Grodnie, roku 1506 w wi(gi)lię Poczęcia Nayswiętszey Panny. |

[25.] Przywiley y confirmacya Zygmunta krola wszystkich praw | y wolności W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego z wolno elekcyę na syna iego Zygmunta | Augusta. Z pieczęcią W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego. Datt(um) w Wilnie na seymie, a(nn)o 1522. || /7/

[26.] Przywiley Zygmunta krola gdzie przyrzeka wszystkie prawa | y wolności W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego przez antecessory iego nadane | za syna swego Augusta, ze do lat swoich dorozszy to wszystko poprzysięze. Z pieczęcią l(i)tt(ew)skiego. Datt(um) w Wilnie, a(nn)o 1529 w | dzien świętego Łukasza Euangelisty. |

[27.] Przywiley łacinski krola Zygmunta, którym za elekcyę Zygmunta Augusta na w(ielkiego) x(i)ążęcia l(i)tt(ew)skiego powtore wszystkie prawa y wolności W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego potwierdza. Pieczęć W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego. Datt(um) w Wilnie na seymie, a(nn)o 1520* ipso (d)ie s(ancti) Lucae Euangelistae. |

[28.] Przywiley łacinski krola Zygmunta confirmacya praw | y wolności W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego od Władysława Iagieyła y Alexan|dra y innych

* так у документі, правильна 1529

nadanychz pieczęcio W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego. Datt(um) w Wilnie | na seymie, a(nn)o 1529 w wi(gi)lię s(więtych) Szymona y Iudy. |

[29, 30.] Przywilega dwa ustąpienia W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego od Zygmunta krola Zygmunтови Augustowi. W roku 1544 w Brzesciu. Ieden podacem* | (d)ie 19 augusta, a drugi 6 (octo)bris. Z pieczęcio L(i)tt(ew)skiego. |

Sigmunt August |

Szuflada B1 |

[31.] Przywiley łacinski krola Augusta, którym obiecuię lat do[ro]zszy wszystkie prawa y wolności W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego poprzysięc y | confirmowac. Z pieczęcio signetowo. Datt(um) w Wilnie na | seymie, roku 1536 we wtorek po Przewodney Niedzieli. |

[32.] Przywiley łacinski krola Augusta potwierdzenie praw y | wolności wszystkich W(ielkiemu) X(ie)stwu L(i)tt(ew)skiemu. Datt(um) w Wilnie, a(nn)o 1547 | w dzien s(więtego) Walentego Menczenika. |

[33.] Przywiley łacinski wielki krola Augusta potwierdzenia | statutu prawa, którym się W(ielkie) X(ie)stwo L(i)tt(ew)skie sędzic ma. Z pieczęcio | iedno. Datt(um) w Wilnie, a(nn)o 1547 (d)ies(ancti) Walenti Matry(ris). || /8/

[34.] Przywiley łacinski w czerwonym aksamicie ze złotym sznu[re]m y srebno pieczęcio krola Zygmunta Augusta, w | którym są inserowane y confirmowane wszystkie stare przywilega y wolności nadane na statut, xięgi opravney. Datt(um) | w Wilnie na seymie, roku 1551 feria post festum | Omnium Sanctorum. |

[35.] Przywiley krola Augusta ruski dany stanom W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego | na statut. Z pieczęcio. A(nn)o 1559 (d)ie 20 (septem)bris. |

[36.] Przywiley ruski krola Augusta, w którym waruię | za uchwaleniem pospolitego ruszenia przeciwko Moskiewskiemu, ze wyprawa pieszych na wojne w zwy|czaj isc niema y dotego na potom obywatele nie będo | powinni. Datt(um) w Wilnie, roku 1563** (d)ie 19 iulii. Z pieczęcio | iedno. |

[37.] Przywiley łacinski krola Augusta na wolne odiachanie | deputatow z W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego na stanowienie unii na seymie warszawskim naznaczonych. Z pieczęcio. Datt(um)[w] Willnie, 1563 | (d)ie 21 iulii. |

Szuflada B2 |

Sigismundus Augustus |

[38.] PrzywileypolskikrolaAugusta, którym dana byla moc | wszystkim stanow*** W(ielkiego) X(ie)stwa L(i)tt(ew)skiego stanowic unię na seymie na seylmie**** warszawskim z stany koronnymi. Z pieczęcio. De data w Willnie, (d)ie 21 czerwca a(nn)o 1563. |

* так у документі, верагодна трэба чытаць data

** лічба 3 выпраўлена

*** так у документі, трэба чытаць stanom

**** так у документі

[39.] Przywilej łacinski krola Augusta, ktorым potwierdza ziazd | parcowski strony unii. Z pieczęcio koronną. Datt(um) w Warszawie, | roku 1564 (d)ie 20 februarii. |

[40.] Przywilej ruski krola Augusta dany na statut W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o | y na insze wolności. Datt(um) w Bi[e]lsku, 1564 (d)ie 1 iulii. || [9]

[41.] Przywilej ruski krola Augusta dany W(ielkiemu) X(ięstwu) L(i)tt(ew)skiemu na warunek | y ziazd trabski, ktorzy dla pilnych potrzeb złożony był nic wolnościom ich szkodzić niema. Datt(um) w Wilnie, 1565(d)ie 12 (octo)bris. |

[42.] Przywilej ruski krola Augusta dany stanom W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego) na sądy | powiatowe. De data w Wilnie na seymie, roku 1565 (d)ie 30 (decem)bris. |

[43.] Przywilej ruski krola Augusta dany stanom W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o, ktorым | pozwala dostoięstwa y wszelakiey wolności rzymskiego y greckiego zakonu uzywac. Z pieczęcio. Pod dato w Wilnie, roku 1556* | (d)ie 6 iunii. |

[44.] Przywilej ruski krola Augusta ktorым potwierdza y poprawuie przywilege niektore zamokle około praw W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego). | Pod pieczęcio. Datt(um) w Mołodecznie, a(nn)o 1567. |

[45.] Przywilej ruski krola Zygmunta Augusta dany stanom | W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o, aby przywilege wolności w sobie zamykające obyczajem polskim do statutu były wpisane, do tego narodowi | szlacheckiemu ruski** y litwie, tym, ktorzy herby przy uniey wziali | y co nie brali wolności y wywyższenia w dignitarstwach stwierdza. | Datt(um) w Grodnie, roku 1568 (d)ie 1 iulii. |

[46.] Przywilej ruski krola Augusta dany W(ielkiemu) X(ięstwu) L(i)tt(ew)skiemu strony | uniey. Z pieczęcio. Datt(um) w Woiniu, 1568 (d)ie 21 (decem)bris. |

[47.] PrzywileypolskikrolaAugustadeklaracyaartykulow | uniey między Korono y Wielkim X(ię)stwem L(i)tt(ew)skim w Lublinie | uczyniony. Z pieczęcio. Datt(um) w Lublinie, roku 1569 (d)ie 4*** iulii. |

[48.] Vidymus przywilega polskiego krola Augusta potwierdzenia | uniey Lubelskiej między Korono Polsko a W(iel)kim X(ię)stwem L(i)tt(ew)skim. | Z pieczęcio. Datt(um) w Lublinie, roku 1569 (d)ie 15 iulii. |

Szuflada B3 |

Stephanus Rex |

[49.] Przywilej łacinski krola Stefana, ktorым poprzysięga wszystkie prawa y wolności W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o. Datt(um) w Warszawie, | (d)ie 29 iunii 1576****. || [10]

[50.] Przywilej łacinski krola Stefana potwierdzania***** praw y wolności X(ię)stwie L(i)tt(ew)skim. Pod dato w Warszawie, roku 1576 (d)ie 29 | iunii. |

* так у документі, правильна 1563

** так у документі, верагодна трэба чытаць русі

*** выпраўлена з 6 (?)

**** 6 выпраўлена з 3 або 8

***** так у документі, трэба чытаць potwierdzenia

[51.] Przywilej ruski krola Stefana, ktorым waruie, zeby nie poszło | w sequelle, bo panowie litewscy poczty niemaemi z krolom | na woynie iechali, a w nagrode tego krol i(ego)m(oš)c Plock* im przywrocic | obiecuię. Pod dato w Wilnie, a(nn)o 1580 (d)ie 29 aprilis. Z pieczęcio. |

[52.] Przywilej ruski na papierze krola Stefana dany W(ielkie)mu X(ięstwu) | L(i)tt(ew)skiemu na sądy trybunalskie W(ielkiego)X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o. Z pieczęcio. | Roku 1580 29 aprila. |

[53.] Przywilej łacinski krola Stefana y krolowey Anny | Iagielowny wyrzeczzenia wszytkich spadkow w Koronie | Polskiej y W(ielki)m X(ię)stwie L(i)tt(ew)skiem. Ze dwiema pieczęciami. Datt(um) | w Warszawie, roku 1581 (d)ie 20 februarii na seymie. |

[54.] Przywilej łacinski krola Stefana, ktorым zapisuie krolowey Annie, małżące swey, na niekorych dobrach w | W(ielki)m X(ię)stwie L(i)tt(ew)skim trzydzięci tysięcy złotych. Z pieczęcio. | Datt(um) w Warszawie na seymie, roku 1581 (d)ie 6 marca. |

[55.] Confirmacya krola Sigmunta trzeciego na tez oprawę | krolowey na coronacyi. Z pieczęcio. Datt(um) w Krakowie, roku 1588 | (d)ie 4 iunii. |

Szuflada B4 |

Pacta mołdawskie** |

[56.] List ruski Illi hospodara mołdawskiego y boiarowie(g)o | na wzięcie przymierza z Zygmuntem w(ielki)mx(iażę)ciem l(i)tt(ew)skim | y panstwy ięgo. [Z] pieczęcio wielko iedno, małych 8. Datt(um) w | Soczawie, od stworzenia swiata roku 6148****. |

[57.] Przywilej tegoz przymierza Illi**** hospodara mołdawskiego | z Kazimierzem W(ielki)mX(iażę)ciem L(i)tt(ew)skim y panstwy ięgo. Z pieczęcio | wielko y małych 8. Datt(um) w Soczawie, roku 6150***** (d)ie 9 febru(arie). | Ten list bar[d]zo zbutwiały y trudny do przeczytania. || [11]

[58.] Przywilej Kazimierza w(ielkiego)ox(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o potwierdzenia tegoz przy|mierza z tym ze woiewodo. Z pieczęciami 3. Datt(um) w Trokach, roku 6150***** | (d)ie 8 iulii*****. |

* так у документі, трэба чытаць Polock

** d выпраўлена з 1 (?)

*** так у документі, правильна 6945 (1437 г.) [11, p. 354 — 355]

**** першыя дзве літары выпраўлены

***** так у документі, правильна 6950 (1442 г.) [11, p. 361 — 362]

***** так у документі, правильна 6950 (1442 г.) [11, p. 355]

***** так у документі, правильна iunii [11, p. 355]

[59.] Potwierdzenie przymierza Stefana moldawskiego wojewody y| boiarow iego z Kazimirzem x(iażę)ciem l(i)tt(e)wskim y panstwy iego. U niego | pieczęci 2. Datt(um) w Iusach*, roku 615... ** (d)ie 25 iunii. |

[60.] List nazbotwiały z kraiu dziurawy potwierdzenia przymierza | Stefana tego z wojewody moldawskiego z Alexandrem w(iel)kim | x(iażę)ciem l(i)tt(e)wskim. U niego pieczęci 20. Datt(um) w Soczawie, | roku 7007(d)ie 14 (septem)bris. |

[61.] Potwierdzenie przymierza Piotra wojewody moldawskiego | y boiarow iego z krolewem polskim Zygmuntem Pierwszym | y panstwy iego. Pieczęci u niego 19. Datt(um) w Soczawie, roku 7306*** | (d)ie 2**** ianuarii. |

[62.] Potwierdzenia przymierza wiecznego Alexandra wojewody | moldawskiego y boiarow iego z krolewem Zygmuntem Augustem y panstwy iego z pieczęcio wielko y małych 12. Datt(um) w Iasiech***** | w Iasiech*****, 7063 roku (d)ie 6 februarii. |

Szufflada B5 |

Listy papieskie |

[63.] List Marcina Piątego papierza do Zygmunta x(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o, | którym pozwala miec spowiednika, ktorego obierze | sobie iednego ***** y temu daie plenariam facultatem semelab|solvendi in agone. Z pieczęcio ołowiano. Datt(um) w Rzymie. |

[64.] List Eugeniusza 4 papieza do Zygmunta x(iażę)cia l(i)tt(ewskiego)o, którym | toz pozwala. Z pieczęcio ołowiano. Z Rzymu, 1439 a(nn)o (d)ie 17 (septem)bris. |

[65.] List Synof[d]u Basiliskiego do tegoz Zygmunta, ktoremu także pozwala | obrac spowiednika y zawsze go uzywac cum plenariu(m)... ***** u... ntm ***** . | De data Bazyliae, anni 1439 (d)ie 12 (septem)bris. || [12]

[66.] List papieza Mikołaja 5 pisany do Kazimierza krola polskiego, | którym pozwala oltarz miec podrozny y msza na nim | według czasu aby była odprawiona. Z pieczęcio ołowiano. Datt(um) | w Rzymie, an(n)i 1447 (d)ie 10 ianuary. |

* так у документі, треба читати Iasach

** так у документі, одна лічба неразборлива — сліди випраулення, надобна да лічбы 3; правильна 6955 (1447 г.) [р. 360 — 361].

*** так у документі, правильна 7036 (1527 г.) [1]

**** так у документі, правильна 11 [1]

***** закрэслена

***** так у документі, треба читати Iasach

***** d випраулена з г (?)

***** каля 2 літар неразборлива, магчыма ід

***** каля 3 літар неразборлива, змяняе паперы

Szufflada C1 |

Przywilega krola Zygmunta |

[67.] Przywilej na seymie coronacyey na poprzysiężenie praw | wolności W(iel)kiemu X(ięstwu) L(i)tt(ew)skiemu. Datt(um) w Krakowie, (d)ie 28 ianuary a(nn)o 1588*. |

[68.] Przywilej na statut nowo poprawiony. Pod toz dato. |

[69.] Przywilej na pozwolenie drukowac statutow W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o. |

[70, 71.] Listow dwa od stanow koronnych na elekcyi wzięte strony | ziemi Inflandskiej. |

Szufflada C2 |

Inducye Moskiewskie dawne y teraznieysze |

[72.] List przymienny kniazia Borysa z Mitoldem** l(i)(e)wskim***. |

[73.] List kniazia Semiona Druckiego, którym się zapisują po Witoldzie służyc krolowi Iagielowi. |

[74.] List k(siażąt) Nowosielskich y Odoiewskich iako poczeli służyc krolowi | Kazimierzowi. |

[75.] List kniazia Dmitra Worotnickiego, którym się zapisują z zamłkiem Kozielskim onemu danym krolowi Kazimierzowi do Litwy. |

[76.] List przymienny krolewica Kazimierza z Wielkim Nowogrodem. |

[77.] List przymienny krolewica Kazimierza. Bez pieczęci. Nabotwiały****. |

[78.] List Wasila łacinski. |

[79.] List przymienny do pięciu lat kniazia w(ielkiego)o moskiewskiego | Iwana z krolewem Zygmuntem Pierwszym. |

[80.] List przymienny kniazia moskiewskiego Iwana z krolewem | Zygmuntem Starym y z Augustem do lat siedym. |

[81.] List przymienny tego z kniazia moskiewskiego z Zygmuntem | Augustem do lat pięc. |

[82.] List przymienny tegoz kniazia moskiewskiego z Zygmuntem | Augustem do dwu lat pisze***** p(ana) Dowoyne y p(ana) Wołowicza. |

[83.] List przymienny tegoz kniazia moskiewskiego z Zygmuntem | Augustem do lat szesc przez x(iażę)cia Zbaraskiego. |

* першая лічба 8 випраулена

** так у документі, треба читати Witoldem

*** закрэслена

**** так у документі, треба читати nadbótwiály

***** так у документі, треба читати przez

Nowsze |

[84, 85.] List krola Zygmunta na s[t]wierdzenie pokoju z Moskwo | na elekcji postanowionego do lat pietnastu y drugi takiz | z podpisem pisarza p(ana) Pielgrzymowskiego. |

[86.] List przymiemy od kniazia moskiewskiego Fiedora Iwanowicza z krolem ie(g)o m(o)sci Zygmuntom do lat 12. |

[87.] List od boiar dumnych Moskiewskich. |

[88.] List przymiemy kniazia moskiewskiego Borysa Fied[ow]rowicza | z krolem ie(g)o m(o)scio Zygmuntom pokoju postanowionego do latt 20 | przez pana Leona Sapiehe canclerza W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o. || [13]

Szuflada C3 |

[89.] List od stanow koronnych stanom W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o dany unii. Z wielko | pieczęcio. Roku 1569. |

Szuflada C4 |

[90.] List stanow W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o dany na unią. A(nn)o 1569. |

Szuflada C5 |

[91, 92, 93.] Extrakto 3 z kancelarii koronnej z przywileiow na unio danych. |

Metryka stara W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o<...> || [22]

Ktore takowe przywilega y sprawy W(ielkiego) m(u) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego) m nalezające, w skrzynie, w szuflady wlozywszy z rejestrem ich, a osobliwie Metryki we dwie skrzynie zlozone, pieczęcio x(iąże)cia | i(ego) m(o)sci p(ana) kanclerza y ie(g)o m(o)sci pana podskarbiego W(ielkiego) X(ięstwa) L(i)tt(ewskiego)o | zapieczętowane w skarbowym sklepie w zamku krola | i(ego) m(o)sci wilenskim zostaly. Sprawy zas na dobra Gosz[ta]łtowskie y insze spatkowe, do stołu krola i(ego) m(o)sci | nalezające, iz pewnego rejestru y porządku nie miały, przy[st]apic do odbirania ich, azby porządnie zlozone byli | nie mogli. Zaczym do zniesienia się ie(g)o m(o)sci pana wojewody wilenskiego z x(iąże)ciem ie(g)o m(o)scio panem kanclerzem | w tey mierze to odlozyc przyszło. | L(ocus) S(igillum)*.

Крыніцы і літаратура

1. Archiwum Główny Akt Dawnych (Польшча, Варшава, AGAD). — Zbiór dokumentów pergaminowych. 7593. Piotr, wojewoda moldawski, zawiera przymierze wieczyste z Zygmuntom [Starym], królem polskim. 1527.11.11. — 1 k. o wym. 61×33 + 11 cm; 18 piecz.; oryg., pergamin, Jęz. rus.
2. AGAD. — Czytelnia Naukowa. — Inwentarz zespołu archiwalnego № 354 «Archiwum Warszawskie Radziwiłłow» zlat [1174], 1190—1947. Dział XXVII: sumariusze i inwentarze archiwów radziwiłłowskich / oprac. R. Jankowski. — Warszawa: AGAD, 2001.
3. AGAD. — Archiwum Radziwiłłow, t. zw. Warszawski. — Dział XXVII: sumariusze i inwentarze archiwów radziwiłłowskich. — Sygn. 11. Registr przywilegów W. X. Lit. odda-

ných do zamku xiąząt Radziwiłłow 1623 r.». B. a. Wilnia, 26.XI.1623 r. Kopia. [XVIII w.]. Jęz. pol. — 23 s.

4. AGAD. — Archiwum Radziwiłłow, t. zw. Warszawski. — Dział XI: Dokumenty rodzinne. — Sygn. 1. Sumariusz obejmujący rejestry dokumentów z okresu od 1386 do końca XVI w., w tym niektórych do dóbr radziwiłłowskich [Kleck, Kiejdanów] i do rodu Radziwiłłow. — 230 s.
5. Антанавичюс, Д. Найден реестр оригинальных книг Литовской Метрики XVI в. / Д. Антанавичюс. // Новости Литовской Метрики. — № 12. / Инст. ист. Литвы. — Вильнюс: Leidykla, 2011. — С. 18—25.
6. Голенченко, Г. Я. Реестр книг Метрики Великого княжества Литовского 1623 г. / Г. Я. Голенченко // Исследования по истории Литовской Метрики: сб. науч. труд. / АН СССР, Инст. истории СССР; редкол.: В. Т. Пашуто [и др.]. — М., 1989. — С. 336—374.
7. Груша, А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.) / А. И. Груша. — Минск: Беларуская навука, 2015. — 464 с.
8. Описание документов и бумаг хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — Москва, 1869—1921. — Кн. 21: Книги Литовской Метрики / сост.: С. К. Шамбинаго, Н. Г. Бережков. — Москва: Т-во Скоропечатни А. А. Левенсон, [1915, 1916?]. — XXVIII, 592 с.
9. Antanavičius, D. Originalių lietuvmatrikos XVI a. knygų sąrašas / D. Antanavičius // Istorijos šaltinių tyrimai. / sudarė A. Dubonis. — T. 4. — Vilnius: Leidykla, 2012. — S. 157—186.
10. Lietuvos Metrika. = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska = Литовская Метрика: Кн. 1 (1380—1584). Užrašymų knyga 1 / Lietuvos istorijos inst.; Parengė A. Baliulis ir R. Firkovičius. — Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. — 207 p.
11. Lietuvos Metrika. = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska = Литовская Метрика: Кн. 5 (1427—1506). Užrašymų knyga 5 / parengė A. Baliulis, A. Dubonis, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). — Vilnius: Lietuvos istorijos inst. leidykla, 2012. — 586 p.
12. Mikulski, W. Dokumenty z archiwum WXL w archiwum warszawskim Radziwiłłow // Miscellanea Historico-Archivistica. — Warszawa, 1997. — T. VII, s. 71—83.
13. Laucevičius, E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Paper in Lithuania in XV—XVIII centuries: Atlasas / E. Laucevičius; Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Centrinė biblioteka; Gamtos Mokslų ir technikos istorijos komisija prie Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Prezidiumo. — Vilnius: Mintis, 1967. — P. 63—65, № 326—328.

Артикул паступіў у рэдакцыю 09.06.2017

* разом з приведеним паўторана б разоў

В. Г. Бухерт,

старший научный сотрудник Архива Российской академии наук,
кандидат исторических наук;
e-mail: buhert-1955@mail.ru

«В ОППОЗИЦИЯХ НИКОГДА НЕ БЫЛ»

(к биографии А. А. Громыко. 1926—1938 гг.)

Биографические исследования, воспоминания [1] о А. А. Громыко* посвящены в основном его внешнеполитической деятельности. Ранний период его биографии известен гораздо меньше. Обнаруженные в Архиве Российской академии наук (АРАН) документы относятся как раз к этому периоду жизни и деятельности А. А. Громыко.

Андрей Андреевич Громыко родился 5(18) июля 1909 г. в деревне Старые Громыки Ветковского района Гомельской области БССР. До 1926 г. он работал в хозяйстве своего отца — крестьянина-бедняка.

Период с 1926 г. по 1938 г. самому А. А. Громыко запомнился как время «сплошной напряженной работы», сводившейся не только к «усвоению знаний», но и к «выполнению многочисленных и разнообразных общественных заданий, в последствии преимущественно по партийной линии» [2, с. 63]**. В 1926—1928 гг. А. А. Громыко учился в Гомельской сельскохозяйственной профессионально-технической школе, в 1929—1931 гг. — в Борисовском сельскохозяйственном техникуме. В 1931—1932 гг. он учился и одновременно преподавал в Борисове на Высших сельскохозяйственных курсах, в 1932—1934 гг. учился в Минске в аспирантуре НИИ экономики сельского хозяйства.

В 1934 г. группу аспирантов, в которой был и А. А. Громыко, перевели в Москву [2, с. 67], так он оказался в аспирантуре ВНИИ экономики сельского хозяйства (ВНИИЭСХ). По окончании ее в 1936 г. он получил специальность экономиста-аграрника [3, л. 1—4].

4 апреля 1936 г. на открытом заседании Совета ВНИИЭСХ состоялась успешная защита аспирантом А. А. Громыко диссертации «Бюджеты колхозников» на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук [3, л. 7]. О содержании диссертации можно судить по статье А. А. Громыко, опубликованной в издаваемом Институтом экономики АН СССР журнале «Проблемы экономики» [4]. В том же журнале был опубликован еще ряд работ молодого А. А. Громыко [5].

После защиты диссертации А. А. Громыко становится (с 15 мая 1936 г.) старшим научным сотрудником незадолго перед тем образованного Института экономики Академии наук СССР [6, л. 57]. Теперь А. А. Громыко считал, что

* Громыко Андрей Андреевич (1909—1989) — советский государственный и партийный деятель, министр иностранных дел СССР (1957—1985), председатель Президиума Верховного Совета СССР (1985—1988).

** Громыко стал членом ВКП(б) в 1931 г.

его положение как научного работника «определилось всерьез и надолго» [2, с. 77]. По совместительству он начал преподавать политэкономии в Московском институте инженеров коммунального строительства, среди его студентов был И. В. Капитонов*. Некоторое представление о научных занятиях А. А. Громыко в этот период дают документы, обнаруженные в АРАН, в фонде Института экономики Российской академии наук (Ф. 1877). Здесь хранится машинописный текст большой (152 л.) неопубликованной и неозаглавленной работы А. А. Громыко, состоящей из трех глав: «Критика буржуазных теорий потребления» (глава I), «Изучение потребления крестьянства и методология бюджетных исследований» (глава II), «Потребление крестьянства до революции» (глава III) [7, д. 23]. Ему же принадлежит отзыв на две главы (IX — «Общественное питание» и XV — «Финансы торговых организаций») опубликованной работы уроженца Беларуси, доктора экономических наук Г. Я. Неймана** «Экономика советской торговли» (М., 1933) [7, д. 140, л. 6, 9].

25 февраля 1938 г. А. А. Громыко покидает Институт экономики АН СССР в связи с переходом на постоянную работу в журнал «Проблемы экономики» на должность ответственного секретаря и заведующего отделом политической экономии социализма. Руководство Института экономики АН СССР будучи, очевидно, высокого мнения о способностях бывшего сотрудника, заключает с ним договор на выполнение научной работы по теме «Основные фонды сельского хозяйства» [3, л. 12], однако его познания в другой области не оценивались столь же высоко: в краткой справке, приложенной к документам об увольнении А. А. Громыко, среди прочего отмечалось: «знает слабо английский язык» [3, л. 8]. Сам А. А. Громыко вспоминал, что в аспирантуре «продвинулся вперед в овладении английским языком, хотя знания, конечно, были далеки от совершенства» [2, с. 86].

В конце 1938 г. президент Академии наук СССР В. Л. Комаров*** лично предложил А. А. Громыко должность ученого секретаря Дальневосточного филиала Академии наук СССР, но Андрей Андреевич отказался, хотя впоследствии признавался, что вполне мог бы и согласиться на это предложение, прояви В. Л. Комаров большую настойчивость [2, с. 77—78]. Как бы то ни

* Капитонов Иван Васильевич (1915—2002) — советский партийный и государственный деятель, секретарь ЦК КПСС (1965—1986).

** Нейман Генрих Яковлевич (1903—1938) — экономист, зав. секцией советской торговли Института экономики Комкадемии (с 1933 г.), доктор экономических наук (с 1935 г.). Г. Я. Нейман родился в г. Волковыске Гродненской губернии. Судьба его сложилась трагично: он был арестован 23 апреля 1938 г., осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации и расстрелян 16 сентября 1936 г. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 декабря 1955 г. Г. Я. Нейман был реабилитирован.

*** Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945) — ботаник, академик (с 1920 г.), президент (с 1936 г.) АН СССР.

было, этим решением А. А. Громько predetermined решительный поворот в своей дальнейшей судьбе: весной 1939 г. он был назначен заведующим американским отделом Наркоминдела СССР [2, с. 87]. Вопрос об освобождении А. А. Громько от должности ответственного секретаря журнала «в виду перехода его на другую работу» был решен на заседании Президиума АН СССР 20 июня 1939 г. [3, л. 16].

Следующим важным этапом в биографии А. А. Громько стало назначение его советником посольства СССР в США. Это назначение обсуждалось в ходе почти полуторачасовой встречи А. А. Громько с И. В. Сталиным в его кремлевском кабинете (с участием В. М. Молотова*), состоявшейся 15 октября 1939 г. [8]. Андрей Андреевич подробно описал эту свою первую встречу с И. В. Сталиным в воспоминаниях [2, с. 95—98]. На ней присутствовал и К. А. Уманский**, хотя А. А. Громько об этом в воспоминаниях не пишет. В ходе беседы была затронута тема недостаточного знания кандидатом в советники посольства английского языка. И. В. Сталин дал А. А. Громько совет: для совершенствования в этой области заходить в американские церкви и соборы и слушать церковных пастырей, произносящих проповеди на правильном языке и с хорошей дикцией. Как вспоминал Андрей Андреевич, «это был, вероятно, единственный случай, когда советский дипломат не выполнил указание И. В. Сталина» [2, с. 97]. Тем не менее он проявил настойчивость в изучении языка и впоследствии так владел им, что в трудных ситуациях мог выручить переводчика [9].

Ступив на путь дипломатической службы и пройдя его до самых вершин, А. А. Громько не изменил своему первоначальному призванию, сохранив интерес к проблемам экономики, опубликовав ряд исследований, некоторые из которых вышли под псевдонимом «Г. Андреев» [10]. В 1956 г. он защитил в МГУ диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук по теме «Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии». Материал для диссертации он стал собирать еще в те годы, когда работал в Институте экономики АН СССР, где «начал изучение истории, структуры и практической деятельности монополистического капитала США, внимательно следя за трудами американских экономистов, статистическими отчетами монополий и банков, материалами международных экономических организаций» [11].

* Молотов (наст. фам. Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — политический деятель, председатель СНК СССР (1930—1941), 1-й заместитель председателя СНК (СМ) СССР (1941—1957), нарком (министр) иностранных дел (1939—1949 и 1953—1956), почетный член АН СССР (1946—1959).

** Уманский Константин Александрович (1902—1945) — дипломат и журналист, временный поверенный (1938—1939), полномочный представитель (1939—1941), посол в США (1941), в Мексике (1943—1945), Коста-Рике (1944—1945). (См. о нем: Громько, А. А. Памятное. [Кн. 2] Испытание временем. — М., 2015. — С. 428—430).

П. С. Акопов* вспоминал, как ему довелось в беседе с А. А. Громько упомянуть о его книгах, опубликованных под псевдонимом: «лицо Андрея Андреевича как-то просветлело, глаза заблестели и стали добрыми», и собеседник почувствовал, что А. А. Громько приятно не только то, что его книги читают, но и что их «используют в работе и знают, что автором является он» [12].

Горячо любя родные места Гомельщины, где прошли его детство и юность, и даже восхищаясь ими, А. А. Громько не склонен был подчеркивать (что заметно по его опубликованным воспоминаниям) свою национальную принадлежность, хотя в официальных документах он указывал, что является белорусом. Трудно, однако, правильно понять некоторые особенности личности А. А. Громько, например, эмоциональную сдержанность, аккуратность в словах и поступках, не принимая во внимание его национальное происхождение.

Ничто, казалось, не предвещало в жизни парня из белорусской деревни, любящего сельское хозяйство, знающего его как практик и понимающего его как теоретик-экономист, карьерного роста в совершенно иной области, но это только на первый взгляд. Знакомясь с биографией молодого А. А. Громько, обращаешь внимание на его стремление к совершенствованию в области профессиональных знаний и, главное, на его умение настойчиво, не торопясь, шаг за шагом овладевать ими. Тяга к знаниям, упорство и последовательность в достижении цели — лучшие черты белорусского национального характера — были той личностной основой, которая обеспечила (наряду, разумеется, с внешними факторами) его будущую политическую карьеру, в которой он достиг таких выдающихся высот.

В личном деле А. А. Громько, хранящемся в АРАН в фонде Управления кадров Российской академии наук (Ф. 411), имеется его автобиография, составленная после поступления А. А. Громько на работу в Институт экономики АН СССР.

Автобиография А. А. Громько

Автобиография

Родился я 5 июля 1909 г. в деревне Ст[арые] Громьки, Ветковского р[айона] БССР. Отец мой**, крестьянин-бедняк, имел земли 2,32 га, 1 лошадь, с 1922 г. 1 корову. Родители все время занимались земледелием. Кроме того, отец, а по достижении 15-летнего возраста и я с отцом, уходили ежегодно на

* Акопов Погос Семенович (род. в 1926 г.) — советский дипломат, посол в Кувейте (1983—1986), Ливии (1986—1991).

** Громько (Бурмаков) Андрей Матвеевич (1876—1933) — отец А. А. Громько.

посторонние заработки, обычно по сплаву леса*. Сейчас мать** в колхозе. Отец умер. В хозяйстве отца я жил до 1926 г. В 1926 г. поступил учиться в профтехшколу. С 1926 г. по 1936 г. все время учился и периодически работал, не прерывая учебы (обычно на подработке). В 1936 г. закончил работу над аспирантской диссертацией и направлен отделом науки ЦК ВКП (б) на работу в Ин[ститу]т экономики Академии наук СССР. На протяжении всей учебы и работы никаким взысканиям не подвергался. В качестве поощрений был два раза премирован грамотами ударника, один раз будучи студентом, другой раз при окончании аспирантуры. В белых армиях никакого участия не принимал.

Вступил в комсомол я в 1925 г., переведен из комсомола в партию в 1930 г., принят Борисовской организацией (БССР), членом партии состою с 1931 г. За время пребывания в комсомоле и партии выполнял следующую работу:

в 1925 и [19]26 гг. был секретарем деревенской комсомольской ячейки,
в 1930—31 г[г]. был секретарем коллектива ЛКСМБ т[ехнику]ма,
в 1931—32 г[г]. был секретарем ячейки ВКП (б) в Старо-Борисовском техникуме.

С 1929 г. все время, каждый год выполняю пропагандистскую работу, в том числе на предприятиях с 1932 г.

В Красной Армии не служил, пользовался отсрочкой как учащийся. Отсрочка предоставлена до 1937 г. В оппозициях никогда не был. Нет никого из родственников, которые были бы за границей, служили в белых армиях или подвергались репрессиям со стороны советской власти. Соц[иальное] происхождение жены*** — отец крестьянин-б[едня]к. Сама жена до 16-летнего возраста была батрачкой. Состав семьи — жена, один ребенок**** и брат 13 лет на иждивении. Жена на учебе.

А. Громько

16/IX [19]36 г.

АРАН. Ф. 411 (Управление кадров Российской академии наук). Оп. 6. Д. 885. Л. 5—5об. Машинопись, подпись — автограф.

* В своих воспоминаниях А. А. Громько писал, что стал уходить из деревни с отцом на заработки с 13-летнего возраста. (См.: Громько, А. А. Памятное. [Кн. 1] Новые горизонты. М., 2015. С. 20).

** Громько (урожд. Бекаревич) Ольга Евгеньевна (1882—1948) — мать А. А. Громько.

*** Громько (урожд. Гриневич) Лидия Дмитриевна (1911—2004) — жена А. А. Громько (с 1931 г.).

**** Громько Анатолий Андреевич (род. в 1932) — дипломат и ученый, директор Института Африки АН СССР (1976—1991), чл.-корр. АН СССР (с 1981 г.), сын А. А. Громько.

Литература и источники

1. Громько, А. А. Андрей Громько. Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына. — М., 2009; «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». Воспоминание об Андрее Андреевиче Громько. К 100-летию со дня рождения. — М., 2009; Рыбас, В. Ю. Громько: война, мир и дипломатия. — М., 2011; Млечин, Л. М. Андрей Андреевич Громько. Скромное обаяние «господина Нет» // Он же. Министры иностранных дел. 1945—1991. — СПб., 2016. — С. 218—357.
2. Громько, А. А. Памятное. [Кн. 1] Новые горизонты. — М., 2015.
3. АРАН. — Ф. 411 (Управление кадров Российской академии наук). — Оп. 6. — Д. 885.
4. Громько, А. О жизненном уровне крестьянства в дореволюционной России и в СССР // Проблемы экономики. — 1938. — № 2. — С. 75—92; № 3. — С. 105—119.
5. Громько, А. А. Цифры великих итогов. Рец. на кн.: «20 лет советской власти». Статистический сборник. — М., 1937 // Проблемы экономики. — 1937. — № 5/6. — С. 251—257; Бессмертные идеи коммунизма (90 лет со дня выхода «Манифеста коммунистической партии») // Там же. — 1938. — № 1. — С. 31—42; О книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» // Там же. — 1939. — № 1. — С. 92—110.
6. АРАН. — Ф. 1877 (Институт экономики Российской академии наук). — Оп. 12. — Д. 7.
7. Там же. — Ф. 1877. — Оп. 13.
8. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным. Справочник / науч. ред. А. А. Чернобаев. — М., 2008. — С. 276—277.
9. Касаткин, В. П. Образ в моей памяти // «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». — С. 152.
10. Андреев, Г. [Громько, А. А.] Экспорт американского капитала. Из истории экспорта капитала США как орудия экономической и политической экспансии. — М., 1957; Он же. Экспансия доллара. — М., 1961; Он же. Внешняя экспансия капитала: история и современность. — М., 1982.
11. Тихвинский, С. Л. Дипломат и ученый // «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». С. 285.
12. Акопов, П. С. // «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны». С. 13—14.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 30.03.2017

РЭЦЭНЗІІ

В. С. Пазднякоў,

загадчык аддзела археаграфіі

Беларускага навукова-даследчага інстытута

дакументазнаўства і архіўнай справы,

кандыдат гістарычных навук;

e-mail: vpmiensk@gmail.com

НОВАЕ ДАСЯГНЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ КАМПАНАЛОГІІ

Рэцэнзія на выданне: Шатко, Е. Г. Колокольный звон Белой Руси: тысячелетие традиции. — Минск: Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2015. — 462 с., ил., 2 DVD.

Музыказнаўца Алена Генадзеўна Шацько, бадай, адзіны чалавек у Беларусі, хто сістэматычна займаецца вывучэннем звонавай культуры краіны. Вынікі яе працы абагульнены не толькі ў шматлікіх артыкулах, але і ў манаграфіях, апошняя з якіх выйшла ў свет у 2015 г. Кніга ўражае памерамі і багаццем сабранага ў ёй матэрыялу. Адрасу трэба падкрэсліць, што цяжка сказаць, у якой галіне кампаналогіі працуе А. Г. Шацько найбольш плённа — музыказнаўчай, мастацтвазнаўчай, гістарычнай? Аўтар імкнецца ахапіць усе звесткі, датычныя звонаў і як матэрыяльнага аб'екту, і як музычнага інструмента, і як з'явы культуры ў цэлым. Пры гэтым званы Беларусі паказаны на фоне развіцця гэтага інструмента і ў Еўропе, і ў Расіі.

Для збору матэрыялаў аўтар зрабіла падарожжы па тых раёнах Беларусі, дзе аўтэнтычная звонавая культура захавалася найбольш добра. Гэта, у асноўным, тэрыторыя былой Заходняй Беларусі. Вядома, што ў Заходняй Беларусі царкоўнае жыццё не зведала тых разбуральных кампаній, што ахапілі даваенную БССР, ды і ў пасляваенны час царкоўныя традыцыі там захоўваліся лепш. Падчас экспедыцый А. Г. Шацько аглядала званіцы і званы, фіксавала іх знешні выгляд, аптывала мясцовых званароў і проста сведак гістарычных падзей, запісвала ўзоры званення. Былі абследаваны вёскі ўсіх 16 раёнаў Брэсцкай вобласці, 12 раёнаў Гродзенскай вобласці, 13 раёнаў Мінскай вобласці, 9 раёнаў Віцебскай вобласці, 4 пункты ў Гомельскай вобласці і 1 — у Магілёўскай вобласці. Не рызыкуючы патануць у вялізным і несістэматызаваным матэрыяле, А. Г. Шацько распрацавала адмысловую анкету для сваіх рэспандэнтаў, якая таксама публікуецца ў кнізе («Экспедиционный опросник автора»). Такі сістэматызаваны падыход, безумоўна, садзейнічаў поспеху аўтара. Сабраны вялікі матэрыял часткова прэзентаваны ў разглядаемай кнізе як у выглядзе тэкстаў, так і ў выглядзе аўдыёвідэазапісаў. Між іншым, да кнігі прыкладаюцца два DVD-дыскі з запісамі інтэрв'ю, узорами званення, а таксама трыма дакументальнымі фільмамі, пяццю запісамі тэлеперадач, шасцю запісамі радыёперадач. І ўсё гэта ў адным выданні.

Не маючы мажлівасці ў поўнай меры ацаніць музыказнаўчыя вартасці працы А. Г. Шацько, мушу зазначыць, што «гістарычныя» раздзелы кнігі пакі-

даюць вялікае ўражанне як багаццем сабранага матэрыялу, так і яго эмацыянальнай падачай. Чытанне працы А. Г. Шацько — прыемны інтэлектуальны занятак, які ўзрушае духоўна, прымушае задумацца над пакручымі лёсамі беларускай культуры і штурхае да развязвання розных гістарычных загадак.

Комплекснае даследаванне А. Г. Шацько ўключае блок гістарычных дакументаў, якія асвятляюць гісторыю беларускіх звонаў у адзін з трагічных перыядаў — час вывазу іх у эвакуацыю ў цэнтральныя губерні Расіі, вяртання на радзіму і ўсталявання ў цэрквы (у Заходняй Беларусі). Публікуецца блок цікавых дакументаў па гэтай тэме як у наборным узнёўленні, так і ў выглядзе фота (на DVD-дыску). Тут не лішнім было б адзначыць працы М. К. Бобер, якая з'явілася першаадкрывальніцай гэтых дакументаў у Цэнтральным дзяржаўным архіве Маскоўскай вобласці [1; 2].

Вялікі і дасюль амаль неапрацаваны масіў гістарычных даных — звонавая эпіграфіка, звонавыя надпісы як гістарычная крыніца. У гэтым кірунку А. Г. Шацько сабрала сапраўдны корпус надпісаў з указаннямі на месца знаходжання звона, яго фундатара, час адліўкі, бібліяграфічныя спасылкі. У манаграфіі гэты корпус ахоплівае цэлых 28 старонак (с. 408—435), што сведчыць пра тое, якое гістарычнае багацце мы маем, нягледзячы на шматлікія і незваротныя страты соцень і соцень помнікаў звонавага ліцця. Гэты корпус — аснова для далейшых, больш паглыбленых прац у галіне гістарычнай кампаналогіі.

Багаццем вылучаецца бібліяграфія. А. Г. Шацько змясціла ў манаграфіі спіс 338 апублікаваных прац, якія маюць пэўныя адносіны да разглядаемай тэмы. Спіс прац самой А. Г. Шацько налічвае 26 пазіцый, што выклікае павагу да маштабнай работы аўтара ў галіне кампаналогіі. Пералік 94 архіўных спраў з кампаналагічнай інфармацыяй (з архіваў і музеяў Беларусі, Расіі, Літвы і Польшчы) указвае на існаванне багатых рукапісных крыніц па гісторыі звонаў.

Аздаючы належнае грандыёзнай рабоце А. Г. Шацько па зборы, апрацоўцы і папулярызацыі кампаналагічных помнікаў Беларусі, трэба ўказаць на некаторыя аспекты праблемы, якія засталіся ў цяні.

Праблема з'яўлення звонаў на нашай тэрыторыі застаецца слабараспрацаванай гісторыямі, прычына таму — востры недахоп ранняга матэрыялаў як пісьмовых, так і рэчавых. Калі пісьмовыя матэрыялы амаль не папаўняюцца, то рэчавыя маюць некаторы тэндэнцыйны да росту дзякуючы археалогіі. Так, пры археалагічных раскопках былі знойдзены фрагменты звонаў (некаторыя даволі вялікія) у Брэсце, Віцебску, Гродне, Мсціслаўлі, Тураве, Друцку. Адначасна недакладнасць у выяўленым шэрагу: на фота 9 змешчаны не звон з Мсціслаўля, а з Турава, выяўлены падчас археалагічных даследаванняў, праведзеных П. Ф. Лысенкам.

Аўтар зрабіла вялікую працу па ўзнёўленні храналогіі даследавання звонаў Беларусі і, адпаведна, па складанні гістарычнай бібліяграфіі беларускага званарства. На сённяшні дзень можна сцвярджаць, што першая, адмысловая прысвечаная званам, праца ў гэтай тэме была апублікавана ў 1864 г. [3]. У невя-

лікім артыкуле невядомы аўтар апісаў звон з царквы ў Малой Бераставіцы з цікавым надпісам: «Благодарная раба Божия Иулигта Иванова Саковая к церкви Св. Димитрия Мало-Берестовицкой 1579 г.» Наступная адмысловая публікацыя (не адзначана ў кнізе А. Г. Шацько) з'явілася праз 15 гадоў [4]. Прыезджы чалавек, аматар-археалаг, рэдактар «Мінскіх епархіяльных ведамасцей» Р. Г. Ігнацьеў у адну з паездак знайшоў на званіцы ў Ігумені цэлы збор званоў, спісаў надпісы з іх і падаў да ведама шырокай публіцы. Кваліфікацыя аўтара хапіла толькі на больш-менш дакладнае капіяванне надпісаў, таму задача сучасных кампаналагаў — падрабязны аналіз гэтага матэрыялу, бо самі званы, пэўна, даўно зніклі з гэтага свету. Адзначым яшчэ некалькі ранніх публікацый па званых, абмінутых А. Г. Шацько. Усе яны прысвечаны славу таму Моладаўскаму звону (знаходзіцца ў в. Моладава Іванаўскага раёна) [5—7; 8, s. 131—132]. Паслярэвалюцыйная літаратура па беларускаму званарству ўлічана ў кнізе А. Г. Шацько амаль вычарпальна.

Аглядаючы багаты ілюстрацыйны матэрыял кнігі, можна толькі пазайздросціць уменню аўтара фатаграфаванню. Асабліва ўдала атрымліваюцца фотаздымкі з выявамі званароў за іх нялёгкай працай. Карыстаючыся ілюстрацыямі, можна зрабіць некалькі заўваг наконт атрыбуцыі асобных помнікаў зонавай культуры. Звон на фота 11 і 12 з в. Верцялішкі не робіць уражання як артыфакт з XV ст. Мяркуючы па надпісе (дакладней, форме літар), гэта выраб не зусім удалага рамесніка прыкладна з XIX ст., які намагаўся змясціць на сваім звоне дату 1811 г. ці бліжкую да таго. Выдатны звон на фота 17, 18, 19 з вёскі (цяпер аграгарадка) Маркава быў зроблены славытым майстрам Іаганам Бротэльтам (яго прозвішча расчытана няслушна). Дзейнасці майстра прысвечана адмысловая манаграфія [9]. Надпіс на звоне з фота 30 чытаецца прыкладна так: «ROKU 1691 MSCA MAIA DNIA 29 ZA KOSZTEM PANA IAKUBA OKOŁOWSKIEGO SKARBNIKA INFLANCKIEGO...» («У год 1691 месяца мая 29 дня коштам пана Якуба Акалоўскага, скарбніка інфлянцкага...», далей не разабраць). Патрабуюць карэктуркі іншыя расчытанья аўтарам надпісы на званых, так што праца па вывучэнні нашай зонавай спадчыны яшчэ велізарная і, безумоўна, запатрабуе высілкаў многіх і многіх даследчыкаў. Пажадаем далейшых поспехаў А. Г. Шацько на гэтым полі дзейнасці.

Літаратура

1. Бобер, М. К. История церковных колоколов // Минские епархиальные ведомости. — 1997. — № 4 (43). — С. 33—35.
2. Документы по истории Беларуси в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве экономики, Центральном государственном архиве Московской области, Центральном историческом архиве Москвы. Справочные материалы / сост. М. К. Бобер. — Минск, 2004. — 219 с.
3. Возвращение колокола из латинского костела в православную церковь // Литовские епархиальные ведомости. — 1864. — № 23. — С. 883—884.
4. Игнатъев, Р. Копии с надписей на колоколах, находящихся на Игуменской Соборной колокольне // Минские епархиальные ведомости. — 1879. — № 11. — С. 126—127.

5. W. I. Mołodów // Wiś Ilustrowana (Warszawa). — 1911. — Z. 12. — S. 28—30.
6. К-ский. Древний колокол (1583 г.) церкви с. Молодово Кобринского уезда // Гродненские епархиальные ведомости. — 1911. — № 14. — С. 155—158.
7. Historyczny Bielaruski Pamiatnik // Jednaść (Wilnia). — 1921. — № 27. — S. 2.
8. Romunt. Ze starych kronik // Polesie Ilustrowane: Monografia / Praca zbiorowa pod redakcją inż. Nelarda. — Brześć n/B, 1923. — S. 129—133.
9. Martinaitienė, G. M. Ioannes Breutelt nos fecit. — Vilnius, 2014. — 158 p., pav.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 11.05.2017

ПОСТАЦІ

С. В. Кулінок

С ЮБИЛЕЕМ, ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ!

(к 80-летию со дня рождения В. А. Дмитренко)

В 2017 г. отмечают свои юбилеи два бывших директора Белорусского государственного архива научно-технической документации — Василий Александрович Дмитренко и Галина Ефимовна Терешко. В общей сложности они 20 лет руководили архивом (с 1988 по 2008 г.), ежедневно отдавая свои силы, знания и умения для развития этого уникального учреждения.

Василий Александрович Дмитренко родился 5 декабря 1937 г. в селе Лишня Макаровского района Киевской области. Его путь в архивную службу (отрасль) был долгим. В 1955—1956 гг. Василий Александрович учился в ремесленном училище по механизации сельского хозяйства в г. Чернобыле, а затем, как большинство сверстников, был призван в ряды Советской Армии, где прослужил с октября 1956 г. по июль 1959 г. С 1959 по 1967 г. работал на разных должностях на Минском электромеханическом заводе. Одновременно, с 1961 по 1967 г., Василий Александрович обучался на вечернем отделении исторического факультета Белорусского государственного университета. После окончания вуза он был принят на работу в Государственный архив Минской области на должность старшего научного сотрудника. Началась долгая 36-летняя работа в системе государственной архивной службы республики. Через год Василий Александрович был утвержден начальником отдела, а 16 октября 1975 г. назначен на должность директора Государственного архива Минской области, которым руководил до ноября 1981 г.

В дальнейшей жизни и карьере Василия Александровича наступает сложный момент. В ноябре 1981 г. он по собственному желанию освобождается от должности директора и переводится на работу в Центральный государственный архив научно-технической документации (ЦГАНТД). Тем не менее, Василий Александрович с большим желанием и энтузиазмом приступил к работе на новом месте в должности старшего архивиста отдела ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности документов. В июне 1988 г. он назначается на должность заведующего этого отдела, а уже в октябре этого же года кандидатура Василия Александровича Дмитренко предлагается коллективом архива на должность директора ЦГАНТД.

В далеком 1988 г. самое непосредственное участие в процессе назначения директора учреждения принимал коллектив архива. 1 ноября 1988 г. состоялось собрание трудового коллектива архива, на котором обсуждались кандидатуры на должность директора (В. А. Дмитренко и Г. И. Шостак). Интересно, что на этом собрании присутствовал начальник Главного архивного управления Совета Министров БССР В. В. Лашкевич, который активно призывал проголосовать против В. А. Дмитренко, однако коллектив архива единогласно и всецело поддержал кандидатуру Василия Александровича. Сотрудник ЦГАНТД Ф. Томашевич на этом собрании высказалась следующим образом: «Я знаю Дмитренко с 1968 года и считаю, что он достойно может занять место директора. И вообще, сколько можно чинить препятствия человеку... Василия Александровича мы знаем только с положительной стороны, и я считаю его кандидатуру достойной». Такое отношение коллектива говорит об исключительных человеческих и профессиональных качествах Василия Александровича. В должности директора ЦГАНТД В. А. Дмитренко проработал с октября 1988 по февраль 2003 г.

В аттестационной характеристике на Василия Александровича Дмитренко за 2000 год, в том числе, указано: «Дмитренко Василий Александрович прошел все ступени роста... На протяжении своей трудовой деятельности многократно повышал свою деловую квалификацию... Профессией архивиста овладел в совершенстве... Дмитренко В. А. отличаются исполнительность и трудолюбие».

Василий Александрович Дмитренко является одним из авторов-составителей путеводителя «Белорусский государственный архив научно-технической документации. Путеводитель. Поступления 1970—1993 гг.» (1998) и «Правил работы с научно-технической документацией в учреждениях, организациях и на предприятиях Республики Беларусь» (2004). Он награжден медалью «Ветеран труда», знаком «Отличник архивного дела», многочисленными грамотами Главных архивных управлений СССР и БССР, Белсофпрофа. Сотрудники БГАНТД с теплотой вспоминают и рассказывают об этом отзывчивом, добром и справедливым человеке.

Уважаемый Василий Александрович! Коллектив Белорусского государственного архива научно-технической документации от всей души поздравляет Вас с юбилеем. Здоровья Вам, бодрости, счастья и достатка на долгие годы.

—♦—

С. В. Кулінок

К 70-ЛЕТИЮ ГАЛИНЫ ЕФИМОВНЫ ТЕРЕШКО

В должности директора БГАНТД Василия Александровича Дмитренко сменила Галина Ефимовна Терешко. Она родилась 11 августа 1947 г. в Краснодаре (Россия). В 1970 г. закончила Московский государственный историко-архивный институт. Свою трудовую деятельность Галина Ефимовна начала в Феодосийском краеведческом музее, сначала в должности библиотекаря-машиниста, а затем — научного сотрудника. С 1974 по 1979 г. она находилась в Германской Демократической Республике по месту службы мужа. После возвращения в БССР Галина Ефимовна устроилась работать в Государственный архив Минской области, где за 4 года работы прошла путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом. Следующие 5 лет (с октября 1983 по июнь 1987 г.) Галина Ефимовна вновь находилась за границей, по новому месту службы мужа, где работала архиварисом штаба Группы советских войск в Германии.

После возвращения в Беларусь Галина Ефимовна Терешко приходит на работу в ЦГАНТД на должность заведующего отделом. Приказом председателя Комитета по архивам и делопроизводству В. И. Адамушко № 12к от 24 февраля 2003 г. Галина Ефимовна Терешко назначена на должность директора Белорусского государственного архива научно-технической документации, которую занимала до января 2008 г.

В аттестационной характеристике на Г. Е. Терешко указано: «Грамотный специалист. Способна анализировать новые ситуации и принимать по ним соответствующие решения... Активно осваивает сама и внедряет в практику современные архивные автоматизированные технологии... Коммуникабельна. Не создает в коллективе конфликтных ситуаций. Неоднократно поощрялась руководством за качественное и успешное выполнение работ».

Галина Ефимовна является одним из авторов-составителей «Правил работы с научно-технической документацией в учреждениях, организациях и на предприятиях Республики Беларусь» (2004), а также «Правил работы с научно-технической документацией в государственных архивах Республики Беларусь» (2007).

Коллектив Белорусского государственного архива научно-технической документации от всей души поздравляет Вас с юбилеем и желает долгих лет жизни, оптимизма, крепкого здоровья и удачи!

—◇—

М. А. Старостенко

СЛУЖЕНИЕ АРХИВУ

(к 70-летию юбилею Надежды Петровны Дзюбы)

Надежда Петровна Дзюба — один из самых известных, уважаемых и опытных в нашей стране архивистов. С 1979 г. вся ее жизнь и судьба связаны с архивом и архивной службой. Ее становление как архивиста неразрывно связано с работой в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, а затем с Национальным архивом Республики Беларусь, в котором она трудится и в настоящее время.

Начав работать в качестве архивиста первой категории, а затем пройдя все ступени карьерной лестницы, она в 1986 г. возглавила один из ведущих отделов архива — отдел научного использования документов и информации. С этого времени ее профессиональная деятельность связана с обеспечением общества ретроспективной информацией.

Тематические и социально-правовые запросы, подготовка и проведение различных документальных выставок, неизменно вызывающих общественное признание и широкий научный резонанс, выступления в СМИ, участие в семинарах, научно-практических конференциях по актуальным вопросам развития архивного дела и исторической науки — вот далеко не полный перечень ее профессиональной деятельности. Выполнять такой объем работы и в то же время руководить отделом помогали Надежде Петровне лучшие человеческие качества — дар внимания и уважения к людям, добросовестность и ответственность, готовность помогать, делиться опытом и знаниями.

Высокий профессионализм, знание всех «тонкостей» архивной службы, глубокая эрудиция способствовали тому, что Н. П. Дзюба участвовала в подготовке основных нормативно-правовых документов, которыми руководствуются все архивные работники: «Правила работы государственных архивов Республики Беларусь», а также «Нормы времени и выработки на основные виды работ, выполняемые в государственных архивах Республики Беларусь».

Надежда Петровна регулярно выступает на радио, телевидении, консультирует проект «Обратный отчет» (из последних «Период полураспада»), публикуется в периодической печати. Наибольший резонанс получили международные выставки «Выстояли и победили», «Край мужества и славы», которые демонстрировались в Германии, Австрии, Грузии. Н. П. Дзюба занимается наиболее объемными и трудными тематическими запросами, когда необходимо просмотреть огромное количество документов и выявить всю историю министерства, организации. Так были подготовлены тематические перечни к 100-летию ЛКСМБ (для БРС), о пребывании миссии ЮННРА в Минске (для Министерства иностранных дел), история белорусских профсоюзов (для РК Профсоюзов Беларуси), материалы о кавалерах ордена Трудового Красного Знамени (для Российского военно-исторического общества), объемные депутатские запросы, поступающие в адрес архива.

Многогранная и всесторонняя деятельность Н. П. Дзюбы на архивном поприще не оставалась незамеченной. За многолетний и добросовестный труд она неоднократно получала благодарности и поощрения от руководства архивной отрасли. Надежда Петровна награждена Почетной грамотой Главархива БССР и БРК профсоюза работников госу-

дарственных учреждений, в 2007 г. была награждена Почетной грамотой Министерства юстиции Республики Беларусь, а в 2011 г. — нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі».

Требовательная и принципиальная к себе и людям в вопросах работы, профессиональной этики архивиста, она в то же время очень душевный, отзывчивый, добрый и легкий человек во взаимоотношениях с коллегами по работе.

Сотрудники Национального архива Республики Беларусь поздравляют Надежду Петровну с 70-летним юбилеем и желают ей, прежде всего, здоровья, добра и долгих лет жизни.

—◇—

К 70-ЛЕТИЮ КИРЬЯНОВОЙ НАДЕЖДЫ НИКОЛАЕВНЫ

В этом году исполняется 70 лет со дня рождения Кирьяновой Надежды Николаевны, бывшего заместителя директора Государственного архива Минской области.

Кирьянова Надежда Николаевна родилась 7 сентября 1947 г. в деревне Староселы Чаусского района Могилевской области в семье служащего.

После окончания средней школы поступила в Могилевское дошкольно-педагогическое училище и в сентябре 1967 г. была направлена на работу в г. Минск, где работала воспитателем детского сада № 72 Минского тракторного завода.

В 1970 г. поступила в Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина.

С 14 февраля 1975 г. продолжила свою трудовую деятельность в Государственном архиве Минской области в должности архивариуса отдела фондов. В декабре 1975 г. была назначена старшим хранителем фондов отдела фондов, учета и научно-справочного аппарата.

В июне 1976 г. получила диплом об окончании университета по специальности история.

С 18 октября 1979 г. назначена заведующей хранилищем. В апреле 1987 г. с отличием выполнила программу на курсах повышения квалификации Московского государственного историко-архивного института.

В январе 1992 г. переведена на должность ведущего научного сотрудника, в марте 1994 г. — заведующего отделом обеспечения сохранности документов и фондов, в мае 1996 г. — главного хранителя фондов.

С 1998 г. назначена главным хранителем фондов — заместителем директора, с 30 сентября 2009 г. по 30 сентября 2010 г. — заместитель директора архива. В архивной отрасли проработала более 35 лет.

На протяжении многих лет Надежда Николаевна являлась членом дирекции архива, членом экспертно-методической комиссии архива, работала в экспертно-проверочной комиссии отдела по архивам и делопроизводству главного управления юстиции Минского областного исполнительного комитета. Много внимания уделяла методической работе в архиве, передавала свой многолетний профессиональный опыт молодым сотрудникам.

За многолетнюю плодотворную работу, большой личный вклад в развитие архивного дела в Республике Беларусь и сохранение исторического наследия Надежда Николаевна неоднократно поощрялась вышестоящим руководством и руководством архива.

В сентябре 1997 г. награждена Почетной грамотой Минского областного исполнительного комитета, в июне 1998 г. — Почетной грамотой Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь, в марте 2000 г. — Почетной грамотой

архива к 25-летию деятельности, в сентябре 2002 г. — Почетной грамотой Минского областного исполнительного комитета.

В сентябре 2006 г. Комитетом по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь награждена нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі».

В сентябре 2010 г. награждена Почетной грамотой Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

В настоящее время Надежда Николаевна находится на заслуженном отдыхе.

Коллектив Государственного архива Минской области

—◇—

О. А. Ледовская

К ЮБИЛЕЮ ОЛЬГИ ВЛАДИМИРОВНЫ БИРЮКОВОЙ

23 сентября 2017 г. отметила юбилей Ольга Владимировна Бирюкова.

Сегодня редко можно встретить человека, чья трудовая деятельность связана только с одним учреждением. Ольга Владимировна принадлежит к числу таких людей. После окончания в 1979 г. Белорусского государственного университета она пришла на работу в Главное архивное управление при Совете Министров БССР (ныне — Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь), где прошла все ступени профессионального роста: работала на должностях инспектора, старшего инспектора, специалиста II категории, I категории отдела научного использования документов и информации, специалиста I категории отдела по делам репрессированных граждан, главного специалиста, консультанта отдела научного использования документов и информации.

В 2002 г. О. В. Бирюкова назначена заместителем Председателя Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь (с 2006 г. — Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь), а с 2009 г. является первым заместителем директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

Более 20 лет своей трудовой деятельности Ольга Владимировна посвятила вопросам научного использования архивных документов и информации. Приобретен богатый опыт в вопросах организации выставок архивных документов, подготовки архивных изданий, рассекречивания архивных документов, информационного обеспечения организаций и граждан. В эти годы установились тесные профессиональные отношения со многими архивистами республики.

Особым этапом являлась работа О. В. Бирюковой в отделе по делам репрессированных граждан, созданном в 1991 г. Несмотря на короткий срок существования отдела была проделана значительная работа по увековечиванию памяти жертв политических репрессий: организованы выявление и учет граждан, пострадавших в ходе политических репрессий, создана компьютерная база данных на необоснованно репрессированных граждан, оказана помощь многим потерпевшим от политических репрессий.

Сегодня в сфере профессиональных интересов Ольги Владимировны как первого заместителя директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь широкий круг вопросов: комплектование государственных архивов документами Национального архивного фонда Республики Беларусь, организация делопроизводства в государственных органах и организациях всех форм собственности, издательская и информационная деятельность архивных учреждений страны.

Под непосредственным руководством О. В. Бирюковой осуществлялась разработка нормативных правовых актов по проблемам архивного дела и делопроизводства, среди которых Закон Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь», «Правила работы государственных архивов Республики Беларусь», «Правила работы архивов государственных органов и иных организаций», значительно расширена правовая и методическая база по вопросам работы с документами в электронном виде и информационными ресурсами, осуществления административных процедур и внедрения принципа одного окна в сфере архивного дела.

Ольга Владимировна является одним из авторов «Справочника о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси. 1941—1944», справочников «Лагерь советских военнопленных в Беларуси. 1941—1944» и «Архивные документы Республики Беларусь — сокровищница социальной памяти государства».

За свой труд на благо архивного дела О. В. Бирюкова награждена медалью Франциска Скорины, Почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь, нагрудным знаком Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь «Ганаровы архівіст Беларусі».

Благодаря своим деловым и личностным качествам Ольга Владимировна пользуется заслуженным признанием среди работников отрасли. Она неизменно уважительно и внимательно относится к людям, поддерживает связи с ветеранами архивной отрасли, живущими как в Беларуси, так и за ее пределами, являясь связующим звеном между поколениями архивистов.

С юбилеем Вас, Ольга Владимировна! Желаем здоровья, плодотворной работы, оптимизма и благополучия.

—◇—

О. И. Шершень

60 ЛЕТ ПЕТРУ ФЕДОРОВИЧУ ЖИЛИНСКОМУ

В этом году исполнилось 60 лет Жилинскому Петру Федоровичу, директору Учреждения «Зональный государственный архив в г. Барановичи», всю жизнь посвятившему служению архивному делу.

Петр Федорович родился 19 июня 1957 г. в г. Орша Витебской области. После окончания средней школы в 1974 г. работал на Миорском мясокомбинате, с 1975 по 1978 г. служил на флоте, в 1979 г. поступил в Московский государственный историко-архивный институт, который окончил в 1984 г. по специальности документовед и организатор управленческого дела и делопроизводства госучреждений. В августе этого же года был назначен на должность директора филиала госархива Брестской области в г. Барановичи, где работает до настоящего времени.

На высоком профессиональном уровне выполняя обязанности руководителя архива, Жилинский П. Ф. обеспечивает выполнение плана работы возглавляемого учреждения по всем основным показателям. В настоящее время источниками комплектования архива являются 229 государственных органов, иных организаций г. Барановичи, Барановичского, Ганцевичского, Ивацевичского, Ляховичского районов области. Документальное наследие, находящееся на бессрочном хранении в архиве, насчитывает 907 фондов, 213 988 дел и охватывает период с 1939 г. и по настоящее время. Объем дел, хранящихся в архиве, ежегодно увеличивается на 4,2 тыс. ед. хр. Ежегодно подготавливаются и экспонируются выставки архивных документов, проводятся экскурсии, исполняется более 1 тыся-

чи запросов граждан и юридических лиц, жалобы и замечания от пользователей архивной информации отсутствуют.

В 2012 г. издан первый самостоятельный справочник по фондам архива «Зональный государственный архив в г. Барановичи. Путеводитель. 1939—1941; 1944—2010 гг.».

Обеспечено выполнение мероприятий Государственной программы «Архивы Беларуси» на 2011—2015 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15.09.2010 № 1322.

Коллектив архива 11 февраля 2015 г. был удостоен Почетной грамоты Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (к 75-летию со дня создания органа архивного дела и государственных архивов Брестской области).

За многолетний добросовестный труд, высокий профессионализм Петр Федорович Жилинский был награжден нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі», почетными грамотами Совета Министров Республики Беларусь, Брестского областного и Барановичского городского Советов депутатов, Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, главного управления юстиции Брестского облисполкома.

П. Ф. Жилинский за время работы зарекомендовал себя грамотным руководителем, умелым организатором. Создал в коллективе благоприятные трудовые отношения между сотрудниками архива. Большое внимание уделяет созданию оптимальных условий для работы сотрудников, содержанию в соответствующем состоянии здания и имущества архива. Скромный, требовательный к себе и подчиненным, пользуется заслуженным авторитетом и уважением среди работников архива.

Коллектив архива от души поздравляет своего руководителя с юбилеем. Здоровья, счастья, долгих лет жизни, успехов и побед!

—◇—

О. В. Бирюкова

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ СТОЛИНОЙ

Не так давно отметила свой юбилей Татьяна Владимировна Столина. Нет, наверное, в архивной отрасли человека, который не был бы прямо или косвенно знаком с этой замечательной женщиной. Она частый гость в областях, в государственных органах и организациях, куда ее приглашают выступить с лекцией или провести учебу. Ее знают и любят не только люди, непосредственно связанные с ней профессиональной деятельностью, но и рядовые граждане, которые обращаются в Департамент по архивам и делопроизводству по тем или иным вопросам деятельности архивов и организации делопроизводства.

Татьяна Владимировна Столина — один из старейших (по стажу работы, конечно) работников архивной отрасли. Придя после окончания школы в 1978 г. на работу в Центральный государственный архив научно-технической документации, она осталась «верна архивам» на всю жизнь. Хотя, как сама отмечала Татьяна Владимировна, первоначально планировала поработать в архиве всего лишь год, до поступления на филологический факультет Белорусского государственного университета, чтобы в дальнейшем заниматься проблемами языкознания. Но не зря говорят, что «если хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах». Судьба распорядилась иначе, видимо, решив, что такие люди нужны и в архивной отрасли.

За годы работы в архиве, уже обучаясь на вечернем отделении филфака Белгосуниверситета, Татьяна Владимировна успела полюбить и архив, в котором работала, и работу,

которой занималась. Это и предопределило ее дальнейшую судьбу. Пройдя путь от архивариуса до заведующего отделом комплектования БГАНТД, Т. В. Столина зарекомендовала себя как высококлассный специалист, а коммуникабельность, умение находить общий язык с людьми, с которыми по роду деятельности приходилось ей сталкиваться, предопределили и характер архивной деятельности. Всю жизнь Т. В. Столина занималась проблемами комплектования государственных архивов, организации работы архивов, ведением делопроизводства в организациях, а позднее — и внедрением электронного документооборота в работу госорганов и организаций. Ее опыт в этом направлении оказался востребованным и во вновь созданном архивном учреждении — Белорусском научно-исследовательском центре электронной документации, куда в 1999 г. она была приглашена директором БелНИЦЭД В. Л. Носевичем в качестве заведующего отделом комплектования и заведующего архивом электронных документов. Работа в БелНИЦЭД позволила Т. В. Столиной приобрести бесценный опыт работы с электронными документами, что явилось определяющим фактором перевода ее в октябре 2002 г. на работу в Комитет по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь (Белкомархив) на должность консультанта отдела делопроизводства и формирования Национального архивного фонда. Учитывая большой опыт работы в архивной отрасли, знание всех направлений деятельности архивов, в октябре 2003 г. Т. В. Столина назначена на должность главного государственного инспектора архивов и делопроизводства Государственной инспекции архивов и делопроизводства Белкомархива. Теперь в сферу ее профессиональных обязанностей входит и координация контрольной деятельности органов архивного дела и делопроизводства и государственных архивных учреждений по вопросам соблюдения законодательства Республики Беларусь в сфере архивного дела и делопроизводства.

Татьяна Владимировна Столина — человек, «приятный во всех отношениях». Спокойная, рассудительная, всегда готовая помочь, но в то же время настойчивая в достижении намеченного, умеющая доказать свою правоту. К ней обращаются за советом как к знающему специалисту, который доходчиво может дать пояснения по различным вопросам работы архивов и, при необходимости, нужные рекомендации.

Кроме своей основной работы, Т. В. Столина занимается подготовкой архивных кадров, ведя спецкурс на историческом факультете БГУ.

За свою многолетнюю работу Татьяна Владимировна не раз награждалась грамотами и благодарностями руководства отрасли. Кроме того, ее заслуги отмечены Знаками Департамента «Ганаровы архівіст Беларусі» (2006 г.), Министерства юстиции Республики Беларусь «За адзнаку» II степени (2008 г.) с занесением в Книгу Почета Министерства юстиции. Это говорит о многом...

—◇—

В. П. Каханко

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЛОБЫРЯ

(14.09.1917—24.11.1989)

Николай Михайлович Лобьрь проработал в Государственном архиве Витебской области 47 лет. Далеко не каждый может похвастаться таким постоянством в работе, да и вообще подобным трудовым стажем. Его по праву можно называть ветераном архивного дела.

Родился Николай Михайлович в обычной крестьянской семье в д. Молявки Дриссенского района Витебской области. Окончил Полоцкое педагогическое училище

(1937 г.), историко-архивные курсы при Главном архивном управлении НКВД СССР в г. Москве (1946 г.) и курсы при Архивном управлении МВД БССР в г. Минске (1956 г.), вечерний университет марксизма-ленинизма при Витебском горкоме КПБ (1963 г.). До Великой Отечественной войны руководил Ульяновской начальной белорусской школой в Дриссенском районе. В июле 1941 г. деревня Зеленовщина Дриссенского района, где проживал Николай Михайлович, была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. До сентября 1942 г. молодой учитель оказывал содействие партизанскому движению, а после ушел в организовавшийся комсомольско-молодежный отряд им. Коммунистического интернационала молодежи 1-й Дриссенской партизанской бригады. В отряде, наряду с выполнением боевых заданий, являлся агитатором от штаба бригады, редактором боевого листка, комсомольским группоргом взвода.

В начале января 1944 г. вместе с частью бригады перешел линию фронта. По расформировании партизанского отряда принят на работу в Государственный архив Витебской области на должность научного сотрудника и включен в состав оперативной группы по сбору документальных материалов в освобожденных районах. В 1945 г. Николаю Михайловичу была поручена работа по организации возвращения из г. Вильноса вывезенных немецко-фашистскими захватчиками документов Госархива Витебской области. Задание было успешно выполнено. В 1949 г. Н. М. Лобьрь поручен еще один важный участок — работа с секретными документами. Для ее выполнения он был переведен на должность научного сотрудника отдела секретных фондов. С 1951 г. Николай Михайлович возглавил данный отдел. В 1965 г. в связи с изменением штатного расписания архива назначен на должность старшего хранителя фондов отдела фондов, учета и научно-справочного аппарата.

О работе в архиве сохранились воспоминания Николая Михайловича. Они интересны не только наличием сведений о трудовой биографии их автора, но и, безусловно, являются ценным источником по истории архивного дела, в особенности о работе по сбору и обеспечению сохранности документов после освобождения белорусских территорий от немецко-фашистских захватчиков. Приведем выдержки из этого документа.

«В январе 1944 г. была укомплектована оперативная группа в составе 20 человек, в которую входил и я...

При сборе документов пришлось испытать много трудностей, как-то: документы собирались недалеко от позиций, на территории расположения воинских частей, часто под обстрелом вражеской артиллерии и самолетов. Бывали случаи, когда до выяснения дела не раз приходилось кое-кому посидеть и под арестом.

Материалы собирались всюду: в домах, сараях, подвалах, в поле (траншеях, бывших дзотах), в других местах. Была налажена связь с воинскими частями, расположенными вокруг города Витебска...

Благодаря тому, что была налажена связь с воинскими частями, мы были обеспечены соответствующими удостоверениями личности, поэтому мы имели возможность беспрепятственно продвигаться по следам атакующих подразделений, чтобы предупредить возможность массового уничтожения документов...».

Читая строки из воспоминаний Николая Михайловича, невольно погружаешься в то далекое время и проникаешься глубоким уважением к нему и людям его поколения, на плечи которых выпали такие нелегкие испытания.

Старшее поколение работников Государственного архива Витебской области, вспоминая Николая Михайловича, характеризует его как человека добродушного, «юморного» и одновременно очень скрупулезного и строгого в работе, настоящего профессионала.

К слову, в 1972 г. ему было присвоено звание «Ударник коммунистического труда», а в 1974 г. награжден знаком «Победитель социалистического соревнования 1973 года». За свою безупречную работу Николай Михайлович имел также благодарности и почетные грамоты Витебских обкома КПБ и облисполкома, Главархивов СССР и БССР, медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда». Эти факты, без сомнения, свидетельствуют о высоком профессионализме Николая Михайловича. О его авторитете в коллективе говорит иной факт: Н. М. Лобьрь на протяжении ряда лет избирался секретарем партийной организации Архивного отдела Витебского облисполкома и Государственного архива Витебской области.

Как участник Великой Отечественной войны Николай Михайлович был отмечен медалями «Партизану Отечественной войны» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Многолетний опыт Н. М. Лобьря был бесценен, поэтому после достижения пенсионного возраста он еще десять лет продолжал работать, и архив не собирался с ним расставаться, но, к сожалению, пошатнувшееся здоровье вынудило его в буквальном смысле слова попроситься на заслуженный отдых. В связи с этим хочется процитировать имеющееся в личном деле Н. М. Лобьря заявление об уходе: «В архиве я работаю с 08.01.44 г. (более 45 лет), по состоянию здоровья мне дальше работать трудно, все свои молодые годы, здоровье отдал работе с документами. Потому прошу Вас освободить меня от занимаемой должности ст. хранителя фондов и уйти на заслуженный отдых» [1].

Текст заявления приведен не случайно. Обращает на себя внимание то, что написано оно не формально, а как-то по-особенному, с душой, и, на наш взгляд, очень красноречиво говорит о чувствах, с которыми Николай Михайлович расставался с огромной частью своей жизни. Документ датирован 14 апреля 1989 г. Через семь месяцев и десять дней Николая Михайловича не стало.

Источники

1. ГАВО. — Ф. 289. — Оп. 9. — Д. 177а. — Л. 34.

—♦—

В. П. Коханко

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА КОЛОСОВА

(25.12.1917—21.11.1977)

Порой жизненные коллизии заносят человека совершенно не в ту сферу деятельности, которой он планировал себя посвятить, выбирая в молодом возрасте себе профессию. В особенности это касается людей «военного поколения». Трудовой путь многих из них прошел по траектории, которую они никак не могли предугадать, и которая так удивляет нас сегодня. Как ни странно, зачастую именно на этом незапланированном поприще многие нашли себя и даже преуспели. Биография Константина Николаевича Колосова — яркий тому пример.

Будучи по образованию техником-топографом и радиотехником, он два десятилетия возглавлял Государственный архив Витебской области и, как по свидетельствам современников, так и по документальным показателям работы вверенного ему коллектива, оказался человеком «на своем месте».

Родился Константин Николаевич 25 декабря 1917 г. в д. Пухи Зароновского сельсовета Витебского района. В 1938 г. окончил заочное отделение Белорусской сельскохозяйственной академии в г. Горки по специальности техник-топограф, в 1954 г. — коман-

дирские курсы Харьковской радиотехнической академии, в 1966 г. — годовичные курсы руководящих работников и специалистов Московского государственного историко-архивного института.

Трудовой путь начал в декабре 1934 г. на витебской швейной фабрике «Знамя индустриализации». В 1938 г. работал техником-геодезистом в Витебском областном земельном отделе. С сентября 1938 г. находился в рядах Вооруженных сил СССР: сначала учился в полковой школе в Черновце, затем там же служил заместителем политрука роты связи.

С первых дней Великой Отечественной войны назначен начальником передаточного радиоузла войск противовоздушной обороны на Северо-Западном фронте, затем — командиром радиороты.

По окончании войны остался в Советской Армии: служил в Киеве, Здолбунове, Ужгороде Украинской ССР. В ноябре 1955 г. назначен заместителем командира воинской части № 20659 в г. Мукачево. В марте 1958 г. уволен в запас в звании капитана.

По возвращении на малую родину получил назначение на должность директора Государственного архива Витебской области. В этой должности К. Н. Колосов прослужил до 21 ноября 1977 г. Именно словом «прослужил» и хочется охарактеризовать работу Константина Николаевича на архивном поприще; впрочем, такой подход к работе был присущ большинству бывших фронтовиков, военная выучка которых не позволяла относиться к мирному труду иначе как к службе: серьезно, ответственно, добросовестно.

Из служебных характеристик Константина Ивановича узнаем, что за время работы он «показал себя с положительной стороны», провел «большую работу по строительству нового здания Государственного архива Витебской области» и перемещению в него документов из бывшего Маркова монастыря [1].

К. Н. Колосов внес значительный вклад в организацию работы по использованию документов. По его инициативе началось тесное взаимодействие архива с партийными и советскими организациями, редакцией областной газеты «Віцебскі рабочы», комитетом по радиовещанию и телевидению. Константин Николаевич — автор более 75 статей, опубликованных в 1960—1970-е гг. в местной печати, приуроченных к очередным годовщинам значимых событий: Октябрьской революции 1917 г., Гражданской и Великой Отечественной войн и др. С его участием подготовлено около 20 радиопередач и 30 телепередач по истории Витебщины. Выступал также с лекциями и докладами перед общественностью, являлся руководителем семинара научных и руководящих работников архива в сети партийного просвещения.

Будучи директором областного учреждения, Константин Николаевич не мог оставаться в стороне от общественной деятельности: являлся членом президиума Витебского областного совета Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры, возглавлял его историко-археологическую секцию. За свою деятельность был удостоен звания почетного члена этой организации. Являлся также членом советов народного музея В. И. Ленина, в создании которого принимал активное участие, и областного краеведческого музея.

За фронтовые и трудовые заслуги награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «30 лет Советской Армии и Флота», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Указанные награды свидетельствуют о признании боевых и трудовых заслуг К. Н. Колосова на государственном уровне. Не менее важны, на наш взгляд, теплые отзывы о нем тех, кому довелось работать с Константином Николаевичем. В памяти архивист-

тов он остался одним из лучших директоров Государственного архива Витебской области, который заложил традиции активного сотрудничества архива со средствами массовой информации и другими учреждениями по популяризации архивных источников.

Источники

1. ГАВО. — Ф. 289. — Оп. 9. — Д. 90. — Л. 4.

—♦—

Е. М. Бондарева

ИСТОРИК, АРХИВИСТ, КРАЕВЕД...

(к 90-летию со дня рождения З. А. Журавлевой)

Журавлева (Казначеева) Зинаида Андреевна родилась 28 мая 1927 г. на Гомельщине. В 1933 г. семья переехала в г. Борисоглебск Воронежской области. После окончания Борисоглебской средней школы Зинаида Андреевна поступила в Московский историко-архивный институт. Получив диплом историка-архивиста, была направлена на работу в Государственный архив Барановичской области, где с августа 1949 г. до сентября 1953 г. работала старшим научным сотрудником. Работу в архиве совмещала с педагогической деятельностью: в 1951—1953 гг. Зинаида Андреевна преподавала историю в Барановичской вечерней школе рабочей молодежи.

С 1953 по 1983 г. З. А. Журавлева работала в архивной отрасли Витебской области. Занимала должности старшего научного сотрудника, старшего инспектора по основной деятельности архивного отдела Витебского облисполкома (1953—1969 гг.), научного сотрудника партархива Витебского обкома КПБ (1969—1974 гг.). С сентября 1974 по июнь 1983 г. возглавляла архивный отдел Витебского облисполкома.

Трудовая деятельность З. А. Журавлевой была посвящена сохранению, всестороннему использованию и популяризации архивных документов. Она неоднократно участвовала в научных конференциях архивистов СССР и БССР. Являлась членом редколлегии и составителем путеводителя «Государственный архив Витебской области и его филиал в Полоцке (1917—1941 гг.)» (1972). Принимала активное участие в выявлении документов для сборников «Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии» (1957), «Комитеты бедноты в Белоруссии» (1958), «Революционные комитеты» (1961). Была одним из составителей книги «Орша. Историко-экономический очерк» (1962, 1967), консультантом ряда научно-исследовательских тем по архивоведению.

За годы работы в архивной отрасли Зинаида Андреевна внесла значительный вклад в дело использования документов. На основе выявленных ею архивных документов подготовлены десятки статей, тематических подборок документов, радиопередач по истории Витебщины.

Под руководством З. А. Журавлевой проводилась целенаправленная работа по укреплению материально-технической базы государственных архивов области. Коллективы архивных учреждений области ежегодно успешно выполняли, а по многим показателям и перевыполняли плановые задания, неоднократно побеждали в социалистических соревнованиях. Блестящее знание теории архивного дела, практические навыки позволяли ей эффективно осуществлять организационно-методическое руководство, контролировать деятельность архивных учреждений области. Зинаида Андреевна умело работала с кадрами, соединяя требовательность и принципиальность с доверием и уважением к коллегам по работе.

Будучи секретарем научного совета при архивном отделе Витебского облисполкома и членом бюро Витебского городского общества охраны памятников истории и культуры, она регулярно выступала с лекциями и докладами перед общественностью.

Активную общественную жизнь Зинаида Андреевна искусно совмещала с ролью жены и матери.

За многолетний добросовестный труд, значительный личный вклад в развитие архивного дела З. А. Журавлева награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», почетными грамотами Верховного Совета БССР, Главного архивного управления при Совете Министров СССР, БССР. Ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры БССР».

Умерла 24 декабря 2011 г.

—♦—

С. В. Жумарь

СЛОВО ОБ АЛЕКСАНДРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МИХАЛЬЧЕНКО

(19.08.1947—12.02.2012)

Так происходит всегда — работаешь с человеком в одной системе. Он большой начальник, ты — обычный сотрудник. Не пересекаешься с ним особо, вращаясь на разных орбитах, не испытываешь ни симпатии, ни антипатии. Просто он некий незримый, хоть и далекий элемент твоей жизни. Порой раздражающий, порой вызывающий зависть, порой уважение. И вот узнаешь, что он умер, и чувствуешь болезненную грусть, и осознаешь, что исчезла микрочастица тебя самого, ушел кусочек твоего прошлого, твоей жизни. . . Именно такие ощущения пробудила безвременная кончина Александра Николаевича Михальченко.

Когда я пришел работать в архив, Александр Николаевич только что стал заместителем начальника Главархива БССР. Впервые я его увидел на одном из совещаний — молодого, энергичного, светло-русого крепьша. Не запомнились его правильные слова. Запомнилась какая-то энергетическая матрица, деятельная аура человека, который не просто «трещит» с трибуны, но хочет и может что-то сделать.

В нем всегда было сильно творческое начало — сказались, наверное, университетские годы и годы работы журналистом, одним из редакторов БелТА. Хотя в журналистику Александр Николаевич пришел довольно поздно — в 27 лет он окончил журфак БГУ. Позади осталась и служба в армии, и труд рабочего на предприятиях родного Гомеля. Карьера молодого журналиста развивалась довольно быстро и весьма успешно. Он заочно учился в Минской ВПШ, а в 1979 г. стал помощником первого заместителя Председателя Совета Министров БССР. Эта должность лишь отдаленно напоминала то, что в современном обиходе обозначается словом «пресс-секретарь». В 1982—1983 гг. Александр Николаевич работал в аппарате Главного экономического советника СССР при правительстве Вьетнама, но состояние здоровья не позволило ему до конца срока отбыть длительную заграничную командировку, и он вернулся в Минск. С учетом того, что он был уже достаточно известным и перспективным номенклатурным работником не без связей, по приезде ему была предложена должность заместителя начальника Главного архивного управления при Совете Министров БССР.

Уже став чиновником в противоречивом и неоднозначном значении данного слова, Александр Николаевич продолжал тяготеть к творческой работе, к журналистике, что нашло известный выход в его научной деятельности — в диссертации по истории Белорусского телеграфного агентства. Он был достаточно амбициозен, честолюбив, но во всем

знал меру, и эти качества скорее были его достоинствами, чем недостатками. Именно чувство меры, внутренняя культура, спокойная мудрость характеризовали его как руководителя. Александр Николаевич никогда не повысил голос на подчиненного, ему всегда было чуждо начальственное позерство. Его руководство было лишено ярких жестов и помпы, оставаясь при этом спокойным, рационалистичным и оптималистским. Тем не менее, меня не оставляет чувство, что несмотря на высокие должности и приличествующий им почет, Александр Николаевич не реализовался в полной мере, что его реальные возможности были ограничены обстоятельствами, которые ему приходилось принимать, необходимостью порой искать невидимую грань между бездействием и компромиссом. Не помню его веселым, искренне чему-то радующимся. В нем всегда была какая-то затененная грусть: и в глазах, и в улыбке.

Александр Николаевич не был ангелом, о нем всегда ходило много сплетен и слухов, но у него почти не было явных недоброжелателей. Наверное, потому что он был в принципе добрым человеком и ему было очень тяжело отказать собеседнику, если тот просил о чем-либо напрямую, глядя в глаза. Знаю людей, которые обязаны Александру Николаевичу многим: кто — квартирой, кто — должностью, кто — семейным благополучием. . .

Вершина его жизни и карьеры пришлась на 1990—2001 гг. Годы, когда он возглавил архивную систему нашей республики, став начальником Главархива, а вскоре — председателем Комитета (с 1997 г. Государственного комитета) по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь. Именно при нем мы стали Службой — Государственной архивной службой (к сожалению, по очередной версии закона об архивах и делопроизводстве такой службы уже нет). Руководитель Службы стал влиятельной фигурой — членом Правительства. И Александр Николаевич руководил нами в тяжелейшее время — на сломе двух эпох. И вместе с ним мы все работали на Государственную архивную службу новой страны — Республики Беларусь. Под его руководством создавалась База отрасли, спокойно, рационально и без штурмовщины принимались фундаментальные, ключевые решения, которые и ныне служат основой нашей работы: впервые принят белорусский закон об архивном деле, впервые разработаны белорусские правила работы ведомственных архивов, белорусская примерная инструкция по делопроизводству, белорусский перечень документов с указанием сроков хранения, в систему госархивов вошли партархивы, на истфаке БГУ стали готовить архивистов и документоведов, созданы БелНИИДАД и БелНИЦЭД, проведено массовое рассекречивание документов, опубликован ряд архивных справочников, уникальных сборников документов. . . Да, в отрасли не обходилось без перекосов, накладок, порой не вполне благовидных вещей. Но было главное — чувство движения вперед, ощущение отдачи от работы, во многом обеспеченной эффективным оптимумом централизованного руководства.

Административные перипетии начала 2000-х гг. поставили точку на карьере этого неоднозначного человека, ушедшего на пенсию в неполных 55 лет. Последний раз видел его на торжествах, посвященных 80-летию Государственной архивной службы республики — ссутулившегося, с потухшим взглядом. Некоторые из приглашенных, ранее ловившие каждое его слово, спешили торопливо пожать руку и быстренько отойти в сторонку, иные отворачивались, делая вид, что не заметили. Что ж — судьба есть судьба. И вот неожиданный, безвременный итог. Но не все исчезает. Остается душа, остается память и образ.

РЭЗІЮМЭ

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Дакументальныя публікацыі аб рэвалюцыйных падзеях 1917 года на Беларусі.

У артыкуле з улікам гістарыяграфічнай традыцыі ў ацэнках рэвалюцыйных падзей 1917 года, якая мянялася ад юбілею да юбілею, прасочваецца працэс увядзення ў навуковы зварот дакументаў і матэрыялаў, што асвятлялі гэтыя падзеі ў Беларусі і на Заходнім фронце. Адзначаецца значны ідэалагічны ўплыў, які аказваўся на публікатараў пры адборы і фарміраванні корпуса крыніц, прымушанае прытрымліванне археографамі афіцыйнай гістарыяграфіі пры састаўленні навукова-даведачнага апарату да публікуемых дакументаў і матэрыялаў, даецца крыніцзнаўчы і археографічны аналіз апошніх.

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч. «Партызанскі фонд Нацыянальнага архіва... Фонд Беларускага штаба партызанскага руху: фарміраванне, склад, выкарыстанне (да 75-годдзя БШПР)».

У артыкуле разглядаюцца ўмовы і працэс фарміравання архіўнага фонду Беларускага штаба партызанскага руху (БШПР), склад дакументаў, іх класіфікацыя і інфарматыўнасць. Фонд Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь № 1450 з'яўляецца адным з найбуйнейшых па гісторыі партызанскага руху на постсавецкай прасторы. У яго склад уваходзяць дакументы як партызанскіх груп, атрадаў і брыгад, так і іх кіруючых органаў — Цэнтральнага і Беларускага штабоў партызанскага руху і яго прадстаўніцтваў. У выніку працы быў праведзены комплексны аналіз такога значнага па аб'ёме корпуса крыніц, як дакументы партызанскіх злучэнняў і іх кіруючых органаў. Праведзена сістэматызацыя і класіфікацыя дакументаў, якія адлюстроўваюць значную відавую разнастайнасць корпуса крыніц фонду.

Савіч Аляксандр Аляксандравіч. Мікрагістарычныя аспекты гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1921—1939 гг. (на прыкладзе ліста У. А. Палуяна да М. С. Арэхава ад 28 чэрвеня 1962 г.).

Ва ўмовах усё больш узрастаючай цікавасці да гістарыяграфічных праблем гістарычнай навукі Беларусі актуальным з'яўляецца асэнсаванне фарміравання і функцыянавання дысцыплінарных навуковых супольнасцей і ўзаемаадносін паміж даследчыкамі. Мэтай артыкула з'яўляецца даследаванне мікрагістарычных аспектаў дзейнасці гісторыкаў, аб'яднаных прафесійнай цікавасцю да гісторыі Заходняй Беларусі 1921—1939 гг. ва ўмовах ажыўлення гістарычнай навукі ў другой палове 1960-х гг. пасля XX з'езда КПСС. Працуючы ў розных навукова-даследчых установах, маючы розны жыццёвы досвед, сацыяльнае становішча і навуковы статус, вучоныя, у прыватнасці М. С. Арэхава і У. А. Палуяна, па-рознаму дэманстравалі імкненне рэалізаваць свой навуковы патэнцыял, паглыбляючы заходнебеларускую тэматыку. На падставе архіўных дакументаў і нарматыўных матэрыялаў у публікацыі адлюстраваны навукова-арганізацыйныя і гісторыка-антрапалагічныя паказчыкі вывучэння гісторыі Заходняй Беларусі ў другой палове 1950 — сярэдзіне 1960-х гг.

Савінаў Аляксей Аляксандравіч. Справаводства Дзяржаўнай думы Расійскай імперыі.

У артыкуле разгледжана справаводства Дзяржаўнай думы Расійскай імперыі. Апісваецца парадак вядзення справаводства. Аўтарам вылучаны асаблівасці і недахопы вядзення справаводства ў Дзяржаўнай думе Расійскай імперыі. Асаблівая ўвага ўдзелена складу рэквізітаў дакументаў таго часу. У працы абгрунтаваецца важнасць справаводства як сродку ўвасаблення ў жыццё ўпраўленчых рашэнняў.

Бурачонок Аляксандр Вячаслававіч. «Агляды губерняў» як крыніцы для вывучэння прамысловага развіцця беларускіх губерняў у канцы XIX — пачатку XX ст.

У артыкуле прааналізавана роля перыядычных выданняў мясцовых губернскіх статыстычных камітэтаў — «Аглядаў губерняў» — у вывучэнні прамысловасці на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX — пачатку XX ст. Выяўлены інфармацыйны патэнцыял «Аглядаў...» для вывучэння такіх пытанняў, як дынаміка асноўных паказчыкаў прамысловасці (колькасць прадпрыемстваў і занятых на іх рабочых, аб'ём вытворчасці ў грашовым выражэнні і яго размеркаванне па асноўных галінах прамысловасці), кірункі збыту прадукцыі, сацыяльная характарыстыка прамысловых прадпрыемстваў і рабочых, умовы працы на прадпрыемствах.

Матвейчык Дзмітрый Часлававіч. Дзейнасць Аляксандра Мілавідава як даследчыка паўстання 1863—1864 гг.

У артыкуле даследуецца ўнёсак у гістарыяграфію паўстання 1863—1864 гг. прадстаўніка заходнерусіцкай плыні расійскай дарэвалюцыйнай навукі Аляксандра Мілавідава. Падаюцца некаторыя біяграфічныя звесткі пра гэтага гісторыка, аналізуюцца яго публікацыі на тэму паўстання, вызначаюцца крыніцавая база для іх напісання і асаблівасці яе інтэрпрэтацыі, акрэсліваюцца асноўныя тэматычныя накірункі яго распрацовак, раскрываюцца дасягненні ў археографічнай дзейнасці і ацэньваецца ў цэлым каштоўнасць згаданай часткі яго гістарыяграфічнага даробку для сучасных даследаванняў.

Серак Алена Уладзіміраўна. Крыніцы па гісторыі ссылак ў Сібір удзельнікаў паўстання 1863—1864 гг. — ураджэнцаў Беларусі.

Дадзены артыкул прысвечаны аналізу крыніц па гісторыі ссылак ў Сібір удзельнікаў паўстання 1863—1864 гг. — ураджэнцаў Беларусі. Аўтар вылучае комплекс выкарыстаных гістарычных крыніц чатырох тыпаў: заканадаўча-нарматыўныя акты, матэрыялы справаводства, крыніцы асабістага паходжання (дзённікі, успаміны, лісты), фотадакументы. Сістэмны аналіз крыніц дазваляе раскрыць змены прававога статусу затрыманых, удакладніць парадак дзеянняў следчых камісій у працэдурі ўстанаўлення пакарання, парадак этапавання ў ссылку, праблемы сацыякультурнай адаптацыі ссыльных у сістэме гаспадарчай, бытавой, дэмаграфічнай і прафесійнай дзейнасці ў розных рэгіёнах Сібіры ў перыяд 1863—1883 гг. Аўтарам зроблены папярэднія высновы, якія характарызуюць ступень вывучанасці праблемы, намечана кола асноўных задач, рашэнне якіх дазволіць стварыць цэласную карціну вывучаемай з'явы.

Урублеўскі Вадзім Валер'евіч. Парушэнне парадку пахавання памерлых як праява асабстых узаемаадносін і мясцовых традыцый у беларускай вёсцы апошняй трэці XIX ст.

На падставе судовых дакументаў з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі аўтарам вылучаюцца некалькі груп прычын парушэння парадку пахавання памерлых у беларускай вёсцы апошняй трэці XIX ст., сярод якіх называюцца непаразуменні на глебе няпростых асабстых узаемаадносін паміж святаром і прыхаджанамі, непаразуменні на глебе невыканання адным або абодвума бакамі неабходных рэлігійных ці судовых папрабаванняў, непаразуменні з прычыны ігнаравання святаром умоў, у якіх апынуўся сваяк памерлага, і інш.

Антановіч Зінаіда Васільеўна. Прызначэнне епітэм'яў у справаводстве праваслаўных кансісторый канца XVIII — пачатку XX ст. (па матэрыялах архіўнага фонду 136 «Мінская праваслаўная духоўная кансісторыя»).

У артыкуле разглядаюцца нарматыўная база, асаблівасці справаводства, формы пакаранняў духавенства і прыватных асоб за парушэнне догматаў веравызнання і закана-

даўства Расійскай імперыі. Аўтарам выдзяляюцца тры віды епітэмаў у залежнасці ад ступені ўдзелу органаў дзяржаўнай улады ў іх разглядзе: па абвінавачваннях духавенства і прычту ў не адпавядаючых сану паводзінах, прыватных асоб па крымінальных злачынствах і ў парушэннях прыстойнасці або догматаў веравызнання. Тэрмін епітэмаў і залежаў ад цяжкасці злачынства або парушэння. У першай палове XIX ст. формы пакаранняў вызначаліся пераважна на аснове дагматычных прадпісанняў Рускай праваслаўнай царквы. У другой палове XIX ст. адбываюцца паслабленні ў выкарыстоўваемых епітэмаў, калі абранне іх тэрміну і формы па шэрагу спраў прыватных асоб належала мясцоваму духавенству.

Дзярновіч Кацярына Пятроўна. Фармуляр дакумента XVIII в. у Вялікім Княстве Літоўскім.

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці афармлення розных відаў дакументаў. У прыватнасці, спецыфіка адзначэння назвы віду дакумента, указанне аўтара і ўкладальніка дакумента, пазначэнне адрасага, асаблівасці датавання дакументаў, іх пацвярджэння. Таксама нададзена ўвага тэксту дакумента і яго структуры.

Латушкін Андрэй Мікалаевіч. Акты XV ст. з дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографа П. А. Муханова (1797—1871).

Комплекс арыгіналаў актаў дзяржаўнага архіва ВКЛ 1387—1601 гг. за гісторыю свайго існавання страціў каля 30% аб'ёму. Шэраг актаў зніклі ў XIX ст. з архіва князёў Радзівілаў у Нябораве (каля Варшавы), дзе ў той час яны захоўваліся. У выніку даследавання пытання аўтарам артыкула выяўлены 4 акты XV ст. у Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы і Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў у Маскве. Вызначана, што яны паходзяць з калекцыі расійскага археографа П. А. Муханова (1797—1871). На аснове аналізу адзнак уліку дакументаў у архіве даказваецца іх правеніення і сувязь з архівам ВКЛ і архівамі роду Радзівілаў. Дакументы адлюстравваюць працэсы уніі ВКЛ з Польшчай, а таксама ўзаемаадносін з уладарамі Усходняй Еўропы. Публікуецца адзін з выяўленых актаў: акт прысягі князя Сямёна Дзмітрыевіча Друцкага ў вернасці польскаму каралю Уладзіславу-Ягайле ў выпадку смерці вялікага князя Вітаўта ад 26 студзеня 1401 г.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у справе фарміравання экалогіі культуры ў краіне.

У артыкуле аналізуецца роля БДУ, якую ён адыгрываў у справе фарміравання «экалогіі культуры» ў рэспубліцы, якая разумее, у сваю чаргу, станаўленне сеткі архіўных, бібліятэчных, музейных, адукацыйных устаноў, развіццё краязнаўчага руху.

Макаранка Алена Аляксандраўна. Інтэграцыя сістэмы навукова-пошукавага апарату былога Цэнтральнага партыйнага архіва (ЦПА) КПБ у інфармацыйна-пошукавую сістэму Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

У сувязі з большай цікавасцю да рэтраспектыўнай дакументнай інфармацыі востра паўстае праблема аператыўнага забеспячэння даследчыкаў інфармацыяй аб дакументах, засяроджаных у архіве. Магчымаць эфектыўнага выкарыстання архіўных дакументаў залежыць ад рацыянальных метадаў стварэння, вядзення і ўдасканалення элементаў сістэмы навукова-даведачнага апарату да дакументаў архіваў. У артыкуле характарызуецца стан уліку і навукова-даведачнага апарату былога ЦПА КПБ, арганізацыйна-метадычныя і практычныя мерапрыемствы па інтэграцыі іх у інфармацыйна-пошукавую сістэму Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь з мэтай павышэння эфектыўнасці выкарыстання інфармацыйнага патэнцыялу архіва.

Гярновіч Таццяна Дзмітрыеўна. Вяртанне беларускіх дакументальных каштоўнасцей, якія апынуліся за межамі Рэспублікі Беларусь: вопыт і перспектывы.

Асноўнай мэтай артыкула з'яўляецца вызначэнне вынікаў дзейнасці розных устаноў Рэспублікі Беларусь па вяртанні дакументальных каштоўнасцей, якія апынуліся за яе межамі. Аўтар разглядае пачынаючы з 90-х гг. XX ст. вынікі працы дзяржаўных архіваў Рэспублікі Беларусь, БелНДЦДАС, БелНДЦЭД, устаноў Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, камісіі «Вяртанне» Беларускага фонду культуры, Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, а таксама Міжведамаснай камісіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь па выяўленні, вывучэнні і ўвядзенні ў навуковы і культурны абарот культурных каштоўнасцей, якія апынуліся за межамі Беларусі. У артыкуле прыводзіцца інфармацыя аб праблемах, якія ўзніклі пры стварэнні Рээстра культурных каштоўнасцей, што апынуліся за межамі Рэспублікі Беларусь. У якасці асновы для выяўлення дакументаў за мяжой прапануецца Канцэпцыя выяўлення, апісання, уліку і выкарыстання дакументаў па гісторыі і культуры Беларусі, якія захоўваюцца за мяжой, і зводны інфармацыйны рэсурс «Архіўная беларусіка». Адзначаецца, што асноўнай нявырашанай праблемай з'яўляецца адсутнасць асобнага заканадаўства па праблеме вяртання беларускі і рэальнага механізму міжведамаснага ўзаемадзеяння.

Барбарчук Васіль Аляксандравіч. Праверка сапраўднасці рэквізітаў дакументаў пры экспертызе каштоўнасці дакументаў.

Адным з найбольш важных этапаў у забеспячэнні сапраўднасці дакументаў арганізацыі з'яўляецца экспертыза каштоўнасці дакументаў, сістэмнае і ўсеабаковае ажыццяўленне якой дазволіць значна зменшыць верагоднасць укаранення падробак у дакументазварот арганізацыі. У абароне дакументаў арганізацыі экспертыза каштоўнасці выконвае як прэвентыўную, так і кантрольную функцыю. Пры складанні наменклатуры спраў арганізацыі павінны быць вызначаны дакументы, што патрабуюць дадатковай праверкі сапраўднасці пасля сканчэння справаводнага года ці пры правядзенні экспертызы каштоўнасці. Падлягаючыя дадатковай праверцы сапраўднасці дакументы і справы даследуюцца поўным складам экспертнай камісіі ці асобна прызначаным спецыялістам. Для дагавораў і іншых відаў двухбаковых пагадненняў працэдура праверкі сапраўднасці будзе складацца з чатырох этапаў: праверка сапраўднасці рэгістрацыйных формаў, агляд і праверка бланка дагавора, праверка сапраўднасці пячаткі, праверка сапраўднасці подпісу і іншых рукапісных рэквізітаў, агляд пячаткі. Выяўленыя прыкметы падробкі павінны быць зафіксаваны, што значна палегчыць далейшыя следчыя дзеянні.

Несцяровіч Юрый Уладзіміравіч. Аб складанасці пабудовы тэрмінасістэмы дакументазнаўства і архівазнаўства ў сувязі з адрозніваннем стандартызаваных тэрмінаў і тэрмінаў, якія абазначаюць паняцці навуковых тэорый.

У артыкуле абгрунтоўваецца неабходнасць каардынацыі тэрмінаў стандартаў па справаводству і архіўнай справе і тэрмінаў, якія абазначаюць паняцці навуковых тэорый, далейшага абагульнення вынікаў дадзенай каардынацыі пры пабудове тэрмінасістэм дакументазнаўства і архівазнаўства на навуковым грунце.

Іванова Вольга Сяргееўна. Падручнік нідэрландскіх архівістаў (1898 г.) і асновы сучаснага архівазнаўства.

Артыкул прысвечаны 120-годдзю выдання Падручніка нідэрландскіх архівістаў Самозля Мюлера, Іохана Фэйта і Роберта Фруіна «Кіраўніцтва па ўпарадкаванні і апісанні архіваў» (1898). Упершыню ў беларускай гістарыяграфіі робіцца падрабязны аналіз гісторыі стварэння, асноўных ідэй, перакладаў і перавыданняў Падручніка. Яго называюць

«бібліяй сучасных архівістаў». Падручнік аказаў моцнае ўздзеянне на развіццё архівазнаўства, а таксама прынцыпы працы архіваў. У артыкуле робіцца спроба адказаць на пытанні аб сакрэце даўгавечнасці асноўных палажэнняў Падручніка, а таксама аб іх актуальнасці ў сучасных умовах.

Андрэянава Юлія Анатольеўна. Актуальныя пытанні архівазнаўства на прыкладзе прац Тэры Кука.

Вывучэнне тэорыі і практыкі архіўнай справы цесна звязана з вывучэннем прац вучоных, якія ўнеслі ўклад у развіццё архіўнай навукі. Адною са значных асоб быў канадскі вучоны-архівіст, аўтар метаду макраэкспертызы каштоўнасці архіўных матэрыялаў, член Каралеўскага таварыства Канады — Тэры Кук (1947—2014). На жаль, работы Тэры Кука не перакладаліся на рускую мову, таму не ўсе аічыныя архівісты могуць пазнаёміцца з яго даследаваннямі. У артыкуле даецца агляд найбольш вядомых артыкулаў Тэры Кука, а таксама сціслае апісанне асноўных напрамкаў яго навуковай дзейнасці.

Рудовіч Станіслаў Сцяпанавіч. Кастрычнік 1917 года ў Беларусі: сведчанні ўдзельнікаў і відавочцаў.

Публікуюцца сведчанні ўдзельнікаў і відавочцаў кастрычніцкіх падзей 1917 г. у Беларусі: лідара заходнефрантавых большавікоў А. Ф. Мяснікова, яго блізкага паплечніка В. Г. Кнорына, большавіцкага камісара мінскіх зброевых майстэрняў у кастрычніку 1917 г. Я. Ф. Пярно, успаміны неўстаноўленай асобы пра рэвалюцыйныя падзеі 1917 г. у Віцебску, фрагменты выступленняў дэлегатаў з месц на III з'ездзе саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў Магілёўскай губерні (студзень 1918 г.) і матэрыялы апытання сялян шэрагу валасцей Магілёўскай губерні, праведзенага праз 10 гадоў пасля рэвалюцыі.

Максімчык Андрэй Мікалаевіч. «Белоруссы, Рада зовет вас...»: стварэнне і дзейнасць Каўказскай Краёвай Беларускай Рады ў дакументах.

У артыкуле на падставе дакументаў, выяўленых у фондах Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва Грузіі (фонд № 2091), разглядаецца дзейнасць раней невядомай у гістарыяграфіі беларускай грамадскай культурна-асветніцкай арганізацыі — Каўказскай Краёвай Беларускай Рады. Публікацыя суправаджаецца кароткім аглядам складу выяўленага архіўнага фонду і яго гісторыі. Дакументы, змешчаныя ў артыкуле, дазваляюць прасачыць асноўныя накірункі дзейнасці Рады, яе сувязі з іншымі нацыянальнымі арганізацыямі, ілюструюць складанае становішча беларускага насельніцтва, якое па розных прычынах апынулася на Каўказе. Некалькі дакументаў раскрываюць структуру і кіраўніцтва арганізацыі. У навуковы зварот уведзены новыя прозвішчы ўдзельнікаў беларускага нацыянальнага руху.

Латушкін Андрэй Мікалаевіч. Рэстр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. і яго значэнне для рэканструкцыі складу комплексу арыгіналаў актаў канца XIV — пачатку XVII ст.

У артыкуле разглядаецца адкрыты ў 1997 г. і апублікаваны ў 2012 г. рэстр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. з фонду «Архіў Радзівілаў, т. зв. Варшаўскі» Галоўнага архіва старажытных актаў (Польшча, г. Варшава). Па сцвярджэнні аўтара артыкула, літоўскім даследчыкам Д. Антанавічусам была даследавана і апублікавана толькі частка крыніцы, якая адлюстроўвае склад т. зв. «старой» Метрыкі ВКЛ. Асабліва сцю ж рэстра з'яўляецца яго каштоўнасць не толькі для вывучэння гісторыі Метрыкі ВКЛ, але і для даследавання складу комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў канца XIV — пачатку XVII ст., якія захоўваліся ў дзяржаўным архіве (агульназемскія прывілеі, міждзяржаўныя пагадненні аб міры і перамір'і, акты уніі паміж ВКЛ і

Каралеўствам Польскім і інш. (93 акты за перыяд 1386(?)—1601 г.). Аўтар сцвярджае, што рэстр з'яўляецца найбольш важнай і пакуль адзінай крыніцай, якая настолькі поўна адлюстроўвае склад комплексу ў перыяд яго знаходжання на дзяржаўным захоўванні (не пазней 1655 г.). Ён дае магчымасць вызначыць паходжанне актаў, што дайшлі да нашага часу, даказаць іх сувязь з дзяржаўным архівам ВКЛ, а таксама склаці спіс страчаных актаў дзяржаўнага архіва. Артыкул утрымлівае тэкст названай не апублікаванай раней часткі рэстра.

Бухерт Уладзімір Генрыхавіч. «У апазіцыях ніколі не быў» (да біяграфіі А. А. Грамыкі. 1926—1938 гг.).

Артыкул заснаваны на дакументах, выяўленых у Архіве Расійскай акадэміі навук. Ён прысвечаны пачатковаму перыяду жыцця і дзейнасці вядомага дзяржаўнага дзеяча СССР, міністра замежных спраў А. А. Грамыкі.

РЕЗЮМЕ

Шумейко Михаил Федорович. Документальные публикации о революционных событиях 1917 года в Беларуси.

В статье с учетом менявшейся от юбилея к юбилею историографической традиции в оценках революционных событий 1917 года прослеживается процесс введения в научный оборот документов и материалов, освещавших эти события в Беларуси и на Западном фронте. Отмечается значительное идеологическое влияние, оказываемое на публикаторов при отборе и формировании корпуса источников, вынужденное следование археографами официальной историографии при составлении научно-справочного аппарата к публикуемым документам и материалам, дается источниковедческий и археографический анализ последних.

Кулинок Святослав Валентинович. «Партизанский фонд Национального архива... Фонд Белорусского штаба партизанского движения: формирование, состав, использование (к 75-летию БШПД)».

В статье рассматриваются условия и процесс формирования архивного фонда Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), состав документов, их классификация и информативность. Фонд Национального архива Республики Беларусь № 1450 является одним из крупнейших по истории партизанского движения на постсоветском пространстве. В его состав входят документы как партизанских групп, отрядов и бригад, так и их руководящих органов — Центрального и Белорусского штабов партизанского движения и его представительств. В результате работы был проведен комплексный анализ такого значительного по объему корпуса источников, как документы партизанских соединений и их руководящих органов. Проведена систематизация и классификация документов, которые отражают значительное видовое разнообразие корпуса источников фонда.

Савич Александр Александрович. Микроисторические аспекты историографии истории Западной Беларуси 1921—1939 гг. (на примере письма В. А. Полуяна к Н. С. Орехово от 28 июня 1962 г.).

В условиях все более возрастающего интереса к историографическим проблемам исторической науки Беларуси актуальным является осмысление формирования и функционирования дисциплинарных научных сообществ и взаимоотношений между исследователями. Целью статьи является исследование микроисторических аспектов деятельности историков, объединенных профессиональным интересом к истории Западной Беларуси 1921—1939 гг. в условиях оживления исторической науки во второй половине 1960-х гг. после XX съезда КПСС. Работая в различных научно-исследовательских учреждениях, имея разный жизненный опыт, социальное положение и научный статус, ученые, в частности Н. С. Орехово и В. А. Полуян, по-разному демонстрировали стремление реализовать свой научный потенциал, углублять западнобелорусскую тематику. На основании архивных документов и нарративных материалов в публикации отражены научно-организационные и историко-антропологические показатели изучения истории Западной Беларуси во второй половине 1950-х — середине 1960-х гг.

Савинов Алексей Александрович. Делопроизводство Государственной думы Российской империи.

В статье рассмотрено делопроизводство Государственной думы Российской империи. Описывается порядок ведения делопроизводства. Автором выделены особенности и недостатки ведения делопроизводства в Государственной думе Российской империи. Особое внимание уделено составу реквизитов документов того времени. В работе обосновы-

вается важность делопроизводства как средства претворения в жизнь управленческих решений.

Бурачонок Александр Вячеславович. «Обзоры губерний» как источники для изучения промышленного развития белорусских губерний в конце XIX — начале XX ст.

В статье проанализирована роль периодических изданий местных губернских статистических комитетов — «Обзоров губерний» — в изучении промышленности на территории Беларуси в конце XIX — начале XX в. Выявлен информационный потенциал «Обзоров...» для изучения таких вопросов, как динамика основных показателей промышленности (количество предприятий и занятых на них рабочих, объем производства в денежном выражении и его распределение по основным отраслям промышленности), направления сбыта продукции, социальная характеристика промышленных предпринимателей и рабочих, условия труда на предприятиях.

Матвейчик Дмитрий Чеславович. Деятельность Александра Миловидова как исследователя восстания 1863—1864 гг.

В статье исследуется вклад в историографию восстания 1863—1864 гг. представителя западнорусистского течения российской дореволюционной науки Александра Миловидова. Подаются некоторые биографические сведения об этом историке, анализируются его публикации на тему восстания, определяются источниковая база для их написания и особенности ее интерпретации, очерчиваются основные тематические направления его разработок, раскрываются достижения в археографической деятельности и оценивается в целом ценность вышеназванной части его историографического наследия для современных исследователей.

Серак Елена Владимировна. Источники по истории ссылки в Сибирь участников восстания 1863—1864 гг. — уроженцев Беларуси.

Данная статья посвящена анализу источников по истории ссылки в Сибирь участников восстания 1863—1864 гг. — уроженцев Беларуси. Автор выделяет комплекс использованных исторических источников четырех типов: законодательно-нормативные акты, материалы делопроизводства, источники личного происхождения (дневники, воспоминания, письма), фотодокументы. Системный анализ источников позволяет раскрыть изменения правового статуса задержанных, уточнить порядок действий следственных комиссий в процедуре установления наказания, порядок этапирования в ссылку, проблемы социокультурной адаптации ссыльных в системе хозяйственной, бытовой, демографической и профессиональной деятельности в различных регионах Сибири в период 1863—1883 гг. Автором сделаны предварительные выводы, характеризующие степень изученности проблемы, намечен круг основных задач, решение которых позволит создать целостную картину изучаемого явления.

Врублевский Вадим Валерьевич. Нарушение порядка погребения умерших как проявление личных взаимоотношений и местных традиций в белорусской деревне последней трети XIX в.

На основании судебных документов из Национального исторического архива Беларуси автором выделяется несколько групп причин нарушения порядка погребения умерших в белорусской деревне последней трети XIX в., среди которых называются недоразумения на почве непростых личных взаимоотношений между священником и прихожанами, недоразумения на почве неисполнения одной либо двумя сторонами необходимых религиозных или судебных требований, недоразумения по причине игнорирования священником условий, в которых оказался родственник умершего, и др.

Антонович Зинаида Васильевна. Назначение епитимий в делопроизводстве православных консисторий конца XVIII — начала XX в. (по материалам архивного фонда 136 «Минская православная духовная консистория»).

В статье рассматриваются нормативная база, особенности делопроизводства, формы наказаний духовенства и частных лиц за нарушения догматов вероисповедания и законодательства Российской империи. Автором выделяются три вида епитимий в зависимости от степени участия органов государственной власти в их рассмотрении: по обвинениям духовенства и причта в недостойном поведении, частных лиц по уголовным преступлениям и нарушениям пристойности или догматов вероисповедания. Срок епитимии зависел от тяжести преступления или правонарушения. В первой половине XIX в. формы наказаний определялись преимущественно на основании догматических предписаний Русской православной церкви. Во второй половине XIX в. происходят послабления в используемых епитимиях, когда определение их сроков и форм по ряду дел, касающихся частных лиц, принадлежало местному духовенству.

Дернович Екатерина Петровна. Формуляр документа XVIII в. в Великом Княжестве Литовском.

В статье рассматриваются особенности оформления различных видов документов. В частности, специфика обозначения названия вида документа, указание автора и составителя документа, обозначение адресата, особенности датировки документов, их удостоверения. Также уделено внимание тексту документа и его структуре.

Латушкин Андрей Николаевич. Утраченные акты XV в. из государственного архива Великого Княжества Литовского в коллекции российского археографа П. А. Муханова (1797—1871).

Комплекс оригиналов актов государственного архива ВКЛ 1387—1601 гг. за историю своего существования потерял около 30% объема. Ряд актов исчезли в XIX в. из архива князей Радзивиллов в Неборове (под Варшавой), где в то время они хранились. В результате исследования вопроса автором статьи выявлены 4 акта XV ст. в Российской государственной библиотеке и Российском государственном архиве древних актов в Москве. Установлено, что они происходят из коллекции российского археографа П. А. Муханова (1797—1871). На основе анализа отметок учета документов в архиве доказываются их провениенция и связь с архивом ВКЛ и архивами рода Радзивиллов. Документы отражают процессы унии ВКЛ с Польшей, а также взаимоотношения с правителями Восточной Европы. Публикуется один из выявленных актов: акт присяги князя Семена Дмитриевича Друцкого в верности польскому королю Владиславу-Ягайле в случае смерти великого князя Витовта от 26 января 1401 г.

Шумейко Михаил Федорович. Белорусский государственный университет в деле формирования экологии культуры в стране.

В статье анализируется роль БГУ, которую он играл в деле формирования «экологии культуры» в республике, подразумевающей в свою очередь становление сети архивных, библиотечных, музейных, образовательных учреждений, развитие краеведческого движения.

Макаренко Елена Александровна. Интеграция научно-справочного аппарата бывшего Центрального партийного архива (ЦПА) КПБ в информационно-поисковую систему Национального архива Республики Беларусь.

В связи с возрастающим интересом к ретроспективной документной информации остро встает проблема оперативного обеспечения исследователей информацией о доку-

ментах, сосредоточенных в архиве. Возможность эффективного использования архивных документов зависит от рациональных методов создания, ведения и совершенствования элементов системы научно-справочного аппарата к документам архивов. В статье характеризуются состояние учета и научно-справочного аппарата бывшего ЦПА КПБ, организационно-методические и практические мероприятия по интеграции их в информационно-поисковую систему Национального архива Республики Беларусь с целью повышения эффективности использования информационного потенциала архива.

Гернович Татьяна Дмитриевна. Возвращение белорусских документальных ценностей, оказавшихся за пределами Республики Беларусь: опыт и перспективы.

Основной целью статьи является определение результатов деятельности различных учреждений Республики Беларусь по возвращению документальных ценностей, оказавшихся за ее пределами. Автор рассматривает начиная с 90-х гг. XX в. итоги работы государственных архивов Республики Беларусь, БелНИИДАД, БелНИЦЭД, учреждений Министерства культуры Республики Беларусь, комиссии «Вяртанне» Белорусского фонда культуры, Белорусского государственного университета, а также Межведомственной комиссии при Совете Министров Республики Беларусь по выявлению, изучению и введению в научный и культурный оборот культурных ценностей, оказавшихся за пределами Беларуси. В статье приводится информация о проблемах, возникших при создании Реестра культурных ценностей, оказавшихся за пределами Республики Беларусь. В качестве основы для выявления документов за рубежом предлагается Концепция выявления, описания, учета и использования документов по истории и культуре Беларуси, хранящихся за рубежом, и сводный информационный ресурс «Архивная беларусика». Отмечается, что основной нерешенной проблемой является отсутствие отдельного законодательства по проблеме возвращения беларусики и реального механизма межведомственного взаимодействия.

Барбарчук Василий Александрович. Проверка подлинности реквизитов документов при экспертизе ценности документов.

Одним из наиболее важных этапов в обеспечении подлинности документов организации является экспертиза ценности документов, системное и всестороннее осуществление которой позволит значительно снизить вероятность внедрения подделок в документооборот организации. В защите документов организации экспертиза ценности выполняет как превентивную, так и контрольную функции. При составлении номенклатуры дел организации должны быть определены документы, нуждающиеся в дополнительной проверке подлинности после окончания делопроизводственного года или при проведении экспертизы ценности. Подлежащие дополнительной проверке подлинности документы и дела исследуются полным составом экспертной комиссии или отдельно назначенным специалистом. Для договоров и других видов двусторонних соглашений процедура проверки подлинности будет состоять из четырех этапов: проверка подлинности регистрационных форм, осмотр и проверка бланка договора, проверка подлинности печати, проверка подлинности подписи и иных рукописных реквизитов, осмотр печати. Выявленные признаки подделки должны быть зафиксированы в систематизированном виде, что значительно облегчит дальнейшие следственные действия.

Нестерович Юрий Владимирович. О сложности построения терминосистемы документоведения и архивоведения в связи с различением стандартизируемых терминов и терминов, обозначающих понятия научных теорий.

В статье обосновывается необходимость координации терминов стандартов по делопроизводству и архивному делу и терминов, обозначающих понятия научных теорий, дальнейшего обобщения результатов такой координации при построении терминосистем документоведения и архивоведения на научной основе.

Иванова Ольга Сергеевна. Учебник нидерландских архивистов (1898 г.) и основы современного архивоведения.

Статья посвящена 120-летию со времени выхода в свет учебника нидерландских архивистов Самозля Мюллера, Йохана Фейта и Роберта Фруина «Руководство по упорядочению и описанию архивов» (1898). Впервые в белорусской историографии дается подробный анализ истории создания, основных идей, переводов и переизданий учебника. Его называют «библией современных архивистов». «Руководство» оказало серьезное воздействие на развитие архивоведения, а также принципы работы архивов. В статье делается попытка ответить на вопросы о секрете долговечности основных положений «Руководства», а также об их актуальности в современных условиях.

Андреевна Юлия Анатольевна. Актуальные вопросы архивоведения на примере работ Терри Кука.

Изучение теории и практики архивного дела тесно связано с изучением работ ученых, внесших вклад в развитие архивной науки. Одной из значительных фигур был канадский ученый-архивист, автор метода макроэкспертизы ценности архивных материалов, член Королевского общества Канады — Терри Кук (1947—2014). К сожалению, работы Терри Кука не переводились на русский язык, поэтому не все отечественные архивисты могут познакомиться с его исследованиями. В статье дается обзор наиболее известных статей Терри Кука, а также краткое описание основных направлений его научной деятельности.

Рудович Станислав Степанович. Октябрь 1917 года в Беларуси: свидетельства участников и очевидцев.

Публикуются свидетельства участников и очевидцев октябрьских событий 1917 г. в Беларуси: лидера западнофронтовых большевиков А. Ф. Мясникова, его близкого соратника В. Г. Кнорина, большевистского комиссара минских оружейных мастерских в октябре 1917 г. Я. Ф. Перно, воспоминания неустановленного лица о революционных событиях 1917 г. в Витебске, фрагменты выступлений делегатов с мест на III съезде советов рабочих и солдатских депутатов Могилевской губернии (январь 1918 г.) и материалы опроса крестьян ряда волостей Могилевской губернии, проведенного спустя 10 лет после революции.

Максимчик Андрей Николаевич. «Белоруссы, Рада зовет вас...»: создание и деятельность Кавказской Краевой Белорусской Рады в документах.

В статье на основании документов, выявленных в фондах Центрального государственного исторического архива Грузии (фонд № 2091), рассматривается деятельность ранее неизвестной в историографии белорусской общественной культурно-просветительской организации — Кавказской Краевой Белорусской Рады. Публикация сопровождается кратким обзором состава обнаруженного архивного фонда и его истории. Документы, размещенные в статье, позволяют проследить основные направления деятельности Рады, ее связи с другими национальными организациями, иллюстрируют сложное положение

белорусского населения, которое по разным причинам оказалось на Кавказе. Несколько документов раскрывают структуру и руководство организацией. В научный оборот введены новые фамилии участников белорусского национального движения.

Латушкин Андрей Николаевич. Реестр государственного архива Великого Княжества Литовского от 26 ноября 1623 г. и его значение для реконструкции состава комплекса оригиналов актов конца XIV — начала XVII в.

В статье рассматривается недавно открытый в науке реестр государственного архива Великого Княжества Литовского от 26 ноября 1623 г. из фонда Архива Несвижской ординации князей Радзивиллов в составе Главного архива древних актов в Варшаве. Особенностью реестра является его ценность не только для изучения состава книг т. наз. «старой» Метрики ВКЛ, но также комплекса оригиналов государственно-правовых актов конца XIV — начала XVII в. (общеземские привилегии, межгосударственные соглашения о мире и перемирии, акты уний между ВКЛ и Королевством Польским и др., всего 93 акта за период 1386(?)1387—1601 гг.). Ранее публиковалась только часть источника, которая отражает состав книг Метрики ВКЛ. Автор утверждает, что реестр является наиболее важным и пока единственным источником, который так полно отражает состав комплекса в период его пребывания на государственном хранении. Он дает возможность установить происхождение сохранившихся актов, доказать их связь с государственным архивом ВКЛ, а также составить список утраченных актов государственного архива. Статья содержит текст указанной, не опубликованной ранее части реестра.

Бухерт Владимир Генрихович. «В оппозициях никогда не был» (к биографии А. А. Громько. 1926—1938 гг.).

Статья основана на документах, обнаруженных в Архиве Российской академии наук. Она посвящена начальному периоду жизни и деятельности известного государственного деятеля СССР, министра иностранных дел А. А. Громько.

SUMMARY

Michail Shumeyka. Documentary Publication on the Revolutionary Events of 1917 in Belarus.

In this article, taking into account in the assessment of the historiographical tradition of the revolutionary events of 1917, which changed from anniversary to anniversary, traced the process of introduction into scientific circulation of documents and materials, which covered the events in Belarus and on the Western Front. There is a significant ideological influence that is exerted on editors during selecting and shaping the sources body, compulsion of editors to follow the official historiography in the preparation of the scientific reference system to published documents and materials, source study and analysis of them.

Sviataslaŭ Kulinok. Partisan's Fund of the National archive. ...: the Fund of Belarusian Headquarters of the Partisan Movement: the Formation, Composition, Use (to the 75th Anniversary of the Creation of the BSPD).

The article deals with the conditions and the process of formation of the archival fund of Belarussian headquarters of the partisan movement, the composition of documents, their classification and informativeness. The National Archives of the Republic of Belarus No. 1450 is one of the largest foundations in the history of the partisan movement on the post-Soviet territory. It includes documents of both partisan groups, detachments and teams, and their governing bodies — the Central and Belarussian staffs of the partisan movement and their representatives. As result's was conducted a comprehensive analysis of this significant in terms of housing sources, such as documents partisan units and their governing bodies. The systematization and classification of documents was made, which reflects the considerable species diversity of sources of the housing.

Aliaxandr Savich. Microhistorical Aspects of Historiography of the History of Western Belarus 1921—1939 (on an Example of a Letter by V. A. Poluyan to the N. S. Oreho at 28 June 1962).

In an increasingly growing interest in historiographical problems of historical science in Belarus is actual understanding of the formation and functioning of disciplinary research communities and relationships between researchers. The aim of this paper is to study aspects microhistorical historians, associations professional interest in the history of Western Belarus 1921—1939 years. in a revival of historical science in the second half of the 1960s after the Twentieth Party Congress. Working in various research institutions, having a different life experience, social status and academic status, the researchers, in particular, N. S. Oreho and V. A. Poluyan variously demonstrated the desire to realize their scientific potential, deepen zapadnobeloruskuyu subjects. On the basis of archival documents and narrative materials in the publication reflects the scientific and institutional, historical and anthropological study of the history of performance of Western Belarus in the second half of the 1950s — mid-1960s.

Aliaxei Savinaŭ. Records Management of the State Duma of the Russian Empire.

The article deals with recordsmanagement of the State Duma of the Russian Empire. It is describe the procedure of records management. The author highlighted the features and disadvantages of records management in the State Duma of the Russian Empire. Particular attention is paid to the attributes of records of this time. In this paper, the importance of records management substantiates as a means of translating into practice management solutions.

Aliaxandr Burachonak. «Surveys of Governorates» as a Source for the Study of Industrial Development of the Belarussian Provinces in the Late 19th — Early 20th c.

Role of local governorate statistics boards' periodicals — «Surveys of Governorates» — for studying industry in the territory of Belarus in the late 19th — early 20th c. is analyzed in the article. Information potential of the «Surveys...» to support analysis of such issues as dynamics of the main indices of industry (amount of enterprises and workers, volume of production in monetary terms and its distribution by main industries), sales directions, social characteristics of industrial entrepreneurs and workers, working conditions in enterprises.

Dzmitry Matveichyk. Aliaxandr Milavidaŭ's Work for Studying of the 1863—1864 Uprising.

The author investigates the contribution of Aliaxandr Milavidaŭ, who represented the West-Russizm movement in Russian pre-revolution studies, to the historiography of the 1863—1864 Uprising. The article contains the historian's biographical information. His publications on the Uprising topic are analyzed in the article, as well as the sources that he used in his researches and the specificity of their interpretation. The author determines the main topics of Aliaxandr Milavidaŭ's researches, reveals his achievements in archeographic work and estimates the value that this part of his historiographical contribution has for nowadays studies.

Alena Serak. Sources about the history of the exile of Belarus natives to Siberia in 1863—1864.

This article is devoted to the analysis of sources about the history of the exile of Belarus natives to Siberia in 1863—1864. The author highlights four types of used historical sources: normative acts, file materials, personal sources (diaries, memories, letters), photo documents. Systemic analysis of sources allows uncovering changes in the legal status of detainees; clarify investigative commissions work in the procedure of establishing punishment; the procedure of transferring to exile; the problems of socio-cultural adaptation of the exiles in the system of economic, household, demographic and professional activities in different regions of Siberia in the period 1863—1883. The author has made preliminary conclusions that characterized the degree of problem's studying, outlined a range of basic questions which solution will make possible the creation of holistic picture of the studying problem.

Vadzim Urubleŭski. Violation of the Order of the Burial of the Dead as a Manifestation of Personal Relationships and Local Traditions in the Belarussian Village in the Last Third of the 19th c.

Based on the court documents from the National historical archive of Belarus the author to outline several groups of causes of the violation of the order of the burial of the dead in the Belarussian village in the last third of the 19th c., among them are misunderstandings on the basis of the difficult personal relationship between priest and parishioners, misunderstandings on the grounds of non-performance by one or both parties want to be religious or judicial requirements, misunderstandings on the grounds of ignoring a priest the conditions, which turned out to be a relative of the deceased, etc.

Zinaida Antanovich. Penances in the Record Management of the Orthodox Consistories Late 18th — Early 20th c. (Based on Archives 136 «Minsk Orthodox Consistory»).

The article deals with the regulatory framework, specifics of record management, the forms of punishments of clergy and private individuals for violating the dogmas of religion and the legislation of the Russian Empire. The author distinguishes three types of penances, depending on the degree of involvement of public authorities in their consideration: on charges of clergy and clergy in misconduct, private individuals for criminal offenses and violations of decency or dogmas of religion. The length of penance depended on the gravity of the crime or offense. In the first half of the 19th c. The forms of punishment were determined mainly based of dogmatic enterprise of the

Russian Orthodox Church. In the second half of the 19th c. definition of the penances' terms and forms for a number of cases involving private persons belonged to the local clergy.

Katsiaryna Dziarnovich. Form of the Record of the 18th c. in the Grand Duchy of Lithuania.

This article is about the specifics of the drawing up of various types of records. In particular, the specifics of the designation of the title of the various record, the author and the originator of the record, the designation of the addresses, the features of dating records, their authentic. Attention is also paid to the text of the record and its structure.

Andrei Latushkin. Acts of the 15th c. from the State Archives of the Grand Duchy of Lithuania in the Collection of the Russian Archaeographer P. A. Mukhanov (1797—1871).

The complex of originals of acts of the state archive of the Grand Duchy of Lithuania from 1387 to 1601 for the history of its existence lost about 30% of its volume. Some of the acts disappeared in the 19th c. from the archives of the princes of the Radziwills in Nieborów near Warsaw (at that time the complex of originals was kept there). The author of the article identified four acts of the 15th c. in the Russian State Library and the Russian State Archive of Ancient Acts in Moscow. It was established that they had previously belonged to the Russian archaeologist P. A. Mukhanov (1797—1871). Based on the analysis of archival numbers on documents and archival inventories that have been preserved, their provenience from the archive of the GDL and the archives of the Radziwill family are proved. The documents reflect the processes of the union of the GDL with Poland, as well as the relations with the rulers of Eastern Europe. One of the revealed acts is published: the act of oath of Prince Semyon Dmitrievich Drutsky in fidelity to the Polish king Vladislav Yagaila in the event of the death of Grand Duke Vitovt of January 26, 1401.

Michail Shumeyka. Belarusian State University in the Development of «Ecology of Culture» in the Republic.

The article analyzes the role of Belarusian State University, which he played in the development of the «ecology of culture» in the Republic, which in turn implies the establishment of a network of archival, library, museum, educational institutions, and the development of the local history movement.

Alena Makaranka. Integration of the Finding Aids of the Former Central Party Archives of the Communist Party of Belarus into the Information Retrieval System of the National Archives of the Republic of Belarus.

Due to the growing interest to the documentary information about the past, the problem of providing researchers with information about documents concentrated in the archives is actual. The possibility of effective using of archival documents depends on rational methods of creating, maintaining and improving the elements of the finding aids to archival documents. This article describes the current condition of finding aids and accounting of the former Central Party Archives of the Communist Party of Belarus, organizational, methodological and practical measures to integrate them into the information retrieval system of the National Archives of the Republic of Belarus in order to increase the efficiency of using the information potential of the archive.

Tatsyana Gyarnovich. Return of the Belarusian Documentary Values that Were Outside of the Republic of Belarus: Experience and Prospects.

The main purpose of the article is to determine the results of the activities of various institutions of the Republic of Belarus on the return of documentary values that have appeared outside its borders. The author has been considering since the 90s. 20th c. The results of the work of the state archives of the Republic of Belarus, Belarusian Research Institute of Records Management and

Archival Studies, Belarusian Research Centre for Electronic Records, the institutions of the Ministry of Culture of the Republic of Belarus, «Vjartanne» Commission of the Belarusian Cultural Foundation, the Belarusian State University, and the Interdepartmental Commission at the Council of Ministers of the Republic of Belarus to identify, study and introduce into the scientific and cultural circulation of cultural Values that are outside Belarus. The article contains information on the problems encountered in the creation of the Register of Cultural Valuables, found outside the Republic of Belarus. As a basis for identifying documents abroad, the Concept for the Identification, Description, Accounting and Use of Documents on the History and Culture of Belarus, Stored Abroad and the Consolidated Information Resource «Archival Belarusika» is proposed. It is noted that the main unresolved problems are: the absence of separate legislation on the problem of the return of Belarus and the real mechanism of interdepartmental interaction.

Vasil Barbarchuk. Inspection of Authenticity as a Part of the Documents Value Examination.

Inspection of authenticity is a vital part of the documents value examination. This provision is backed by Belarusian legislation acts in records management area. Document in need of additional authenticity inspection should be selected during initial classification of the records. Inspection of authenticity should be conducted during documents value examination before transfer to an archive. For example authenticity inspection for contracts contains at least four stages: evaluation of registration records, evaluation of document forms, inspection of signatures and other hand writings, inspection of stamps. Discovered evidences of forgeries should be immediately recorded in a manner suitable for further legal actions and investigation.

Yury Niestiarovich. The Complexity of Building the System of Terms of Records Management and Archival Science in Connection with Distinction between Standardized Terms and terms Denoting Concepts of Scientific Theories.

The article substantiates the need for the coordination of terminology standards for records management and archive business and terms and terminology of records management and archival science. The Proposed principles of terminosistemy records management and archival on a scientific basis

Volha Ivanova. Dutch Manual (1898) and the Foundations of Modern Archival Science.

The article is devoted to the 120th anniversary of the publication of the book of the Dutch archivists, Samuel Muller, Johan Faith and Robert Fruin «Manual for the Arrangement and Description of Archives» (1898). For the first time in the Belarusian historiography made a detailed analysis of the history of creation, the basic ideas, the translations and editions of the Manual. It is called «the bible of modern archivists». He had a strong impact on the development of world archival science and principles of archival work. The article attempts to answer the question about the secret of longevity of this work, as well as the relevance to modern conditions.

Yulia Andreianova. Actual Problems of Archival Science Based on Terry Cook's Essays.

Studying of theory and practice of archival science is closely related with studying of research that are held by archivists, especially those who made major effort into the development of archival science. One of the most important figures in the archival science was Canadian archivist scientist, the author of macroappraisal method, who was a member of Royal Canadian Society — Terry Cook (1947—2014). Unfortunately, Terry Cook's publications have not been translated to the Russian language which as a matter of fact require additional effort to become familiar with his research. The author tries to make an overview of most known Terry Cook's articles in this article as well as to provide a short description of key points of his scientific research.

Stanislaŭ Rudovich. October 1917 in Belarus: Evidence of Participants and Eyewitnesses.

Evidence of participants and eyewitnesses of the October events of 1917 in Belarus is published: the leader of the Western Front Bolsheviks A.F. Myasnikov, his close companion V. G. Knorin, the Bolshevik commissar of the Minsk arms workshops in October 1917. J. F. Perno, memoirs of an unidentified person about the revolutionary events of 1917 in Vitebsk, fragments of statements by delegates from the seats at the Third Congress of Soviets of Workers and Soldiers Deputies of the Mogilev Province (January 1918) and the materials of a survey of peasants of a number of volosts in Mogilev Province, 10 years after the revolution.

Andrei Maximchik. «Belarusians, the Council Is Calling You...»: Creation and Activity of the Caucasian Regional Belarusian Council by Documents.

The article is written on the basis of documents of the Central State Historical Archive of Georgia (Fund No. 2091). It examines the activities of the previously unknown in the historiography of the Belarusian public cultural and educational organization of the Caucasian Regional Belarusian Council. The publication of documents is provided with a brief description of the documents of the archive fund and its history. Published documents allow you to trace the main activities of the Council, its links with other national organizations, illustrate the difficult situation of the Belarusian population, which for various reasons found itself in the Caucasus. Several documents disclose the structure and management of the organization. The new names of the participants of the Belarusian national movement have been introduced into the scientific turnover.

Andrei Latushkin. The Register of the State Archives of the Grand Duchy of Lithuania Dated November 26, 1623 and Its Significance for Reconstructing the Composition of the Complex of Original Acts of the Late 14th — Early 17th cc.

The article deals with the register of the State Archives of the Grand Duchy of Lithuania dated November 26, 1623, which was recently opened. The register is kept in the Central Archives of Historical Records in Warsaw (the fund of the Archive of the Nesvizh ordination of the princes of the Radziwills). The peculiarity of the register is its value not only for studying the composition of the books of the so-called «old» GDL Metric, but also for studying the complex of originals of state legal acts of the late 14th — early 17th cc.: peace agreements with united states; the acts of the Union of the GDL and the Kingdom of Poland; documents regarding the relationship between the GDL and the Holy See (papal bulls); and other groups of acts, total 93 acts for the period 1386 (?)/1387—1601 years. Previously published only part of the source, which covers the books GDL Metrica. The author claims that the register is the most important and so far the only source, so fully reflects the composition of the complex during its period of state storage. It provides an opportunity to establish the origin of the surviving acts, allows to prove their connection with the state archive of the GDL, and also make a list of lost acts of the state archive. The article contains the text of the specified part of the registry, which was not previously published.

Vladimir Buhert. «I have never been in the opposition...» (to the biography of A. A. Gromyko in 1926—1938).

The article is based on documents found in the Archive of the Russian Academy of Sciences. It is devoted to the initial period of life and activity of the famous statesman of the USSR, Minister of Foreign Affairs A. A. Gromyko.

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

«БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявуз'ёўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацыйнай артыкула да друку.
7. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
8. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць вучоныя рады БелНДДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
9. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
10. Рукапіс завярэецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
11. Артыкул забяспечваецца анатацыйнай на беларускай (рэзюмэ), рускай (рэзюмэ) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
12. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.

13. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главой 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).
14. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
15. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск,
arheograph@belniidat.by

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

<i>М. Ф. Шумейко.</i> Документальные публикации о революционных событиях 1917 года в Беларуси.....	5
<i>С. В. Кулинок.</i> Партизанский фонд Национального архива... Фонд Белорусского штаба партизанского движения: формирование, состав, использование (<i>к 75-летию БШПД</i>).....	27
<i>А. А. Савіч.</i> Мікрагістарычныя аспекты гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі 1921—1939 гг. (<i>на прыкладзе ліста У. А. Палуяна да М. С. Арэхвы ад 28 чэрвеня 1962 г.</i>).....	38
<i>А. А. Савинов.</i> Делопроизводство Государственной думы Российской империи.....	49
<i>А. В. Бурачонак.</i> «Агляды губерняў» як крыніцы для вывучэння прамысловага развіцця беларускіх губерняў у канцы XIX — пачатку XX ст.....	57
<i>Д. Ч. Матвейчык.</i> Дзейнасць Аляксандра Мілавідава як даследчыка паўстання 1863—1864 гг.....	66
<i>Е. В. Серак.</i> Источники по истории ссылки в Сибирь участников восстания 1863—1864 гг. — уроженцев Беларуси.....	75
<i>В. В. Урублеўскі.</i> Парушэнне парадку пахавання памерлых як праява асабістых узаемаадносін і мясцовых традыцый у беларускай вёсцы апошняй трэці XIX ст.....	83
<i>З. В. Антановіч.</i> Прызначэнне епітым'яў у справаводстве прываслаўных кансісторый канца XVIII — пачатку XX ст. (<i>на матэрыялах архіўнага фонду 136 «Мінская прываслаўная духоўная кансісторыя»</i>).....	93
<i>Е. П. Дэрновіч.</i> Формуляр документа XVIII в. в Великом Княжестве Литовском.....	104
<i>А. М. Латушкін.</i> Акты XV ст. з дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографа П. А. Муханава (1797—1871).....	114
<i>М. Ф. Шумейко.</i> Белорусский государственный университет в деле формирования экологии культуры в стране.....	128
<i>Е. А. Макаренко.</i> Интеграция научно-справочного аппарата бывшего Центрального партийного архива (ЦПА) КПБ в информационно-поисковую систему Национального архива Республики Беларусь.....	136
<i>Т. Д. Герновіч.</i> Возвращение белорусских документальных ценностей, оказавшихся за пределами Республики Беларусь: опыт и перспективы.....	150
<i>В. А. Барбарчук.</i> Проверка подлинности реквизитов документов при экспертизе ценности документов.....	159
<i>Ю. В. Нестерович.</i> О сложности построения терминосистемы документоведения и архивоведения в связи с различием	

стандартизуемых терминов и терминов, обозначающих понятия научных теорий.....	169
<i>В. С. Иванова.</i> Падручник нідэрландскіх архівістаў (1898 г.) і асновы сучаснага архівазнаўства.....	180
<i>Ю. А. Андреева.</i> Актуальные вопросы архивоведения на примере работ Терри Кука.....	196
ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ	
<i>С. С. Рудовіч.</i> Кастрычнік 1917 года ў Беларусі: сведчанні ўдзельнікаў і выдавочаў.....	203
<i>А. М. Максімчык.</i> «Белоруссы, Рада зовет вас...»: стварэнне і дзейнасць Каўказскай Краёвай Беларускай Рады ў дакументах.....	230
<i>А. М. Латушкін.</i> Рэстр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. і яго значэнне для рэканструкцыі складу комплексу арыгіналаў актаў канца XIV — пачатку XVII ст.....	247
<i>В. Г. Бухерт.</i> «В оппозициях никогда не был» (к биографии <i>А. А. Громыко. 1926—1938 гг.</i>).....	265
РЭЦЭНЗІІ	
<i>В. С. Пазднякоў.</i> Новае дасягненне беларускай кампаналогіі.....	271
ПОСТАЦІ	
<i>С. В. Кулинок.</i> С юбилеем, Василий Александрович! (к 80-летию со дня рождения <i>В. А. Дмитренко</i>).....	275
<i>С. В. Кулинок.</i> К 70-летию Галины Ефимовны Терешко.....	276
<i>М. А. Старостенко.</i> Служение архиву (к 70-летию юбилею <i>Надежды Петровны Дзюбы</i>).....	277
<i>К 70-летию</i> Кирьяновой Надежды Николаевны.....	278
<i>О. А. Ледовская.</i> К юбилею Ольги Владимировны Бирюковой.....	279
<i>О. И. Шершень.</i> 60 лет Петру Федоровичу Жилинскому.....	280
<i>О. В. Бирюкова.</i> К юбилею Татьяны Владимировны Столиной.....	281
<i>В. П. Коханко.</i> Памяти Николая Михайловича Лобыря (14.09.1917—24.11.1989).....	282
<i>В. П. Коханко.</i> Памяти Константина Николаевича Колосова (25.12.1917—21.11.1977).....	284
<i>Е. М. Бондарева.</i> Историк, архивист, краевед... (к 90-летию со дня рождения <i>З. А. Журавлевой</i>).....	286
<i>С. В. Жумарь.</i> Слово об Александре Николаевиче Михальченко (19.08.1947—12.02.2012).....	287
Рэзюмэ.....	289
Резюме.....	295
Summary.....	301
Правілы для аўтараў.....	306

CONTENTS

ARTICLES

<i>M. Shumeyka.</i> Documentary Publication on the Revolutionary Events of 1917 in Belarus.....	5
<i>S. Kulinok.</i> Partisan's Fund of the National Archive...: the Fund of Belarusian Headquarters of the Partisan Movement: the Formation, Composition, Use (to the 75 th Anniversary of the Creation of the BSPD).....	27
<i>A. Savich.</i> Microhistorical Aspects of Historiography of the History of Western Belarus 1921—1939 (on an Example of a Letter by <i>V. A. Pohuyan</i> to the <i>N. S. Oreho</i> at 28 June 1962).....	38
<i>A. Savinaï.</i> Records Management of the State Duma of the Russian Empire.....	49
<i>A. Burachonak.</i> «Surveys of Governorates» as a Source for the Study of Industrial Development of the Belarusian Provinces in the Late 19 th — Early 20 th c.	57
<i>D. Matveichyk.</i> Aliaxandr Milavidaï's Work for Studying of the 1863—1864 Uprising.....	66
<i>A. Serak.</i> Sources about the history of the exile of Belarus natives to Siberia in 1863—1864.....	75
<i>V. Urubleïski.</i> Violation of the Order of the Burial of the Dead as a Manifestation of Personal Relationships and Local Traditions in the Belarusian Village in the Last Third of the 19 th c.....	83
<i>Z. Antanovich.</i> Penances in the Record Management of the Orthodox Consistories Late 18 th — Early 20 th c. (Based on Archives 136 «Minsk Orthodox Consistory»).....	93
<i>K. Dziarnovich.</i> Form of the Record of the 18 th c. in the Grand Duchy of Lithuania.....	104
<i>A. Latushkin.</i> Acts of the 15 th c. from the State Archives of the Grand Duchy of Lithuania in the Collection of the Russian Archaeographer <i>P. A. Mukhanov</i> (1797—1871).....	114
<i>M. Shumeyka.</i> Belarusian State University in the Development of «Ecology of Culture» in the Republic.....	128
<i>A. Makaranka.</i> Integration of the Finding Aids of the Former Central Party Archives of the Communist Party of Belarus into the Information Retrieval System of the National Archives of the Republic of Belarus.....	136
<i>T. Gyarnovich.</i> Return of the Belarusian Documentary Values that Were Outside of the Republic of Belarus: Experience and Prospects.....	150
<i>V. Barbarchuk.</i> Inspection of Authenticity as a Part of the Documents Value Examination.....	159
<i>Yu. Niestsjarovich.</i> The Complexity of Building the System of Terms of Records Management and Archival Science in Connection with Distinction between Standardized Terms and terms Denoting Concepts of Scientific Theories.....	169

<i>Contents</i>	311
<i>V. Ivanova. Dutch Manual (1898) and the Foundations of Modern Archival Science</i>	180
<i>Yu. Andreianova. Actual Problems of Archival Science Based on Terry Cook's Essays</i>	196
PUBLICATIONS OF DOCUMENTS	
<i>S. Rudovich. October 1917 in Belarus: Evidence of Participants and Eyewitnesses</i>	203
<i>A. Maximchuk. «Belarusians, the Council Is Calling You...»: Creation and Activity of the Caucasian Regional Belarusian Council</i>	230
<i>A. Lauushkin. The Register of the State Archives of the Grand Duchy of Lithuania Dated November 26, 1623 and Its Significance for Reconstructing the Composition of the Complex of Original Acts of the Late 14th — Early 17th cc.</i>	247
<i>V. Buhert. «I have Never Been in the Opposition...» (to the Biography of A. A. Gromyko in 1926—1938)</i>	265
REVIEWS	
<i>V. Pazdniakou. A New Achievement of Belarusian Campanology</i>	271
PERSONALITIES	
<i>S. Kulinok. With the Jubilee, Vasily Alexandrovich! (on the Occasion of the 80th Anniversary of the Birth of V. A. Dmitrenko)</i>	275
<i>S. Kulinok. On the 70th Anniversary of Galina Efimovna Tereshko</i>	276
<i>M. Starastsenka. Archives Service (on the 70th Anniversary of Nadezhda Petrovna Dzyuba)</i>	277
<i>On the 70th Anniversary of Nadezhda Nikolaevna Kiryanova</i>	278
<i>V. Liedaŭskaya. On the Anniversary of Volga Uladzimirauina Birukova</i>	279
<i>V. Shershan'. On the 60th Anniversary of Piotr Fedorovich Zhilinsky</i>	280
<i>V. Birukova. On the Anniversary of Tatyana Vladimirovna Stolina</i>	281
<i>U. Kahanko. In Memory of Nikolai Mikhailovich Loby' (September 14, 1917 — November 24, 1989)</i>	282
<i>U. Kahanko. In Memory of Konstantin Nikolayevich Kolosov (December 25, 1917 — November 21, 1977)</i>	284
<i>A. Bondarava. Historian, Archivist, Local Historian... (on the 90th Anniversary of Z. A. Zhuravleva)</i>	286
<i>S. Zhumar. A Word about Alexander Nikolaevich Mikhalchenko (August 19, 1947 — February 12, 2012)</i>	287

Навуковае выданне

Беларускі археграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 18

Рэдактары: *Т. М. Мальцава, Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*
 Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванова*

Падпісана да друку 14.11.2017. Фармат 60×84¹/₁₆.
 Папера Mondi Economu 65 г/м². Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 18,13.
 Улік.-выд. арк. 20,36. Тыраж 100 экз. Зак. 8.

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДЦДАС).
 Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы і распаўсюджвальніка
 друкаваных выданняў ад 24.03.2014. Нумар у Дзяржаўным рэестры выдаўцоў, вытворцаў
 і распаўсюджвальнікаў друкаваных выданняў Рэспублікі Беларусь № 1/229.
 Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.